

ПОДЪЁМ
РЕГИОН

Истоки

Этнокультурные
особенности
Воронежского
края

Воронеж ■ 2014

Издается в рамках подпрограммы «Этнокультурное развитие Воронежской области» государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 – 2020 годы

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Составитель *В.В. Будаков*
Редактор *В.Е. Новохатский*

Истоки. Этнокультурные особенности Воронежского края. – Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2014. - 336 с.

Издательский проект ГБУК ВО «Журнал «Подъём» рассказывает об этнокультурных особенностях Воронежского края, о заселении региона, о жизни и традициях наших предков. В статьях ученых, произведениях классиков, связанных с воронежской землей, в творчестве современников, в высказываниях отечественных и зарубежных авторов о русском мире читатель найдет слова, несущие любовь и надежду, мир и созидание, слова благодарности ушедшим поколениям и родному языку, благородное понимание истории, «какой нам Бог ее дал».

ISSN 0130-8165. «Подъём»-регион, 2014 г., 1-336.

	От составителя	5	
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	Владимир ГЛАЗЬЕВ. Нити неразрываемые. (Переселение украинцев в российское Черноземье). И грянул бой! Полтавский бой!	7	
	Аркадий МИНАКОВ. Русский вопрос	14	
	Культура народа и вызовы цивилизации. Беседа главного редактора журнала «Подъём» Ивана ЩЁЛКОВА с главой администрации Лискинского муниципального района Виктором ШЕВЦОВЫМ	19	
	Павел ПОПОВ. Слово «усмань» – восточнославянская загадка.	24	
	Андрей СУПИТАЛЕВ. Следы далеких предков. (Послесловие к статье российского коллеги)	37	
	Сергей ФИЛОНЕНКО. Воронеж в Великой Отечественной войне.	39	
	Олег ЛАСУНСКИЙ. Перо и штык. (Литературная жизнь Воронежа в 1941 – 1942 гг.)	48	
	Урузмаг БЕСТАЕВ. Подвиг на Чижовском взгорье.	62	
	Эдуард ЕФРЕМОВ. Мы все немножечко славяне.	64	
	Любомир РАДИНОВИЧ. Будемте людьми!	70	
	Татьяна МАЛЮТИНА. Брат мой. (Тарас Шевченко и Николай Костомаров)	73	
	Татьяна МЕГИРЬЯНЦ. В контексте культур.	80	
	Петр ЧАЛЫЙ. Тарасова родня.	84	
	Виктор БЕЛИКОВ. Брел чумака за возом.	93	
	Евгений НОВИЧИХИН. Бесценней всех реликвий. Не изменить себе.	97	
	Иван АБРОСИМСКИЙ. Черпая кистью лазурь небес.	107	
	Владимир НОВОХАТСКИЙ. Не затеряться светлым душам на земле.	110	
	Людмила БОБРИЦКИХ. За все люди твоя... (О повести Ивана Евсеенко «Паломник»)	119	
	ИМЕНА	Григорий Сковорода, философ славянский. Григорий СКОВОРОДА. Старуха и горшечник.	125
		Митрополит Евгений (Болховитинов) – историк и пастырь Евфимий БОЛХОВИТИНОВ. Историческое сведение о городе Воронеже.	131
Поэт-декабрист Кондратий Рылеев. Кондратий РЫЛЕЕВ. Петр Великий в Острогжске.		140	
Александр Никитенко – академик из деревни. Александр НИКИТЕНКО. Мое воронежское сидение. ...		144	
Поэт и философ Дмитрий Веневитинов. Дмитрий ВЕНЕВИТИНОВ. Моя молитва.		147	
Народный поэт Алексей Кольцов. Алексей КОЛЬЦОВ. Ночлег чумаков.		149	
Муза Евдокии Ростопчиной. Евдокия РОСТОПЧИНА. Князю В.Ф. Одоевскому.		153	

Философ и поэт Николай Станкевич.	
Николай СТАНКЕВИЧ. Кремль	159
Историк, поэт Николай Костомаров.	
Николай КОСТОМАРОВ. Князь Владимир святой	162
Народный поэт Иван Никитин.	
Иван НИКИТИН. Русь	169
Жизнь и сказка Александра Афанасьева.	
Александр АФАНАСЬЕВ. Об археологическом значении «Домостроя»	173
Издатель, журналист, писатель Алексей Суворин.	
Алексей СУВОРИН. Из автобиографических заметок. Украинофилы	187
Вождь передвижников Иван Крамской.	
Иван КРАМСКОЙ. О себе и своем творчестве. «Христос в пустыне»	194
Геополитик Андрей Снесарев.	
Андрей СНЕСАРЕВ. Из писем жене. (С полей сражений Первой мировой войны)	199
Нобелевский лауреат Иван Бунин.	
Иван БУНИН. Святые горы	204
Поэт, прозаик, переводчик Самуил Маршак.	
Самуил МАРШАК. Путь славы	210
В Воронеж сосланный поэт Осип Мандельштам.	
Осип МАНДЕЛЬШТАМ. «Эта область в темноводье...»	212
Евген Плужник, поэт из Кантемировки.	
Евген ПЛУЖНИК. «Я знов на хуторі...»	214
Гений из Ямской слободы Андрей Платонов.	
Андрей ПЛАТОНОВ. Одухотворенные люди	219
Навсегда юный поэт Василий Кубанев.	
Василий КУБАНЕВ. «Изумруды всех семян и зерен...» ..	228

НАСЛЕДИЕ

Геннадий КОВАЛЕВ. Родные корни	231
Галина СЫСОЕВА. Где староста с буярином, там и сват с дружкой. (Особенности традиционной культуры Богучарского района)	239
Татьяна ПУХОВА. Откуда наши песни	252
Галина ХРИСТОВА. Песенные традиции в воронежских селах	257

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК

«Эту неяркую землю каждой кровинкой люблю...»	
Стихотворения воронежских поэтов.....	265

О РУССКОМ МИРЕ

«Ты один мне поддержка и опора...»	
Размышления отечественных и зарубежных авторов....	321

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

На стыке тысячелетий, в суетное время новых кордонов, новых прельщений, рассчитанных на коварный раздел народов, нам по-настоящему может помочь прежде всего память. Строгая, ответственная память об исторических, культурных, социальных судьбах предков. Память о нас же, вчерашних и давно ушедших. Не умильно ласкающая наше трудное общее прошлое или агрессивно его отмечающая. Но – с открытыми глазами!

Разумеется, и сегодняшний день для будущих поколений когда-то станет памятью. Она сохранит в себе не только душевный свет, но и трагическое ожесточение сегодняшнего мира.

По ночам XXI века, года четырнадцатого, многие из нас просыпаются от гула разрывов снарядов и бомб в Луганске и Донецке. Разумеется, они не доносятся до нашего города, но внезапное просыпание или вовсе бессонные ночи происходят именно от этого. С предгорий Карпат до терриконов Донбасса накатывают волны ненависти и зла. Современные хароны пытаются направить корабль цивилизации к берегу, где возгосподствует «порядок» разрушительства, нетерпимости к инакомыслию, затеется рознь в большом русском доме. Подталкивают их к этому архитекторы однополярного приатлантического проекта.

Русский мир противостоит лукавым, двустандартным соблазнам и требованиям Запада. Это он, русский мир, из века в век преподавал образцы подвига и жертвы, сострадания и милосердия, бескорыстного справедливого мироустроительства, при котором горестная слезинка ребенка равнозначна катастрофе вселенской.

Исторические судьбы славянства, их путь и бытие, их будущее глубоко занимали сердце и мысль Пушкина, Тютчева, Достоевского. Надежды и упования национальных пророков отчасти не оправдались, тревожные предостережения во многом стали печальной реальностью. У славянского айсберга, который ныне дрейфует в осколках, в трещинах глобализованного человечества, с его техногенными, экологическими, социальными потрясениями, – своё угадываемое предначертание, своё будущее.

Славянская культура созидательна и человекообъединительна. Её творцы – в ареопаге культуры всемирной. В старинной русской повести есть такие слова: «Русь не желательна суть на кровопролитье, но суть миролюбце, ожидающе правды». Православный русский, восточнославянский мир всегда тяготел к устройению родной земли, но не к розни. В статье «Россия: национальный вопрос» глава нашего государства Владимир Путин подчеркивал: «Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой-чужой» определяется общей культурой и общими ценностями... Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь...

Мы будем укреплять наше «историческое государство», доставшееся нам от предков. Государство-цивилизацию, которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий.

Мы веками жили вместе. Вместе победили в самой страшной войне. И будем вместе жить и дальше».

Русские, украинцы, белорусы (единая Русь) – это ветви единого древа, дополняющие друг друга. Нас объединяет история – корни родства. Имена больших славянских деятелей культуры и литературы, их творчество, за единичными исключениями, призывают к добру и милосердию, а не к розни и разрушению. Культура подает надежду на мир, созидание и благоустройство нашего общего дома.

Данное издание рассказывает о наших предках, издревле обосновавшихся в Воронежском крае, их жизни и традициях на придонской чернозёмной земле, об известных именах и событиях восточного славянства, показывает его исторические, культурные, языковые реальности и особенности.

Нашей душе всегда присуще уважительное внимание к различным народам. И ныне на воронежской земле дружественно сосуществуют представители многих этносов, вероисповеданий, культур, которые благодарно не мыслят себя вне большого славянского поля.

Остается надеяться, что каждый, прочитавший эту книгу, найдет в ней слова, несущие любовь и надежду, мир и созидание, слова благодарности ушедшим поколениям и родному языку, благородное понимание родной истории, «какой нам Бог ее дал».

Виктор БУДАКОВ

Раздел «История и современность» содержит материалы исторической направленности и публицистические эссе, очерки и интервью, публикации ученых, писателей, журналистов о былой и нынешней жизни на земле Воронежской. Перед нами предстает исторический и современный облик родного края, его культурного пути, уклада, его зримого будущего. Прослеживается этнический, национальный аспект, прежде всего русско-украинский, а также другие этнокультурные особенности, связанные с воронежским регионом.

Владимир Глазьев,

*доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
Воронежского государственного
университета*

НИТИ НЕРАЗРЫВАЕМЫЕ

(Переселение украинцев
в российское Черноземье)

Часть территории нынешней Украины с 1569 года входила в состав Речи Посполитой – объединенного Польско-Литовского государства. В Русском государстве XVI – XVII веков украинских подданных Речи Посполитой называли черкасами. Черкасы принимались на службу русским правительством. В конце XVI века они участвовали в строительстве новых южнорусских крепостей, входили в состав их гарнизонов. Сами украинские переселенцы в челобитных называли себя иноземцами.

В 1630-1640 годах угнетение украинцев со стороны польской шляхты усилилось. На Украине резко обострились социальные и национальные противоречия. От притеснений страдали все слои украинского общества: казацкая старшина и мелкая шляхта, православное духовенство, городские жители (мещане), казаки и крестьяне. Это вызвало восстания украинского народа против гнета польских панов.

Многие украинцы искали спасения на территории Российского государства. Переселения украинских крестьян, мещан и казаков в Россию участились. В 1638 году на российскую территорию перешли три тысячи украинцев во главе с гетманом Яцком Остряниным – казаки прибыли с семьями, имуществом и скотом. Вскоре после этого еще десять тысяч черкас с семьями перешли российскую границу, о чем сообщал в челобитной переселенец Власко Иванкиев. Переселялись представители всех сословий украинского общества, жители разных украинских мест, при этом преобладали жители Левобережья Днепра.

После Смоленской войны 1632-1634 годов на юге России велось крупное оборонительное строительство, возводились крепости, они соединялись между собой непрерывными защитными линиями. В итоге к середине столетия была сооружена мощная преграда на пути вторжений крымских и ногайских татар – Белгородская черта.

Правительство царя Михаила Романова, затем его сына царя Алексея Михайловича нуждалось в людях для работ по сооружению крепостей и службы в новых оборонительных пунктах. Украинские переселенцы рассматривались русскими властями как важный резерв, призванный пополнять людские ресурсы. Украинцы, как правило, обладали военным опытом борьбы с набегами татар, были единоверцами-православными, их язык вполне понимали русские люди.

В наказах воеводам предписывалось не обижать переселенцев, не лишать их имущества, относиться ласково и с добротой, чтобы жестким обращением не вызвать разочарования в переходе на русскую территорию. Перейдя границу, украинцы оказывались под защитой центральных и местных властей. На требования польских послов вернуть переселенцев русское правительство непременно отвечало отказом.

Черкасы поселялись в городах-крепостях на южной границе Российского государства. Наравне с русскими людьми они использовались в строительных работах при сооружении Белгородской черты. С 1644 года усердские черкасы строили город Ольшанск: возили лес, копали ров, ставили острог, башни и часток. Как и русские служилые люди, черкасы участвовали в боях с татарами.

В 1651 году на службе в городах и уездах по Белгородской черте числилось 975 черкас, в том числе в Белгороде, Короче, Цареве-Алексееве, Усерде, Ольшанске, Воронеже, Козлове. Большая группа украинских переселенцев – около двух тысяч человек – во главе с полковником Иваном Дзиньковским перешла границу в 1652 году. Черкасы вместе с русскими людьми были поселены в построенном в том же году Острогожске. В 1652 году отдельные группы черкас были поселены также в городах с русским служилым населением: Воронеже, Коротояке, Урыве.

Переселившиеся и поступившие на службу украинцы получали единовременное жалование деньгами и хлебом, их наделяли землей под дворы, огороды, пашни и луга. Черкасы обеспечивались оружием и боеприпасами наравне с русскими служилыми людьми. За несение службы они получали ежегодное денежное и хлебное жалование.

При наделении жалованием черкасы приравнивались к русским служилым полковым казакам. Более высокий денежный и земельный оклад имели переселившиеся в Россию шляхтичи, которых причисляли к российским дворянам и детям боярским.

Украинским переселенцам в России предоставлялся ряд льгот: беспошлинная торговля, освобождение от некоторых налогов, свободное занятие промыслами. Например, в 1639 году украинские переселенцы, служившие в Усерде, получили право свободно охотиться и ловить рыбу в степных речках. В 1640 году черкасы города Воронежа получили рыбные ловли и угодья на реке Красная Девица.

Российское государство предоставляло украинским переселенцам возможность сохранить свои обычаи, уклад, полковое устройство. Из числа украинских переселенцев было сформировано пять черкасских полков: Острогожский, Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский. Полки подчинялись воеводе Белгородского полка, крупного воинского соединения, сформированного на южных

окраинах России. Каждый из черкасских полков возглавляли полковники, которых выбирали сами черкасы. Их выбор впоследствии утверждался российским правительством. Полковник являлся военным командиром и главным судебно-административным лицом полка.

В ведении полковника находились черкасы, проживающие в разных городах. Например, в Острогжском черкасском полку служили не только черкасы, размещенные в Острогжске, но и живущие в Куротояке, Ольшанске, Урыве, Усерде, Воронеже, Землянске, Короче, Ливнах, Новом Осколе, Новом Полатове, Полатове, Старом Осколе, Талецком, Чернавске. Названные пункты назывались городами Острогжского полка. Максимальная численность Острогжского полка во второй половине XVII века составляла 2300 человек. Черкасы во главе с полковниками участвовали в боевых походах против Речи Посполитой, Турции, в Крымских походах, Азовских походах и Северной войне против Швеции.

В 1660 году черкасы жили в 16 городах по Белгородской черте. Они разделялись на три категории. Полковые черкасы были обязаны участвовать в дальних военных походах в составе русской армии. Городовые черкасы несли гарнизонную службу в своих городах. Пахотные черкасы службы не несли, а занимались сельским хозяйством.

После завершения строительства Белгородской черты черкасы имели возможность поселиться на землях, защищенных новой оборонительной линией. В 1660 году около тысячи черкасских семей под руководством атамана Осипа Дашкеева, спасаясь от татарских набегов, нашли незанятую землю к северо-западу от Воронежа. По их просьбе в 1661 году здесь был построен новый русский город Землянск.

Значительно больше черкас переселялось в районы, примыкающие к Белгородской черте с юга. После Переяславской рады переселения украинцев с левобережья Днепра в Россию происходили в рамках одного государства. Для укрепления обороны российское правительство поощряло заселение берегов рек Северского Донца и Оскола, где в 1650-1670-х годах возникли города, заселенные русскими людьми и черкасами.

Правительство было заинтересовано в том, чтобы между русскими людьми и черкасами не возникало розни, национального неприятия и отчуждения. В царских грамотах воеводам предписывалось действовать так, чтобы украинские переселенцы и русские не разделялись, а «соединились и в любовь, и в совет, и в братство входили в неразрывное». Русское население благосклонно относилось к черкасам, с пониманием принимало их различия с русскими людьми в обычаях и жизненном укладе. Русские говорили, что у черкас такой же хлеб и соль, подчеркивая свою общность с переселенцами.

И ГРЯНУЛ БОЙ! ПОЛТАВСКИЙ БОЙ!

Более трех веков отделяют нас от Полтавской битвы. Русская армия под командованием царя Петра I разгромила непобедимую до тех пор шведскую армию Карла XII. День 10 июля (Полтавское сражение произошло 27 июня 1709 года по старому стилю) согласно закону считается в Российской Федерации Днем воинской славы. Победа под Полтавой стала одним из ключевых событий в истории нашей страны.

В начале XVIII века Россия вела тяжелую войну со Швецией за побережье Балтийского моря. Швеция в этот период представляла собой мощную в военном отношении державу, оказывавшую заметное влияние на европейскую поли-

тику. Во главе этого государства находился Карл XII, талантливый и прославленный полководец.

В 1706 году шведский король занял Саксонию. Союзник Петра I саксонский курфюрст Август II изменил России и перешел на сторону Швеции. В следующем году Карл XII повел свои войска в Речь Посполитую, чтобы впоследствии наступать на Россию. Шведский король предполагал одержать победу над русской армией, распустить вооруженные силы России, разделить страну на мелкие государства, часть русских земель присоединить к Швеции, на российский престол посадить иного государя.

Тактика Петра I сводилась к тому, чтобы «томить неприятеля» на территории Речи Посполитой, а в необходимый момент дать генеральное сражение на своей территории. От Пскова до Украины на полосе в 200 км шириной всюду было спрячено от неприятеля продовольствие и корм для коней, созданы лесные завалы. Местным жителям под угрозой смертной казни запрещалось возить хлеб на продажу шведам. По приказу Петра I к обороне были подготовлены Смоленск, Псков, Новгород, Петербург, Москва и Киев.

В июле 1708 года Карл XII нанес поражение русским войскам у Головчина. Он был настолько уверен в своей победе, что одного из генералов назначил губернатором Москвы. Но идти прямо на восток становилось все труднее. В новых схватках одерживали верх русские. Под селом Добрым в результате успешных действий русских гвардейцев противник потерял убитыми около трех тысяч солдат и шесть знамен. Узнав об этом, Карл XII от ярости рвал на себе волосы.

Шведская армия страдала от нехватки продовольствия и боеприпасов. По пути следования оставались раненые и умершие от болезней. Впервые в истории Северной войны в шведской армии отмечено дезертирство.

Изнурительный поход, бои с русской армией вынудили Карла XII отказаться от продвижения на Москву. Этот факт свидетельствует о том, что война стала развиваться по российскому сценарию. Рассчитывая на помощь гетмана Ивана Мазепы, а также крымских татар, шведский король решил вести свою армию на Украину. Гетман гарантировал Карлу XII поддержку населения Украины, помощь войсками, обещал продовольствие, теплые зимние квартиры для шведских солдат.

На помощь Карлу XII из Прибалтики спешил 16-тысячный корпус рижского губернатора генерала Левенгаупта. У деревни Лесной на территории современной Белоруссии корпус был разгромлен русскими полками, захватившими обоз с продуктами и боеприпасами. Примечательно, что по численности русские уступали противнику, тем более значима эта победа. Боевыми действиями руководил царь, проявив полководческий талант и личное мужество. Битва при Лесной, по словам Петра I, стала «матерью Полтавской победы». Левенгаупт привел к Карлу XII 6700 измученных и голодных солдат. Шведский король лишился сна, пребывая в унынии. Однако трезво оценить ситуацию Карл XII так и не сумел, вместо мирных переговоров безрассудно вел свою армию к предстоящей гибели.

На Украине к шведам присоединился гетман Иван Мазепа, коварно изменивший России. Гетман несколько лет имел контакты с противниками Петра I. Но царь всецело доверял Мазепе, не принимая во внимание сообщения о предательстве гетмана. Петр не поверил генеральному судье В.Л. Кочубею и полковнику И.И. Искре, извещавшим о предстоящей измене. Кочубей и Искра были переданы Мазепе, тот подверг их смертной казни.

Готовясь перейти на сторону Карла XII, Мазепа, не считаясь с интересами

украинского народа, преследовал личные цели, он был уверен в предстоящей победе шведского короля и низко оценивал вооруженные силы России. Но изменник жестоко просчитался.

С гетманом к шведскому королю вместо обещанных тридцати тысяч пришел немногочисленный отряд. В большинстве своем украинцы враждебно встретили иноземцев. К русскому командованию со всех сторон поступали сведения о сопротивлении шведам украинского населения. Украинские крестьяне нападали на шведские отряды и доставляли русскому командованию взятых в плен солдат. Местные жители ловили неприятельских шпионов, сами проникали в шведский стан для сбора сведений. Украинцы выступали проводниками русских отрядов, нападавших на шведов, сами вели партизанскую борьбу с солдатами Карла XII. Шведам с трудом удавалось добывать продовольствие.

Пораженный изменой гетмана царь приказал захватить его ставку – город Батурин. Кавалерия соратника царя А. Меншикова штурмовала и сожгла крепость, лишив изменника огромных запасов оружия и продовольствия. Был избран новый гетман Украины Скоропадский, последовательный сторонник России.

К народу Украины были обращены указы Петра I, раскрывающие предательство Мазепы. В Глухове была произведена театрализованная церемония лишения Мазепы гетманства и его заочной казни. Кукла, изображавшая Мазепу, была вздернута на виселице. Мазепу покидали уведенные им обманом к шведам и рядовые казаки, и представители украинской элиты, в частности, полковник Д. Апостол, полковник И. Галаган, генеральный хорунжий И. Сулима.

Царь предпринимал суровые меры, чтобы не допускать насилия со стороны войск по отношению к украинцам. Солдатам предписывалось не допускать «обид» местным жителям, «и ежели кто им учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады».

Шведский король имел замысел пробиться в сторону Москвы через Белгород и Тулу. Не исключалось нападение шведов на воронежские верфи. Но действия русской армии, партизанская борьба местных жителей мешали осуществлению планов Карла. Небольшой украинский город Веприк оказал ожесточенное сопротивление королю. Шведы при штурме крепости понесли огромные потери, сопоставимые с потерями в большом сражении.

В феврале 1709 года Петр I приехал в Воронеж. Он присутствовал на торжественной церемонии спуска на воду двух кораблей. Царь отдал распоряжение о переводе адмиралтейства в город Тавров, об укреплении Таврова. В Воронеже царь разрабатывал проект реформы местного управления – разделения России на новые административно-территориальные единицы – губернии.

В марте в Воронеж приехал А. Меншиков и другие русские военачальники. Состоялся военный совет, на котором был намечен план предстоящих военных действий в русско-шведской войне. До прибытия царя в армию следовало избегать большого открытого сражения со шведами, но одновременно всякими способами беспокоить противника, «всяко, по возможности, вредить». Из Воронежа Петр вниз по Дону на двухмачтовой бригаantine отправился в Азов. По пути было выбрано место для новой корабельной верфи в устье Осереды (ныне город Павловск).

Для Петра важно было не допустить вступления Турции в войну на стороне Швеции. Россия показывала свою дружбу и миролюбие по отношению к Османской империи. По приказу царя демонстративно уничтожались корабли, на самом деле были выбраны сгнившие и непригодные для плавания суда.

Стремясь не обострять отношения с Турцией, Петр I настроил против себя запорожских казаков. Запорожцы нападали на турецких купцов, что вызвало негодование со стороны Османской империи. Петр I отказал казакам в жаловании, в ответ часть запорожских казаков присоединилась к шведам, а царь приказал разрушить Запорожскую Сечь.

Из-под Азова Петр I выехал к русской армии. В начале апреля 1709 года Карл XII осадил украинскую крепость Полтаву с четырехтысячным гарнизоном. Король стремился привлечь на свою сторону крымских татар, а также ждал подкреплений из Речи Посполитой. Но русский корпус в Польше связывал действия врагов Петра, и помощь шведам на Украину не пришла.

Защитники крепости Полтава более двух месяцев мужественно отражали атаки неприятеля. Гарнизоном Полтавы командовал полковник А.С. Келин, проявивший стойкость и отвагу. Осажденные отразили 8 приступов, во время которых шведы потеряли три тысячи солдат. Между защитниками Полтавы и основными силами русских было налажено взаимодействие. С помощью бомб в крепость перебрасывали порох. В мае в осажденную Полтаву пробился русский отряд из 900 человек, которые пополнили ряды защитников крепости. Регулярные вылазки из крепости наносили урон осаждавшим. В критические моменты в обороне Полтавы принимало участие все население, женщины приносили на вал камни, кипящую воду – все, что могло помочь удержать город.

Царь энергично руководил подготовкой к решающему сражению. Вот некоторые из его распоряжений. По царскому приказу на липецких заводах в массовом порядке отливались бомбы, гранаты и ядра для русской артиллерии. В Белгород из Воронежа было послано 1000 пудов пороха.

Во время одной из кавалерийских стычек Карл XII был ранен украинским казаком в ступню. Главнокомандующим шведской армии был назначен фельдмаршал Реншильд. В то же время раненый король продолжал руководить боевыми действиями.

В середине июня русская армия вплотную приблизилась к шведской. Петр I выбрал удобную для битвы позицию. Часть поля боя была лесистой, что впоследствии помешало шведам, предпочитавшим открытую местность. На поле будущей битвы российскими солдатами были сооружены укрепления, затруднявшие действия противника.

Шведы начали атаку до рассвета 27 июня. Но внезапного нападения на русские позиции не получилось – разведка обнаружила шведов. Русская конница, которой командовал А. Меншиков, опрокинула неприятеля. Затем начался новый натиск шведов. Часть шведских войск пробилась сквозь укрепления, но оторвалась от основных сил и была уничтожена.

С десяти часов утра шведы и русские вновь сошлись в жестокой рукопашной схватке. В ходе боя был момент, когда противник смял один из русских батальонов. Тогда сам Петр, смертельно рискуя, повел в атаку батальон Новгородского полка. Наступление противника было остановлено, шведы обратились вспять. Во время битвы ядро раздробило носилки Карла XII. Его пересадили на лошадь, которая тут же была убита. С большим трудом короля вывели из того места, где он мог легко попасть в плен к русским.

Решающим моментом боя стала атака конницы А. Меншикова на правый фланг шведов. Шведское войско побежало. На поле боя противник оставил более девяти тысяч убитых, около трех тысяч шведов во главе с фельдмаршалом Реншильдом было взято в плен.

Накануне Карл XII заявлял, что будет обедать в шатрах русского государя.

По случаю победы Петр I устроил пир, пригласив на него пленных шведских генералов, и шутливо сокрушался, что король не выполнил обещания и не пожаловал на торжественный обед.

Русская армия преследовала неприятеля до Переволочины, где в плен сдалось около семнадцати тысяч шведов. Были захвачены вражеские знамена и пушки. Карлу XII и Мазепе удалось избежать плена и скрыться на турецкой территории. Шведский король приложит многие усилия, чтобы втянуть Османскую империю в войну с Россией.

Часть шведских пленных (около трех тысяч) была направлена в Воронежский край. Они приняли участие в строительстве новой крепости и корабельной верфи при впадении в Дон реки Осереды.

Непобедимая до того момента шведская армия была разгромлена. Российские воины снискали немеркнущую славу. Полтавская баталия ознаменовала решающий перелом в Северной войне.

Международное положение России после битвы существенно укрепилось. Петр I встретился с Августом II и заключил с ним новый оборонительный союз против Швеции и шведского ставленника на польском престоле. Договор с Россией заключила и Дания. Таким образом был восстановлен Северный союз, направленный против Карла XII. Более того, Россия обрела нового союзника, заключив договор с Пруссией.

В 1710 году русская армия одержала новые яркие победы. Она заняла крепости Ревель, Выборг, Рига; от шведских войск были освобождены Эстляндия, Лифляндия и Карелия. Усилилось российское влияние в Курляндии в результате брака курляндского герцога с племянницей Петра I Анной Иоанновной.

После Полтавы Россия стала великой европейской державой. Ее сухопутная армия доминировала над шведской. Но Карл XII упорно продолжал Северную войну, не соглашаясь на мирные предложения Петра I. Чтобы достичь победы, России было необходимо разгромить шведский флот. На это ушло еще двенадцать тяжелых лет после полтавской виктории.

Аркадий Минаков,

*доктор исторических наук, профессор
Воронежского государственного универ-
ситета, директор Зональной научной
библиотеки ВГУ, член Национальной
палаты Воронежской области*

РУССКИЙ ВОПРОС

Несколько лет назад, в ходе предвыборной кампании 2012 года, Президент Путин прочно ввел в политическое поле одну очень важную идею. Так, он заявил, что национальный вопрос для России носит фундаментальный характер, а его гармоничное решение является одним из главных условий самого дальнейшего существования РФ. При этом Путин констатировал бурный рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Президент охарактеризовал историческую Россию как «государство сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими». Россия в трактовке Президента является уникальной полиэтнической цивилизацией, скрепленной русским культурным ядром, а «русский народ является государствообразующим – по факту существования России». Давая определения русским как государствообразующему народу, Путин тем самым делал определенный шаг в создании условий для обсуждения вопроса. Дело в том, что в Конституции РФ упоминание о русском народе отсутствует, по-прежнему в официальных декларациях этнически русские не рассматриваются как самостоятельный субъект, чьи интересы должно учитывать государство, у них юридически нет национальной территории. У других этносов эти атрибуты есть. К примеру, в конституции Татарстана записано: настоящая конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа, способствует сохранению и развитию исторических, национальных и духовных традиций, культур, языков.

Президент Путин коснулся причин межнациональных столкновений между русскими и представителями иных этносов. К причинам столкновений он отнес отсутствие справедливости, безответственность и бездействие отдельных представителей государства, неверие в равенство перед законом и неотвратимость наказания для преступника, убеждение, что «все куплено и правды нет». Пожалуй, впервые на таком уровне признано, что проблемы вызваны не действиями мифических «русских фашистов», а системными проблемами: нерешенными социально-экономическими проблемами, пороками правоохранительной систе-

мы, неэффективностью власти, коррупцией и конфликтами на национальной почве. Более того, Путин признал, что проблема небезосновательно выглядит в глазах протестующих на Манежной площади и в Бирюлево следующим образом: «на исторических русских территориях ущемляются права русских, это говорит о том, что государственные структуры не выполняют своих прямых задач – не защищают жизнь, права и безопасность граждан». Фактически Президент признал остроту миграционной проблемы, констатировал, что нередко интересы мигрантов удовлетворяются за счет интересов и потребностей местного населения. Он отметил, что во многих «миграционно привлекательных» регионах и мегаполисах социальная инфраструктура, медицина, образование, рынок труда «сейчас работают на пределе».

Какой же выход? Рецептов у Президента оказалось не так много, хотя сами по себе они бесспорны. 1. Интенсифицировать процесс формирования нации и самоидентичности путем повышения роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история. 2. Государственная политика в области культуры должна задавать поведенческие образцы и нормы. Инструментами ее должны выступать телевидение, кино, Интернет, массовая культура в целом. 3. На порядок должно быть повышено качество миграционной политики государства. 4. Тот, кто приезжает в регионы с другими культурными, историческими традициями, должен с уважением относиться к местным обычаям. Всякое другое – неадекватное, агрессивное, вызывающее неуважительное поведение, должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют. 5. Самым жестким образом, без оглядки на чины и звания, оценивать действия или бездействие правоохранительных структур, органов власти, которые привели к межнациональному напряжению. 6. Нельзя допускать, чтобы возникали «замкнутые, обособленные национальные анклавные, в которых часто действуют не законы, а разного рода «понятия».

Осенью 2013 года в Москве прошел XVII Всемирный Русский Народный Собор. На соборе с программными речами выступили Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и ряд высокопоставленных представителей различных ветвей власти (например, руководитель Администрации Президента С. Иванов, председатель Конституционного суда В. Зорькин), видные деятели Православной Церкви и других конфессий, ученые, педагоги, писатели и т.д. Главной темой Собора оказался русский вопрос и межнациональные отношения. В частности, Патриарх Кирилл заявил: «Мы должны ясно и недвусмысленно сказать: симфония этносов, которая придает нашей цивилизации неповторимый облик, невозможна без участия в ней русских. Диалог народов, призванный внести гармонию в межнациональные отношения, не достигнет цели без присутствия в нем русских голосов, русского фактора». На площадках межнациональных дискуссий должен быть представлен и русский народ. Фактически Патриарх констатировал, что позиция русского большинства игнорируется, что глухота власть имущих к интересам и чаяниям миллионов русских, нежелание искать совместные решения проблем чрезмерной миграции и связанного с ней криминала, а также подчас вызывающего поведение приезжих уже сейчас выводят ситуацию на грань критической черты. Замалчивание русского вопроса ведет к лавинообразному росту маргинальных и агрессивных проявлений. Патриарх подчеркнул, что отчуждение русских от государства и руководства бизнесом,

т.е. власти и собственности, может стать крупнейшим фактором нестабильности, несущим угрозу фундаментальным основам нашей цивилизации (собственно, это и есть краткая формулировка русского вопроса!). Патриарх подверг критике как позицию радикальных русских националистов, так и русофобствующих ультра-либералов (которые сейчас, хотя и в меньшей степени бросаются в глаза, нежели еще несколько лет назад, но в целом по-прежнему определяют политический мейнстрим): «Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. Но мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть ее «Россией без русских», лишенной национального и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства. Подобный сценарий чреват катастрофическими последствиями не только для нашего государства, но и для всего мира». Разумеется, Патриарх подчеркнул: «ни один человек, принадлежащий к другому народу в России, не должен быть ограничен в своих правах, в своих возможностях. Одним из неперемennых условий межнационального согласия должно быть, во-первых, осуществление права народов нашей страны на этнокультурное развитие, при этом государствообразующий русский народ не может быть исключен из этого процесса». Представляется, что Патриарх озвучил то, что действительно думает русское большинство жителей нашего государства.

Отрадно слышать здравые мысли. Но все же верховная власть явно запаздывает с осознанием того, насколько опасно игнорировать «русский фактор». Для понимания всей остроты русского вопроса приведем некоторые очевидные, но, к сожалению, плохо осознаваемые факты. В результате ряда социальных и военных катаклизмов, произошедших в XX веке, русский народ оказался в ситуации тяжелейшего кризиса. Сейчас фактически начался процесс замены коренного славянского, финно-угорского и тюркского населения, составляющего ядро русской цивилизации, мигрантами.

Русские в своем большинстве оказались беззащитными перед лавиной проблем, обрушившихся на них в 1990-е годы. Они веками решали эти проблемы не через общинную или диаспорную организацию, сформированную по кровно-родственному признаку, а посредством государства. В результате, если государство игнорирует или недостаточно внимательно относится к их интересам, русские существенно проигрывают малым этносам, обладающим своей самоорганизацией, сложившейся веками. Возможностей политического, экономического, информационного, правового лоббирования своих интересов у этнических русских сейчас нет. Русские просто не имеют эффективных инструментов давления на безнациональную бюрократию, выросшую в традициях советского интернационализма и новорусского космополитизма. Поэтому все в большей и большей степени распространяется среди государствообразующего народа убеждение, что у них нет государства, которое защищало бы их интересы, а власть прислушивается только к интересам диаспор или космополитических корпораций. Русских слушают только в случае массовых волнений, как на Манежке или в Бирюлево. Значительная часть коренного населения России была охвачена недоумением, апатией, для русских характерно чувство унижения и фрустрации. События на Украине, воссоединение Крыма с Россией, борьба русских за свои права в Новороссии в известной степени «смягчили» подобные умонастроения. Но они в любой момент могут вновь обостриться по мере нарастания кризисных явлений в мире и стране.

В экономическом плане большинство русских оказалось в категории так

называемых «бюджетников», выполняющих важные государственные функции, но практически лишенных сколько-нибудь значимой собственности и вынужденных довольствоваться преимущественно нищенскими зарплатами (учителя, медики, ученые, инженеры и т.д.). Русское большинство не живет, а выживает. Графики роста зарплаты не должны вызывать иллюзий, значительная часть русских едва сводит концы с концами.

За «нулевые» годы во весь рост встала проблема внешней миграции, болезненно воспринимаемая русским большинством. Начинают складываться замкнутые национально-религиозные общины, которые не только ассимилироваться, но даже и адаптироваться отказываются. Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность. Где же выход?

Президент Путин, напомним, в первую очередь возлагает надежды на систему образования, средства массовой информации, учреждения культуры и т.д. Однако, не вдаваясь в подробности, отметим, что прежде всего в сфере образования – и в школе, и в вузах – нужны серьезные изменения, поворот к действенной модели национального образования и воспитания.

Что касается средств массовой информации, которые, по мысли Президента, должны способствовать проведению адекватной национальной политики, то значительная часть из них по-прежнему занимает ультралиберальную позицию, сформированную в 90-е годы. Было бы наивно думать, что подобная позиция характерна только для «Эха Москвы», «Новой газеты» и телеканала «Дождь». Несмотря на кадровые перетряски в крупных СМИ, известную их «патриотизацию», озвучивание того же «русского вопроса», основная масса журналистов, мировоззренчески сформировавшаяся в 1990-е годы, по сей день убеждена, что «термин «русский» нас разъединяет», а «принятие Православия – трагедия для России». В сфере культуры, как в массовой, так и «элитарной», мы наблюдаем все тот же «апофеоз» пошлости, навязывание различных форм девиантного поведения, сопротивление попыткам запретить введение ненормативной лексики в культурное пространство, латентную пропаганду различных форм нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. Вряд ли СМИ в том виде, в каком они функционируют сейчас, могут способствовать процессам национальной идентичности, скорее, наоборот.

Тем не менее, ход истории объективно ведет РФ к созданию национально-ориентированной государственности. После распада СССР во всех бывших республиках Советского Союза были созданы по сути дела национальные государства. Исключение составляет Российская Федерация, которая в плане национального устройства представляет собой редуцированную, усеченную ленинско-сталинскую модель СССР, с искусственными внутренними границами и национальными республиками, чреватую распадом. При этом русские в РФ составляют огромное национальное большинство 80 % населения, около 116 миллионов.

Таким образом, определенные внутренние условия для создания национальной государственности имеются. Вопрос в том, какой будет эта государственность: авторитарно-шовинистической или демократической. Национальная демократия, солидарное общество возможны, когда как отдельные граждане, так и регионы будут обладать равными политическими и экономическими правами, что предполагает соблюдение реального равноправия в политической, экономической, правовой, культурной сфере – соблюдение элементарных пропорций. Если мы строим правовое демократическое государство – значит, власть должна учи-

тывать и формулировать и русские интересы, а не только голоса влиятельных национальных диаспор и корпоративных лоббистов. Если целью государства является благополучие большинства нации, государственнообразующих «бюджетников» – государство должно вывести капиталы из оффшорных зон, бороться с коррупцией на деле, а не словах, собирать эффективно налоги, вводить прогрессивный налог, средства эти общеизвестны. Резервный фонд должен работать не на интересы глобального капитала, а финансировать проекты внутри России. И т.д. Будет в России хорошо русскому большинству – будет хорошо и всем другим этносам. Солидарное общество возможно только как общество и социальной и национальной справедливости, где большинство русских не будут отчуждены от власти и собственности, где их национальные чаяния и проблемы будут учитываться и решаться. В противном случае перекосы в национальной и социальной сфере действительно породят чудовище не мифического, а реального национал-социализма. Возникновение его будет только вопросом времени. Пример Украины весьма показателен. Современная власть должна усвоить три урока русской истории, как при полном равнодушии народа государство, игнорирующее интересы этого самого народа, распалось в три дня в феврале 1917 года и в августе 1991-го, и как при полном равнодушии со стороны РФ десятилетиями происходило ускоренное «перекодирование» лишенных национального самосознания этнических русских на Украине и превращение их в «свидомых укров», ненавидящих всё русское.

КУЛЬТУРА НАРОДА И ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Беседа главного редактора журнала «Подъём», члена Союза писателей России Ивана Щёлокова с главой администрации Лискинского муниципального района Воронежской области Виктором Шевцовым

-Виктор Владимирович, наверняка для вас существуют приоритеты в работе. Какое место в этом строю принадлежит культуре, сохранению ее традиций, развитию?

– Мне на каком-то этапе казалось, что в условиях рыночных отношений как глава района я буду заниматься исключительно вопросами социальной сферы – народным образованием, здравоохранением, культурой, спортом, коммунальным хозяйством, то есть всем тем, чем и должна заниматься власть при развитии частной собственности. А на практике оказалось по-другому. Сегодня я занимаюсь вопросами производства даже больше, чем при советской плановой экономике. Производственные проблемы не «отпустили» меня, наоборот, поглотили без остатка. Все объясняется просто. Производственная сфера – это рабочие места, налоги, те самые первичные основы, на которых строится эффективная социальная политика территории. Ради этого и создана власть.

Если передо мной одновременно станет выбор: срочно бежать в школу или на предприятие, не удивляйтесь, но я побегу на предприятие. Для главы района с точки зрения перспективы это решение важнее. Производственные проблемы без участия главы района не всегда решишь. Своевременно не вмешаешься – потеряешь выгоду на годы. Весь мир борется за сохранение рабочих мест и стабильные налоговые источники, благодаря которым содержатся и школы, и другие бюджетные учреждения. Благополучие сельской культуры тоже напрямую зависит от уровня развития современного производства. С этим стоит считаться. А школу я тоже не брошу и завтра помогу ей.

Тем не менее, я не ранжирую дела по их важности. Для меня важно все, что нужно людям. Без культуры, спорта (я сюда же добавляю еще работу коммунальных предприятий, например, те же бани и некоторые другие нужные людям

неприбыльные объекты) человеческое общество не может ощущать себя полноценным и здоровым. Может, кто и улыбнется над моими словами, но я горжусь, что в наше время в Лисках на 55 тысяч населения успешно функционируют несколько муниципальных бань. Власть должна эти сферы поддерживать. И не такие уж дорогие они. Дорогие они для тех, кто не хочет ими системно заниматься.

Мне вспоминаются 90-е годы прошлого века. Труднейшие времена, полная неясность, в каком направлении будет развиваться общество. До культуры ли тут, до спорта, когда целые заводы остановились, сельхозпредприятия банкротились, еды людям не хватало! А мы у себя в Лискинском районе так не думали. Полностью сохранили культурные и спортивные объекты. Сегодня в райцентре и в селах нет ни единого учреждения культуры и спорта, чтобы туда было стыдно зайти. Сохранили не только крупные, как правило, двухэтажные Дома культуры, но и небольшие сельские клубы. В кризисные годы их ремонтировали. С фундамента переделывали. Было нелегко, но было и понимание: махнем рукой, позволим разбазарить эти помещения, потом не восполним потери никогда. Хутор Никольский, села Залужное, Лиски, Переезжее, оба Селявных, Аношкино... Все адреса культурного возрождения не перечислишь. Сегодня какие-то клубы работают лучше, какие-то хуже. Но они есть. И кадры сохранены. А вот наполнить работу клубов интересным, общественно полезным содержанием – это уже задача районного отдела культуры.

– Кризис 90-х миновал. Наверное, стало легче. Можно ли расслабиться, передохнуть?

– Думаю, что нет. Стало легче, не отрицаю. Но что еще лет десять-пятнадцать назад казалось пределом мечтаний, со временем оказалось лишь очередным шагом к более совершенному.

Несколько лет в Воронежской области успешно действовала программа возрождения сельских учреждений культуры. Ее появление – совместная инициатива некоторых глав районов и департамента культуры Воронежской области. Между собой эту программу мы называли «50 на 50». Пятьдесят процентов денежных средств на ремонт Домов культуры и клубов выделял областной бюджет, пятьдесят процентов – местный. Наш район принимал активное участие в программе. Благодаря этому мы отремонтировали помещения Домов культуры в селах Нижний Икорец, Высокое, Троицкое. Затем разразился мировой кризис. С 2009 года программа была свернута. Но мы у себя работу по восстановлению объектов культуры не прекратили, успешно продолжаем.

Губернатор Воронежской области А.В. Гордеев знает о реальном положении дел в сельской культуре и поддерживает инициативу с мест. На заседании областного правительства была рассмотрена и принята программа развития культуры села. Лискинцы вошли в нее четырем объектами – Трясоруковским, Вознесенским, Ермоловским и Старохворостанским Домами культуры. Короче говоря, ежегодно в районе реконструируются, основательно ремонтируются 3 – 4 объекта культуры.

В последнее десятилетие не остался без развития культурной сферы и город Лиски. Я не представляю, как бы сегодня в бывшем Доме культуры железнодорожников мы разместили свою культуру. Мы взяли его себе на баланс и отдали в аренду Воронежскому государственному университету. Там теперь его очный филиал. Здание уже за свои шесть десятков лет устарело, и мы построили современный Дворец культуры, куда по вечерам за неделю приходят до полтора тысяч самодельных артистов оттачивать свое мастерство. Открыли также краеведческий музей. Ввели в строй три футбольных поля с искусственным покрытием, несколько спортзалов и бассейнов, ледовый дворец, много других объектов.

Наш принцип таков: у лискинцев должны быть места, где они могут собраться по интересам. Музей, библиотеки – для писателей, поэтов, художников, историков, Дворец культуры – для артистов, стадионы – для спортсменов... Во главе этих учреждений стоят талантливые люди. Александр Николаевич Аникеев руководит музеем, Юрий Сергеевич Капустин – Дворцом культуры. Ну, где еще найдешь таких?! Один – художник, известен далеко за пределами области, другой – уважаемый в культуре области организатор, сам талантливый артист...

Иногда слышишь: негде отдохнуть! Я с чистой совестью говорю: сегодня я такого упрека не принимаю. Пожалуйста, отдыхай: столько Домов культуры, клубов, стадионов за последние годы понастроили! Во всех микрорайонах города – спортплощадки для игры в волейбол, баскетбол, футбол, ручной мяч. Детский парк культуры... Полноценный, здоровый отдых от тебя зависит. Никто взрослого человека за руку не поведет в Дом культуры, в кружок вязания, в спортзал, в парк или бассейн и не скажет: отдыхай, повышай свой культурный уровень! Детишек – да, тех надо сюда приводить, приучать к культурному досугу.

– В последних словах вы обнажили серьезную болячку современного человека: снижение внутренней мобильности, активного начала. Многие предпочитают жаловаться на скуку, вместе с тем не предпринимают усилий, чтобы разнообразить свой досуг, преодолеть собственные лень и равнодушие. В культуре, в спорте, как нигде, важны увлеченность и стремление к самореализации. Можно ли этому способствовать и чем?

– Можно. И мы это делаем. Главный акцент – в сторону подрастающего поколения. К чему приучишь с молодости, то и останется в характере на всю оставшуюся жизнь. А самих форм вовлечения школьников в содержательный досуг, развития творческого потенциала, активной жизненной позиции, раскрытия природных наклонностей достаточно. Задача местной власти – инициировать процесс, вовремя поддержать и, разумеется, создать необходимые условия. Инфраструктура учреждений культуры и спорта в районе разветвленная.

Про районные конкурсы, смотры, фестивали молчу. Их для детишек и для взрослых десятки! Они тоже – хорошая возможность для выявления таланта и самореализации.

Всего один пример для подтверждения. На стадионе идет очередной футбольный матч. В перерыв на поле выбегают юные артисты и начинают петь и плясать. Зрителей – тысячи две или три. И зрителям удовольствие – не скучают, и детям – огромный эмоциональный заряд, душевный подъем. Эти выступления они запомнят навсегда.

Лискинцы – постоянные участники областных и российских конкурсов художественной самодеятельности и спортивных соревнований. Без наград почти никогда не возвращаются. Когда проходят крупные областные мероприятия, например, День работника сельского хозяйства или еще какой большой праздник, сам звоню режиссерам в Воронеж и прошу включить в культурную программу наши коллективы.

В сфере культуры и спорта в районе развито спонсорство. На все ведь бюджетных денег не хватит. И мировая практика показывает – без помощи частного бизнеса развитие культуры не происходит. Да, не все просто с привлечением спонсоров. Но приобщать состоятельных земляков к благотворительности, менять их психологию надо. Есть среди благотворителей солидные компании, есть предприниматели мелкие и покрупнее. Многие уже не видят себя вне этого дела, расценивают свою поддержку культуре либо спорту как благородный поступок, что это современно, стильно, модно.

В недалеком прошлом был у нас начальником Лискинского отделения ЮВЖД Иван Степанович Васильев. Я не знаю, занимался ли он в молодости спортом,

пел или танцевал. Он и на районных мероприятиях бывал редко. Зато отдельные дороги строило в Лисках бассейны, шило самодеятельным артистам костюмы, закупало спортсменам форму, оплачивало поездки на конкурсы и соревнования. Зачем это делал Васильев? Формально его к этому понудить никто не мог. Зато я точно знаю: жили в нем как в руководителе природное чувство долга и глубинное понимание: в силу своих должностных возможностей он обязан помогать культуре и спорту, а точнее – людям, прежде всего детям.

Я вспомнил про Васильева не случайно. Любому чиновнику, наделенному властью, а главе района особенно, не помешает жить по принципу: любишь или не любишь, ты должен это любить...

А я люблю культуру и спорт!

– Лично для вас сохранение и развитие традиционной народной культуры – что это: некий начальственный стереотип (так делали мои предшественники!), честолюбие (и в культуре Лискинский район должен быть первый!), долг гражданина (сам вырос в селе!), или позиция мудрого современника, знающего цену народной памяти и культуре, неразрывности судеб, времен, поколений?

– В студенческие годы я мечтал стать председателем колхоза. И что хозяйство у меня будет передовым. И что создам хорошие условия для досуга, для сохранения и развития народных традиций. Построю новый, современный Дом культуры и стадион...

Почему я так думал, теперь не объясню, но проблемы производства и социальную, духовную сферы даже в пылких юношеских мечтах не отделял друг от друга. Наверное, это правильно. Духовность, культура не живут сами по себе. Они формируются традициями предков, жизненными обстоятельствами и конкретными людьми. Профессия человека помимо производственных отношений закладывает в нем и иные, нематериальные ориентиры: какие песни поет и слушает, какие танцы любит, увлекается спортом или предпочитает в свободную минуту сидеть с удочкой на берегу либо смотреть телевизор. Кстати, сам лично в последнее время предпочтение отдаю каналу «Культура». Серьезные темы, беседы по истории, культуре, искусству. Много времени отводит классике – балету, опере. А классика – это жемчуг, с годами не теряет ценности.

Находясь на своем посту, я не имею морального права своими действиями снижать уровень достигнутого моими предшественниками. Лискинский район исторически в числе передовых в экономике, в производстве, аграрном секторе, в культуре и спорте. Это, если хотите, давно уже марка, заданный стандарт. Моя задача – развивать, улучшать их сообразно требованиям времени.

– Народ замечает ваши усилия? Поддерживает их?

– Могу судить об этом по настроению лискинцев: упадничества, неверия и равнодушия не замечаю. Настроение, пожалуй, самый точный индикатор доверия населения к власти. Конечно, хотелось бы, чтобы мои земляки были еще культурнее, и чтоб урны на улицах находили, и после массовых праздников мешочки с мусором с собой уносили. А в целом... Такой случай вспомнился. Как-то в Лиски прибыла делегация думцев одного из российских регионов. Мы им устроили экскурсию по городу. Возим – вдруг спрашивают: «Где ваши бомжи, пьянь? У нас они тучами ходят». Сопровождающий с юмором человек. Отвечает: «Да есть у нас два бомжа – у храма сидят...»

– XXI век – век информационных технологий. Их проникновение в экономику, общественные процессы, культуру и искусство глубоко и экспансивно. Создается впечатление, что человечество невольно становится заложником собственного интеллекта. Даже многовековые народные традиции, формировавшие духовно-культурную сущность народа, его представления об окружающем мире, воззрения на природу, под воздействием новейших коммуникационных откры-

тий либо умирают, либо приспосабливаются к ним, трансформируются. Что надо делать?

– Не нагонять страха. И дружить с тем историческим временем, какое нам отведено. Я как-то вычитал, что человеческий ум за последние двести лет не стал ни лучше, ни хуже. А может, и за две тысячи лет он не поменялся. До нас тоже были, кто кричал: караул! Чему потеряться – потеряется... Интернет ли тут виной или еще что, как знать. Материальный мир, созданный руками человека, постоянно меняется. А он в свою очередь корректирует традиции и духовное наполнение жизни народа.

Раньше в моем родном селе свадьба шла четыре дня. Собирались по 120-150 человек – родственников, друзей, соседей. Первые два дня на торжестве играли два баяниста. Успевали перепеть все русские и украинские народные песни. Пели хором. Разве только несколько мужиков курили в сторонке да в карты играли. Были три обязательных тоста. Жених и невеста обходили каждого гостя, их поздравлял каждый и выпивали за четвертый тост. И водка оставалась... Несколько лет назад я ездил домой на свадьбу. Насчитал сорок человек. Свадьба длилась несколько часов. К вечеру народ разошелся. Пел ансамбль. И водки не хватило. Вывод прост: была традиция. Пели всем столом – помнили песни. Теперь не поют. И песни народные почти забыли. Виноват ли кто в поменявшейся традиции? Не знаю. Может, мы сами. Может, дорого стало сыграть свадьбу. И то, и другое в совокупности явилось причиной потери векового уклада и культуры.

Чтобы разрушительные процессы не размыли накопленный веками духовный и культурный пласт народа, власть обязана помнить о сохранении традиций. Заботиться о традиционной народной культуре – о фольклорных ансамблях, о кружках художественной самодеятельности. Поддерживать профессиональное искусство, а конкретно – художников, музыкантов, поэтов и писателей. Сама по себе культура народа не устоит перед вызовами цивилизации.

Павел Попов,

кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного архитектурно-строительного университета

СЛОВО «УСМАНЬ» – ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЗАГАДКА

Заселение Подворонежья на рубеже VIII и IX веков – одно из самых весомых исторических обстоятельств, которое тесными узами связывает русский и украинский народы. Вернее, оно демонстрирует их общую, изначально единую древнеславянскую культуру, которую невозможно даже разделить на русскую и украинскую.

НАШИ ОБЩИЕ ДРЕВНОСТИ

Высокий правый берег реки Воронеж к северу от города Воронежа, где в мощной дубраве над обрывами сохраняются древнеславянские городища, – уникальнейший природный и археологический комплекс. Сегодня необходимо предпринимать все шаги для его изучения, и не только в археологическом, но и в топонимическом плане.

Археологическое изучение здешних славянских памятников и их трудное, извилистое осмысление шло в относительно недавнее время – с конца XIX века и до конца XX века.

В XIX веке ученые были далеки от познания истины. Лишь в начале 1890-х годов краеведы-любители, аптекарь Леонид Вейнберг и литератор Евгений Марков, совершили первое обстоятельное путешествие по замечательным древним памятникам под Воронежем – по красивейшим обрывистым горам и таинственным городищам. Но первопроходцы сочли найденные городища не славянскими, а «хазарскими», приписали их другому народу. Только в советское время, в 1928 и 1929 годах, под руководством ленинградского специалиста Петра Ефименко состоялись первые подлинно научные раскопки городищ и соседних могильников. В последние годы славянское заселение реки Воронеж нашло обобщающее логическое истолкование в работах профессора ВГУ Анатолия Винникова. Уточнена, в возможных пределах, датировка городищ: они существовали примерно с конца VIII по начало XI века. Их сплошная цепь тянулась от Рамонского городища до устья реки Воронеж, до ее впадения в Дон. Речь идет именно о реке Воронеж, ибо более южные славянские городища на Дону возникли немного позже, примерно в IX веке, хотя памятники на обеих реках относятся к

общей боршевской археологической культуре. На Воронеже выделена более ранняя керамика: она сопоставима с посудой VIII века, выкопанной на Днепро-вском Правобережье ¹.

Итак, по всем признакам, самая первая волна славянской колонизации Подонья приходится на рубеж VIII и IX столетий. Именно тогда племена Поднепровья прибыли на реку Воронеж, на ее высокий берег, покрытый густыми дубовыми массивами и изрезанный глубокими оврагами. В культуре поселенцев археологи находят черты вятичей, полян, северян, так что утверждать, что здесь обитало какое-то одно известное славянское племя, невозможно. Но именно этот племенной союз очень плотно заселил реку и оставил нам в наследство множество археологических памятников.

Городища на территории санатория имени Горького, над Рыбачьим поселком, на Белой горе, вблизи села Староживотинное... О здешних населенных пунктах условно говорят как о городах, так как их отличительными особенностями были оборонительные сооружения: земляные валы с деревянными крепостными стенами, рвы, искусственно подрезанные (для увеличения крутизны) склоны холмов. Я обратил бы особое внимание на выбор мест для крепостей. С градостроительной точки зрения, они очень схожи с местами городищ на территории Украины, в том числе с местом древнейшего Киева. Городки ставили на высоких мысах, «лицом» к главной реке (на Украине – Днепр, в Подворонежье – река Воронеж) при впадении в нее второстепенной реки (часто текшей в большом овраге). Так речные преграды прикрывали мыс с двух сторон. С третьей стороны обычным препятствием был еще один глубокий овраг, нередко болотистый, а с четвертой, нагорной – непроходимый лес. Въезд в город устраивали из леса, прорезая вал воротами.

«Воронежские» славяне не входили в состав Древнерусского государства по крайней мере до второй половины X века. Их самобытная культура, в пределах освоенного ими своеобразного междуречья Воронежа и Дона, была довольно замкнутой, изолированной. Они сохраняли сравнительно примитивное производство глиняной посуды, не предназначенной для торговли, – не перешли на широкое использование гончарного круга. Пожив здесь около 200 лет, эти славяне приблизительно в конце X – начале XI века покинули свои города и соседние поселки. Причины точно не установлены, но можно предположить, что сказался натиск кочевых племен – половцев. Во время раскопок не обнаружены следы разгромов и пожаров славянских жилищ, нет скелетов. Археологи считают, что славяне сами, не дожидаясь побищ, покинули дома, взяв с собой все нужные вещи ².

Куда переместились беженцы, археология установить не в силах. Но можно допустить частичное обратное переселение славян – с востока на запад, ближе к родине предков, – и в этом случае связь культур, которые мы теперь называем украинской и русской, стала еще теснее.

Менее чем через 100 лет – приблизительно в конце XI века, когда началась феодальная раздробленность Руси, – на берега той же реки пришли славяне второй волны. Они обладали более высокой техникой гончарного производства, чем и выделяется их культура. Они не образовали столь много новых селений, как их предшественники. При них верховья реки Воронеж вошли в состав Рязанского княжества. Применительно к ним уже можно употреблять слово «русские», а связь древнеславянской и древнерусской культур остается несомненной.

Ярким доказательством этой связи служит топонимия. Правда, изучение раннесредневековых названий городов и рек чрезвычайно затруднено: нет письменных памятников. Однако топонимия сама по себе стала своеобразным документом. К счастью, на географических картах находим давние названия, кото-

рые намного старше имеющихся письменных первоисточников. Такие топонимы каверзны: они не имеют ни датировки, ни точной расшифровки. Тем увлекательнее поиск их смысла и в особенности славянских корней, общих для русских и украинцев! Подчеркну, что удача может улыбнуться исследователю только в том случае, если он использует комплексный подход: опору и на исторические, и на географические, и на лингвистические данные, ни в коем случае не отрывая одни от других.

«ПЕРЕНОС» ИЛИ ПОВТОР?

Видный воронежский ученый, мой учитель и замечательный знаток древней истории В.П. Загоровский, верно подметил повтор характерных топонимов под украинским Черниговом и под нашим городом Воронежем. И там, и здесь есть реки Девица, Эсмань (Усмань), Ведуга (Ведога), селения Воронеж и Ромны (Рамонь) и так далее. И нельзя не согласиться с ним, что этот факт уже сам по себе может указывать на направление славянской колонизации. Основной поток расселения шел с запада, из бассейна Днепра, в том числе с древней земли славян, Черниговщины, – на восток, в сторону воронежско-донской лесостепи. Но ученый обошел стороной происхождение большинства названий по той причине, что их этимология неясна или спорна. Это весьма существенно, ибо здесь возникает очень спорный, на мой взгляд, вопрос о так называемом переносе названий.

Книга профессора Владимира Загоровского «О древнем слове и слове «Воронеж», выдержавшая два издания в 1971 и 1977 годах, надолго утвердила версию автора благодаря его огромному авторитету. Профессор считал, что река Воронеж названа славянами-поселенцами второй волны в XI–XII веках. По его гипотезе, в Подонье «перенесли» название города Воронежа, но точное местоположение этого «второго Воронежа» не установлено. По «второму Воронежу» называли реку Воронеж. Наконец, в последней четверти XVI века на реке Воронеж основан «третий Воронеж» – нынешний областной центр³.

Наука движется вперед – и настала пора ревизовать устаревшие гипотезы. Тем более что В.П. Загоровский всегда считал, что настоящий ученый обязан пересматривать даже собственные версии в соответствии с новыми данными. Он также признавал, что его версия о «трех Воронежах на Руси» имеет недостатки.

Во-первых, допущение того, что река названа по городу, а не наоборот, – явный нонсенс в русской истории, в славянско-русской топонимии. В средней полосе России нет ни одного доказанного случая, чтобы река, сравнимая по размерам с рекой Воронеж, получила имя от города. Значит, вероятность ожидаемого события – обнаружения, что название гипотетического города Воронежа перенесено на реку Воронеж, – равна нулю.

Во-вторых, после X века вторая волна колонизации дала гораздо меньшую интенсивность заселения. И эту волну отделяет от ухода первых славян относительно небольшой промежуток времени, сравнимый с жизнью человека. К тому же, археологи отрицают полное исчезновение славянского населения в обнаруженном промежутке. Иными словами, уточненные археологические данные позволяют утверждать: слово «Воронеж» появилось в нашем крае в VIII или IX веках.

Вопрос о происхождении древнего названия реки Воронеж требует слишком пространных новых доказательств. Планируется издать на эту тему отдельную книгу. Но объем публикации позволяет провести предварительный анализ касательно ближайшего гидронима – слова-спутника «Усмань». Как оказалось, оно тоже представляет собой предмет умопомрачительной топонимической гипотезы...

Сначала – о «переносе» названий с Черниговщины в Подворонежье. Почему

они «перенесены», если речь, может быть, о простых (но забытых и поэтому нами не расшифрованных) географических терминах? Один и тот же народ одинаково, в силу своего языка, называл темные или светлые реки, большие или малые леса, глубокие или мелкие овраги. Например, «рамень» или «рамене» – всего-навсего опушка леса. Это существительное есть в толковом словаре Владимира Даля: «лес, соседний с полями, с пашней»⁴. Э.М. Мурзаев в «Словаре народных географических терминов» поясняет, что «рамень» может быть или «густым лесом», или «лесом у поля», «окрайной леса», «селением у леса»⁵. Стало быть, опушку леса и на Черниговщине, и на реке Воронеж, и в других регионах называли «рамень», и по этой элементарной причине названия везде повторяются. Современный райцентр Рамонь на реке Воронеж называется так потому, что стоит на месте древнеславянского городища Ромень (точнее, застройка поселка находится рядом с городищем). Однако опушку с остатками городка русские люди, скорее всего, обозначили уже в XVI веке, при организации тогдашней сторожевой службы, не ведая древнего названия здешнего города. Выразила сомнение в «черниговском происхождении» воронежского слова «Рамонь» и авторитетный современный топонимист Г.П. Смолицкая: она не исключает прямую связь названия с местным географическим объектом «рамень», а не с передвижением переселенцев⁶.

Слову «рамень» посчастливилось дожить в русском языке до XIX и начала XX веков, поэтому оно попало в словари народных терминов. Несравненно большие трудности возникают с древними географическими терминами, основательно забытыми задолго до XIX века.

Каков первоначальный смысл топонимов Девица или Усмань? Может быть, это – также географические обозначения, понятные славянам и на новом, и на старом месте, а вовсе не знак привязанности к топонимии покинутой родины?

На Украине, в Сумской области, текут две реки с одинаковым названием «Эсмань» (по-украински «Есмань»). Но в этом крае были отмечены и другие вариации того же топонима: в XIX – начале XX века говорили также «Османь», а ранее, в XVII столетии – «Усмань». Одна река Эсмань (Есмань) протекает вблизи поселка Воронеж. Вместе с реками Реть и Осота она впадает с левой стороны в Десну. Неподалеку вторая Эсмань (Есмань) – правый приток Клевени; там стоит древний город Глухов. В топонимах, повторенных на восточных территориях, также варьируются начальные гласные. В Курской области есть реки на «О»: Осмонь (с истоком в Орловской области), Осмонька. Наконец, еще восточнее, по территории современных Липецкой и Воронежской областей, течет Усмань (Усманка) – левый приток Воронежа. В Липецкой области на реке стоит город Усмань, в Воронежской – село, районный центр Новая Усмань.

В Черниговской области Девицей прежде называлась нынешняя река Галка (остались имена сел Великая Девица, Малая Девица). В Центральном Черноземье – еще несколько Девиц. Есть Девица – приток реки Усмани в Липецкой области. Две Девицы впадают в Дон в Воронежской области.

Известный воронежский краевед-топонимист В.А. Прохоров в своих книгах вслед за В.П. Загоровским, ссылаясь на него, вторил о «переносе» топонимов с Черниговщины. В книге «Липецкая топонимия» (1981) он пытался дать истолкование названиям рек Усмань и Девица, причисляя оба «перенесенных» гидронима к ираноязычным, то есть имеющим древнейшие индоевропейские корни. Он объяснил название «Усмань» тем, что топоним-предшественник обозначал каменную речку. Не называя авторов версии о связи гидронимии с иранским словом «асман» («аспан») – «камень», краевед, по существу, согласился с ними и перенес эту версию на все схожие родственные топонимы. Названию «Девица» дана расшифровка по аналогии с курским гидронимом, а его ранее разгадывал

исследователь А.И. Ященко. Индоевропейское «dheuina», которое в русском языке могло превратиться в «девина» и «девица», означает «источник, поток, течение»⁷.

Здесь явно не все однозначно: и в сочетании речевых следов ираноязычного и русскоязычного населения есть натяжка, и географические особенности рек совершенно игнорируются – вопреки основам топонимики. Почва, по которой течет липецко-воронежская речка Усманка, абсолютно не каменистая, и невозможно согласиться с В.А. Прохоровым в том, что славяне, «переноса название в Подонье», «не задумывались над тем, что оно не будет соответствовать природным особенностям реки»⁸. Анализ старославянских топонимов и в Приднепровье, и в Центральном Черноземье показывает, что население осмысленно подбирало названия рекам, обозначая природные особенности ландшафта. И пока нет ни одного научно доказанного случая «бездумного» «переноса». Напротив, на мой взгляд, такой случай противоречил бы основополагающим принципам появления природно-географических топонимов. Гидронимы были удобными и понятными ориентирами на местности и органически вписывались в повседневную речь населения. Трудно представить, что в качестве ориентира выбрали непонятное иноязычное слово. Если же предположить, что славянские переселенцы, напротив, еще понимали (спустя тысячелетия!) смысл искаженного древнеиранского слова, тогда «бездумное» присвоение некаменистой речке названия «Каменистая» было бы исключительным нонсенсом.

Спорно и происхождение названия «Девица». Г.П. Смолицкая относит воронежский топоним к старорусским и замечает, что «в гидронимии Центральной России Девицами иногда называют старицы как дочерние, более поздние образования по отношению к основному руслу реки»⁹. Поскольку в воронежских Девицах дочерних русел пока не выявлено, добавлю от себя, что нельзя исключить употребление такого термина в его прямом смысле – девственности, то есть нетронутости рек¹⁰. Это слово подходит и к новым, неосвоенным руслам. В.П. Загоровский также считал топоним «Девица» древнерусским, не вдаваясь в подробности. Вообще, анализируя различные альтернативные мнения, приходишь к выводу: сначала надо искать в русском топониме русский корень и только потом, если обнаруживается, что его нет, обращаться к иноязычным формам. Непонятное, забытое – еще не значит, что иноязычное. И чрезвычайно необходимы данные о природных особенностях рек, а не только гадания по созвучию слов...

Гидронимам невозможно придать никакого другого смысла, кроме элементарного обозначения признаков местности. Источник воды или русло реки или особенности русла одинаково называли и на Черниговщине, и в Подонье, но это вовсе не означает, что кто-то специально «перенес» топоним с одного места на другое, преодолев сотни километров... Поэтому в таких случаях я предложил бы отказаться от понятия «перенос» и говорить о повторе одинаковых природно-географических терминов при перемещении людей, говоривших на одном языке. В ряду таких терминов должно стоять и слово «Воронеж»...

«СЕСТРЫ» ЭСМАНЬ, ОСМОНЬ И УСМАНЬ

Гидроним Эсмань (Усмань) – ближайший спутник топонима «Воронеж» на географических картах. Поэтому есть большой интерес к нерасшифрованному гидрониму как к слову, которое, вероятно, было порождено вместе со словом «Воронеж» и одним этносом, и в схожих природных ландшафтных зонах.

Все три варианта названия и все реки с этими названиями надо обязательно рассматривать неразрывно, чтобы выяснить, что их связывает. И ни в коем случае не разрывать географию, историю и лингвистику. К сожалению, до сих пор комплексный подход не был применен, из-за чего версии авторов из разных

регионов не стыкуются между собой. При их одновременном рассмотрении обнаруживается ряд неразрешимых противоречий.

В различной литературе без упоминания первоисточника фигурирует самая распространенная версия: о происхождении названия рек от древнеиранского слова «asman», то есть «камень». Вслед за В.А. Прохоровым такую этимологию традиционно указывают и составители современных топонимических словарей, зная об общих индоевропейских корнях народов, но сообразуясь только с внешним сходством слов, и ни с чем другим. Но это и есть – нарушение основополагающего комплексного принципа исследований в топонимике!

Посмотрим, кто же был первым. Оказывается, это выдающийся немецкий языковед-славист Макс Фасмер. Он проделал титанический труд по собиранию славянских слов, в том числе топонимов, высказал много гениальных идей. Его можно только похвалить за то, что в 1923 году в книге «Иранцы в Южной России», изданной в Лейпциге, он обратил внимание на названия курских рек, в особенности на топоним Каменная Осмонька. Фасмер предположил, что здесь сочетаются и искаженное древнеиранское слово Осмонька, образованное от «asman», и русское слово, дающее перевод: Каменная. В таких случаях русские топонимисты говорят о «кальке»: последующий этнос принимает топоним предшествующего этноса и, зная этимологию термина, расшифровывает его, добавляя поясняющее слово. Однако Фасмер никогда не видел воочию природные особенности курских рек. Уже в 1923 году было заложено первое противоречие. Собственно, явно выраженные камни наблюдаются только в районе третьестепенной Каменной Осмоньки, но она так называется, очевидно, для отличия от реки, в которую впадает, – от Осмоньки, – по контрасту с ее именем, а не из-за общих ландшафтных особенностей. Версия о «кальке» сразу рушится, если только найти информацию о реальном грунте в бассейнах рек.

Надо отдать должное Максиму Фасмеру: при издании в 1950-е годы своего знаменитого «Этимологического словаря русского языка» он избежал объяснения топонима «Осмонь». Лишь при истолковании слова «камень» славист привел его древние иноязычные варианты, и в том числе иранский: древнеперсидское и авестинское слово «asman»¹¹. Могло ли оно быть распространено славянами с украинской территории на курскую и воронежскую?

Очевидно, всеми этими вопросами не задавались известные советские лингвисты О.Н. Трубочев (переводчик словаря Фасмера) и В.Н. Топоров, которые в 1962 году активно поддержали предположение Фасмера от 1923 года. Они поставили в заслугу Фасмеру, что им «была определена северная граница распространения иранских гидронимов»¹². Именно с работы В.Н. Топорова и О.Н. Трубочева и началось победоносное шествие версии о «каменной» реке в России. Но еще в 1960-е годы современники подвергли критике эту книгу за узкий лингвистический подход в топонимике. Однако сегодня, в эпоху всеобщего упадка уровня научных исследований, устаревшие выкладки часто тиражируются без должных комментариев.

Будь то «перенос» или повтор, наиболее древние корни топонима надо искать, безусловно, на Черниговской земле. Был ли на тамошних реках каменистый грунт, на который будто бы обратили внимание древние индоевропейские племена? Что думают по этому поводу наши современные братья-славяне? Так выходит на следующие противоречия...

На наиболее правильном пути находится украинский ученый-лингвист, профессор Киевского национального университета имени Тараса Шевченко К.Н. Тищенко. В своих топонимических работах он ищет необходимые соответствия с географическими особенностями местности. К.Н. Тищенко считает, что в индоевропейской культуре слово «Эсмань» имеет не иранское, а кельтское проис-

хождение. Кельты – древние индоевропейские племена, которые занимали обширную территорию в Западной и Центральной Европе.

Ища общие кельтские лингвистические корни, украинский ученый не останавливается на сумских Есмнях, но почему-то считает, что аналоги можно найти только на европейском севере и западе: «Названия двух рек на Сумщине Есмань <...> имеют аналоги в ближайших землях лишь в Беларуси (с. Эсмонь на р. Друть и с. Есманоўцы под Минском) <...> с кортежами других кельтских названий: Бовсевичи, Бельниччи, Браково; Чудзеничи, Ратомка, Няровы) и в Литве (село Ismonis и озеро Ismoniu ehegas: неподалеку есть с. Liutonis, Neveronis). В топонимии каждой из трех стран эти названия уникальны, что указывает на их иноязычное происхождение. Но с известной этимологией сиверской Есмани от иранского asman «камень, небо» согласиться нельзя – собственно через наличие литовских и белорусских аналогий». Автор полагает, что название сложное: «is» означает приставку «по» («под»), а maen – «камень специального назначения», то есть искусственно созданный; например, жернов или дольмен. Тогда в целом гидроним можно перевести как «река, которая течет под камнем». Топонимист напоминает, что на реке Есмань, которая втекает в Клевень и протекает через город Глухов, «известны древнейшие каменоломни и производство жерновов в с. Волокитине, Кочерги, Баничи (эти последние действуют доньше)»¹³.

Я обратился за уточнениями в Национальный заповедник «Глухов», и наши украинские друзья любезно ответили.

В селе Баничи «находятся мощные прослойки кварцитов, – сообщает научный сотрудник заповедника Александр Мирошниченко. – Открытым способом кварц добывается в Баницком карьере. Выходы камня вдоль русла реки Есмань можно увидеть около сел Мацково, Кочерги, Ротивка, Волокитино, Литвиновичи и в завершение – с. Камень...»

Большое спасибо за помощь дружественному заповеднику. Итак, камни найдены, но... только на одной из украинских Есмней. А как же вторая, соседняя река? Как объяснить ее название, которое, уже без малейшей доли сомнений, ниоткуда не «перенесено»?

Так выходим на второе противоречие, а точнее, на клубок противоречий.

В Белоруссии мне уточнили, что на притоке Друти – на реке Осливка – стоит деревня Эсьмоны Бельничского района. Местный краевед А.Б. Супиталев считает, что название населенного пункта происходит от балтского имени Эйсмант. Он исходит из того, что имя было частым и доньше распространена подобная фамилия¹⁴. На мой вопрос о камнях – есть ли они в окрестностях села или в русле реки и что он думает о такой этимологии – белорусский энтузиаст своего дела прислал два ответа, которые я объединяю в один: «Рек с каменистым дном в районе деревни Эсьмоны нет, а интересных камней в этом крае хватает. Но название деревни вряд ли имеет отношение к камням. Эти места скорее болотистые и лесистые. В Эсьмонах – интересное старое кладбище: на каждой могиле вместе с крестом у изголовья устанавливался камень <...> В Беларуси вообще существовал очень мощный культ поклонения камням. Но это уже несколько другая тема <...> Повторюсь, название «Эсьмоны» не связано с камнями».

Версия о том, что «иранское» название перенесено с запада на восток, начинается трещать по швам. В статье украинского автора совершенно не проводится аналогия с русским востоком – курским, липецким, воронежским – иначе такой клубок противоречий не поддастся объяснению.

Наличие камней на одной реке – необходимое, но вовсе не достаточное условие для того, чтобы пытаться произвести «Есмань» или «Усмань» от слова «асман». Камни есть на многих разноименных реках, которые называются отнюдь не Каменными. Получается: имеем намеренную подстройку версии «под Фасмера».

На третье и четвертое противоречие выходим при осмысливании объяснений о «переносе», содержащихся в книгах В.А. Прохорова. Наш краевед утверждает, что при «переносе» с Черниговщины в Подонье «Усмань-Эсмань в ряде случаев калькирована (переведена) в Каменку»¹⁵. Но, во-первых, не просматривается «ряда случаев». В основном наблюдаем повтор названий «Усмань» или «Осмонь» без «кальки». Во-вторых, я уже предлагал задуматься, могло ли произойти такое «калькирование» в принципе. Неужели по прошествии многих столетий, а затем еще и после переселения с запада на восток, народ помнил смысл названия, данного другим народом? А если вдруг помнил, зачем, собственно, сначала – обозначать реки названиями, давно ставшими иноязычными, и лишь в последнюю очередь – давать их русский перевод? Почему не возобладал здравый смысл: дать удобное, понятное, родное, короткое имя, лишенное двойственности?

Однако в другой книге того же В.А. Прохорова находим, по существу, противоположное суждение: будто бы славяне-переселенцы не задумывались о несоответствии названия «Усмань» его смыслу! Так пришлось написать про липецко-воронежскую Усмань (Усманку), ибо здесь не найти ни одного камня, и грунт – ярко выраженный песчаный. Увы, надуманный случай бессмысленного переноса тоже исключается, о чем я уже имел смелость сказать. Значит, и в случае с Усманью вероятность ожидаемого краеведами события близка к нулю.

Усугубление противоречий закономерно, так как происходит нанизывание одной недоказанной версии на другую. А главное, первоочередное внимание уделено внешнему сходству топонима с иноязычными словами, а реальные природно-географические условия – почему-то второстепенны, вопреки здравому смыслу.

Наиболее ранние упоминания одной из украинских рек обнаруживаем в документе 1654 года. Форма топонима – как и под Воронежем – «Усмань», с началом на «У»: «А город Глухов стоит меж речки Усмани на острове»¹⁶.

Воронежский топоним впервые упомянут в известном документе 1627 года – в «Книге Большому Чертежу»: «А выше города Воронежа, вверх по [реке] Воронежу, с Нагаиской стороны, пала в Воронеж речка Усман, от Воронежа 20 верст»¹⁷. По этому тексту часто судили о том, что якобы в давнее время топоним выглядел похожим на иранское «асман». Предполагалось, что в позднее время русское население придало ему завершение «-нь» по аналогии со многими другими названиями рек Украины и Центральной России: суффикс «-нь» («-ань», «-онь») часто встречается в нашей топонимии.

Однако при внимательном изучении «Книги...» обнаруживается, что многие названия в нем искажены составителем и в особенности часто опущен мягкий знак на конце: видимо, это какая-то прихоть писцов или тех, кто, составляя чертежи, фиксировал на слух названия со слов местного населения. На самом деле мягкий знак присутствовал, ибо в одном и том же тексте встречаем, например, вариацию Потудон – Потудонь. Собственно, и выражение «выше Усмани»¹⁸ (не «выше Усмана») говорит о наличии мягкого знака в именительном падеже...

Итак, я уверен, что надо искать еще не найденную этимологию слова «усмань» («османь»)!

УСМАНЬ – СИМВОЛ ВОДЫ!

Лингвистический анализ слов «Есмань», «Османь» и «Усмань» вкупе с историко-географическими сопоставлениями показывают, что эти гидронимы, скорее всего, имеют славянско-русские, а не ираноязычные, корни. И суффикс «-нь», по моему мнению, здесь дан населением вовсе не по аналогии или по привычке – это тот случай, когда суффикс изначально свой, родной.

Начну с того, что русских слов, формально удовлетворяющих возможным корням топонима, даже в привычном словаре В.И. Даля можно найти несколько и в нескольких значениях: «усма», «осмь», «осмонить» и другие. Остается только удивляться, что до сих пор никто не искал славянские корни.

В частности, слово «усма» занесено Далем в словарь как устаревшее русское: так называли выделанную кожу. Синонимами слова «усма» были «усние» и, вероятно, «сыромять», что означало кожу, выделанную без дубления в квасном растворе с помощью вымачивания и сильного мятья, ломки, при этом сгонялась шерсть. Усняным квасом называли также душистый травяной отвар (из купальницы), которым мылись в бане¹⁹.

Почему бы не поискать связь природных свойств рек со свойствами сыромяти или усния? Может, в жару в болотистых затоках вода «заквашивалась», обретая запах трав? А может, играли роль какие-либо цветочные ассоциации? Я задал эти вопросы воронежскому ученому-гидробиологу Н.Ю. Хлызовой, которая за свою жизнь обследовала сотни больших и малых рек Центрального Черноземья. И она заметила, что сыромятная желто-серая кожа имела очень большое внешнее сходство с песчаным дном, характерным для воронежской Усмани.

Думается, что при желании можно было бы выдвинуть еще несколько версий, так или иначе связанных с природой. Но мне представляется самой удовлетворительной только одна найденная мной этимологическая версия, которая не порождает явных географических и языковых противоречий. Она основана на предварительном поиске общего славянского корня и общей формы слова с суффиксом «-нь» и на одновременном отыскании одинаковых природных характеристик местности. Результаты поиска: во-первых, схожая большая степень «смоченности» бассейнов рек, то есть наличие болот и озер на наиболее значимых участках речных долин в прошлые века, и, во-вторых, общие слова, означающие сильную степень намокания местности. Суффикс «-нь» здесь показывает состояние предмета после основательно совершенного действия.

На одних реках заболоченность осталась до сих пор, на других она определяется по плану местности и по биолого-почвенным данным.

Некоторые предварительные данные предоставил украинский национальный заповедник «Глухов». «В долинах рек Есмани и Клевени находятся мощные залежи торфа, которые могут указывать на доминирование листовых пород деревьев и частичное заболачивание территории района в течение тысячи лет», – информирует Александр Мирошниченко. В XX веке русла обеих Есманий подверглись частичному изменению: там были прорезаны искусственные каналы «для добычи торфа, который активно стали разрабатывать в 30-х годах прошлого века».

Но даже на карте мелкого масштаба в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1903) виден большой заболоченный участок: в начале XX века он сохранялся на реке Реть возле устья Эсмани²⁰. Вероятно, в древности наиболее болотистым было устье Эсмани, а именно устья и есть те частые ориентиры, по которым человек давал имена рекам.

Добавлю, что в целом в украинском Полесье геологическое строение ландшафта характеризуется песчаными и супесчаными ледниковыми отложениями, и почвы здесь соответственно – дерново-подзолистые, светло-серые лесные и болотные²¹. То есть они сходны с почвами Подворонезья в районе реки Усмань.

Курский регион вообще знаменит тем, что там на западных территориях болота занимают значительную площадь (в 1929 году она была самой значимой в Центральном Черноземье)²². На реках Осмонь и Осмонька имеем картину заболоченности, схожую с украинской. Но, в отличие от украинских рек, здесь болота до сих пор существуют и показаны на современных картах. Болотами основательно покрыта часть реки Свапы, где находится устье Осмони. Здесь же с дру-

гой стороны в Свапу впадает река с показательным именем: Мокрыж. Как и на Украине, прорыты искусственные речные каналы.

Наконец, в Воронежской и Липецкой областях Усмань течет через знаменитые болотистые места Усманского бора. В Воронежском государственном заповеднике, в залитых водой урочищах на Усманке и соседней реке Ивнице (притоке Воронежа) обитают бобры. В нижнем течении Усманка протекает около лесного урочища Моклок с одноименным селением и бывшей одноименной лесной речкой – правым притоком Усмани (ныне название поселка трансформировалось в «Маклок»). По одной из главных существующих версий, наименование «Моклок» как раз связано с «промокшей» местностью²³. В старину говорили: «смоклый», «смоклая», это слово есть в словаре В.И. Даля²⁴. Здесь множество лесных болот, часто соединяющихся друг с другом.

По наблюдению крупного ученого-гидролога В.М. Мишона, в районе Маклока много лесных котловин, которые, как и встарь, питаются грунтовыми водами. Несколько болот причислено к памятникам природы. Крупнейшее в регионе охраняемое болото Самара (10 га) – в устье полусохшей речушки Моклок. Поблизости в лесных зарослях скрываются сфагновые болота с мировой известностью (они покрыты толстым редким мхом). Нет сомнений, что в средневековье, когда вся лесостепная зона была наполнена влагой несоизмеримо сильнее, вода заполняла и огромные лесные площади. Многие болота раньше были озерами. Доныне в районе Маклока есть небольшие пересыхающие озера: Маклокское, Черепашье, Чистое – тоже памятники природы). В советское время в бассейне Усманки также велись торфоразработки.

Пойма Усманки, которая местами достигает значительной ширины, тоже изобилует топкими местами. В монографии В.М. Мишона зафиксировано, что пойменные болота доныне «сопровождают реку почти на всем ее протяжении»²⁵. Видим много заросших заводей и небольших озер. Но самое главное, что наибольшая заболоченность до сих пор остается в районе устья речки, там, где она впадает в Воронеж. Это обстоятельство не отражено в исследованиях географов или гидрологов. Однако оно наверняка было решающим при наименовании речки!

Вообще в российской топонимии мокрые, сырые места играют большую роль. Многие каверзные, забытые термины на самом деле находят примитивное объяснение в значении влажных, водянистых, болотистых, грязных мест (напомню, что слово «Москва» также может быть производным от диалектного древнерусского «могва» – мокрое топкое место).

Но у этого примитивизма есть и обратная интересная сторона: «водные» топонимы и актуальны, и романтичны. Они показывают, насколько вода была и остается главным источником жизни. Все славянские города и села начинали застраиваться от рек. Болотные заросли были для древних славян местом охоты (и поныне в заводях рек Воронеж и Усмань обитают дикие утки). А сказочный мир болот, без которого трудно представить народный эпос, с детства знаком каждому русскому и украинцу...

Теперь рассмотрим морфемное содержание исследуемого топонима. Эсмань (Есмань), ранее Османь и Усмань – такие разночтения одного и того же гидронима встречаем уже на его родине – Черниговщине. Отличаются, чередуются только начальные буквы «у», «о», «е», которые, следовательно, очень похожи на приставки. Одним из распространенных значений приставки «о» было «около». Приставка «у» очень часто означала и по-прежнему означает совершение усиленного действия (уложить – укладка, усладить – услада, уговорить – уговор и т.д.).

Далее приведены примеры типичных славянско-русских словообразований в следующем порядке: глагол (неопределенная форма) – страдательное причастие

(прошедшее время) – прилагательное – существительное – славянские топонимы. Рассмотрены различные приставки и различные значения приставки «у».

Облекать – облечено, облеченный – облеченный – болонь, облонь, оболонь, облонье, оболонье – местность Оболонь (в украинских и русских городах), село Оболонь.

Слонить, заслонять, услонять – заслонено, услонено, заслоненный, услоненный – заслонный – услань, услонь, усолонь, услонье, усолонье – деревня Услонь, местность Услонье, река Усланка и др.

Стлать, устилать – стланный, устланный – сланистый – стлань, слань, услон, услань, сланье – река Усланка, село Усланка.

Теперь по той же схеме рассмотрим два возможных варианта образования топонимов Усмань (Османь, Есмань). Первый вариант – с приставкой «о», второй – «у». Первый вариант подразумевает, что первоначальным топонимом был Османь (Осмонь), второй – Усмань (Усмонь). На второе предположение выходим смело, так как именно с «у» – оба наиболее ранних упоминания о двух реках: и на Черниговщине, и в Подворонежье.

По первому варианту после отбрасывания приставки «о» неизменной частью топонима остается гипотетическое существительное «смань» или «смонь» (по аналогии с формами слов «дрань», «рвань», «рванье», «спанье» и др.). Такое существительное, хотя и не занесено в толковые словари русского языка, напрашивается, ибо существует наяву пусть не в словарях, но в топонимии. Аналогично в одном из предыдущих примеров существование слов «услонь» и «усолонь» говорит о том, что в древности, видимо, существовал и подобный глагол – «услонять» (сейчас говорят только «заслонять»). Абсолютно все другие слова есть в словарях.

Первый вариант: смачивать, смокать, обмокать – смочено, смоченный – смоклый – смань, смонь, смоченье – реки Османь, Осмонь, Усмань (Усманка), город Усмань, река Моклок и др. Таким образом, объяснение топонимов Османь (Осмонь) и Осмонька возможно как «река около смокшей местности».

Следующий, второй, вариант более предпочтителен и с исторической, и с лексической точки зрения и не требует домысливания забытого существительного, не занесенного в словари. Здесь особое внимание обращено на известное по словарю В.И. Даля слово «усма». Его также удастся поставить в ряд однокоренных слов, если допустить, что оно происходило от слова «смачивать». То есть, если «усма» означает различные характерно вымоченные объекты, не только кожу. Тогда здесь две приставки: «у» и «с».

Второй вариант: смачивать, усмачивать, смокать, обмокать – смочено, смоченный, усмоченный – смоклый – усма, усмань, усние, смоченье – реки Усмань (Усманка), Османь, Осмонь, Моклок, город Усмань и др. В этом случае слово «Усмань» будет напрямую означать реку, протекающую по сильно вымоченной («усмоченной»), то есть заболоченной, местности (не около нее).

По-видимому, со временем в каждом регионе утвердилась «своя» приставка, наиболее отвечающая местным диалектам: в Черниговском крае – «е», под Курском – «о», под Воронежем – «у». Возможно и переосмысление забытого термина в связи с варьированием приставки. Например, если первоначальным было слово «Осмонь», то в позднем средневековье его могли преобразовать в «Усмань» по аналогии с оставшимся в употреблении словом «усма» и по новой ассоциации с усмой, то есть с кожей, так как получило развитие кожевенное ремесло. Тогда, действительно, мог сыграть роль и внешний вид речного дна. Могли возникнуть и ассоциации с «заквашиванием». Не исключено и переосмысление по слову «ус», ведь от него, вероятно, происходят многие гидронимы в значении «приток, ответвление реки», а Усмань – один из двух главных притоков Воронежа.

Если же Усмань была исходным топонимом, тогда можно предположить переосмысление воронежского гидронима без изменения приставки. А на курской территории следует допустить изменение смысла с заменой «у» на «о» – «около», что, вероятно, больше подходило расположению здешних болот после частичного иссыхания территории.

Наконец, могу допустить, что украинское название «Эсмань» действительно имеет кельтское происхождение, как указано в киевской статье. На стыке различных культур, при перемещении народов один из них мог перенять и переосмыслить, изменить название, данное другим народом. Так, «река, текущая под камень», могла образоваться и обильно «смоченное» место, а термины, описывающие оба явления, могли оказаться созвучными.

В результате напластования языковых культур возможны и иные вариации. Вспомним, что в конце X – начале XI века славяне покинули бассейн Воронежа и, следовательно, могли переместиться к западу. Тогда не исключено более сложное смешение, наложение друг на друга понятий «Усмань» и «Османь». Здесь самый раз сообщить читателю, что в прошлом на карте России были и другие топонимы с тем же корнем. Так, у Г.П. Смолицкой есть капитальный труд: в одной книге собраны гидронимы на обширной территории в бассейне Оки. Названия рек охватывают большой период времени: XV–XX века. В их числе – река Осма, две реки Османовки и речка Усменка...²⁶

А далее можно и нужно выйти за рамки славянских или иранских корней и попытаться ответить на вопрос: не было ли и у тех, и у других общей наидревнейшей корневой основы?

Во-первых, оказывается, один из ответов можно найти у... Макса Фасмера, если внимательно изучить его труд. Он указал: древнерусские слова «усма» и «усние» удастся вывести из праславянского «usmъje»²⁷.

Во-вторых, обобщающий ответ взялся найти мой новый друг – белорусский краевед А.Б. Супиталев, которого я, похоже, очень заинтересовал поиском топонимов-«тезок» по всей нашей необъятной земле. Ранее он не задумывался о смысле многочисленных гидронимов типа «Усмань» и «Османь», а теперь, сопоставив различные данные, прислал мне еще один ответ. В основе топонимов, скорее всего, лежит интернациональная, общая индоевропейская «водная» основа «см» («шм»). Его точка зрения и завершит эту публикацию.

Согласитесь, что слово «Усмань» – одна из самых интереснейших топонимических головоломок! Явными упущениями следует признать и то обстоятельство, что до сих пор не предпринимались попытки комплексного изучения топонима, и то, что в нем не старались увидеть славянский корень.

И в любом случае рассмотренные словообразования ярко демонстрируют общую богатую языковую культуру русского, украинского и белорусского народов. Продолжать исследование в этом направлении – гораздо более благодатное и благодетное дело, нежели заниматься поиском «престижных», красивых и древних, но противоречивых, сомнительных и недоказуемых этимологий.

¹ См.: Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). – Воронеж, 1995.

² См.: Там же. – С. 124–125; Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края. – Изд. 2-е. – Воронеж, 2003. – С. 186–188.

³ Загоровский В.П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». – Изд. 2-е. – Воронеж, 1977. – С. 93–94.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 тт. – СПб., 1882. – Т. 4. – С. 58.

⁵ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – С. 476–477.

⁶ Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. Географические названия. – М., 2002. – С. 282.

- ⁷ Прохоров В.А. Липецкая топонимия. – Воронеж, 1981. – С. 7–8, 49–50, 139–140.
- ⁸ См.: Прохоров В.А. Надпись на карте. Географические названия Центрального Черноземья. – Воронеж, 1977. – С. 35.
- ⁹ Смолицкая Г.П. Топонимический словарь... – С. 84.
- ¹⁰ См. у В.И. Даля слова «дева», «девственный»: Указ. соч. – 1880. – Т. 1. – С. 508.
- ¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: в 4 тт. – Изд. 2-е. – М., 1986. – Т. 2. – С. 173–174.
- ¹² См.: Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – М., 2009. – Т. 4. – С. 17.
- ¹³ Тищенко К. Кельтські назви селищ на витоках річок України. URL: <http://nte.etnolog.org.ua/zmist/2004/N3/Art13.htm>. См. также: Тищенко К. Дописемна історія в місцевих назвах путивльського Посем'я // Сумський історичний портал. URL: <http://history.sumynews.com/z-glibini-vikiv/item/320-dopysemna-istoriia-v-mistsevykh-nazvakh-putyvlskoho-posemia.html>.
- ¹⁴ Супіталей А. Эсьмоны // Зара над Друццю. – 2014. – 26 июля.
- ¹⁵ Прохоров В.А. Липецкая топонимия. – С. 8.
- ¹⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. – СПб., 1878. – Т. 10. – С. 829.
- ¹⁷ Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и ред. К.Н. Сербиной. – М.-Л., 1950. – С. 82.
- ¹⁸ Там же. – С. 83.
- ¹⁹ Даль В.И. Указ. соч. – 1882. – Т. 4. – 376, 512–513.
- ²⁰ Энциклопедический словарь / Изд-е Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб., 1903. – Т. XXXVIIIа. – С. 594 (вклейка).
- ²¹ См., например: Почвы украинского Полесья и их использование // Сільськогосподарський портал. URL: <http://silgosp.com/books/book-5/chapter-211/>
- ²² См.: Покшишевский В.В. Центрально-Черноземная область. – М.-Л., 1929. – С. 23.
- ²³ Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. – Воронеж, 1973. – С. 94–95.
- ²⁴ Даль В.И. Указ. соч. – 1882. – Т. 4. – С. 232.
- ²⁵ Мишон В.М. Река Воронеж и ее бассейн. – Воронеж, 2000. – С. 193.
- ²⁶ Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки: список рек и озер. – М., 1976. – С. 40, 98, 110, 156.
- ²⁷ Фасмер М. Указ. соч. – 1987. – Т. 4. – С. 171.

Андрей Супиталев,
*историк-краевед, Республика Беларусь,
г.п. Бельничы Могилевской области*

СЛЕДЫ ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ

(Послесловие к статье российского коллеги)

В основе огромного количества гидронимов обычно лежит географический термин, который обозначает нечто водное: воду, поток или особенности ландшафта, на котором находится водоем (болотистая или влажная местность, черты рельефа). Поэтому само по себе происхождение названия реки Усмань от слова «камень» несколько сомнительно. Если, конечно, в ландшафте не присутствуют явные признаки камня.

Действительно, зачем людям приносить с собой название реки, которое они не понимают и употребляют как традиционный звуковой комплекс без очевидного смысла? Скорее всего, все могло быть ровно наоборот: пришедшие на новые земли славянские колонисты приняли уже существующее название реки. Позже, очевидно, под влиянием исследований Макса Фасмера гидроним был переосмыслен и «подогнан» под созвучное иранское слово «камень».

Нужно отметить, что «тезки» воронежской Усмани находятся не только в Сумской области. Родственные гидронимы разбросаны на обширной территории всего Верхнего Поднепровья. Вот некоторые примеры: Осьма, вариант Восьма (левый приток Днепра), Ошмянка (левый приток Вилии), Лосменная, вариант Лосвина (левый приток Днепра), Лосьмена (правый приток Днепра)¹.

Если учитывать распространенную в гидронимии диссимилиацию (смену) звуков [м]/[в], которую мы уже видели в вариантах названия Лосменная/Лосвина, то к имеющимся уже основам см- и шм- добавится основа св-: гидронимы Освина, Освица, Осевка и большое количество других. Все указанные корни согласно фонетическим закономерностям должны иметь варианты с гласными буквами: Сева (бассейн Десны), Сумка (бассейн Сожа), Семница, Сейма (бассейн Оки), Сейм (левый приток Десны). Исследователи традиционно указывают на ираноязычную этимологию этих названий, как и гидронима Усмань².

Если рассмотреть этот вопрос еще шире, то окажется, что географические названия с интересующими нас корнями встречаются также у народов финно-угорской языковой группы: хантское «саим» – «высохший ручей», мансийское «сойм» – «ручей, родник» (ср. с названием реки Сейм). Эти термины широко представлены в микропонимике ручьев³.

Все перечисленные выше названия рек и географические термины – пример

того, как единый запас гидронимических корней распространился на огромных территориях среди разных народов, хотя и в несколько видоизмененной форме.

Попытки толкования происхождения названия «Усмань» с иранского языка не случайны. Бассейны Дона и Сейма, днепровское лесостепное левобережье были в древности зоной расселения ираноязычных племен. На территории Беларуси, особенно в Нижнем Посожье и Верхнем Понемонье также встречаются иранские следы в гидронимии. По мнению исследователей, они связаны с активными славяно-иранскими контактами. Однако представляется, что возможная иранская этимология является одним из пластов, за которым скрывается общая индоевропейская основа. То же иранское слово *asman* имеет соответствия в других языках: литовское *akmuo*, латышское *akmens*, русское «камень» от старославянского **kamy* < **akmy* < **ak'men* ⁴.

В продолжение темы «каменных рек» нужно сказать, что для наиболее ранних этапов развития человеческого общества характерно так называемое мифологическое мышление. В его рамках значение слова «камень» могло соотноситься со значениями «мокрый», «вода». Например, литовское *uola* – «камень», но индоевропейское **el-*, **ol-* «быть сырым, мокрым» ⁵.

Сравнение показывает, что какая-либо древняя лексема расходилась в языковом мире, пополняясь новым содержанием и смыслом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что гидроним Усмань имеет созвучие с иранским словом «камень».

Таким образом, можно предположить, что в основе названия реки Усмань лежит древний гидронимический корень **seu-* со значением «вода».

Имена рек менялись во время миграционных и этнических процессов, иной раз до неузнаваемости. Поэтому для каждого гидронима возможно несколько этимологических объяснений. При этом существует первичная внутренняя форма, которую далеко не всегда можно определить. Только сопоставление названий водных объектов на разных территориях евразийского пространства позволяет судить об их возможной первоначальной форме.

¹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962. – С. 273.

² Рогалеў А.Ф. Назвы Бацькаўшчыны (тапанімія Беларусі). – Гомель, 2011. – С. 20, 131–140; Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Указ. соч. – С. 281–282.

³ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – Москва, 1984. – С. 512.

⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Москва, 1999. – Т. 1. – С. 372.

⁵ Маковский М.М. У истоков человеческого языка. – М., 2012. – С. 136; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – Т. 2. – С. 673.

Сергей Филоненко,

*доктор исторических наук, профессор,
ректор Воронежского государственного
педагогического университета*

ВОРОНЕЖ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

І. БОИ ЗА ВОРОНЕЖ И ПЛАЦДАРМЫ НА ДОНУ В ИЮЛЕ- ДЕКАБРЕ 1942 ГОДА

Потерпев в 1941 году поражение в битве под Москвой, гитлеровцы разработали стратегический план ведения войны на лето 1942 г. Этот план был изложен в директиве Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года: «Главная операция – на Восточном фронте. Цель этой операции ... состоит в том, чтобы для овладения Кавказом разбить и уничтожить русские силы, расположенные в районе Воронежа и к югу от него, западнее и севернее р. Дон»¹. К концу июня 1942 года противник сосредоточил на южном крыле советско-германского фронта крупную группировку в составе 900 тысяч человек, 1263 танков, 17 035 орудий и минометов, 1640 боевых самолетов². Здесь находилось 37% его пехотных и кавалерийских и 53% танковых и моторизованных соединений, находившихся на советско-германском фронте³. Операция «Блау» («Синяя») была начата 28 июня 1942 года: войска группы «Вейхс» атаковали на воронежском направлении, на стыке 13 и 40-й армий Брянского фронта, и в течение дня противнику удалось продвинуться на глубину 8-12 км. Это стало началом Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции советских войск (28 июня – 24 июля 1942 года).

На дальних подступах к Воронежу героически сражалась 45-я стрелковая дивизия, в составе которой было 8 тысяч воронежцев, преимущественно добровольцев и ополченцев – бывших рабочих, служащих, студентов и преподавателей. Почти все они погибли в неравных боях, защищая родной город, но дивизия была переформирована. Затем она сражалась в Сталинграде и в конце войны принимала участие в штурме Берлина.

В придонских степях фашистские танки 4-й армии Гота были встречены

огнем частей 3-й дивизии ПВО. Укомплектованные в основном воронежскими девушками-зенитчицами, орудийные расчеты поставили зенитные орудия на прямую наводку и вступили в бой с фашистами. Большинство из них погибли, ценой своей жизни задержав продвижение врага к Воронежу.

Так же доблестно сражалась с противником уже на берегах Дона и в черте города 232-я стрелковая дивизия под командованием подполковника И.И. Улитина⁴.

6 июля гитлеровцы форсировали Дон и ворвались в правобережную часть Воронежа. 212 дней линия фронта разделяла город на две части. Правобережье было в основном захвачено фашистами, а левобережная часть города контролировалась советскими войсками. Попытка фашистов высадиться на левом берегу р. Воронеж и захватить там плацдарм была пресечена.

6 июля 5-я танковая армия генерала А.И. Лизюкова нанесла контрудар по левому флангу немецкой группировки. В итоге в сражение за Воронеж была втянута большая часть 4-й танковой армии Гота, что лишило ее возможности развить наступление на юг вдоль Дона⁵.

Главная ударная сила группы «Вейхс» – 4-я танковая армия – застопорилась у Воронежа, в результате чего начался срыв сроков последовательно проводимых в рамках стратегического наступления ударов. Командующий группой армий «Б» генерал-фельдмаршал фон Бок был отстранен от командования, и одной из главных причин этого стали события под Воронежем.

Об ожесточенном характере боев в своей брошюре «Штурм и оборона Воронежа» написал немецкий военный корреспондент Г. Штебе: «С первых дней июля (1942 год – *авт.*), когда немецкие моторизованные соединения... приблизились к важному советскому городу Воронежу, название этого города для фронта и родины стало олицетворением особенно ожесточенных боев... В этих боях не один немец простился со своей жизнью. Кресты солдатских могил стоят повсюду... в центре разрушенного города, среди выгоревших фасадов и баррикад, в скверах, на улицах и на берегу Дона»⁶. Сложное положение, в которое попали дивизии вермахта, наступавшие на Воронеж, признавал и сам начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер, сделавший в своем дневнике следующие записи: «5.VII.1942 год ... 24-я танковая дивизия и дивизия «Великая Германия» серьезно истощат свои силы, наступая на хорошо подготовленный к обороне и укрепленный Воронеж. 14.VII.1942 год в районе Воронежа с большим трудом отбиты сильные атаки противника при участии танков. 16.VII.1942 год бои у Воронежа характеризуются большими потерями»⁷.

7 июля 1942 года по решению Ставки был создан Воронежский фронт, который с 14 июля 1942 года возглавил генерал Н.Ф. Ватутин.

10-11 июля силами сводного полка НКВД и правофланговых частей 40-й армии проводилась первая наступательная операция советских войск в Воронеже, в ходе которой удалось отбросить немцев от отроженских железнодорожных мостов, освободить часть г. Воронежа – территорию городка СХИ, Ботанического сада, Березовой рощи⁸.

12 июля была проведена наступательная операция силами 60-й армии, в результате которой удалось освободить небольшой район в северной части города. 14 июля были освобождены село Подгорное и Рабочий городок на северной окраине Воронежа⁹.

15 июля командующий Воронежским фронтом вновь поставил перед войска-

ми задачу: 60-й армии во взаимодействии с 40-й армией окружить воронежскую группировку противника¹⁰. Хотя операция и не достигла своей цели, но активные действия наших войск продолжали сковывать фашистов на воронежском направлении. Всего в ходе июльских боев противник потерял убитыми в районе Воронежа около 40 тысяч человек¹¹. 28 июля 1942 года был опубликован приказ Народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина № 227, в нем говорилось: «Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». В приказе И.В. Сталин отмечает сражающийся Воронеж, опровергая хвастливые утверждения гитлеровцев о захвате города: «Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купьянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа»¹².

В боях за Воронеж советские воины проявили мужество, стойкость и массовый героизм. На улицах Воронежа в июле 1942 года трижды был предвосхищен подвиг А. Матросова. За подвиги в ходе воронежского сражения 40 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза¹³. В послевоенные годы 76 улиц, площадей и переулков города стали носить имена героев сражения за Воронеж.

Наряду с систематическими атаками местного значения войсками Воронежского фронта в августе-сентябре были проведены две наступательные операции с задачей разгрома фашистской группировки в районе Воронежа. 15 сентября части 40-й армии, перейдя в наступление, сломали упорное сопротивление противника и заняли Чижовский плацдарм в Воронеже на правом берегу реки Воронеж. Только за три дня боев было уничтожено 100 огневых вражеских точек и до двух полков немецкой пехоты¹⁴. С 17 сентября в боях за Чижовский плацдарм принял участие сводный отряд народного ополчения под командованием капитана П.Ф. Грачева и комиссара Д.М. Куцыгина. В этих боях ополченцы-добровольцы показали высокие образцы мужества. Геройски сражаясь, погибли комиссар отряда Даниил Куцыгин, бойцы Валентин Куколкин, Аня Скоробогацько и многие другие. Не менее упорные бои вела 60-я армия за рошу «Фигурную» и Подклетное¹⁵.

Практически все фундаментальные труды российских и западных историков, посвященные Сталинградской битве, содержат также описание боев за Воронеж. В частности, известный английский историк Энтони Бивор в своей книге «Сталинград» утверждает: «...Гитлер принял компромиссное, но роковое по сути решение. Он отдал приказ Боку продолжать бои за Воронеж... Защитники города навязали немцам ожесточенные уличные бои, в которых вермахт потерял все свои преимущества. ...Именно с Воронежа Красная Армия начала уделять особое внимание обороне городов, а не удержанию произвольных линий обороны на карте»¹⁶.

Об ожесточенности боев в городе свидетельствует тот факт, что Воронеж вошел в число 15 наиболее разрушенных городов СССР¹⁷.

Войска Воронежского фронта вели упорные бои и за плацдармы на Дону. Потери 2-й венгерской армии с 18 июля по 16 сентября 1942 года во время боев за Коротоякский, Урывский, Сторожевской и Щученский плацдармы оцениваются венгерскими историками в 26-27 тысяч человек. Была уничтожена также половина танков 1-й танковой дивизии венгров¹⁸.

20 августа войска 63-й армии атаковали участок обороны 8-й итальянской армии и, разгромив дивизию «Сфорцеска», захватили Осетровский плацдарм¹⁹.

Командующий 40-й армией генерал К.С. Москаленко отмечал: «В течение

июля, августа и сентября 1942 года в районе Воронежа советские войска вели напряженные бои ...общий оперативный результат оказался весьма положительным: противник был вынужден полностью сохранять свою группировку в районе Воронежа и к северо-западу от него, лишился возможности перебрасывать войска отсюда под Сталинград и на Кавказ»²⁰.

Как отмечал начальник штаба Воронежского фронта генерал М.И. Казаков: «...Воронежский фронт (в октябре 1942 года – *авт.*) удерживал перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень быгодились немецко-фашистскому командованию под Сталинградом»²¹.

Сражение за Воронеж было кровопролитным. Сегодня прах защитников города покоится в 49 братских могилах. В ходе боев на Верхнем Дону и у стен Воронежа летом и осенью 1942 года противник потерял убитыми не менее 100 тысяч солдат и офицеров²².

Из области ушли на фронт 563 181 человек, в том числе из Воронежа 46 655. Погибли на фронтах Великой Отечественной войны свыше 330 тысяч человек.

II. НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ЗИМОЙ 1942-43 ГГ. ПО ПОЛНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ Г. ВОРОНЕЖА И ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Из 83 районов Воронежской области в июле 1942 года 29 были оккупированы врагом полностью, а 5 – частично. Освобождение временно оккупированных районов началось в ходе операции «Малый Сатурн» (16-31 декабря 1942 года), которая является составной частью Сталинградской битвы. Были освобождены Кантемировский, Богучарский и другие южные районы области²³.

Полностью территория Воронежской области была освобождена в ходе двух верхнедонских наступательных операций советских войск – Острогожско-Россошанской (13-27 января 1943 года) и Воронежско-Касторненской (24 января – 2 февраля 1943 года). В этот период бои развернулись на общей площади около 45 тысяч кв. км. Данные операции были подготовлены и проведены выдающимися советскими военачальниками, 6 из которых впоследствии стали маршалами: И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Ф.И. Голиков, К.С. Москаленко, П.С. Рыбалко.

Особо надо сказать о генерале И.Д. Черняховском – командующем 60-й армией, 25 января 1943 года полностью освободившей г. Воронеж от оккупантов.

В анналы военной истории Острогожско-Россошанская операция вошла как образец фронтовой наступательной операции периода Великой Отечественной войны. Советские военные историки назвали ее «Сталинградом на Верхнем Дону»: «Сталинградская наступательная операция... стала своего рода эталоном для многих последующих наступательных операций Советских Вооруженных Сил, и в частности Острогожско-Россошанской (январь 1943 года), когда в короткий срок южнее Воронежа была окружена и уничтожена новая крупная группировка противника»²⁴. За 15 дней, которые продолжалась операция, оборона врага была прорвана на 250-километровом участке. Советские войска продвинулись на 140 км, освободив территорию в 22,5 тысяч кв. км²⁵. В её ходе были разгромлены войска трех европейских государств: 24-й немецкий танковый корпус (командир генерал-лейтенант Вандель был убит), итальянский аль-

пийский корпус 8-й итальянской армии, основные силы 2-й венгерской королевской армии. Численность вражеской группировки составляла 280 тысяч человек. В плен было взято 97 тысяч солдат и офицеров противника²⁶. В данной операции впервые в истории Великой Отечественной войны один фронт в условиях неблагоприятного соотношения в силах осуществил успешный прорыв подготовленной обороны на трех направлениях²⁷. Окружение и уничтожение крупной группировки противника в зимних условиях частью сил войск одного фронта в Острогожско-Россошанской операции явились новой ступенью в развитии советского оперативного искусства. Дальнейшим развитием теории и практики ведения операции на окружение и уничтожение противника по сравнению с ноябрьской наступательной операцией советских войск под Сталинградом было то, что в Острогожско-Россошанской операции расчленение и уничтожение вражеской группировки осуществлялось одновременно с окружением. В Острогожско-Россошанской наступательной операции впервые во время Великой Отечественной войны усиленный стрелковый корпус наступал на отдельном направлении, выполняя роль одной из ударных группировок фронта, наступавшей между двумя основными группировками и на значительном расстоянии от каждой из них. В ней советские войска приобрели опыт наступления с плацдармов²⁸.

После разгрома противника в Острогожско-Россошанской операции в немецкой обороне образовалась 220-километровая брешь от Старого Оскола до Сватово, что создало условия для удара во фланг и тыл 2-й немецкой армии, оборонявшей вместе с 3-м венгерским корпусом (10 немецких и 2 венгерские дивизии; 125 тысяч чел., 2100 орудий и миномётов, 65 танков) воронежско-касторненский выступ (основание – 130 км, глубина – около 100 км). Операция началась 24 января ударом 40-й армии, усиленной 4-м танковым корпусом, в направлении на Горшечное, Касторное. 25 января в бой вступила 60-я армия, которая полностью освободила Воронеж и развернула наступление на Нижнюю Ведугу. В итоге Воронежско-Касторненской операции советские войска продвинулись до 240 км. Они освободили большую часть Воронежской и Курской областей, в том числе полностью Воронеж, Касторное, Старый Оскол, Тим, Обоянь и много других крупных населенных пунктов. Немецкое командование окончательно лишилось реки Дон как рубежа, который Гитлер требовал удерживать любой ценой. В то же время для советских войск были созданы благоприятные условия для развития наступления на Курск и Харьков, а также в обход Донбасса с севера. В ходе операции разгромлены 2-я немецкая армия и остатки 2-й венгерской армии – всего 11 дивизий. Враг потерял более 83 тысяч солдат и офицеров²⁹.

Особенностью данных операций является то, что в их ходе были разгромлены войска сателлитов фашистской Германии. В частности, альпийские стрелки, элитные части итальянских вооруженных сил, по оценкам итальянских военных историков, потеряли за 10 дней боев на Дону в январе 1943 года больше солдат, чем за всю Первую мировую войну³⁰. Из 55-тысячного альпийского корпуса было потеряно 40 тысяч человек³¹. Это были последние регулярные части фашистской Италии на советско-германском фронте, которые принимали участие в боевых действиях. В июле 1942 года из Италии на Дон было отправлено 200 эшелонов с войсками, боевой техникой и снаряжением. Чтобы отправить в Италию оставшихся в живых весной 1943 года достаточно было 17 эшелонов³².

В ходе наиболее ожесточенных и успешных наступательных боев частей

Красной Армии зимой 1942-1943 гг. вражеские войска громились, теряли управление, а их командующие армиями, корпусами, дивизиями оказывались в советском плену. Именно тогда впервые в ходе Великой Отечественной войны генералы противника попали в советский плен: 28 – под Сталинградом и 5 – под Воронежем³³. Из 4 командиров дивизий итальянского альпийского корпуса, сражавшихся на воронежской земле, 3 генерала оказались в плену (У. Реканьо – дивизия «Юлия», Э. Пасколини – дивизия «Виченца», Э. Баттисти – дивизия «Кунеензе»).

Разгром альпийского корпуса на воронежской земле явился финалом гибели 8-й итальянской армии АКМ1К, начавшейся в ходе Сталинградской битвы³⁴. 3 сентября 1943 года Италия вышла из войны на стороне фашистской Германии.

Под Воронежем была разгромлена 203-тысячная 2-я венгерская армия. Ее гибель стала самым крупным поражением за всю почти тысячелетнюю историю этого европейского государства. В многотомной истории Венгрии есть раздел «Воронежское бедствие». Венгерские историки утверждали: «Активному ведению кампании на Восточном фронте положила конец катастрофа под Воронежем в январе 1943 года, где Венгрия потеряла половину своих вооруженных сил и почти всю технику»³⁵. В плен попали командир 3-го венгерского армейского корпуса генерал Штомм и начальник артиллерии этого корпуса генерал Деше. На заседании венгерского правительства 23 февраля 1943 года рассматривался вопрос о последствиях поражения 2-й венгерской армии под Воронежем, на Дону, на советско-германском фронте в январе 1943 года. На нем отмечалось: «Во время отступления, происходившего в период больших морозов, многие солдаты, будучи отрезанными от своих частей, побросали оружие. <...> Венгерское военное командование в настоящее время высказывается за то, чтобы больше не посылать на фронт ни солдат, ни снаряжения»³⁶.

Венгерскому военно-политическому руководству не удалось скрыть истинных размеров катастрофы, обрушившейся на 2-ю венгерскую армию. По данным Хорти, 2-я венгерская армия потеряла 80 тысяч человек убитыми и 63 тысяч ранеными³⁷. Такого поражения венгерский королевский Гонвед не знал за всю свою историю³⁸. Катастрофа, постигшая 2-ю венгерскую королевскую армию в 1943 году под Воронежем, подтверждается наличием на территории области двух центральных кладбищ венгерских военнослужащих, самых крупных в мире, где захоронено свыше 25 тысяч человек³⁹.

III. ПОМОЩЬ ВОРОНЕЖЦЕВ ФРОНТУ

В первые дни после начала Великой Отечественной войны промышленность Воронежа была переведена на выпуск вооружения и боеприпасов. Авиационный завод, освоивший перед войной серийный выпуск штурмовиков Ил-2, резко увеличил объем производства этих самолетов. За образцовое выполнение задания правительства по выпуску боевой техники в августе 1941 года завод Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Ленина. Воронежский экскаваторный завод им. Коминтерна приступил к выпуску первых серийных реактивных установок БМ-13 «Катюша», в августе и сентябре 1941 года через день, отправляя в Москву по 10-12 боевых установок. Последнюю партию из 18 машин отправили в Москву во второй половине октября 1941

года⁴⁰. С августа 1941 года по февраль 1942 года вагоноремонтный завод им. Тельмана построил 6 зенитных бронепоездов⁴¹. Завод «Электросигнал» освоил выпуск радиостанций. Несколько заводов изготавливали автоматы ППШ, другое стрелковое оружие, взрывчатые вещества. Предприятия легкой промышленности приступили к пошиву обмундирования для армии.

С приближением фронта осенью 1941 года 117 крупных предприятий были эвакуированы.

На территории Воронежской области в сентябре 1941 года было развернуто 50 эвакуогоспиталей, в Воронеже – 20 эвакуогоспиталей⁴².

Всего в 1941-1943 гг. на строительстве военных сооружений работали около 200 тысяч трудящихся области⁴³. В 1941 году население области добровольно сдало в фонд обороны около 20 млн рублей⁴⁴. На строительство танковой колонны «Воронежский колхозник» жители Воронежской области внесли 71 млн рублей⁴⁵, были также построены за счет личных сбережений воронежцев авиаэскадрильи «Трудящиеся Воронежа – фронту», «Таловский колхозник». В 1942-1943 гг. воронежцы отправили в действующую армию 568 тысяч единиц одежды и белья⁴⁶. В фонд Красной Армии и обороны Родины колхозами Воронежской области в 1942-1945 гг. было сдано более 2 млн т хлеба, около 10 тысяч т мясoproдуктов⁴⁷.

Огромный объем работы лег на плечи жителей в период возведения оборонительных сооружений. На строительстве военных сооружений в 1941-1943 гг. работало около 200 тысяч трудящихся области⁴⁸. В Воронеже было создано свыше тысячи групп самозащиты и МПВО, в которых участвовало более 36 тысяч человек⁴⁹.

В октябре 1941 года в Воронеж переместились Главное командование Юго-Западного направления и Юго-Западного фронта во главе с заместителем наркома обороны СССР маршалом С.К. Тимошенко. 22 октября 1941 года в Воронеже создается Воронежский городской Комитет обороны⁵⁰.

7 ноября 1941 года в Воронеже был проведен парад войск Юго-Западного фронта, дополнивший военно-политическую значимость военных парадов, проведенных в этот день в Москве и Куйбышеве. Парад принимал маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Важным резервом для Красной Армии были народные ополчения, в отряды которых в Воронежской области вступило свыше 200 тысяч человек⁵¹.

8 августа 1941 года был сформирован, а 17 сентября отправлен на фронт «Добровольческий коммунистический полк», куда вошли свыше трех тысяч коммунистов и комсомольцев. Полк под командованием полковника М.Е. Вайцеховского (комиссар Н.П. Латышев, начальник штаба А.Т. Худяков) воевал в составе 1-й гвардейской стрелковой дивизии⁵².

Осенью 1941 г в области было создано 165 партизанских отрядов, которые объединяли 4883 бойца⁵³. В феврале – апреле 1942 года 68% личного состава партизанских отрядов было призвано в действующую армию. На 1 июля 1942 года в районах области имелось 158 партизанских отрядов в составе 3126 человек⁵⁴. В ноябре 1942 года на Воронежском фронте был создан Штаб партизанского движения. Активное участие партизанские отряды приняли в освобождении оккупированной территории Воронежской области совместно с частями Красной Армии зимой 1942/43 гг. В частности, Ладомирский отряд «Смерть фашизму» уничтожил в январе 1943 года до 4000 солдат и офицеров противни-

ка и до 7000 взял в плен⁵⁵. Всего воронежские партизаны провели 47 боевых операций⁵⁶.

Воронежский фронт, в 1943 году переименованный в Первый Украинский, участвовал в освобождении Курска, Белгорода, Харькова, Киева, прошёл боевой путь от Воронежа до Берлина.

¹ Цит. по: Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – Кн. 1. – С. 137; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). – Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 269.

² Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – Кн. 1. – С. 14.

³ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М.: Наука, 1977. – С.190.

⁴ Гринько А.И. В боях за Воронеж (Хроника героической обороны города). – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. – С.21.

⁵ Всероссийская Книга Памяти: 1941-1945 гг. Обзорный том. – 2-е, дополненное и исправленное издание. – М: Воениздат, 2005. – С.73.

⁶ Staabe G. Offensive und Abwehr urn Woronesh // Schwarz A. Woronesh / Don-Stellung 1942/1943. AusgewaMteDokumente. Zweitaufgabe. – 1978. – S. 117-118.

⁷ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939-1942 гг. Т. III. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 – 24.09.1942) /Пер. с нем. И.Глаголева, коммент. полк. К. Черемухина. – М.: Воениздат, 1971.

⁸ Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. – Кн. 1. – С. 175.

⁹ Там же. – С. 193.

¹⁰ ЦАМО – Ф. 203. Оп. 2843. Д. 18. Л. 32.

¹¹ ЦАМО – Ф. 417. Оп. 10564. Д. 45. Л. 1.

¹² 60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. – М.: Книга и бизнес, 2003. – С. 399-400.

¹³ Гринько А.И. В боях за Воронеж. – С. 221.

¹⁴ Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. – Кн. 1. – С. 561, 566, 573, 579.

¹⁵ Там же. – С. 359, 365.

¹⁶ Beevor A. Stalingrad. – L.: Penguin Books Ltd, 1998. – P. 74.

¹⁷ Воронеж в документах и материалах. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – С. 174.

¹⁸ Холло Й. Вторая венгерская армия в боях на Дону //Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции /Под ред. С.И. Филоненко. – Воронеж, 2006. – С. 40; ЦАМО. – Ф. 203. Оп. 2843. Д. 79. Л. 2-16.

¹⁹ Gli italiani sul fronte russo. – Van, 1982. – P. 218.

²⁰ Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. 1. – М.: Наука, 1973. – С. 349.

²¹ Казаков М.И. Над картой былых сражений. – М.: Воениздат, 1971. – С. 127.

²² Гринько А.И. В боях за Воронеж. – С. 219.

²³ ЦАМО – Ф. 334. Оп. 5252. Д. 76. Л. 1 – 31.

²⁴ Морозов В.П. Исторический подвиг Сталинграда. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Воениздат, 1982. – С. 151-152.

²⁵ ЦАМО – Ф. 334. Оп. 5252. Д. 178-180. Л. 34; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга вторая. Перелом. – М.: Наука, 1998. – С. 160.

²⁶ ЦАМО – Ф. 203. Оп. 8695. Д. 48. Л. 1.; Оп. 2673. Д. 120. Л. 75; Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Книга вторая. – С. 160.

²⁷ ЦАМО – Ф. 203. Оп. 2843. Д. 488. Л. 23-27.

²⁸ ЦАМО – Ф. 203. Оп. 2843. Д. 290. Л. 2-3.

²⁹ ЦАМО – Ф. 203. Оп. 2843. Д. 488. Л. 1-16; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга вторая. – С. 165.

³⁰ Scotoni G. L'annientamento dell'ARMIR a Voronez e Pinterrogatorio dei generali fascisti sconfitti//Popolo del calendario. – № 683. – febbraio 2004. – P. 27.

- ³¹ Korradi E. La ritirata di Russia. – Milano: Editore Longanesi, 1964. – II capitolo quarto. – P. 86-88.
- ³² См.: Видулич Т. Альпийские стрелки в России //Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. – С. 328. 33ЦАМО. – Ф.203.Оп.2843.Д.418.Л.4. 34 ЦАМО. – Ф. 232. Оп. 590. Д. 35. Л. 26-30,33-39,41-45,48-50.
- ³⁵ Macartney C.A., Litt D. Hungary: A short history. – Edinburg: University Press, 1962. – P. 223.
- ³⁶ Выдержки из протокола заседания Совета Министров Венгрии от 23 февраля 1943 года. // Венгрия и Вторая мировая война. – С. 294-295.
- ³⁷ См.: Пушкаш А.И. Венгрия в годы Второй мировой войны. – М., 1966. – С. 184.
- ³⁸ See: A History of Hungary. (L.: Welling Collektivs, 1975.) P. 526.
- ³⁹ Холло Й. Вторая венгерская армия в боях на Дону (1942-43 гг.) // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы международной научной конференции. – С. 44.
- ⁴⁰ См.: Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). – Ф. 5297. Оп. 6. Д. 253. Л. 1-7.
- ⁴¹ ГАОПИВО. – Ф.2819. Оп. 1. Д. 1. Л. 224.
- ⁴² Архив военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации. – Ф. 147.Оп.51985. Д. 1.Л.2-3.
- ⁴³ ГАОПИВО. – Ф. 3. Оп. 50а. Д. 12. л. 44; Во имя победы. Сб. док. и мат. – Воронеж, 1975.- С.116.
- ⁴⁴ ГАОПИВО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 4558. Л. 27.
- ⁴⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. 1440. Оп. 18. Д. 132. Л. 160-161.
- ⁴⁶ ГАОПИВО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 5801. Л. 60.
- ⁴⁷ ГАВО. – Ф. 1766. Оп. 1. Д. 3787. Л. 2,6; Д. 3917. Л. 2,6; Д. 4130. Л. 2,6; Д. 4335. Л. 2,6; ГАОПИВО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 5479. Л. 30.
- ⁴⁸ ГАОПИВО. – Ф. 3. Оп. 50а. Д. 12. л. 44; Во имя победы. Сб. док. и мат. – Воронеж, 1975. – С.116.
- ⁴⁹ Воронежская область в Великой Отечественной войне. Сборник документов и материалов. – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1948. – С. 64.
- ⁵⁰ Там же. – С.30.
- ⁵¹ Кононов В.И. Священная память. – Воронеж, 2003. – С. 12.
- ⁵² Латышев Н.П. Воронежский полк в боях за Родину. – Воронеж, 1958.
- ⁵³ ГАОПИВО. – Ф. 3478. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ⁵⁴ ГАОПИВО. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 4560. Л. 2об.
- ⁵⁵ ГАОПИВО. – Ф. 3478. Оп. 1. Д. 99. Л. 29.
- ⁵⁶ ГАОПИВО. – Ф. 3428. Оп. 1. Д. 10. Л. 12,20.

Данный материал был направлен в администрацию Президента РФ в 2007 году в ходе работы по представлению города Воронежа к почетному званию «Город воинской славы».

Олег Ласунский,

литературовед, член Союза российских писателей

ПЕРО И ШТЫК

(Литературная жизнь Воронежа
в 1941–1942 гг.)

Литературная жизнь нашего города в грозные военные годы – еще нетронутая исследовательская целина, тоскующая по глубокому плугу. Так бывает часто. Окутанные пеленой неизвестности эпохи влекут к себе больше, нежели эпохи ближние, до которых, кажется, рукой подать.

Отшумевшая война пока не стала по-настоящему историей. Еще кровоточат нанесенные ею раны в сердцах, еще оплакивают вдовы не вернувшихся с поля боя. Но бег времени необратим. Тридцать шесть лет прошло со Дня Победы. Для младшего поколения Великая Отечественная война – уже героическая история. Наш долг – не позволить, чтобы ее страницы как-то стерлись, помутнели, забылись...

Война оставила Воронежу долго не заживавшие шрамы. Теперь все позади, исчезли последние рубцы на теле города. Он расцвел и похорошел, ненаглядный наш Воронеж, особенно прекрасный в весенние дни, когда деревья одеваются в свой пышный зеленолиственный убор, а в воздухе растворена какая-то особая нега. Впрочем, он дорог нам и в любую иную пору. Дорог не потому только, что действительно красивы его прямые, как натянутые струны, проспекты и тенистые скверы, но и потому еще, что мы знаем: он восстал из пепла и руин, как чудо животворящих человеческих рук.

И проходя по площади, носящей гордое имя Победы, мимо стройной и строгой стелы, мимо монумента с его точно вырубленными из скалы скорбными ликами, мы отчетливо сознаем: нет, такое не забывается! Вечный огонь памяти опалает наши души.

...В ту лихую годину солдатами были все. Желанную победу ковали и красноармейцы на переднем рубеже, и женщины, впряженные в соху, и подростки на тыловых заводах. Писатели тоже стали бойцами. Они гибли в бою, они поднимали батальоны своими обжигающими строками в атаку, они крушили геббельсовскую пропаганду чистотой и гуманностью своих идей. Книги времен Великой Отечественной... Книги, где эта священная эпопея запечатлелась... Они не могут быть только реликвиями, музейными экспонатами. Они – наши товарищи и ровесники. В них отражен немеркнущий подвиг народа-освободителя.

Воронеж – маленькая точка на карте войны. Но если использовать крупномасштабную линейку, то увидится немало интересного и достойного внимания. В нашем городе – это даже может поначалу показаться парадоксом – в 1941–1942 гг. кипела необычайно интенсивная литературно-общественная жизнь.

Я не претендую здесь на доскональное раскрытие заявленной в подзаголовке темы. Мои заметки, что называется, лишь «штрихи к портрету». А сам портрет еще предстоит создать.

Материалом для заметок послужили в основном не публиковавшиеся доселе мемуары самих участников событий. Я спешу поблагодарить всех и каждого, кто, невзирая на занятость и хворобы, откликнулся на просьбу рассказать о тех днях. Особо хочу отметить доброжелательную помощь, посибно оказанную мне видным на Украине писателем-следопытом Григорием Демьяновичем Зленко (Одесса).

«ЛЕТУЧИМ ДОЖДЕМ БРОШЮР...»

Многим ли из читателей ведомо, что в прифронтовом Воронеже вышло огромное количество книг украинской «мовою» – около полумиллиона экземпляров? В братской республике об этом часто пишут и вспоминают. Пора и воронежцам занести в свой «актив» этот совершенно исключительный эпизод местной истории.

...Киев пал. Цветущую землю, воспетую Тарасом Шевченко, топтал сапог фашистских насильников. Воронеж осени 1941 – весны 1942 гг. становится важнейшим центром развития украинской культуры первого этапа Великой Отечественной войны. Сюда 6 ноября 1941 года из Валук прибывает аппарат ЦК КП(б)У и правительственные органы. На следующий день в Воронеже состоялся военный парад; его принимал маршал С.К. Тимошенко, а на трибуне стояли только что прилетевшие на самолете «письменники» Ванда Василевская, Александр Корнейчук и Микола Бажан. Из глубокого тыла был вызван харьковский театр им. Т.Г. Шевченко. Популярные украинские актеры И. Марьяненко, М. Крушельницкий, А. Сердюк и другие выступали перед зрителями, которые только что вернулись из окопов на передислокацию и назавтра вновь отправятся на огневые позиции. В Воронеже тогда находились украинские художники, музыканты, писатели. Наш город гостеприимно встретил их, приютил, дал возможность продолжать творческую деятельность.

Со своим убогим походным скарбом и куцым штатом прибыли в Воронеж, где тогда обосновался штаб Юго-Западного фронта, и две издательские организации – фронтовая группа Воениздата Наркомата обороны СССР (она подчинялась Политуправлению фронта) и фронтовая группа Укриздата при ЦК КП(б)У. Действовали они в тесном контакте, «спаренно», вместе с тем не повторяя друг друга.

Неимоверно трудно было в тех условиях украинским издателям. Фронтовую группу Воениздата представлял по сути один человек – Семен Разумовский. Все делали сами авторы, благо они разместились под боком. Редактор занимался более поисками типографской базы (своей не было). Бумаги не хватало, о корректорах, выпускающем, техреде и других положенных в обычное время должностях нечего было и мечтать.

И все-таки книги появлялись. Точнее, небольшие брошюры – от 16 до 100 страничек. Отпечатанные на грубой бумаге подслеповатым шрифтом, они становились грозным оружием. Поэтическая строка обладала тогда большой «убойной» силой. Ее ждали на залитой кровью и слезами многострадальной Украине. Пачки стихотворных сборников, только что покинувших тискальный станок, доставлялись на полевой аэродром, где уже стояли с заведенными моторами

«кукурузники». Глухой ночью летчики разбрасывали в глубоком тылу неприятеля, над селами оккупированной Украины свой груз. Когда не хватало самолетов или подводила погода, выручали партизаны. Потайными тропами несли в вещмешках через «ничейную» зону отпечатанные в Воронеже книжки. Несли спрессованную в строки боль за поруганную землю и неизбывную веру в победу (ох, как было до нее еще далеко!).

Позднейшие библиографы подсчитали общий тираж выпущенных в нашем городе изданий. Только самих-то книг теперь нигде не увидишь, разве что в некоторых архивах. Гибли они нещадно. То бомба угодит в типографию, то самолет разобьется, то гитлеровцы перехватят партизанские транспорты. Зачитывались до дыр теми, кто нашел их поутру возле хаты, на огороде. Их прятали от жандармов и предателей-полицаев. За них шли на смерть.

Свинцом и порохом обожженные судьбы! Сражающиеся книги! Кто сказал, что музы на войне смолкают? Нет, грохот пушек не подавил их карающего голоса! Искусство шло в атакующей цепи...

Разрешение на издание у писателей не всегда спрашивали – не до того! Кое-кто из них только в мирное время узнал о существовании своих книг, о том, что их произведения забрасывались на занятую неприятелем территорию. Авторское право было тогда лишь такое – разить проклятую немчуру боевым словом!

Большая часть изданных в Воронеже патристических украинских изданий падает на долю фронтовой группы Укрздата при ЦК КП(б)У. Ее начальник Юрий Спиридонович Кобылецкий, ныне крупный киевский литературовед, вспоминает (цитирую его письмо от 25 декабря 1977 г.):

«Жили мы в то время в основном в гостинице «Воронеж». Редакция «Укрздата» находилась напротив бывшей гостиницы «Бристоль» [сейчас гостиница «Центральная» на просп. Революции. – *О.Л.*] Помню, что в комнатах были шикарные трюмо, а где-то рядом, кажется, за следующим домом был сад со всякими зверями: не то зоосад, не то пионерский. Потом жили в «Бристоле», иногда ночевали в щелях садика напротив гостиницы «Воронеж». Над этими щелями-ровиками росли огромные яворы. Позже и щели, и яворы были уничтожены прямым попаданием авиабомб...

В моей группе было три художника-оформителя и одна машинистка. Все остальное я делал сам: редактуру, корректуру и т. д. Была у меня еще подгруппа плакатов, ею управляла Калекина Ольга – бывший директор издательства «Мистецтво». Художниками у меня были: Гавриил Пустовойт, Илья Кружков, Самуил Кручаков... Кстати, Г. Пустовойт оформлял книги «Данило Галицкий» М. Бажана, «Украино моя!» А. Малышко, «Светла зброя» М. Рыльского, сборник «Буде, буде перемога» и еще другие.

...Условия, в которых работали? Прочитирую отрывки из некоторых воронежских записей: «13 червня 1942. Ясный жаркий день. 18 ч. Матери гуляют в саду рядом. В окна доносится смех и крики детей. Вдруг бомбы! Разорванные трупы детей... Матери сходят с ума. Это первое воронежское преступление фашистов. У меня в комнате вырвало окна, двери; сорвало со стены осточертелое и ненужное мне трюмо. 29.VI. Вновь бомбы. Одна разрывается рядом. Я стою, закрыв собою какого-то хлопчика, прижатого к стене. Рядом милиционер-солдат. Бомба попадает точно в канализационный колодезь и взрывается там. Придя в себя, вижу, что солдат выставил ноги далеко на мостовую, а сам сидит, прислонившись к стене. Кричу ему: «Убери ноги!» Потом вижу – ноги оторваны выше колен крышкой люка. Мы трое: я, ребенок и его мать целы, только оглушены. 1.VII.42. 12 ч. дня. Сіжу в той же комнате. Работую. Вдруг оглушительный взрыв. Дом трясется, падают потолки, выбегаю на чугунную лестницу. Там какая-то женщина истерически кричит. Громко, властно кричу: «Замолчи!» Подействовало. Замолчала. Отправляю ее в подвал рядом. Вместе со Стоян-

цевым и Петриком перебегаем улицу и ныряем в подвал «Бристоля»... 4.VII. Отправляю эшелон с артистами харьковского театра им. Т.Г. Шевченко. Следом отправляю открытую платформу с имуществом издательской группы: напечатанные книги, верстки, наборы, рукописи». (Все это сгорело при бомбежке в пути. Обгорелые остатки нашлись позже аж на станции Москва-Сортировочная.)

«Все эти дни, начиная с 13 июня, ночью и днем бомбы, бомбы, штурмовики. Город в дыму. Вихри носятся над горящими домами. За эти дни выпустили книжки: «Україно моя!» А. Малышко, «Светла зброя» М. Рыльского, «Вітчизна в бою» И. Фефера, «Провесень» М. Стельмаха, «В наші грізні дні» Д. Гофштейна, «Кров за кров» О. Донченко, сборник «Буде, буде перемога». На верстке: «Путь на зорю» Ю. Мартыча, «Чорний хрест» П. Панча, «Акорди війны» И. Ле, «Золоті ворота» Л. Смилянського, пьеса «Мотька» В. Суходольского». (Это точная запись давних лет.) Печатали мы свои книги в старой типографии против обкома партии...

...Кроме перечисленных в Воронеже вышли «Партизан Вернигора» Л. Первомайского и «За Радянську Україну» Л. Зимнего. Рассказ С. Голованивского «Искупление мужеством» появился на русском языке (1943)». Письмо Ю.С. Кобылецкого живо рисует обстановку, в которой приходилось работать тогдашним издателям. Скромные труженики войны, они делали свое дело честно, с полной самоотдачей, не рассчитывая на награду. Единственным их утешением было сознание того, что непрезентабельные на вид сборнички стихов – в простеньких обложках, а некоторые и без них – находят там, за линией фронта, как никогда благодарного читателя...

Остается добавить, что Ю.С. Кобылецкий со своим маленьким, но сплоченным коллективом, покинув город в самую последнюю минуту, перебазировался сначала в Усмани, а затем в Саратов. Но первый, воронежский опыт – он поможет и потом.

УКРАИНСКИЕ «ПИСЬМЕННИКИ» В ВОРОНЕЖЕ

Прилетевшие накануне Октябрьских праздников 1941 года В. Василевская, А. Корнейчук и М. Бажан представляли газету «За Радянську Україну»: Бажан – ответственный редактор, а его товарищи – члены редколлегии. Необыкновенной была эта газета. Родилась она в самые начальные дни войны и предназначалась для населения оккупированных районов республики. Способы доставки нам уже знакомы: ночные полеты «небесных тихоходов» и каналы партизанской связи. Редакция имела собственную походную типографию, смонтированную на грузовиках, и непосредственно подчинялась Политуправлению Юго-Западного фронта. Выпускались также листовки и другие пропагандистские летучие издания.

Существование своей газеты, отпечатанной на родном языке, конечно, оказывало сильнейшее моральное воздействие на оставшихся в фашистском плену людей. Они были убеждены: Советская власть не оставит своих детей в неволе! Красная Армия вернется!

...У Микола Бажана с нашими местами связаны, как он выразился в письме к автору этих строк (от 19 марта 1977 г.), «пусть и трагические, но все-таки исполненные веры и гордости за славный Воронеж воспоминания». Действительно, такое не забывается!

Колонна редакционных грузовиков с трудом добралась до города, преодолев ужасные километры осенней черноземной хляби. После ночевки в поле или одиноких сараях, после волнений по поводу каждого литра бензина, который требовалось «выбивать», Воронеж показался раем. Здесь можно было даже ку-

пить в магазинах товары, а на рынке продавалась самая разнообразная снедь. Город был оживлен и уютен.

Редакцию разместили на ул. 9 Января, в доме для семей военнослужащих. Почти все жильцы выехали, квартиры пустовали. Объединились всей земляческой колонией: поселились и сотрудники радиоуправления фронта.

Не будет большого преувеличения сказать: в том обыкновенном воронежском доме собрался весь цвет украинской литературы. Вот эти почитаемые нами имена: Александр Корнейчук, Ванда Василевская, Микола Бажан, его заместитель и ответственный секретарь редакции Семен Журахович, работники редакции – Андрей Малышко, Сергей Воскресенко, Анатолий Шиян, сотрудники радиоуправления – Леонид Первомайский, Иван Ле, Юхим Мартыч, Яков Качура, Михаил Тардов. Отсюда они лютой зимою 1941–1942 гг. выезжали в опасные командировки на передовую – в пехотные полки и танковые бригады – и забирались даже в отряды народных мстителей. Здесь, на улице 9 Января, жил Александр Довженко, собирая материал для сценария. Сюда часто приходили Савва Головановский, Микола Упеник, Борис Палийчук и Виктор Кондратенко, находившиеся в штате русской фронтовой газеты «Красная Армия». Тут звучали волнующие строки Бажана:

Мы клятвой едины и волей едины,
Одно в нас стремление растет:
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Если б найти сейчас этот дом (уцелел ли после варварских артобстрелов и бомбовых ударов?), он заслуживал бы, как боевого ордена, блистающей золотом мемориальной доски!

...В редкие минуты отдыха, отрывая последние крохи ото сна, писали обитатели дома весточки близким – обычно краткие и нежные. Уцелели из них лишь немногие. Зато как они сейчас нам нужны!

Дочь Малышко, Валентина Андреевна, сама тоже поэт, любезно предоставила в мое распоряжение копии старых отцовских открыток, посланных ее матери – Дарине Михайловне Володарской. В них – бесценные крупницы сведений. Андрей Малышко сообщает, в частности, о русском гостеприимстве, о новых своих «виришах» про Украину, про Тараса Шевченко, о встречах с А. Довженко, о выступлениях по радио. В письме от 28 июня 1942 г., посылая по экземпляру напечатанных в Воронеже своих книжек «Понад пожари» и «Україно моя!», с огорчением добавляет, что весь тираж их сгорел в типографии от прямого попадания бомбы.

Сказать, что писателям хорошо тогда работалось в Воронеже, было бы, наверно, кощунством. Суровый быт войны давал о себе знать. Корреспондентский паек далеко не соответствовал привычным запросам желудка. В ту невероятно холодную зиму в стылых комнатах царил стужа. И все же творческий родник не иссякал. Какой-то особый духовный подъем окрылял несытых и иззябших служителей фронтовой Музы.

Здесь, в обугленном и дымящемся Воронеже, создавались произведения, ставшие новым завоеванием социалистической литературы. Микола Бажан написал поэму «Данило Галицкий», Александр Довженко – военные рассказы, А. Малышко, Л. Первомайский, С. Головановский – лирические стихи.

В унисон стрекотали портативные машинки в комнате, где поселились Ванда Львовна Василевская и Александр Евдокимович Корнейчук (кстати, именно в Воронеже они официально оформили свой брак). В проникновенных воспоминаниях о В. Василевской – в переводе на русский язык опубликованы в журнале «Знамя» (1976, № 8) – Микола Бажан рисует обаятельный образ этой женщи-

ны, страстного борца за идеалы коммунизма. Ее заметную, слегка угловатую фигуру в форменном обмундировании – она имела звание полкового комиссара – можно было увидеть везде: и в блиндажах, и на митингах, и среди раненых, в воронежских госпиталях. Она лихорадочно трудилась – недосыпая, недоедая, не щадя своего надорванного здоровья, спешила перенести на бумагу кошмарные были фашистской оккупации, раскрыть мужество и нравственную стойкость советских людей, не сломившихся под ярмом гитлеризма. В сильно прокуренной комнате дома на улице 9 Января рождалась прославленная повесть «Радуга».

Мои земляки могут гордиться и тем, что в нашем городе, как авторитетно свидетельствует М. Бажан, был задуман и начат знаменитый «Фронт» А. Корнейчука – он вошел в золотой фонд отечественной драматургии. Это поистине уникальный случай прямого вторжения литературы в стратегические военные сферы. Пьеса, откровенно указывавшая на просчеты нашего командования, помогла справиться со многими ошибками. В том, что характер сводок «От Советского Информбюро» постепенно менялся к лучшему, в какой-то мере был «пови-нен» и корнейчуковский «Фронт».

Весной 1942 года Ванда и Сашко вылетели в Москву, а затем в Куйбышев, где и были завершены «Радуга» и «Фронт».

Но до отъезда было пока далеко. Василевская и Корнейчук по поручению Политуправления Юго-Западного фронта вели в подразделениях и среди населения огромную пропагандистскую работу. Они поддерживали тесную связь с местными журналистами, часто заходили в редакцию областной газеты «Коммуна»...

Одним из самых ярких событий воронежской культурной летописи той эпохи был шевченковский вечер, на котором вдохновенное слово о великом «кобзаре» сказал Александр Корнейчук.

В марте 1942 года в украинских центрах страны отмечались традиционные дни памяти Т.Г. Шевченко. Об этом следует рассказать подробнее. Вот по-телеграфному скупые строки газетной хроники:

«10 марта состоялось торжественное собрание бойцов, командиров и политработников Юго-Западного фронта, посвященное памяти Т.Г. Шевченко.

В президиуме – представители командования Юго-Западного фронта и члены правительства Украинской ССР – Маршал и Герой Советского Союза С.К. Тимошенко, генерал-лейтенант Костенко, заместитель Председателя Верховного Совета Украины т. Корнейчук, секретарь ЦК ЛКСМУ Мария Пидтыченко, Герой Советского Союза Шашло, писательница Ванда Василевская и другие.

Собрание открыл бригадный комиссар т. Гришаев.

С докладом выступил Александр Корнейчук. («Література і мистецтво», 1942, 31 марта). Передо мной фотография, присланная Тимофеем Максимовичем Шашло (он сейчас проректор в Киевском педагогическом институте им. А.М. Горького). На сцене большого зала воронежского Дома офицеров за покрытым красной материей столом сидят люди в гимнастерках – чудится, даже слышишь хруст ремней. Вижу Миколу Бажана, Андрея Малышко, Ивана Ле. Тут же и сам Т.М. Шашло, вызванный в Воронеж для вручения Золотой Звезды Героя. Корнейчука нет – следовательно, в этот момент он за трибуной.

«Вечер был торжественный и величественный, – рассказывает в своих мемуарах М. Бажан. – Горячо говорил Корнейчук, речью которого и началось празднество. В зале сидели воины, воронежские рабочие, высшее войсковое и советское руководство. Все встали, когда зазвучали первые слова «Заповита» [стихотворение Т.Г. Шевченко «Завещание»]. Во все сердца била, высекая из них искры, сталь слов – «и вражескою злою кровью свободу окропите». Вечер был и

чувствованием гения Украины, он стал и боевой клятвой» (перевод и примечание Л. Скорино).

Андрей Малышко на фотографии спрятался за головами во втором ряду президиума. Взгляд устремлен куда-то вниз. Наверное, идет последняя правка набросанного в блокноте стихотворения. Того самого, о котором писал жене.

«Поэт-орденоносец Андрей Малышко прочитал стихотворение, посвященное Тарасу Григорьевичу Шевченко...» – так сообщалось в газете. В ней ничего не говорилось о буре аплодисментов, адресованных А. Малышко. «Вирши» вошли затем в его книгу «Битва» (М., Укриздат ЦК КП(б)У, 1943). О стихотворении с воронежской «пропиской» можно найти упоминание в новейшем «Шевченковском словаре» (Киев, 1976).

Вечер закончился большим концертом, в котором участвовали мастера искусств и фронтовой Ансамбль красноармейской песни и пляски. В программе концерта была и «Песня о Днепре», сочиненная накануне присутствовавшими тут же композитором Марком Фрадкиным и поэтом Евгением Долматовским.

Т.М. Шашло вспоминает:

«Когда исполнялась эта песня, весь зал встал и, затаив дыхание, слушал. И только слезы у каждого на глазах выдавали глубокие чувства и единственное желание: победить! Особенно взволновали нас последние слова песни:

«...Как весенний Днепр, всех врагов сметет наша Армия, наш народ!» (из письма от 14 марта 1978 г.).

...Гневный клич «кобзаря» омыть волю злою вражескою кровью донесся и до его непокоренных земляков. Читаем заметку из газеты «Красная Армия» (1942, 10 марта, № 69):

«ШЕВЧЕНКОВСКАЯ» РАДИОПЕРЕДАЧА

Вчера фронтовое радиовещание провело 4 передачи, посвященные 128-летию со дня рождения и 81-й годовщине со дня смерти великого украинского поэта-демократа Т.Г. Шевченко.

У микрофона выступил дивизионный комиссар тов. Галаджев, украинские писатели академик-драматург Александр Корнейчук и Иван Ле. Стихи, посвященные Т.Г. Шевченко, прочитал украинский поэт Андрей Малышко.

Народная артистка УССР, лауреат Сталинской премии Зоя Гайдай и заслуженный артист республики Лаптев исполнили песни, написанные на тексты Шевченко».

Так прошли шевченковские торжества в нашем городе. Они стали своего рода символом нерушимой дружбы и боевой сплоченности двух советских народов.

...Месяцы, проведенные в Воронеже, оставили крепкую зарубку в биографиях украинских литераторов. Миновали годы, десятилетия, порушились заросшие травой окопные брустверы, засверкали на солнце дворцы из бетона и стекла – а шемящие в ночи душевные раны все не затягиваются. Сквозь хоровод образов вдруг прорвутся какие-то неясные видения, отблески далеких зарниц.

Уже в посмертном сборнике Леонида Первомайского появилось стихотворение «Воронеж». Недавно книга – «Вчера и завтра» – переиздана в переводе Маргариты Алигер (М., 1977). Никакими словами не передать содержание этого лирического творения. Лучше привести его целиком.

ВОРОНЕЖ

Все то, что сам в себе хоронишь,
Не называя никогда,
Вдруг просыпается... Воронеж!
И та война, и те года...

Глубокий снег лежит как сахар,
А губы сохнут и горчат.
Пять этажей – они с размаха
Еще и рухнут и сгорят.

На окнах затемнение никнет,
И ничего не жди назад.
Все прах, но сердце не привыкнет
К обыкновенности утрат.

И хрипло вскрикивают птицы,
Взлетая с ближней каланчи.
На пятом этаже не спится, –
Стихи слагаются в ночи.

Нехитрые стихи солдата,
Но в них душа твоя живет
И в синем воздухе куда-то
Над стихшим городом плывет.

Твой голос плачет и тревожит,
И, немостою поражен,
Он сам себя найти не может,
И сам себя не слышит он.

Он видит лишь ночное поле,
В котором ты один, как перст.
Снегов безлюдное раздолье
Лежит на сколько верст окрест.

Что он тебе поведать может,
Чего бы ты не знал давно?
На брошенный тайник похоже
Твое потухшее окно.

Тепло и свет, – тужа и плача,
Где их искать, где их найти,
Когда и жизнь прожить – задача,
Как поле боя перейти.

«Жизнь прожить – как поле боя перейти» – так трансформируется знакомая всем народная поговорка. Горький привкус прошлого оставляет на губах авторская метафора.

Воронеж! Это слово не один Л. Первомайский мог бы вынести в заглавие своего произведения.

«Подлинно исторической была воронежская зима 1941–1942 гг. для нашей литературы», – сказал видный украинский писатель Семен Журахович (в письме ко мне от 5 декабря 1977 г.).

Так оно, должно быть, и есть.

ФРОНТОВЫЕ РАССКАЗЫ А. ДОВЖЕНКО

Он впервые надел военную форму в Воронеже. Но даже в длиннополой шинели его узнавали сразу – красивого, элегантного, одухотворенного. Еще бы не узнать! Ведь автор замечательных фильмов «Арсенал», «Земля», «Аэроград» был известен каждому мальчишке. А совсем недавно по экранам страны промчался со своей конницей «Щорс», и имя создателя кинокартины не сходило с уст.

Рисовальщик, сценарист, режиссер, писатель – природа с какой-то буйной щедростью наградила своими дарами Александра Петровича Довженко. И он сполна отплатил людям за эти щедроты.

Довженко уже на второй день всенародной трагедии публикует в одесской газете «Большевицкое знамя» огневую статью «К оружию!»

...Он искренне жаловался приятелям: «Мне нельзя бежать с винтовкой наперевес, я пишу статьи! Как это мало!»

Но скольких врагов он мог убить из винтовки? Зато его перо разило наповал. Тема смертельной схватки становится для Довженко господствующей. Он оставляет на «потом» воплощение монументально задуманных полотен и весь отдается боевой публицистике.

Для него не существовало таких понятий, как «проходное» произведение и произведение «на века». Адресуясь к молодым литераторам, он умолял: «Пишите всякий раз так, будто это ваше последнее, кровно выстраданное. Выкладывайтесь без остатка...»

Художник романтического мировидения, не чуравшийся патетики, Довженко всей мощью своего бойцовского темперамента обрушился на гитлеризм. Воронежский период его жизни был исключительно плодотворен.

Довженко не мог отсиживаться в глубоком тылу. Он рвался туда, где грохотала великая битва. Из Апхабада через Куйбышев приезжает сначала в Москву. В столице долго не задержался. «1942. Февраль, 23. Вылет на фронт, в Воронеж» – так зафиксировано в его краткой биографической канве. Политуправление фронта назначает Довженко литконсультантом ежедневной газеты «Красная Армия».

Почему Довженко выбрал именно Воронеж? Ему хотелось быть поближе к милой своей Украине, стонавшей под немецкой пятой. Писатель-интернационалист, он в то же время любил землю отрочества всем жаром своей эмоциональной натуры.

В Воронеже Довженко вел дневник. Пометки в нем, а также воспоминания людей, общавшихся с ним, например, интересные записки журналиста Александра Алинина («Москва», 1977, № 2), и другие источники позволяют представить в общих чертах эту важную веху в судьбе мастера.

Вечный труженик, Александр Петрович работал тогда очень напряженно. В Воронеже он сделал новый качественный шаг в своем творчестве: от кинодраматургии перешел к повествовательной прозе. Его фронтовые рассказы и очерки отмечены той же печатью самобытности, что и прежние масштабные вещи.

Как бы оправдываясь, Довженко в письме Ю.И. Солнцевой от 2 мая 1942 года дает отчет, чем он занимается: «...Я пишу статьи для фронтовых газет, для врагов даже (для забрасывания врагам) и для народа (тоже для забрасывания). Это тоже оружие, и такое нужное, что ты даже не представляешь. Кроме того, я пишу рассказы...»

Еще об одном «оружии» следовало бы упомянуть – об участии в радиопередачах на Украину. Поселился Довженко у диктора фронтовой радиостанции С. М. Марченко и, разумеется, близко к сердцу принял заботы радиожурналистов. Его голос часто слышали и подпольщики-киевляне, и партизаны в своих лесных лагерях. Потом речи его, вырвавшиеся в эфир из Воронежа, распространялись среди населения в виде рукописных прокламаций.

5 апреля 1942 года Довженко выступил по радио со «Словом к молодежи». В дневник записал: «Видел всю несчастную Украину, и мать свою, и отца, прощался с ними и плакал, читаючи...»

В нашем городе Довженко застал близкого своего друга – Андрея Малышко. В письме к жене от 27 февраля 1942 года поэт сообщает, что виделся с Александром Петровичем в своей скромной «солдатской» комнате и вел с ним долгий

задушевный разговор обо всем на свете. В письме от 19 апреля – рисунок (горячая украинская хата) и приписка А. Малышко: «Это Ал. П. Довженко нарисовал обложку для «Кобзаря», который выходит во фронтовой библиотечке...» О воронежских встречах с Малышко есть указания и в дневнике Довженко.

По состоянию здоровья (сердце пошаливало!) он не мог слишком часто выезжать непосредственно в боевые порядки подразделений. Да его, честно говоря, порой и не пускали туда, опасаясь непредвиденной ситуации, а то и просто шальной пули. Довженко все-таки прорывался, потрясая мандатом фронтового Политуправления и используя собственный авторитет. Он бывал в районе Россоши, Валук.

Однако добытых таким образом наблюдений ему казалось недостаточно, и он в Воронеже ведет бесконечные, изматывающие беседы с беженцами, с ранеными, с окруженцами, пробившимися к своим сквозь гитлеровские заслоны. Приходилось участвовать и в допросах пленных немецких офицеров, тогда еще заносчивых, уверенных в непогрешимости своего фюрера.

Из этого хаоса впечатлений возникали сюжеты и образы. Вынашивать замысел – этой роскоши писатель был лишен. В крохотном кабинетике, где стоял узкий стол да диванчик, он создавал свои новеллы, многократно их переделывал, недовольный собой, жаждавший найти те сокровенные слова, которые опалили бы читателя священным огнем ненависти и мести. На малом «плацдарме» рассказа надо было подготовить и осуществить стратегически верную наступательную операцию.

Он не скрывал, как это обычно принято у писательской братии, своих творческих планов. Напротив, охотно читал вслух вещи еще незавершенные, в отрывках, хотел знать мнение товарищей. Так в дневнике появляется запись от 12 апреля: «Вчера ночью, при свечке, читал «На терновой проволоке». Имеется в виду рассказ «На колючей проволоке».

Непостижимой силы это произведение. Веет от него эпической ширью гоголевского «Тараса Бульбы». Недаром он пользовался успехом у солдат. После таких рассказов будто наливались у них свежими соками мышцы, твердела рука, и праведный гнев закипал в жилах, и хотелось только одного – приказа «В атаку!».

Что-то перекликающееся с манерой Андрея Платонова, земляка нашего, есть в этой новелле. Например, вырастающий до некоего символа философский диалог между пленным партизанским командиром Петром Чабаном и немецким офицером, «романтиком войны», как он себя аттестует, специалистом по части нечеловеческих пыток. А каким накалом чувств движется разговор-поединок между Чабаном и предателем из кулаков Забродой! Героический пафос звучит на высокой, почти пронзительной ноте.

Да, автор «выложился» здесь весь, до последней слезинки. Крик боли и ужаса, восторг пред духовной несломленностью – все это создает какую-то особую нравственную атмосферу.

5 мая 1942 года Довженко посылает из Воронежа рассказ Юрию Яновскому с просьбой о публикации. Впоследствии рассказ послужит основой для одного из центральных эпизодов сценария «Украина в огне».

...Микола Бажан попросил Довженко дать что-нибудь в газету «За Радянську Україну». 30 апреля на ее страницах увидело свет «Письмо летчику». Собственно, это песнь-послание, лирическое стихотворение в прозе. «Дорогой мой сокол, мой крылатый друг! Если бы я был птицей и имел надежные крылья и дальнорукое око, я изо дня в день летал бы над нашей Украиной. Я бился бы крыльями в каждое окно, где ждут, высматривают нас наши родные люди, где плачут по ночам наши вдовы, наши сестры, где прячутся братья наши и наши отцы от хищного глаза...»

Обращаясь к советскому пилоту перед вылетом в трудный рейс, автор призывает его сеять сверху на скорбящую землю зерна правды и веры.

Если перевести довженковское иносказание на язык военной реальности, то станет понятно: авиатор выполняет специальное задание по доставке в тыл неприятеля пропагандистской литературы.

И, кто знает, быть может, на том же самолете, где лежал в пачках номер «За Радянську Україну» со статьей Довженко, летело еще одно его пламенное слово – «Письмо офицеру немецкой армии». Отпечатанная по-немецки листовка разбрасывалась над селами, где стояли вражеские гарнизоны, и служила пропуском для перебежчиков. Она была написана в те же апрельские дни.

Это – поразительный документ. Сугубо личный: автор говорит о себе, о том, что его фильмы демонстрировались в Берлине. И в то же время исполненный глубоких обобщений и мыслей. Подлинный гуманист, Довженко отличал понятие «немец» от понятий «Гитлер» или «фашист»: «Ведь это правители приходят и уходят, а народы вечны, правда?» Автор взывал к национальной чести великого германского народа, давшего миру Бетховена, Гете, Шиллера.

Неизвестно, скольких офицеров вермахта сагитировала жгучая довженковская листовка, да и не в том дело. Вносить смятение в стан противника, сокрушить его «психологическим фугасом» огромной взрывной силы – это было тоже очень важно!..

В нашем городе А.П. Довженко работал не только над рассказами, очерками, статьями. 5 апреля он садится за автобиографическую киноповесть «Зачарованная Десна». Тогда же первые фрагменты читает своим «хлопцам» – А. Малышко, С. Воскресасенко, художнику Г. Пустовойту. Гремят на рассвете выстрелы, гибнут люди, а писатель, отложив на часок заказ Политуправления, вызывает в своем воображении светлые картины раннего счастливого детства.

Жизнь продолжается!

В промежутке между 6 и 10 мая 1942 года А.П. Довженко покидает Воронеж. А его рассказы еще будут появляться в выходявшей там газете «Красная Армия».

ПИСАТЕЛИ-«КРАСНОАРМЕЙЦЫ»

Немало в Воронеже мемориальных досок, а вот на этом доме почему-то до сих пор нет. Уверен я: рано или поздно она будет! Мы проходим мимо дома почти каждый день, не догадываясь о его исторических заслугах.

Речь идет о здании Музыкального училища на главной магистрали нашего города – проспекте Революции. Именно здесь с ноября 1941 года по июнь 1942 года размещалась редакция одной из лучших фронтовых газет – «Красная Армия», где работали Александр Твардовский, Евгений Долматовский, Александр Безыменский, Лев Славин, Михаил Розенфельд, Сергей Ващенко и уже упоминавшиеся украинские писатели Александр Довженко, Савва Головановский, Микола Упеник, Борис Палийчук, Виктор Кондратенко. Тут бывали Василий Гроссман, Джек Алтаузен, Виктор Ардов и, конечно, все украинские литераторы из редакции газеты «За Радянську Україну» и фронтового радиоуправления.

Отсюда, из этого здания, тесно зажато с обеих сторон каменными соседями, вышли в большое советское искусство многие прекрасные произведения.

О «Красной Армии» и ее вкладе в общее дело разгрома фашизма довольно подробно повествуется в томе «Литературного наследства» – «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны» (М., 1966). Но обо всем разве расскажешь?

Например, об импровизированных концертах, которые давал в кругу журналистов – и военных, и «коммуновских» – Саша Безыменский, заядлый гитарист.

Или о том, как в марте 1942 года Е. Долматовский и С. Головановский, отправившись в 1-ю гвардейскую дивизию генерала Руссиянова, попали под жестокий обстрел? Головановского сильно ранило, и товарищу пришлось едва ли не на себе вытаскивать его из пекла. Не знаю, забыл ли Долматовский посвященные этому случаю стихи свои, но в памяти его сослуживцев они уцелели:

Привез Головановского Савву
С простреленной правой ногой,
Но он обещает на славу
Писать научиться другой...

Спасительное чувство юмора! Как оно тогда выручало!

Сам Евгений Долматовский, бывший батальонный комиссар, много пишет о боевых друзьях, вспоминает и о себе, о том, как вырвался из котла, изможденный, страшный, сплошной комок обнаженных нервов. В мемуарах «Писатель и война» («Новый мир», 1978, № 2) он красочно поведал о своей неожиданной встрече с Твардовским на железнодорожных путях станции Воронеж – она предопределила тогда его последующую военную биографию.

Е. Долматовский, как сам признается, редко бывал в Воронеже, больше мотался на передовой, в дивизиях и полках. Он был лишь прикомандирован к редакции из политрезерва. Когда Александра Трифоновича перевели на Западный фронт, Долматовский занял его должность в штате «Красной Армии». Впрочем, поработать за «письменным роялем» Твардовского не пришлось: начиналась летняя кампания 1942 года, откатившая рубежи с берегов Дона до Волги.

25 декабря 1941 года «Красная Армия» поместила «Песню о Днепре» Е. Долматовского:

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя, как слеза.

У этого произведения завидная участь. Музыка написал композитор Марк Фрадкин, тоже находившийся тогда в Воронеже. Сценическая премьера «Песни о Днепре» уже успела обрасти легендами. Мемуаристы спорят меж собой, где она состоялась. М. Бажан указывает, что песня впервые прозвучала в воронежском театре. Киевлянин Т.М. Шашло полагает – во время шевченковского вечера в Доме офицеров. Б. Палийчук называет воронежский цирк. Но вот что любопытно: все они сходятся на том, что песня заставила взволнованных слушателей «плакать чистыми слезами печали и надежды» (М. Бажан).

Е. Долматовский доставлял в «Красную Армию» (редакционного портфеля как такового не существовало) самый разнообразный и, главное, свежий материал, добытый не в интервью со штабистами, а в солдатской гуще. Его полевая сумка всегда была набита записными книжками и исчерканными блокнотами. Неисчерпаема была и поэтическая жила.

В «Литературном наследстве» (т. 78) опубликовано примечательное суждение А.А. Фадеева: «Долматовский – Быстрая и острая реакция на события. Стихи лирически окрашены». Юго-Западный фронт любил своего неугомонного и вездесущего поэта.

...В редакции русские и украинские писатели жили одной семьей, делясь и куском хлеба, и последней щепоткой махорки, и, коли была нужда, даже сюжетом.

Во втором номере газеты за 1942 год обратила на себя внимание «Песнь о знамени» Микола Упеника – торжественная ода воинской святыне. Тему под-

сказала ему сама реальность. Вот строки из присланного мне письма М. Упеника (от 17 марта 1978 года):

«Я лично попал в Воронеж таким образом.

Глубокой осенью 1941 года я, прошагав целый месяц по уже оккупированной Украине, вышел наконец-то из вражеского окружения в районе села Большой Перевоз на реке Псел, что на Полтавщине. Я потом попал в Харьков, в Политуправление Юго-Западного фронта и там в присутствии писателей Л. Первомайского, С. Головановского и В. Кондратенко сдал спасенное мною знамя 45-й стрелковой дивизии. Был я в военной форме, с оружием и партийным билетом. Знамя я обмотал вокруг своего тела, под гимнастеркой и шинелью. Так и вышел к своим».

Письмо М. Упеника («...я до сих пор с нежностью вспоминаю Ваш город и в большой степени считаю его своим») настолько содержательно, что позволю еще привести из него выдержки.

«Я не был в штате «Красной Армии» – числился в резерве Политуправления ЮЗФ. И вот вскоре меня направили в газету «За победу» 40-й армии, стоявшей в Старом Осколе. Оттуда уехал Безыменский, и меня утвердили «писателем армейской газеты» (была такая должность!) вместо Александра Ильича. Но уже через месяц Троскунов – редактор фронтовой газеты, знавший меня по работе в Ворошиловграде, – отозвал меня опять в «Красную Армию», в Воронеж. Вот каким образом я оказался там.

Редакция располагалась в помещении Музыкального училища... Жил я в одной комнате с Виктором Кондратенко, Евгением Долматовским, Леонидом Вироном (журналист, позже погибший на фронте), Михаилом Розенфельдом (я его очень любил – это был превосходный журналист и очень добрый человек, он тоже погиб – летом 1942 года, во время наступления немцев на Изюм-Барвенковском направлении).

Я работал в основном как очеркист. Иногда газета печатала и мои (да и других украинских поэтов) стихи на родном языке. В дни наступления наших войск на Лозовую я находился там как корреспондент «Красной Армии». Вместе со мной находился чудесный украинский прозаик Иван Леонтьевич Ле... И он, и я отправляли в Воронеж, в свои редакции, материалы по военному телеграфу или с нарочным. Командировка была тяжелой, даже очень тяжелой. Но все обошлось благополучно для И. Ле и меня – мы вернулись в Воронеж.

Однажды меня пригласили к себе В. Василевская, А. Корнейчук и М. Бажан. Я просидел у них несколько часов. Приняли они меня весьма гостеприимно. Ванда Львовна записывала мой рассказ о том, как я шел из окружения, спасая знамя, что видел, что слышал на оккупированной территории Украины. Кое-что из рассказанного мною я потом узнал в ее «Радуге», как и в сценарии Александра Петровича Довженко; «Украина в огне» (с ним у меня была встреча в Валуйках, после моего пребывания в Воронеже, летом 1942 года, перед немецким наступлением).

...Жили мы в редакции дружно, работали с большим подъемом, не зная усталости. С писателями Воронежа встреч не помню, а вот с журналистами, сотрудниками «Коммуны» встречались мы часто – ведь мы пользовались их типографией... Бывал у нас в гостях композитор Массалитинов. А однажды к нам пожаловали Кабалевский, Белый, Дзержинский. Частым гостем был Фрадкин...»

Воспоминания М. Упеника (спасибо ему!) дополняются не менее интересным письмом Бориса Палийчука, киевского русского поэта, от 24 апреля 1978 года, которое тоже проще процитировать, нежели пересказать. «Александр Твардовский, художник Лев Борисович Каштан... – мы все втроем расположились на третьем этаже училища; если идти по коридору, то в последней комнате справа перед входом в небольшой зал. В комнате стояло три рояля, на которых мы и

переночевали первую ночь, так как на полу было холодно, матрацев не было, а шинели не очень-то грели. Зима была холодной и снежной. На следующий день привезли койки, а рояли куда-то убрали. Так в этой комнате мы и работали втроем... Здесь у нас в гостях бывали Василий Гроссман, Джек Алтаузен... А.И. Безыменский жил рядом в гостинице «Бристоль», на 2-м или на 3-м этаже.

...Приходили к нам и поэты 62-й армии, которые печатали в типографии областной газеты книгу о знаменитой потом в Сталинграде 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева, – З. Кац и М. Талалаевский. В этой же типографии вышла книжка наших фронтовых стихотворений, в которой участвовали А. Безыменский, А. Твардовский, воронежский поэт Мих. Морев, С. Виноградов, З. Кац и М. Талалаевский, Евг. Долматовский и я. Книжку выпустило Воронежское областное издательство».

Борис Палийчук написал для «Литературного наследства» очерк мемуарного типа о «Красной Армии» и предоставил для академического труда редкие материалы из своего старого фронтового собрания. Взгляд невольно останавливается на иллюстрациях, где воспроизведен первый номер сатирического приложения к газете – «Громилка», вышедший в Воронеже 30 ноября 1941 года. Понятно, почему эта реликвия суровой эпохи сохранилась у Б. Палийчука – он да А. Твардовский и составили весь номер. А рисунки сделали художники-карикатуристы Лев Каплан (ему принадлежит идея создания журнала) и Петр Денисов.

Любопытно само название воронежского сатирического издания. Бойцы нарекли «Громилкой» секретный тогда гвардейский реактивный миномет, наводивший панику на оккупантов, позднее они же дали ему более ласковое имя – «катюша». На «Громилку» трудились также М. Розенфельд, А. Безыменский, Е. Долматовский и редакционные военкоры. Издание было прекращено в 1943 году, вышло около тридцати выпусков.

На последней странице первого номера «Громилки» изображен храбрый и находчивый донской казак Иван Гвоздев, непременно попадающий в какие-то приключения. Стихотворные подтекстовки с грубоватым окопным юморком повествовали о теснейшей дружбе казака с дедом Морозом, призванной «и в метелицу-пургу не давать заснуть врагу».

Есть несомненное сходство и даже, пожалуй, родство между позабытым сейчас персонажем «Громилки» и легендарным Теркиным.

*(Из книги «Волшебное зеркало», Воронеж,
Центрально-Черноземное книжное издательство, 1981)*

Урузмаг Бестаев,

вице-президент Воронежской областной общественной организации «Координационный Совет Народов Кавказа», председатель Осетинской общины «ФАРН», член Национальной палаты Воронежской области

ПОДВИГ НА ЧИЖОВСКОМ ВЗГОРЬЕ

Указом Президента Российской Федерации от 16 февраля 2008 года №206 Воронежу было присвоено почетное звание «Город воинской славы». Среди тех, кто в 1942-м мужественно сражался за Воронеж, был и уроженец Северной Осетии, замечательный сын осетинского народа Лазарь Александрович Дзотов.

Как и перед воинами из разных уголков великой страны, оборонявших Воронеж, перед комсомольцем, лейтенантом Красной Армии, командиром двух взводов 232-й стрелковой дивизии Лазарем Дзотовым была поставлена сложная задача форсировать ночью реку Воронеж, захватить на правом берегу, на чижовском взгорье, плацдарм и обеспечить дальнейшее выполнение боевой задачи полком. Успешно форсировав реку Воронеж, бойцы Лазаря Дзотова наткнулись на упорное сопротивление фашистов. Укрепясь на господствующей высоте, они из дзота открыли шквальный огонь по наступающим, видимым как на ладони. Скрытно подобраться к огненным точкам противника не было никаких шансов. Тогда Дзотов принимает решение – подползти со связкой гранат и броситься на вражескую амбразуру, чтобы уничтожить дзот. Молодой, двадцатидвухлетний воин понимал, что скорее всего придется пожертвовать своей жизнью.

И он действительно принял огонь на себя. Но и минуты было достаточно, чтобы подчиненные ему два взвода поднялись в атаку и выполнили боевую задачу.

Умирая, Лазарь Дзотов успел написать своей кровью на клочке бумаги вложенное в комсомольский билет знаменитое обращение-клятву «К моему Народу». Вот слова этого обращения: «В своей службе Советскому народу дерусь до последней капли крови за честь, за свободу, за независимость Советской земли. Я верен своей воинской присяге, которую принял перед лицом Великого моего Народа. Считаю себя до последней минуты своей жизни верным сыном своего Народа». Клятва Лазаря Дзотова «К моему Народу» была опубликована 11 сентября 1942 года в газете «Комсомольская правда», обсуждалась в частях и подразделениях Красной Армии и способствовала подъему морального и поли-

тического духа тысяч солдат и офицеров. Своим геройским подвигом славный сын осетинского народа, офицер Советской Армии Лазарь Дзотов осознанно пошел на верную смерть ради спасения и сохранения жизни своих солдат.

Советский офицер Лазарь Дзотов был воспитан как настоящий патриот своей Родины и твердо следовал принципу «Сам погибай, а товарища выручай». Вот почему героическим поступком легендарного сына осетинского и советского народов гордятся не только его земляки, но и люди всех национальностей, проживающих в России. В благодарной памяти воронежцев он – герой, его именем названа одна из улиц Воронежа.

Указом губернатора Воронежской области А.В. Гордеева от 13 июля 2012 года № 641 за мужество, героизм и самоотверженные действия, проявленные при исполнении воинского долга 15 августа 1942 года, старший лейтенант Советской Армии Лазарь Александрович Дзотов был награжден (посмертно) высшим почетным знаком Воронежской области «Благодарность от земли Воронежской».

На церемонию награждения (посмертно) Лазаря Дзотова этим знаком была приглашена из Северной Осетии (родина Дзотова) представительная делегация. Это произошло на Чижовском плацдарме с салютом и выносом знамени. Присутствовали многие жители Воронежа. Гости из Северной Осетии посетили братские могилы и возложили венки.

Республиканские СМИ Северной Осетии освещали это событие на страницах газет, по радио и телевидению подробно и с благодарностью к Воронежу и воронежцам.

К 70-летию Победы советского народа над фашистской Германией осетинская община «ФАРН», другие общественные организации обратились к властям с просьбой выделить место для установки памятника Лазарю Дзотову на Чижовском плацдарме. Это будет способствовать патриотическому воспитанию подрастающего поколения не только Воронежа, Воронежской области и Северной Осетии, но и всей нашей страны.

Здесь надо сказать, что достойный памятник русскому солдату – герою Петру Барбашову, который в ноябре того же 1942 года также закрыл своей грудью амбразуру вражеского дзота, установлен под Владикавказом в Северной Осетии на месте гибели воина, что глубоко символично и трогательно. Я горжусь Осетией и моим народом и за то, что по прошествии длительного времени после окончания Великой Отечественной войны, память о Барбашове не ослабевает, его подвиг свято чтут мои земляки-осетины. В этом может убедиться любой россиянин, который приедет в Северную Осетию, чтобы увидеть своими глазами такую картину: каждый водитель, проезжающий мимо памятника Барбашову, установленного на оживленной автомобильной трассе Владикавказ – Алагир – Цхинвал, при приближении к этому месту, обязательно сбавляет скорость и, медленно проезжая, тихо издает звуковой сигнал, отдавая дань уважения герою. Также к памятнику Барбашову, по установившейся традиции, своим моральным долгом считают приехать все молодожены Владикавказа в день своей свадьбы и возложить цветы к его подножию. Глубоко убежден в том, что пока такая уважительная память к нашей общей истории и героическому прошлому сохраняется в стране и, особенно среди молодежи, наш общий российский дом будет неделим и непобедим.

Эдуард Ефремов,
журналист

МЫ ВСЕ НЕМНОЖЕЧКО СЛАВЯНЕ

Чудовищный эксперимент удался сверх всяких ожиданий. Извечно неделимое и единое по своей сути вдруг расколосось на враждующие половины. Брат пошел на брата, дети разглядели кровных врагов в родителях. Если гражданскую войну двадцатых годов можно объяснить противоречием между бедными и богатыми, конфронтацией «верхов» власти с «низами» народными, обострением всех противоречий российского капитализма, разными подходами в организации «светлого будущего» государства, то происходящее ныне на Украине просто необъяснимо! Русские и украинцы, зачастую находящиеся в близком родстве, вдруг возненавидели друг друга. В единой некогда и дружной семье вспыхнула не драка, а кровавая бойня. Вчера считавшиеся интеллигентными людьми, известные писатели, поэты, актеры, политики призывают Европу, войска НАТО оказать помощь в уничтожении в Восточных областях «кацапов», «москалей» – полностью «зачистить» территорию от «захватчиков», «поработителей».

К сожалению, случилось это не вдруг. Запад щедро оплатил «портных» из верхушек власти, и они раскроили некогда могучее государство на лоскутное одеяло. Затем на «демократических принципах» стали переписывать историю, систему образования и воспитания. Все свое, самостийное, рожденное ради утверждения новой государственности. Почти четверть века Украина развивалась в изоляции от культуры славянского мира. Из школьных учебников были выброшены произведения «вражеских» русских писателей. Гоголь стал достоянием Украины. Правда, почти все его произведения пришлось «отредактировать», убрать из них «тлетворное влияние москалей», само слово «русский». Если веками дети разных народов учились по единым учебникам истории, отражавшим единую и противоречивую историю, то сейчас – никакого единства и никаких противоречий. Правда одна – у тех, кто против России и русских.

Трагические события, происходящие на Украине, свидетельствуют о том, что можно получить, сделав малое, – исключить в школах и вузах изучение взаимоотношения двух родственной литератур, культур и переписать историю, заменив правду откровенной ложью. В идеале предстало совершенство пропаганды Гебельса – чем больше лжи, тем быстрее ей поверят.

Под началом моего отца, командира роты пехотинцев, на фронте служили русские, украинцы, грузины, узбеки, казахи, таджики – представители шестнадцати национальностей. Оставшиеся в живых нам, их детям, подавали примеры дружбы, кровного родства – ездили друг к другу в гости, переписывались... Но вот в Грузии, на родине Сталина, под предводительством которого многонациональный СССР освободил человечество от «коричневой чумы», сейчас открыт музей «российской оккупации».

Мы перестали изучать грузинскую, украинскую, литовскую, латышскую, эстонскую, таджикскую, узбекскую, азербайджанскую, армянскую, белорусскую, туркменскую, киргизскую, казахскую, молдавскую литературу. Отделив друг от друга литературу народов бывшего Советского Союза, искусство и культуру, мы посеяли вражду...

За годы журналистской работы пришлось довольно много поездить по союзным республикам. Часто, узнав, что я не из Москвы, а из Воронежа, начинали относиться по-особому: «Выпускники вашего университета, работающие в наших школах и вузах, очень почитаемые люди – быстрее других сходятся с местным населением. Филологи, порою начинают преподавание не с уроков русского языка и русской литературы – нам преподают уроки, как надо до понимания учащихся доводить красоту и глубину наших поэтов и писателей...»

В Азербайджане статья «своим» мне помогал Насими, в Узбекистане – Алишер Навои, Зулфия, в Казахстане – Абай Кунанбаев, Сакен Сейфуллин, в Туркмении – Махтумкули, Кемине, в Белоруссии – Петрусь Бровка, в Литве – Межелайтис...

Быть знакомыми с творчеством известных поэтов и писателей разных национальностей – дело обычное для выпускников Воронежского госуниверситета. На филологическом факультете читался курс «Литература народов СССР». В принципе, интересная «забава» – так мы его воспринимали. К нам на занятия приходили студенты других факультетов – было интересно. Лекции и практические занятия вела Полина Андреевна Бороздина. Но, представьте себе, не помню ни одной лекции, ни одного практического занятия – все слилось в какое-то единое многообразие познания интересного и неведомого мира. У нас даже экзаменов и зачетов по этому предмету не было. Так, по крайней мере, нам казалось... Получение оценок – суцая формальность. Да и лекции с практическими занятиями – в большинстве своем чаепития на квартире у нашего декана (Полина Андреевна ко всему прочему и нашим деканом была). Еще она на общественных началах долгие годы возглавляла секцию литературы и искусства областного отделения общества «Знание». Могла подойти к кому-либо из старшекурсников или аспирантов, преподавателей и предложить – не хочет ли он съездить в командировку в тот или иной район и рассказать тамошним жителям, что общего у «Слова о полку Игореве» с народным эпосом того или иного народа. Мы лихо сравнивали творчество Кольцова, Никитина с творчеством любого поэта любой республики, любого народа...

Каким-то образом «мама Полина» сумела внушить, что если ты представитель России, то в первую очередь должен знать и уважать литературу, искусство тех народов, которые тебя окружают. От нее мы полюбили Дмитрия Лихачева, считая его тоже своим учителем, который говорил, что «национальные особенности – достоверный факт», но во всем этом есть «кристаллическая неповторимость» и в то же время «общенародность черт».

Когда выйдет этот сборник, Полине Андреевне исполнится девяносто три. И последнее время она пишет статью за статьей не только о братстве славянских народов, но о братстве всех, которым Господь даровал жизнь на этой земле.

В атеистическое время от коммуниста Бороздиной мы узнавали об убежденности Достоевского в том, что русский – это прежде всего православный. Право-

славный, с терпимостью и любовью относящийся к любому доброму человеку. От нее мы узнавали основы Библии и Корана, убеждаясь, что такие полярные, казалось бы, религии построены на любви человека к человеку, на стремлении жить в мире.

В 1949 году в программу обучения университетов и пединститутов был введен спецкурс «Литература народов СССР». С конца 1950-х – начала 1960-х самым известным мастером преподавания этого предмета в СССР стала П.А. Бороздина. К ней за опытом, методикой преподавания приезжали из разных вузов столицы государства, областных центров, университетов союзных республик. Ее методику преподавания приняли Вильнюсский университет, Тартуский, Казанский, Киевский... Полина Андреевна была введена в методический совет Министерства образования страны. Сразу же в министерстве пришли к единому мнению: преподавание такого курса одному человеку невозможно – слишком большой объем знаний под силу освоить только коллективу. Вот почему на филфаке МГУ этот спецкурс вели пять специалистов, каждый знал свой «пласт» – литература Востока, народов Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Поволжья, славянских народов. Подобным путем пошли почти все вузы страны.

– У меня счастливо сложилась судьба – родилась в селе Перво Касимовского района Рязанской области. Этот край, как известно, слыл Касимовским царством, в котором жили татары, давшие присягу на верность службе русскому царю. В Касимове было две мечети и несколько православных храмов. Русские и татарские ребятишки учились в одних школах... И мы, дети, были как-то по-особому богаты, так как знали народные сказки и песни не только русские, но и татарские... Это во многом оказало влияние на то, что перед войной после окончания педучилища я добровольно отправилась преподавать русский язык и литературу в дальний аул Туркмении. Разница между мною и местным населением чувствовалась... Во-первых, я абсолютно не знала туркменского языка. К тому же местное население, мои коллеги-педагоги, подчеркивали, что русскому туркмена никогда не понять – разные мы во всех отношениях. Но вот началась Великая Отечественная война... Шли тяжелые бои под Москвой. Однажды старый туркмен подвез меня на арбе к школе и спросил: «Дочка, скажи правду – очень сердце болит... Как там наши под Москвой? Выстоят?»

Наверное, старик уловил мой удивленный взгляд и пояснил: «Доченька, запомни, мы, туркмены, сейчас все перед бедой стали русскими...»

Вскоре в аул вернулся с фронта израненный молодой человек. Мы всей школой помогали колхозу. Днем учились, а ночью работали на полях. Днем из-за жары работать было невозможно... Однажды во время перерыва фронтовик, чтобы нас как-то поддержать, исполнил дестан – народный любовно-приключенческий роман. Впервые в жизни я услышала туркменский дестан. История любви Саят и Химры. Что интересно: события житейские, военные передавались прозой, а письма, признания в любви – стихами. Запомнила на всю жизнь это уникальное исполнение выдающегося народного произведения на туркменском языке! Это – поэзия! Особенная. Возвышенная, тончайшая, сопряженная с музыкой, мастерством вокального исполнения. «Прозу» фронтовик передавал нам на русском языке, а остальной текст пел по-туркменски.

И тогда я дала себе слово, что когда-нибудь обязательно об этом напишу, расскажу русским и представителям других народов, насколько прекрасное искусство существует рядом. С любви к туркменскому эпосу все и началось. В Ашхабадском педагогическом институте курсе туркменской литературы нам преподавали известный академик Баймухамед Каррыев и талантливый поэт и ученый Аман Кекилов.

...Мужем Полины Андреевны был выдающийся русский историк, археолог, востоковед, литературный критик, общественный деятель, профессор Илья Ни-

колаевич Бороздин. Ученик Н. Стороженко, В. Ключевского, М. Ковалевского, Б. Тураева – мыслитель и педагог того воспитания, для которого чужда «чистая наука»: «Я не могу отделять науки, культуры от общественности. Эти две области неразделимы». Его кандидатское сочинение было посвящено становлению университетского образования России девятнадцатого века. Только многогранная талантливая личность может представлять науку и быть пропагандистом ее достижений в народе.

В 1920-е годы прошлого столетия «революционные преобразования» начались в системе российского образования – в атаку ринулись формалистические учения, мертворожденные методики преподавания. Старая дореволюционная профессура категорически не признавала засилие методик, а не творческих начал в педагогической деятельности. У каждого талантливого педагога своя «методика», непостижимая и неповторимая для другого преподавателя.

Весьма парадоксально-поучительный казус вышел с Полиной Андреевной, состоявшей в методической комиссии Министерства образования. Ее, у которой учились преподавать литературу народов СССР педагоги многих вузов страны, попросили написать учебник по истории предмета. Написала. Но чуть ли не в один голос специалисты заявили – не то! Член методической комиссии игнорирует методические концепции, которые разрабатываются Министерством.

В 1977 году редакция журнала «Вопросы литературы» проводит «круглый стол» – «Преподавание литератур народов СССР в высшей школе». Странное дело, говорится в редакционном предисловии к «столу»: «Методологически наша литературная наука, выдвинувшая ряд новых концепций», продвинулась вперед, «но почему-то при явном интенсивном развитии в области методологии, переходе на новые рубежи наблюдается движение вспять: во многих вузах курс истории литератур народов СССР не читается вовсе, с каждым годом уменьшается количество часов, нет учебника и учебных пособий...»

На «круглом столе» П.А. Бороздина в явном меньшинстве выступала против «регионального» преподавания литератур – «это неизбежно затушает идею единства». Развивала мысль Д. Лихачева: «Художественная литература – это человековедение, цепь последовательных открытий человека». «Местечковость» убьет многое. Как изучать творчество Навои в отрыве от персоязычной литературы? Шевченко – в отрыве от русской? На том «круглом столе» Полина Андреевна о многом умолчала. В принципе, она отменила сдачу экзаменов и зачетов. Ввела коллоквиумы и написание студентами докладов по той или иной теме. При подготовке к докладу молодой человек вынужден был «перелопатить» достаточное количество художественных произведений, литературоведческих исследований по истории того или иного народа. Мало написать – надо было и защитить написанное. Мы все знали, кто с какой темой придет «на чай» к Бороздине, надо было готовиться к участию в обсуждении, показать, что и ты «не лыком шит» – разбираешься не только в той проблеме, которую сам избрал для анализа.

«Учебное пособие», написанное по заказу Министерства образования, в печать допущено не было. Так учебники не пишут. Профессор Анатолий Михайлович Абрамов подсказывает выход: «К чему это обязательное – «учебное пособие»? Назовите просто – «Очерки истории литератур народов СССР».

Так она и поступила. Тираж в 4200 экземпляров разошелся мгновенно!

Интересен был момент, когда в университет стали принимать стажеров из разных стран, не только социалистических, но и капиталистических. В программе стажеров с 10-месячным обучением курс «Литература народов СССР» не предусматривался. Ребята с большим трудом русским языком владели – дай Бог с «Му-му» Тургенева разобраться... Бороздина никого из прибывших не обязывала изучать многонациональную литературу неведомой страны. Просто

приглашала прийти на первое занятие, а там принять решение – стоит дальше «перегружать» себя или нет? Лучше всякого методического пособия 21-страничный отчет Полины Андреевны «Факультет многонациональный», написанный для ректората. Все студенты-иностранцы, стажеры посчитали обязательным долгом посещать занятия Бороздиной – никаких пропусков. А прибывшие в Союз на постоянное обучение «учились так старательно, что к 3-4 курсам уже не отличались от русских...»

В письме одного из иностранцев такие слова: «Благодаря нашему знакомству с литературой народов СССР, мы все немножечко стали славянами». Была ситуация, достойная пера далеко не журналистского... Наслушались, в душе заплакали ребята-иностранцы от трогательных историй о чистоте и верности любви в «Лейли и Меджнуне», «Хосрове и Ширин» и возникла далеко не литературная любовь, серьезная, с далеко идущими проблемами... Сначала в парткоме посоветовали, чтобы Полина Андреевна повлияла на взаимоотношения одного паренка из Киргизии с девушкой из ГДР. И без парткома она знала о возникшей любви, беседовала и давно приняла решение – пригласила к себе в гости родителей киргизского парня и влюбленных. Главное, вскоре все сдружились – за чаем обсуждались уже не литературные произведения, а традиции и нравы Германии, Киргизии, России. К великому счастью молодых, победила мудрость «русской мамы» – была сыграна комсомольская свадьба киргиза и немки...

Особая роль писателей, творивших на русском языке. Их произведения прославили культуру и литературу именно их народа – киргиза Чингиза Айтматова, абхазца Фазиля Искандера, чукчи Юрия Рытхэу, казаха Олжаса Сулейменова, азербайджанца Чингиза Гусейнова, белоруса Василя Быкова...

Немцы, венгры, африканцы, камбоджийцы, мадагаскарцы, вьетнамцы, англезцы, австралийцы, французы, читавшие у Полины Андреевны на русском языке произведения писателей разных народов, с интересом искали параллели в своих литературах, те духовные и нравственные связи, которые делают человечество единым.

Киргизка Замира Дербышева, Гульнара Айтпаева и вьетнамец Ле Дэ Тху по проблемам многонациональности литератур в МГУ защитили докторские диссертации.

Айнагуль Омурбекова в литературном музее Бишкека создала литературный центр, основы и принципы которого, уверяет, были заложены на лекциях и в беседах с Полиной Андреевной. Айнагуль часто приезжает в гости к своей воронежской «маме» – столько много общих тем о родстве литератур, театра...

В 1970-годы событием для Воронежа был проезд поэта Абу Шаара, которого Халиль Ахмад, воспитанник филологического факультета, представлял как «сирийского Маяковского». Сам Халиль в своей диссертации видел духовную связь между творчеством советского поэта с духовными традициями не только русского народа, но и духовными традициями Востока.

Суданец Тигани Гизули курс лекций о русской литературе, ее влиянии на духовно-нравственное состояние литератур других стран читал в ведущих вузах своей родины...

Это не воспоминания о хорошем былом. Уверен, если найдутся организаторы проведения встречи всех учеников Бороздиной, от Украины до Чукотки, то будем свидетелями, насколько щедро посеяны зерна любви одного народа к другому и насколько мощные всходы они дали. За учениками русской преподавательницы из татарского села великое будущее в борьбе укрепления былой любви и дружбы.

С великим трудом в годы «перестройки» отстояли на факультете «лишний» для современного «демократического общества» спецкурс Бороздиной. Одним из весомых аргументов исключения из программы преподавания «пережитков

прошлого» было то, что Полина Андреевна давно на пенсии и равной ей нет, чтобы продолжить благое дело. Наверное, самое большое счастье Бороздиной – оказались излишними переживания за своего ученика, Владимира Леонидовича Гусакова, которому доверила чтение своего спецкурса. Многочисленные комиссии пришли к выводу – спецкурс «Литература народов России» читается на высокопрофессиональном уровне. Чрезвычайно интересен и полезен. Но «перестройщики» не унимаются. Этот чрезвычайно важный курс читается В.Л. Гусаковым последний год – Министерством высшего образования изучение литератур народов России исключено из учебных программ.

Целесообразно именно в нынешнее непростое время с небольшими доработками переиздать труд П.А. Бороздиной – «Очерки истории литератур народов России». СССР нет, но Россия-то осталась, и народы все, бывшие в Союзе, остались друг другу далеко не чужими.

Полина Андреевна уверена, что человечество в своем развитии движется по пути к сближению, и это сближение наиболее отчетливо проявляется в культуре. В подтверждении этой мысли свои «Очерки» автор открывает цитатой из «Истории философии» Л.Фейербаха:

«Подобно тому, как реки, являясь пограничными линиями стран, в то же время содействуют общению между собой, так обстоит дело и с литературами народов. Они отличают народы друг от друга, возвышают и оживляют их особое национальное самосознание. Но в то же время не столбовые дороги, почта и предметы торговли, а главным образом произведения литературы вырывают народы из ограниченности их сектантского духа, приводя их к настоящему общению, к тесному контакту, и таким образом вливают дух отдельных народов во всеобщий дух человечества».

Любомир Радинович,

редактор журнала «Славянская душа», президент общества русско-сербско-черногорской дружбы «Славянский мост», член Национальной палаты Воронежской области

БУДЕМТЕ ЛЮДЬМИ!

Славянская душа тяжело ранена, но её всё же не покидает надежда на грядущее исцеление. Наше время в этом смысле ничем особо не отличается от прошлого. Всё очень похоже на то, как было века назад. Различия лишь внешние.

Славяне спорят меж собой, чаще отстаивая чужие, а не собственные интересы. Славянские страны находятся по разные стороны баррикад, их разделяют государственные, политические, экономические, религиозные границы. Польша, Чехия, Словакия, Болгария, Словения, Хорватия вошли в Евросоюз, гордясь тем, что, наконец-то, стали «Западом» под охраной оккупационных войск НАТО. Россия и Белоруссия вместе с Казахстаном образовали Евразийский союз, открытый для всех, а Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония и Украина всеми силами стремятся в ЕС, чтобы добровольно сдаться тому же «уникальному» Западу.

Чем дальше эти государства ждут своей очереди в брюссельских коридорах, тем больше удаляются от самих себя. Направление их пути нельзя назвать иначе как тупиковым. Но годится ли, подобает ли славянским народам выбирать дорогу, ведущую в тупик? Правильно ли желать и заключать союзы со всеми, кроме родственных народов? О славянском же союзе как наилучшем из всех возможных никто не говорит ни слова. Хуже того, славянские народы-соседи не хотят жить мирно. Достаточно вспомнить боль последнего югославского разлома или сегодняшнюю украинскую трагедию.

Разве не ужасно то, что в XXI веке славяне немилосердно бомбят Славянск? Остаётся жить надеждой и верой в то, что погибающий город, символизирующий своим названием всё славянство, в итоге выживет и подаст знак к окончательному примирению.

А представим себе, хотя бы на минуту, как мощно и красиво выглядело бы единое пространство славянских государств, как было бы оно экономически богато и стратегически безопасно. Мечту об этом славянские народы пронесли сквозь столетия. Однако сегодня даже упоминать о подобном фактически запрещено. Правда, никакие запреты не способны убить мечту.

Ошибаются те, кто утверждает, что на возможный славянский союз нет даже намёка. Идея о нём сохранилась в памяти всех славян. Понятие «славянская душа» значимо для каждого из славянских народов, несмотря на тот «дурманящий сон», в котором веками старались держать их коварные недруги. Пробуждение же от него, вопреки интересам «заклятых друзей», способно было бы преобразить все сферы жизни славянских стран, а сплочённость сделала бы их непобедимыми.

Представители иных, неславянских народов жили бы внутри такого союза как друзья и братья, без опасений быть ущемлёнными в своих национальных, религиозных и других правах, по простому правилу, которое часто повторял, обращаясь к сербам, и не только к ним, недавно ушедший из жизни сербский патриарх Павел: «Будемте людьми!»

Дорогие читатели! Приглашаем вас на братские встречи на страницах журнала «Славянская душа», невзирая на то, разделяете ли вы или нет наши взгляды. Добра вам!

Славянский мир – неотъемлемая часть мировой истории, духовно-культурный феномен, никогда не посягавший на самобытность культур сопредельных народов. Поэтому всякий честный разговор о славянстве имеет плодотворный культурный смысл.

Журнал «Славянская душа», выпускаемый в лоне общества русско-сербско-черногорской дружбы «Славянский мост», осуществляет свою деятельность, исходя именно из этих соображений. Это – изначально русско-сербско-черногорский журнал, возобновленно издаваемый как международный культурно-просветительский, утверждает идеи славянской взаимности, породненности исторических судеб восточных и южных славян, рассказывает о сегодняшнем дне славянства.

Наш журнал, будучи уникальным издательским проектом, выходит в свет в Воронеже, старинном русском городе, где счастливо прослеживаются на протяжении веков русско-сербско-черногорские связи. Вспомним, например, что сподвижник Петра Первого, адмирал Змаевич, строивший корабли в донском краю, выходец из Черногории. Корни рода Станкевичей, так много сделавших для русской культуры и культуры Черноземного края, восходят к Сербии. Многие русские люди, вынужденные после семнадцатого года покинуть Отечество, в том числе и воронежцы, как, например, художница Елена Киселева, обрели доброжелательный приют в довоенной Югославии.

Журнал «Славянская душа» издается по благословию митрополита Воронежского и Лискинского Сергия. Сотрудничают с журналом многие пред-

ставители российской общественности, представители сербско-черногорской политической, экономической и культурной сфер.

Богато иллюстрированный журнал тематически и содержательно многообразен, в нем под разными рубриками есть место историческим, духовно-православным, культурным, литературным страницам, и политическим, экономическим материалам, и философским беседам, и зарисовкам этнографического характера, и сегодняшним непростым проблемам славянского мира да и мира вообще.

На существенные вопросы о нашем настоящем и будущем в журнале рассуждают широко известные сербские и черногорские политики, государственные деятели, российские ученые, писатели, духовные лица. Из номера в номер публикуется материал о Гаагском трибунале. Читателю предоставлена возможность познакомиться с многообразием историко-культурных и литературных текстов. Здесь и судьбы русской белой эмиграции в Сербии, и рассказ о русской художнице, значительную часть жизни прожившей в Сербии и подарившей Воронежу коллекцию своих картин. Здесь Пушкин, Негош, Вук Караджич, Иво Андрич и другие великие подвижники культур славянских народов.

Журнал, посвященный славянскому вопросу, проблемам разумного и доброго взаимодействия и понимания между всеми народами мира, читают в России, на Балканах, в разных странах мира.

Татьяна Малютина,

*кандидат исторических наук,
Воронежский государственный аграрный
университет*

БРАТ МОЙ

(Тарас Шевченко и Николай Костомаров)

В 2014 году исполнилось двести лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. А там не за горами, в 2017 году, – двухсотлетие Николая Ивановича Костомарова. Их творчество неоднозначно воспринималось современниками. Их наследие разно толкуется поныне. Все это объяснимо. И все же – в сегодняшних оценках не хочется видеть крайностей. Хоть неумеренной похвалой, хоть неправедной хулой мы вбиваем лишь клин в славянской культуре меж русскими и украинцами. Чему несказанно рады наши недоброжелатели...

На юге Воронежской области, «в крае, где великорусская и малорусская народности сходятся между собою рубежами», помнят и знают творчество Тараса Григорьевича Шевченко.

Кстати, поэту были не просто знакомы, даже близки духовно уроженцы этих мест – сын и мать Костомаровы. Они выходцы из слободы Юрасовки Острогожского уезда, сейчас это село в Ольховатском районе.

Ученого-историка Тарас Григорьевич в своих стихах называл «мій брате», а Татьяну Петровну Костомарову в своих дневниках – «благороднейшею матерью».

Роднило их в первую очередь то, что «вышли они из народа», точнее, из крепостных крестьян. Глубинной связи с народными корнями не утратили до последних дней.

Николай Иванович Костомаров еще в юности увидел несправедливость в том, что «во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы... Бедный мужик, земледелец, труженик как будто не существует для истории». Исправляя сложившуюся ситуацию, Костомаров становится историком народной жизни, исследователем духовного мира, обычаев и нравов простого люда. О Тарасе Григорьевиче он писал: «Шевченкову музу поймет и оценит всякий, кто только близок вообще к народу, кто способен понимать народные требования и способ народного выражения. Не поймет и не оценит его только тот, кто смотрит на народ в лорнет, ... кто думает дерзко воспитывать народ,

забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться от народа, быть им избранным и признанным для такого важного дела».

Дружба Т.Г. Шевченко и Н.И. Костомарова охватывала небольшой период их жизни – менее пяти лет, да и то с разрывом в десятилетие. Познакомились они в 1846 году в Киеве. Оказались соседями – квартировали в домах на главной городской улице – на Крещатике, в Крещатой долине.

Николай Иванович позже вспоминал: «Около месяца я знал, что напротив меня живет знаменитый украинский поэт, но случая не представлялось с ним встретиться, а я был слишком занят, дорожил временем и день ото дня откладывал начало знакомства с ним. В апреле, после Пасхи, не помню теперь, кто из моих знакомых явился ко мне с Тарасом Григорьевичем».

Видимо, встреча с поэтом вызвала в Костомарове двойственные, в чем-то даже противоречивые чувства. «На первый раз в нем не показывалось ничего привлекательного, ничего теплого; напротив, он был холоден, сух, хотя прост и нецеремонен. Он измерял мои слова и движения с недоверчивостью», – отмечал историк в статье, написанной в 1861 году. Мысленно возвращаясь к той памятной встрече еще раз спустя почти два десятилетия, Николай Иванович писал: «С первого же раза Тарас Григорьевич произвел на меня такое приятное впечатление, что достаточно было поговорить с этим человеком час, чтобы вполне сойтись с ним и почувствовать к нему сердечную привязанность... Достаточно того, что я полюбил тогда же Тараса Григорьевича». Поэт был в расцвете лет (ему едва минуло 32), переживал творческий подъем, поражая современников силой своего таланта. Друзья стали часто видеться, нередко просиживая до глубокой ночи за обсуждением новых, еще не изданных произведений Шевченко.

В те годы в Киеве в среде тогдашней интеллигенции родилось как бы с просветительскими целями братство имени Кирилла и Мефодия – по Костомарову, «первоучителей», великих «покровителей всего славянского племени». Сам историк был одним из основателей и видным деятелем общества. «В то время всю мою душу занимала идея славянской взаимности, – отмечал историк, – общения духовного народов славянского племени, и когда я навел разговор с Шевченко на этот вопрос, то услышал от него самое восторженное сочувствие, и это более всего сблизило меня с Тарасом Григорьевичем».

Юлиан Белина-Кенджицкий вспоминает свой разговор с Николаем Ивановичем и Тарасом Григорьевичем от 1846 года: «Так, как есть, – плохо, – сказал Костомаров несколько запальчиво. – Немцы, французы, англосаксы держатся вместе, а мы, славяне, каждый ходим своей дорогой... Так вот: прежде всего надо собрать всех образованных славян в одно общество, пусть познакомятся, пусть поговорят ... о том, что у всех наболело... Такое братство – начал Костомаров дальше, – проложит дорогу лучшему будущему – федерации славян. Когда между нами установится согласие, когда все поймут силу единения, когда народ получит образование, только тогда мы сможем стать единой политической силой».

– Собирай в одно славянские головы! Должен же кто-нибудь собрать и пересчитать их, – сказал Шевченко...

– Все должны объединиться под рукой православного царя и веры, – провозгласил Костомаров.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – отозвался Шевченко. – Ты, Мыкола, хочешь всех славян в поповский дом собрать.

Это замечание взволновало Костомарова. Наверное, ему тоже казалось, что не стоило в присутствии поляка провозглашать царя главой и вождем славян».

Тайное Кирилло-Мефодиевское братство просуществовало недолго – в 1847 году было раскрыто властями, а его организаторы быстро взяты под стражу. Для Николая Ивановича это произошло накануне свадьбы с любимой. Уже го-

товилось венчание в церкви, были закончены все предсвадебные хлопоты, даже выбрали дачную усадьбу для молодых...

Кстати, на поиск усадьбы Костомаров ездил вместе с Шевченко. Не обошлось без происшествия. «Возвращаясь назад в Киев, мы чуть было не утонули. Пустились мы напрямик по льду через Днепр, а перед тем стояла продолжительная оттепель, и лед местами стал покрываться водою. Было темно, и мы, сбившись с дороги, попали было в полынью, но, к счастью, там была отмель, и мы ограничились тем, что страшно обмокли и прибыли домой, чуть двигаясь от холода. Только молодость и привычка к воздушным переменам, чем отличались мы оба, спасли нас от горячки. Шевченко скоро после того уехал в Черниговскую губернию к знакомым помещикам».

Можно представить себе состояние человека, после всех подобных приготовлений оказавшегося не на собственной свадьбе, а в каменном склепе тюремного каземата.

Важной уликой против историка стала рукопись на «малороссийском наречении», написанная его рукой в двух экземплярах. Выдержанная в духе подражания произведению Адама Мицкевича «Книга польского народа и странствования польского», она излагала взгляд автора на историю от сотворения мира до современных ему событий. Более того, содержала в завуалированной форме призыв к «братьям-славянам» объединиться и сбросить царскую власть.

По словам автора рукописи, «единый Бог истинный есть единый царь рода человеческого», но люди, забыв эту древнюю истину, «натворили себе царей в образе братьев-человеков». Эти «лукавые цари отобрали из людей сильнейших и нужнейших для себя и назвали их господами, а других сделали невольниками господ, и умножились на земле горе, нищета и болезнь, и бедствия и несогласия».

Отрицание царской власти и крепостного права на страницах рукописи соседствуют с высказываниями автора, подчеркивающими горячую любовь к украинскому народу и сильную ненависть к его угнетателям. Так, царь Московский для Украины «значил то же, что идол и мучитель», а «немка царица Катерина, распутница всесветная, безбожница, мужеубийца, кончила казацтво и свободу». Нелестные характеристики в рукописи получили не только правители прошлого. О царе-современнике (то есть Николае I) там сказано: «И теперь в России хотя и есть деспот царь, однако он не славянин, а немец, и чиновники у него немцы, ... а истинный славянин не любит ни царя, ни господина, а любит и помнит одного бога Иисуса Христа, царя неба и земли... И царствует деспот над тремя славянскими народами, ... заражает, калечит, уничтожает добрую природу славянскую».

С будущим автор рукописи связывает надежду на то, что «встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, ... и встанет Славянщина, ... и Украина сделается независимою Речью Посполитою в союзе славянском». Таким образом, идея демократической федерации славянских народов сочеталась в этой рукописи с мыслью об украинском мессианизме.

Следствием было доказано, что Костомаров был автором рукописи. И сам он сознался в этом, в то же время подчеркивая, что «Закон Божий» никогда не был основанием или правилами бывшего Украино-славянского общества. В решении судебного дела Костомаров обвинялся как давший ход преступной рукописи и хоть впоследствии и сознавшийся, но тем более виновный. Возможно, такая «мягкая» формулировка была дана в обвинении с учетом, что автором идей, вложенных в рукопись, являлся не один Костомаров. Так, в «Законе Божьем» четко прослеживается мысль Шевченко о неприемлемости самодержавной формы правления для будущей славянской федерации. Костомаров смог воплотить

ее в литературно-художественной форме, став своего рода «рупором» идей друзей-единомышленников.

По мнению Василия Ивановича Семевского, «очевидно, не историк влек поэта к более радикальным взглядам, а поэт историка, очевидно также, что в этом смысле нужно понимать свидетельство Костомарова в его автобиографии о «нетерпимости» Шевченко: «...Мое знакомство с Т. Шевченко... совершилось необыкновенно быстро. На другой же день мы говорили друг другу «ты». Когда я сообщил Шевченко о существовании общества, он тотчас изъявил готовность пристать к нему, но отнесся к его идеям с большим задором и крайнюю нетерпимостью, что послужило поводом ко многим спорам между мною и Шевченко. Он прочел мне некоторые из неизданных своих произведений, от которых я был в совершенном восторге. Особенное впечатление произвел на меня «Сон», неизданная (тогда) антицензурная поэма Шевченко. Я читал и перечитывал ее всю ночь и был в полном упоении».

В ходе допросов следователи выявили следующий расклад взглядов в тайном братстве: Николай Иванович Костомаров и Николай Иванович Гулак были представителями умеренной славянской партии, а Тарас Григорьевич Шевченко и Пантелеймон Александрович Кулиш – «неумеренной малороссийской партии славянского общества». Показания против Шевченко дал один из членов братства – Георгий Львович Андруский. По его словам, Шевченко стремился восстановить гетманщину, всех монархистов называл подлецами, побуждал к большой деятельности. Славянское общество «с отъездом Шевченки из Киева приостанавливалось, а с возвращением его оживлялось».

Тараса Григорьевича арестовали на днепровской переправе, когда он возвращался в Киев из поездки по Левобережью. В сопровождении жандармов отправили в Петербург. По дороге он случайно встречается с матерью и невестой Костомарова. Успел только сказать, что о себе он не горюет, потому что он одинок, «бобыль», а «Миколи мені жаль, бо в його е мати й дружинонька і він нічим не винен, хіба тим, що зо мною побратався. Прости ж мене, матінко, і не кляни!» – так запомнились слова Тараса невесте Костомарова Алине Крагельской.

Поэт вновь оказался соседом Костомарова, на время следствия его тоже заключают в каземат III отделения. Он становится невольным свидетелем посещения тюрьмы измученной от тревог и переживаний за судьбу сына Татьяной Петровной. Увиденное запечатлел в слове:

Дивлюсь: твоя, мій брате, мати,
Чорніше чорної землі
Іде з хреста неначе знята...
Молюся! Господи, молюся!
Хвалить тебе не перестану!
Що я ні з ким не поділю
Мою тюрьму, мої кайдані!

В бумагах Шевченко не оказалось ни устава Славянского общества, ни других бумаг, связанных с деятельностью братства, а в вещах ни кольца, ни образа святых Кирилла и Мефодия. Следствием было доказано, «что Шевченко не принадлежал к Украйно-Славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственно испорченностью. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящих из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников».

Среди бумаг Тараса Григорьевича внимание следователей III отделения привлекла рукописная книга его стихотворений, где были обнаружены «противозаконные и возмутительные мысли». Одним из самых «едких и пасквильных» был «Сон». В этом стихотворении поэт представляет себя заснувшим и перене-

сенным сначала в Сибирь, потом в Москву и, наконец, в Петербург. В Сибири он видит преступников в рудниках, закованных в цепи и кандалы; в Москве описывает изнурение войск на параде, а в Петербурге – дерзко представляет собрание во дворце. Более того, казаки в его «Сне» выражаются: «О царю поганий, царю проклятий, лукавий, аспиде неситий!» Уже только этого было вполне достаточно для судебного разбирательства.

Николай Иванович Костомаров вспоминал:

«Во все время производства следствия Тарас Григорьевич был неизменно бодр, казался спокойным и даже веселым. Перед допросом какой-то жандармский офицер сказал ему: «Бог милостив, Тарас Григорьевич: вы оправдаетесь, и вот тогда-то запоет ваша муза». Шевченко отвечал по-малорусски: «Не який чорт нас усіх сюди заніс, коли не ся бісова муза!»... Через несколько дней, именно 30 мая, взглянувши в окно моего номера, я увидел, как вывели Шевченка и посадили в экипаж: его отправляли для передачи в военное ведомство. Увидя меня, он улыбнулся, снял картуз и приветливо кланялся. Тарас Григорьевич был отправлен в Оренбургские линейные батальоны рядовым, с воспрещением писать и рисовать... Он выслушал над собою приговор с невозмутимым спокойствием, заявил, что чувствует себя достойным кары и сознает справедливость высочайшей воли».

Костомаров был приговорен к годичному заключению в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и последующей ссылке в Саратов. В 1855 году получил амнистию в связи с коронацией нового императора – Александра II.

В 1857 году Шевченко, освобожденный от военной службы, оказался в Саратове. В дневнике он отметит: «Едва пароход успел остановиться у Саратовской набережной, как я уже был в городе и... нашел квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка, она узнала меня по голосу... она приветила как родного сына, радостным поцелуем и искренними слезами... И, боже мой, чего мы с ней не вспомнили, о чем мы с ней не переговорили... В первом часу ночи я расстался со счастливейшею и благороднейшею матерью прекраснейшего сына».

С Николаем Ивановичем Костомаровым он встретится годом позже.

Несмотря на длительную разлуку, Шевченко не утратил интерес к судьбе друга, следил за его публикациями. В дневнике поэта на странице, датированной 22 сентября 1857 года, встречаем запись: «...лежал и читал «Богдана Хмельницкого» Костомарова. Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениального бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулась вперед в продолжение последнего десятилетия».

Николай Иванович вспоминал о первой встрече с поэтом после ссылки: «Летом 1858 года, будучи в Петербурге, я отыскал Шевченко и увидел его первый раз после долговременной разлуки. Я нашел его в Академии художеств, где ему дали мастерскую. Тарас Григорьевич не узнал меня и, оглядывая меня с головы до ног, пожимал плечами и решительно сказал, что не может догадаться и назвать по имени того, кого перед собою видит, когда же я назвал свою фамилию, он бросился ко мне на шею и долго плакал». Костомаров увидел в искренних слезах друга доказательство того, что тот его не забыл.

Друзья стали вновь видеться, правда, не так часто, как раньше. Костомаров был сильно занят – архивы, публичная библиотека, приготовление к лекциям, работа над статьями и монографиями, полемика с оппонентами. Круговорот столичной жизни захватил и Шевченко. Тем не менее, он находил время для посещения отдельных лекций Николая Ивановича, вместе с ним работал над организацией воскресных школ.

В 1858 году Тарас Григорьевич Шевченко обращается к князю Василию Андреевичу Долгорукому с просьбой исходатайствовать для него разрешение на

переиздание стихотворений и поэм. Среди прочего он писал: «Вполне сознаю свои заблуждения и желал бы, чтобы преступные стихи мои покрылись вечным забвением. Десять лет прошло с того времени. В такой продолжительный период и дети становятся людьми, мыслящими основательно. Поэтому надобно предположить, что и в моей бедной голове больше установилось порядка, если не прибавилось ума. На основании этого естественного предположения, покорно прошу ваше сиятельство... смотреть на меня как на человека нового и не смешивать меня с тем Шевченком, который имел несчастье навлечь на себя своими рукописями праведный гнев в бозе почившего государя императора». Шевченко отмечал также, что с Николая Ивановича Костомарова и Пантелеймона Александровича Кулиша запрет на публикацию работ был снят. Изучив опубликованные ранее стихи и поэмы Шевченко, цензоры не обнаружили в них ничего предосудительного, а потому причин для отказа поэту не было.

По свидетельству писателя Даниила Лукича Мордовцева, «после Костомаров говорил, что это время – 1859 и 1860 годы – пролетело как сон, и ему не удалось даже наговориться с Тарасом: все казалось, что еще успеем. И вдруг мне говорят, что Шевченка не стало». В своих воспоминаниях Мордовцев цитирует письмо Костомарова к нему, написанное на другой день после смерти друга: «Вы прочтете в периодических изданиях, конечно, обстоятельства его погребения. Он умер от водяной. Еще летом его одолевала убийственная тоска, которая происходила частью от одиночества, частью от сознания упадка своих поэтических сил и ненормального положения на высоте славы, после двенадцати лет заточения, разлучившего его с образованным миром. Осенью он хотел жениться; ему не удалось: самая эта попытка была, кажется, порывом отчаяния... Незадолго пред смертью он отдалял от себя мысль о близкой кончине, собирался, казалось, жить, даже купил себе часы, которых, кажется, никогда не носил в жизни... На погребение его стекло много, но было бы еще больше, если б успели опубликовать. Студенты несли гроб его до самой могилы на Смоленском кладбище».

Костомаров до последних дней жизни высоко ценил талант Шевченко, подчеркивал уникальность его поэзии, указывая на ее национальное и мировое значение: «Он не был поэтом тесной, исключительной народности: его поэзия приняла более высокий полет... Будучи малорусским поэтом по форме и языку, Шевченко в то же время и поэт общерусский. Это именно оттого, что он – возвеститель народных дум, представитель народной воли, истолкователь народного чувства». Неоднократно в беседах с друзьями Костомаров повторял, что после смерти Тараса Григорьевича украинская литература значительно обеднела. Историк, по свидетельству современника, «стихотворения Шевченка знал все на память», любил их декламировать, часто цитировал отрывки из его произведений.

Что любопытно: в молодости Костомаров сам увлекался «сочинительством на малороссийском языке». Он – автор поэтических сборников «Українські балади», «Вітка», вышедших под псевдонимом Иеремия Галка. Одно из его стихотворений было впервые опубликовано в журнале «Киевская старина» за 1897 год под заголовком «Славянам». Автор публикации Николай Ильич Стороженко отнес это поэтическое произведение к творческому наследию Тараса Григорьевича Шевченко. Иван Яковлевич Франко не согласился с подобным утверждением. Он убедительно доказал, что стихотворение вышло из-под пера Николая Ивановича Костомарова.

При жизни Шевченко его талантом искренне восхищался и Пантелеймон Александрович Кулиш, один из кирилло-мефодиевских братчиков. А в 1862 году, вернувшись из-за границы, он посещает одно из собраний «малороссийской громады». Очевидец рассказывает: Кулиш «достал из бокового кармана какую-то тетрадь и, обратившись к присутствующим, просил прослушать стихотворе-

ние одного славянского поэта, которого он встретил, где-то там, за Дунаем, и который, по его мнению, окончательно должен затмить талант Шевченка. Выслушавши прочитанное Пантелеймоном Александровичем со вниманием, из присутствующих никто не высказал ни своего одобрения, ни порицания. Стихотворение это оказалось впоследствии принадлежащим самому Кулишу».

Позже в своей работе «История воссоединения Руси» Кулиш называет музу Шевченко «полупьяною и распущенною», укажет, что «из творений Шевченка весьма небольшое количество стихов общество должно собрать в житницу свою, а остальное все – не лучше сору, его же возмечает ветер от лица земли». Костомаров выступает в защиту памяти друга. «Кулиш не оставил без глумления Шевченка, того самого Шевченка, перед которым когда-то поклонялся в «Основе»; тогда уже многие, уважавшие талант Шевченки, находили восторги Кулиша чрезмерными... Если г. Кулиш изменил свои прежние убеждения и симпатии, то все-таки было бы желательно, чтоб он теперь обращался с большею снисходительностью к памяти лиц, которым прежде оказывал любовь и уважение. Теперь же он невольно напоминает тех средневековых монахов-фанатиков, которые под влиянием христианского благочестия истребляли произведения искусств, поэзии и наук, созданные в языческие времена, и делали это потому только, что видели в них почитание ложных божеств».

Костомаров был в мастерской у Шевченко накануне его смерти. В час погребения тепло и сердечно помянул своего друга проникновенным словом.

По свидетельству русского писателя Николая Лескова, «женская слеза из глаз ... старушки Костомаровой не обошла могилы Шевченко».

Историка очень волновала мысль о сохранении рукописей Тараса Григорьевича. При его участии в 1867 году было выпущено первое посмертное издание «Кобзаря».

В рабочем кабинете петербургской квартиры Костомарова на письменном столе стоял бюст, а над диваном висел большой портрет Шевченко. Историк бережно хранил и две гравюры Тараса Григорьевича с его автографом.

* * *

Так случилось, что малая родина – Острогожский уезд Воронежской губернии – Николая Ивановича Костомарова стала домом для потомков Тараса Григорьевича Шевченко. Родная племянница поэта - Василина Иосифовна - в начале девяностых годов XIX века, спасаясь от нищеты, решает искать счастья на чужой стороне. С мужем Тимофеем Хоменко выбирают на жительство степной хуторок на юге Воронежской губернии в Острогожском уезде под Россошью.

А в музее села Шевченково Звенигородского района Черкасской области (это прежняя Кирилловка, где прошло детство Тараса Григорьевича) в одном из залов во всю стену, по рассказам внука Василины Иосифовны – Ивана Порфирьевича Дробина, было нарисовано родословное древо рода Шевченко. Есть там и воронежская веточка.

Потомки поэта, живущие в нашей области, естественно, носят уже другие фамилии. Но что интересно – фамилия Шевченко в южных районах области очень распространена. Подтверждение тому – простой факт: только в Россошанском районе, по официальным данным, сорок три однофамильца поэта пали на полях сражений в годы Великой Отечественной войны.

Татьяна Мегирьянц,

кандидат филологических наук

В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР

Сегодня Украина оказалась центром геополитического конфликта. Это совпало с двухсотлетием со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко, имя которого стало своеобразным символом националистических настроений на Украине. Воронежская область находится в непосредственной близости к Украине. В городе Россошь даже планируется открытие памятника украинскому kobzary. Между тем произведения Т.Г. Шевченко мало знакомы молодежи. Попытки разобраться в характере творчества украинского поэта приводят молодых людей в недоумение и, скорее, провоцируют неприязнь к украинскому классику. Что же необходимо знать о певце Малороссии образованному человеку, независимо от его близости к филологии?

У Т.Г. Шевченко чувство прекрасного пробудилось рано. Еще пастушонком он начал заниматься рисованием. Рано стал вслушиваться в народные песни и думы, которые пели слепые kobzari. Он с восхищением слушал предания о гайдамаках. В автобиографии он скажет: «История моей жизни составляет часть истории моей родины» [цит. по: 3].

Свои стихи Тарас Шевченко начал писать еще крепостным в Летнем саду белыми петербургскими ночами. Он слагал их на языке, который не имел на то время даже нормированного алфавита. Его романтическая чувственная поэзия сразу стала для украинского читателя образцом романтической традиции, как стихи Жуковского для русского читателя, а Мицкевича для поляков.

Интересно, что чем больше он чувствовал себя художником, тем сильнее была внутренняя потребность творить поэзию.

Получив вольную, благодаря прежде всего русскому поэту Жуковскому и художнику Брюллову, и поступив в Академию художеств, Шевченко стал делать заметные успехи в живописи. Перед ним открывалось завидное будущее. Но позже в своем дневнике он сказал: «Я хорошо знал, что живопись – моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того, чтобы изучать ее глубокие таинства <...> я сочинял стихи <...>. Право, странное это неугомонное призвание» [цит. по: 5].

События русской культурной жизни того времени – это бурное литературное развитие, память о декабристах. Свежа еще скорбь по убитому на дуэли Пушкину, в расцвете таланта Лермонтов, большой популярностью пользовались песни

Кольцова, басни Крылова, проза Гоголя. На устах у всех критические статьи Белинского. Все это формировало мировоззрение и творчество молодого Шевченко. Таким образом, как художник слова Шевченко сложился под влиянием лучших образцов русской литературы наряду с малороссийским народным словом.

В 1840 году вышел первый сборник стихов Шевченко под знаменательным названием «Кобзарь». В сборник вошла поэма «Катерина» и семь стихотворений. Книга быстро разошлась и имела среди украинцев громадный успех. Вскоре «Кобзарь» стал известен и русским читателям, среди которых многие понимали по-украински.

Вся литературная сила Шевченко – в его «Кобзаре». По количеству страниц «Кобзарь» невелик, но по внутреннему содержанию это книга богатая и многогранная: это крепостничество и солдатчина во всей их тяжести, неугасшие воспоминания о казацкой вольности. Здесь пересеклись самые разные влияния: с одной стороны – украинского философа Сковороды и народных кобзарей, с другой – Мицкевича, Жуковского, Пушкина и Лермонтова. В «Кобзаре» отразились киевские святые, запорожская степная жизнь, украинский крестьянский быт – т.е. народный душевный склад, со своеобразными оттенками красоты, задумчивости и грусти. Почти невозможно определить, где кончается украинская народная поэзия и где начинается личное творчество Шевченко.

Несмотря на высокую для того времени цену, сборник разошелся за две недели и стал раритетом еще при жизни его автора. По образному выражению И. Франко, с «Кобзарем» в литературу пришел крепостной и крепостного привел за собой.

После выхода в свет первого поэтического сборника Шевченко уже не оставлял занятий поэзией. Вскоре им была написана и опубликована поэма «Гайдамаки».

В первый, романтический период творчества Шевченко разрабатывает любимый романтиками жанр баллады, вводит в украинскую поэзию фантастический элемент, увлекается эффектными драматическими сценами. Темы сиротства, неравного брака, трагической судьбы прекрасных молодых людей, образы ведьм, казака, погибающего вдали от родины, утопленниц, русалок, жалобы бедных девушек, их обращения к ветру, Днепру, синему морю – все это имеет ярко выраженную романтическую окраску.

Для Шевченко в устной народной украинской поэзии особенно значимыми были бунтарские мотивы. Ими и была проникнута поэма «Гайдамаки», написанная под влиянием повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Впервые в украинской литературе Шевченко обращается здесь к теме народного восстания. Посвященная историческому прошлому Украины, поэма «Гайдамаки» написана не столько по историческим источникам (хотя Шевченко их в какой-то мере использовал), сколько по народным сказаниям. В предисловии к поэме он предупреждает читателей: «Про то, что творилось на Украине в 1768 году, рассказываю так, как слышал от старых людей». Отсюда романтическое преувеличение в изображении героев и их поступков и идеализация казачества.

Большой успех «Кобзаря» во многом был связан с поэмой «Катерина», которую Шевченко посвятил В.А. Жуковскому в память о 22 апреля 1838 года. Это первое большое произведение на тему женской доли. В дальнейшем поэт развивает ее в различных жанрах – в лирических стихотворениях, балладах, поэмах, повестях.

Антикрепостнические настроения Шевченко, проявившиеся еще в Петербурге, окончательно определились в сороковые годы. В этот период Шевченко создал ряд откровенно бунтарских произведений. Он пишет о помещиках-крепостниках, о царской власти, о крепостничестве, о страданиях народных. И даже однозначно говорит о возможном в недалеком будущем бунте, когда «разорвут оковы скованные люди». В поэме «Кавказ» Шевченко открыто обращается к народу с

призывом свергнуть несправедливый порядок. Не хочется думать, что он представлял это так, как это произошло на Украине сегодня.

В творчестве Шевченко развиваются и богоборческие мотивы. В 1840-е годы он становится страстным борцом против веры в Бога. Он говорит, что придет время и от поповских кадил люди будут прикуривать трубки, чудотворными иконами топить печи, а кропилом подметать в новом доме.

Если для многих видных деятелей русской культуры было свойственно развитие от первоначального вольнодумства, или бунтарства в молодости – к зрелой мудрости и православию (как у Пушкина, Гоголя, Достоевского, Киреевского и других), – то у Тараса Шевченко всё произошло ровно наоборот.

В молодости Тарас отличался глубоким личным христианским чувством. В его первых стихах находим молитвенные воззвания к Богу, Богородице, святым. Ежедневно он читал Евангелие. Написал несколько удачных икон. Но потом все меняется.

В советской России XX века эти мечты кобзаря перечеркнуть Бога сбудутся. Но все оказалось не так просто. Бог в душах людей остался. А поскольку человек склонен к крайностям, в наши дни в Полтаве уже есть икона, на которой изображен сам Шевченко.

Поиски пути и истины привели Шевченко в 1846 году к сближению с Кирилло-Мефодиевским братством. Душой общества был историк Н. Костомаров и П. Кулиш, стремившиеся пропагандировать идеи «славянской взаимности». Способы достижения принципов равенства и братства большинством «братчиков» признавались только мирные. Шевченко входил в левое крыло общества, участники которого стояли за радикальное разрешение проблем. В 1847 году участники общества были арестованы.

Кулиш и Костомаров получили сравнительно мягкие наказания: их выслали. У Шевченко при аресте отобрали рукописный сборник «Три года», куда входили стихи, оскорблявшие царя и его семью. Наказали его серьезнее. Поэта приговорили к службе рядовым в Оренбургском отдельном корпусе с правом выслужить офицерский чин. Приговор заключал примечание: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

Несмотря на доброе отношение начальства, солдатская служба была тягостна для эмоционального художника-поэта. Надо заметить, что на солдатской службе Шевченко вопреки приговору написал немало стихов и делал карандашные зарисовки. Здесь же, в солдатчине, Шевченко начинает вести «Журнал» (дневник).

В ссылке были написаны и русские повести. По словам самого Шевченко, их было около двадцати, но до нас дошло только девять. В русских повестях Шевченко мы встречаем с теми же темами и конфликтами, что и в его поэмах. Здесь также изображаются противостоящие друг другу помещики-крепостники, со всеми присущими им пороками, и крепостные. Правда, в повестях появляется и новый для Шевченко герой: крепостной интеллигент, художник или музыкант, в котором нетрудно угадать черты самого поэта.

Повести Шевченко, как и его «Журнал», свидетельствуют о том, что он хорошо владел русским языком. На русском языке он писал не только прозу, но и часть стихов, поэмы, пьесы. Это неудивительно. Как сказал однажды Гоголь, «нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово».

Примечательно, что в стихотворении, написанном на смерть Шевченко, Некрасов говорит о поэте, которого сегодня стараются представить нам как исключительно украинского: «Русской земли человек замечательный».

Сам Тарас Григорьевич не отделял себя от русской культуры. Он называл русскую литературу «нашей литературой», старался занять в ней определенное место, именовал русских поэтов Жуковского, Лермонтова, Кольцова «нашими

поэтами». Хотя и считал великорусов виновными во всех обидах, якобы нанесенных Украине.

Вернувшись в марте 1858 года из ссылки в Петербург, Шевченко стал заниматься гравюрами в Академии художеств. За успехи в искусстве гравюр он в 1860 году получил звание академика-гравера, несмотря на то, что недавно был ссыльным бунтовщиком. Это стоит подчеркнуть, как одну из характеристик ненавистной Шевченко русской государственности. Одновременно Шевченко продолжает писать поэтические произведения и перерабатывает некоторые ранее написанные поэмы, публикует на украинском языке в новом издании «Кобзаря» (1860) и на русском языке печатается в журнале «Современник».

Сегодня имя Шевченко попало в перекрестие очень серьезных политических споров.

Григорий Петрович Данилевский (русский и украинский писатель и публицист, автор романов из истории России и Украины XVIII-XIX веков) записал один из разговоров Гоголя и Бодянского (русский и украинский ученый, собиратель и публикатор древних русских и славянских рукописей, знаток украинской народной поэзии; его собрание насчитывало около 8 тысяч песен). И так, Данилевский вспоминает встречу Бодянского и Гоголя: «А Шевченко?» – спросил Бодянский. – Скажите о таланте, о его поэзии...» «Дегтю много, – негромко, но прямо проговорил Гоголь, – и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии. Нам надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке одного владычного языка для всех родных нам племен... как язык Пушкина... нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, нетленная поэзия правды, добра и красоты. Я знаю и люблю Шевченко, как земляка и даровитого художника. Мне удалось и самому кое-чем помочь в первом устройстве его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они все еще дожевывают европейские давно выкинутые жмаки. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение, одной в ущерб другой, невозможно. Нет <...>, не то нам нужно, не то. Всякий, пишущий теперь, должен думать не о розни; он должен, прежде всего, поставить себя перед лицом того, кто дал нам вечное человеческое слово...» [цит. по: 4]. Подчеркну, что участники разговора – русские украинцы, горячие поклонники и защитники украинской культуры.

Максим Горький в «Несвоевременных мыслях» сказал: «Где слишком много политики, там нет места культуре». Наша с вами задача – услышать поэтическое слово кобзаря, безотносительно к политической полемике, услышать музыку близкого нам украинского слова и принять сердцем любовь этого народного поэта к своей малой родине – нашей ближайшей соседке Украине, ставшей сегодня своеобразной горячей точкой на политической карте мира.

Бороздина П.А. Очерки истории литературы народов СССР. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – С. 240 – 263.

Музей Кобзаря // Режим доступа: <http://velikie.com.ua/mesta/cherkasskaya-oblast/283/>
Дата обращения: 01.03.2014

Оренбургская шевченковская энциклопедия // Режим доступа: <http://www.pseudology.org/goroda/Orenburg/culture/encyclop/tom1/index-part1.html>. Дата обращения: 28.02.2014

Рудницкий Б.А. Тарас Шевченко «народный» поэт украинцев // Режим доступа: <http://za.zubr.in.ua/2013/02/17/19864/> Дата обращения: 27.02.2014

Стороженко Н.И. Гениальный горемыка // Режим доступа: <http://www.genocide.ru/lib/bhhelp/i/i-59-storojenko.html> Дата обращения: 25.02.2014

Петр Чалый,

член Союза писателей России

ТАРАСОВА РОДНЯ

В южных российских пределах нередко встречается значимая в нашей славянской литературе украинская фамилия Шевченко. Есть даже на этот счет лирическое объяснение с читателем у современного поэта Михаила Шевченко (а родом он воронежский, слобожанский, из слободы Сагуны, вырос же в Россоши): «Я часто слышу: – А скажите, правда, что вы – великого Тараса правнук? А может, лишь однофамилец с ним?..» И дальше: «Я так же, как и вы, Тараса правнук. Мне б, как и вам, его достойным стать».

В прошлые семидесятые годы случай свел меня в Россошанской поликлинике с опытным врачом Украинским Сергеем Никитичем. Ветеран рассказал мне, газетчику «районки», о том, что оформлял документы для бабушек из Алейниковского сельсовета. «Внучки Тараса Шевченко. Из Киева обещали им пенсию платить».

В телефонном справочнике Россошанского района насчитал восемьдесят однофамильцев поэта. К слову, в моем родном селе целая улица Шевченков набирается. Да мало ли чего бывает на белом свете. Язык довел и до Киева Верхнего – степного сельца, откуда уже рукой подать к Дону. При случае поинтересовался об услышанном в совхозе «Алейниковском», где расположен тот хуторок. Утвердительно ответил мне старожил тамошних мест, тогдашний председатель профсоюзного комитета Иван Порфирьевич Дробин, с кем давно, кстати, был знаком:

– Моя мать, Варвара Тимофеевна, доводилась внучкой Иосифу Григорьевичу, родному брату Тараса.

Оказалось, что Дробин ездил на родину предков – в село Шевченково (так называется прежняя Кирилловка, где прошло детство Кобзаря). Это Звенигородский район Черкасской области.

– Усадьба, где стояла «хата батькив», – государственный заповедник, – рассказал он. – Весь в зелени и цветах литературно-мемориальный музей. В одном из залов – во всю стену родословное древо рода Шевченко, нарисована там и наша воронежская веточка...

К горькому сожалению, настоящая хата отца поэта сгорела еще в конце прошлого девятнадцатого столетия. Та же беда стряслась уже спустя век, в сентяб-

ре девяносто второго – среди ночи огонь запылал изнутри, а сторож, как всегда, спал дома. Одни увидели в том покушение на национальное наследие Украины, другие, что достовернее, – безответственное отношение к святыням народным.

Воспоминания о детстве часто «прорастают» в художественной прозе Шевченко. Читаем зачин повести «Княгиня»:

«Село! О сколько милых, очаровательных видений пробуждается в моем старом сердце при этом милом слове! Село! И вот стоит передо мною наша бедная, старая белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным дымарем (печной дымовой трубой), а около хаты на прычилку (с боковой стороны хаты) яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки! А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою стоит клуна (сарайчик, в каком молотили снопы), окруженная стогами жита, пшеницы и разного всякого хлеба; за клунею по косогору пойдет уже сад. Да какой сад! Видал я на своем веку таки порядочные сады, как, например, уманский и петергофский, но это что за сады! Гроша не стоят в сравнении с нашим великолепным садом: густой, темный, тихий, словом, другого такого сада нет на всем свете. А за садом левада (сенокосный лужок), за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручей, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темными, зелеными лопухами; а в этом ручье под нависшими лопухами купается белокурый мальчуган, а выкупавшись, перебегает он долину и леваду, вбегает в тенистый сад и падает под первую грушею или яблонею и засыпает настоящим, невозмутимым сном. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору, смотрит, смотрит и спрашивает сам у себя: «А что же там за горою? Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. А что, если бы пойти да посмотреть, как это они его там подпирают? Пойду да посмотрю, ведь это недалеко».

Встал и, не задумавшись, пошел он через долину и леваду прямо на гору. И вот выходит он за село, прошел царыну (выгон), прошел с полверсты поля, на поле стоит высокая черная могила. Он вскарабкался на могилу, чтобы с нее посмотреть, далеко ли еще до тех железных столбов, что подпирают небо.

Стоит мальчуган на могиле и смотрит во все стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и там из темных садов выглядывает трехглавая церковь, белым железом крытая, и там тоже выглядывает церковь, из темных садов, и тоже железом крытая. Мальчуган задумался. «Нет, – думает он, – сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов, а завтра вместе с Катрею. Она до череды коров погонит, а я пойду к железным столбам, а сегодня одурю Микиту (брата), скажу, что я видел железные столбы, те, что подпирают небо». И он, скатившись кубарем с могилы, встал на ноги и пошел, не оглядываясь, в чужое село. К счастью его, ему встретились чумаки и, остановивши, спросили:

– А куда ты мандруешь, парубче?

– Додому.

– А де ж твоя дома, небораче (бедолага)?

– В Киреливци.

– Так чога ж ты йдеш у Морынци?

– Я не в Морынци, а в Киреливку иду.

– А колы в Киреливку, так сидай на мажу (на чумацкий воз), товарищу, мы тебе доведемо додому.

Посадили его на скрыньку, что бывает в передке чумацкого воза, и дали ему батиг в руки, и он погоняет себе волов, как ни в чем не бывало. Подъезжая к селу, он [увидал] свою хату на противоположной горе и закричал весело:

– Онде, онде наша хата!

– А колы ты вже бачишь свою хату, – сказал хозяин воза, – то йди собі с богом!

И, снявши меня с воза, поставил на ноги и, обращаясь к товарищам, сказал: – Нехай иде собі з богом...»

«Хата батькив» сохранилась в рисунках Тараса Григорьевича. Побеленная мазанка. Сверху нахлобучена по самые прижмуренные оконца патлатая камышовая стреха. На потрескавшемся пересохшем лозовом плетне выжаривается на солнце глиняная макитра, и еще одна – на держаке печного рогача, прислоненного у стенки. Без этих выставленных сушиться кувшинов-гличиков и макитр да красных, розовых – рясно цветущих мальв под оконцем невозможно представить слободскую Украину.

Открой скрипучую-рыпучую дверь – на глиняном полу-доливке стоят стол и лавка. Судьба уготовила им быть выставленными в музее. В углу – божница с лампадкой. Вот и все убранство.

«Я – сын крепостного крестьянина», – так напишет о себе в автобиографии Шевченко.

На той самой лавке за столом собиралась вечерять вся семья: мать и отец, мал мала меньше – Катерина, Тарас, Никита, Ярина, Мария и Иосиф. Парилы и сладостно пахла картошка. Малышня терпеливо дожидалась, пока отец не отрешет каждому по скибке хлеба, пока мама, почему-то не обжигая руки, раскладывает перед каждым горячие картохи на стол...

Святая простота...

По сей день не иссякает людской поток в шевченковскую Кирилловку, а за сотни верст севернее – к русской деревне, в есенинское Константиново.

И вот – перед тобою – «убогая батьковская стреха». И нет ответа: как под ней смогло родиться «Рэвэ та стогнэ Днипр широкий»? Почему в другой, бревенчатой, избе явилось парнишечке – «Выткался над озером алый свет зари»? Явление Пушкина, скажем, понятнее, там – образование, культура дворянских поколений, впитанная с материнским молоком. А тут 8542 крепостных крестьянина у помещика Энгельгардта. Тут же – шестеро детей выросло в семье Григория Шевченко. Из тысячи тысяч сырых сверстников Тараса выпало спеть о них, о времени песнь потомкам именно ему, Кобзарю!

Доводилось ли вам когда-нибудь на самом что ни на есть суходоле, на степной вершине, вдруг встретить ключевой родник? Серебрит косогор сивым полынком, а среди него нежданым островком зеленая осока, какую питает и в тени которой выживает незамутненный родничок. Знающий человек объяснит вам доступно о необычном поведении подземных вод, нарисует вполне ясную для понимания картину. И все одно – останется в памяти сказкой: выгоревшая, сожженная летним зноем степь, напитанная до краев полынной горечью, и не в низине яра, не под обнаженным земельным обвалом в глубокой круче, а на самой горушке, в укрытой тенистой зелени кринице-копаночке неостановимо бьет светлый ключ, приятно обжигающий пересохшие губы ледяным холодком.

Так и тут? Есть народ. И есть его поэт, народный глас. «И неподкупный голос мой/ Был эхо русского народа».

Вроде все объяснимо.

Но только откуда же явилось: «Соловьем залетным юность пролетела»? «Отговорила роща золотая»? Только как же всему обездоленному миру сын крепостной крестьянки прозорливо скажет: «И на оновлѣнной земли/ Врага нѣ будѣ, супостата./ А будѣ сын и будѣ маты./ И будут люди на зымли»?

Судьбе было угодно распорядиться так, что у Тараса Григорьевича не сложилась собственная семья, какая ему виделась в думах в далекой ссылке, в солдатчине, в теплом Киеве и холодном Петербурге. Семейный род Шевченко про-

должили дети его сестер и братьев. Из семьи младшего Иосифа Григорьевича в будущем и потянулась родословная Кобзаря в воронежские края.

– У Иосифа родилась дочь, – рассказывал правнук Дробин. – Назвали ее Вассой-Василиной. Уже после отмены крепостного права она вышла замуж за кирилловского парубка Тимофея Хоменко. Жилось бедно. Шли внаймы работать к тому же барину на его землю. Покинули родину. По рассказам матери, случилось это во второй половине девятнадцатого века. Молодые вместе с другими семьями земляков из Звенигородского уезда Киевской губернии поехали искать счастья на стороне. Близ слободы Россошь Острогожского уезда Воронежской губернии звенигородцы поселились на соседних хуторах Верхний Киев (на холме) и Нижний Киев (в низине). Это была воронежская Слобожанщина, где еще со второй половины семнадцатого века начали обживать донские степи малороссийские козаки-черкасы с Днепра.

Вспомним ранние рассказы Ивана Бунина, написанные, что называется, с натуры. Зримо предстает серая крестьянская толпа, какую гнала в необжитые края нищета. Слышишь скрип колес нескончаемых обозов. Почуешь, почувствуешь запах мягких пыльных дорог, над какими в ночи сияют звезды, которые, «может быть, знают, как свято человеческое горе!»

– Так уж вышло, что Василина и Тимофей выбрали на жительство степной хуторок Верхний Киев. Почему именно здесь – не сохранилось в семейной памяти, – говорит Иван Порфирьевич. – Они тут были в числе других украинских переселенцев. О том можно догадаться по названиям окрестных хуторов – Украинский, Крещатик, Мирошников, Херсонский. Может, какой-то дошедший до ручки в хозяйственных делах местный помещик распродал, сдавал в аренду свои угодья, вот и поселились в Придонье переселенцы.

Все же тесна земля. Племянница Шевченко, конечно, и не предполагала, что и эта степная сторона – родина людей, близких Тарасу Григорьевичу.

В недалейей слободе Юрасовке когда-то родился и рос внебрачным сыном помещика и крепостной крестьянки Николай Иванович Костомаров. С ним, историком и писателем, Шевченко породнился в Кирилло-Мифодиевском обществе, которое ставило своей целью духовно и политически объединить славянские народы, искоренить рабство и всякое унижение. Именно в те годы родился «Заповит»:

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвите,
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте...

Правда, поэт будто пророчески сквозь столетия упреждал нынешние майданские дела:

Доборолась Україна до самого краю,
Гірше ляха твої діти тебе розпинають...

И в Киеве, и в Саратове, где желал свидеться Шевченко с Костомаровым после ссылки, всякий раз по-матерински тепло и радушно будет привечать Тараса Григорьевича мать Костомарова, Татьяна Петровна, родом из юрасовской крепостной семьи Мельниковых. «Добрая старушка, – записывал Шевченко, – она узнала меня по голосу... она привечала, как родного сына, радостным поцелуем и искренними слезами. ...Я расстался со счастливейшей и благороднейшей матерью прекраснейшего сына». О ней поэт кровью сердца писал еще в петербургском каземате, когда увидел сквозь зарешетчатое оконце – по тюремному двору идет мать Костомарова...

Дивлюсь: твоя, мій брате, мати
Чорніше чорної землі
Іде, з хреста неначе знята...

Так уж станеться, так уж Богу будет угодно, что спустя годы на похоронах Кобзаря в холодном Петербурге навечно прикроет глаза Тарасу и свежую могилу окропит женской слезой она – Татьяна Петровна.

В донской стороне, какую обживали родичи Шевченко, в здешней степи у ночных пастушьих костров складывал песни воронежский прасол Алексей Кольцов. И уж, конечно, в дорожных думах возвращался к столичным разговорам со своим кровным поэтическим собратом – украинским Кобзарем.

А за Доном-батюшкой, в совсем близкой павловской слободе Казинке, писал «Воспоминания о Тарасе Шевченко его случайного ученика» художник-любитель Борис Суханов-Подколотин. В петербургской гостиной его матушки поэт встречался с Иваном Тургеневым, Яковом Полонским, Аполлоном Майковым и другими известными литераторами, художниками. Живший в постоянной нужде, Шевченко отказывался от материальной помощи своих близких знакомых. И тогда Наталья Борисовна нашла удобный предлог: попросила Тараса Григорьевича давать уроки рисования ее сыну. Эти теплые встречи не прошли бесследно для мальчика, коль возвращался он к ним в памяти уже взрослым.

Просторна земля, но не одинок живущий на ней человек, если он, конечно, сам человек. И кирилловские переселенцы прижились на Слобожанщине. Чужая сторона стала родиной их детям. Василина Иосифовна и Тимофей Хоменко вырастили семерых детей – Ольгу, Наталью, Евдокию (в замужестве Чекрымова), Марка, Марину (Потебенкову), Матрену (Курченкову), Варвару (Дробину). Повзрослев, сын Марк после кончины матери вернулся в отчие края – в Кирилловку. Его сестры остались жить на новой родине. Выходили замуж, обзаводились своими семьями. Здесь они похоронили родителей.

Судьбы Ольги и Натальи пока сокрыты в тумане лет.

Матрена Тимофеевна вышла замуж в Верхнем Киеве за Ивана Курченко. Вырастили с мужем сыновей Андрея и Николая, дочь Матрену. Дети выехали с хутора: кто в Кочубеевку Ставропольского края, кто в ближнюю Россошь. За старенькой и болезненной бабушкой Матреной, оставшейся в одиночестве, ухаживала Надежда Чекрымова: «Я жила рядом, через два двора». Андрей Иванович Курченко в марте 1943 года был призван на фронт. На Курской дуге красноармеец «обезредел пятьсот мин в полосе заграждения», награжден медалью «За отвагу». К сорокалетию Великой Победы над фашизмом саперу-ветерану вручили орден Отечественной войны второй степени.

О Евдокии Тимофеевне и «всей нашей родне» рассказали уже ее внуки, тарасовы правнуки, проживающие в Россоши. Алексею Ивановичу Тютюнникову и Надежде Владимировне Чекрымовой за восемьдесят лет. «Бабусю Явдоху» хорошо помнят. «Добрая, в любой одежде нарядная, веселая и до преклонных лет оставалась хозяйшкой хоть куда». А завершила она свой земной путь в 1948 году.

Лик Дуняши с сестрами Мариной и Варварой запечатлен на старинной фотографии мастера с личным «клеймом» – «Е.И. Педановъ Россошь». Действительно, и на снимке она самая нарядная – в светлой блузе с оборочками, статная.

Девушку Дуняшу судьба свела здесь же, в Верхнем Киеве, с Корнеем Тютюнником. Свела да и быстро разлучила, муж скончался молодым. Евдокия осталась с малолетками на руках – с дочуркой Катей и сынками Ваней, Васей, Алейшей. Вдова, пригожая хозяйшка, приглянулась местному неженатому парубку. Был Семен Чекрымов намного моложе Дуни, но стал родным отцом для чужих детей. И – собственных быстро нажили, тоже четверых. Все свои – так и растели...

О Тютюнниках поведал Алексей Иванович. Он «рожден в 1928-м, а записан в 1929 году. Лишний год до пенсии пришлось дорабатывать. «Дядю Алешу не помню. Его в гражданскую войну ни за што, ни про што прямо у двора казаки пашкой надвое разрубили. В память о нем я живу с его именем. Тетя Катя и дядя Василий работали в колхозе Чапаева. Нашу семью отец увез в Луганск. Работал в забое на шахте Четырнадцать-Семнадцать. Началась война. Немцы на подходе. Нас эвакуировали на Урал. Пять суток добирались в Нижний Тагил. Отца взяли на фронт. В Сталинградской битве был тяжело ранен. Умер и похоронен в городе Ленинске.

Я когда в школу в Луганске пошел, записали – Тютюнник. Тютюн по-украински – табак. На Урале устроился на железную дорогу. Тут стал Тютюнников. Однажды в документе обозвали даже Тюркиным, подсказали – вовремя исправил. По службе вырос до дежурного по станции. Домой, на родину, потянуло. Мой начальник долго не подписывал мое заявление, уговаривал: «Пожалеешь. На такую должность тебя в Росоши не возьмут». Он был прав. А я раз решил – чего жалеть? Дома и солома едома. Пошел в шоферы. Сельские стройки обеспечивал материалами, после – химический завод...»

Чекрымовское «родовое древо» в памяти у Надежды Владимировны: «Я наше родословие диктую под запись племяннице – дочери брата Леонида. Марина учится в Россосанском, называю по-старому, педучилище. Не забудется и учителю пригодится.

Дедушка Семен Фомич из работающих крестьян. Детей и нас, внучат, к честному труду приучал. Учиться помогал. Первенец – сын Стефан – вместе со старшим братом Иваном на шахту в Луганск уехал. Также ушел на фронт. Как об Иване Корнеевиче, о Стефане Семеновиче есть запись в «Книге Памяти. Россосанский район»: «Чекрымов, рядовой, в 1943 году пропал без вести». Дочь Аннушка трудилась в колхозе. Дядя Петр Семенович работал учителем, директором школы.

Мой отец, Владимир Семенович, остался в Верхнем Киеве. Любил лошадей, ухаживал за ними в колхозе. В нашей семье выросло шестеро братьев и сестер. Выучились. Тая медсестра в Семилуках. Нина учительница в Росоши, а Николай – в Кемерово. Леонид врач, Виктор военный, в Екатеринбурге. Кто на пенсии, кто еще работает, я всю жизнь бухгалтером в Росоши – на предприятии районной «Сельхозхимии», в районном финансовом отделе, в казначействе».

Спрашиваю у правнуков о Тарасе Шевченко. «Гордимся, любим его книги, – сказала Надежда Владимировна. – Мой брат Николай ведь тоже в газету пишет, стихи сочиняет...»

А родословие своей бабушки собрала праправнучка Кобзаря Людмила Михайловна Овчаренко.

– Марина Тимофеевна родилась в 1880 году, – говорит женщина, перелистывая свои записи. – Прожила она, дай Бог каждому, 96 лет. По мужу – Потебенко. Василий Емельянович был постарше, с 1877-го, умер в 73 года. Они крестьянствовали единолично, в колхозе имени Чапаева успели поработать.

– Хутор Верхний Киев часто называют именем давно-давно несуществующего колхоза: «Ты откуда родом?» «С Чапаева».

– Семья Потебенко была многодетной.

Сыновья участники войны, вернулись домой. Дядю Васю старожилы помнят как умелого и уважительного кузнеца. А его брат Иван Васильевич выучился на электрика, работал в Росоши, Новочеркасске, умер в Луганске в 90 лет. Дядя Гриша на фронт не попал. Шахтер.

– Тети, Маруся и Елена, вышли замуж в соседние села – в Поповку и Куренное. Колхозницы. Варвара Васильевна уехала и жила на станции Тацинской в

Ростовской области. А моя мама Прасковья с отцом Михаилом Присичем жили и работали дома – в колхозе, в совхозе.

– Я сама почти сибирячка, – объясняет Людмила Михайловна, – в Тюменской области трудилась на стройках. Вышла на пенсию, потянуло на родину. Зимой в Россоси, а с весны до осени – на хуторе, в родительском доме. Брат Николай остался жить там, в Сургуте...

Младшая внучка Иосифа Григорьевича Шевченко – Варвара Тимофеевна (1887-1971) с мужем Порфирием Михайловичем Дробиным (1887-1978) имели пятерых детей. Вели единоличное крестьянское хозяйство, в коллективизацию вступили в колхоз. Старшая дочь Прасковья с мужем Николаем Присичем работали в колхозе, она останется с сыном Александром, муж погибнет на фронте в годы Великой Отечественной войны. Вторая дочь Мария Порфирьевна работала колхозным бухгалтером. Третья дочь Нина Порфирьевна погибла в шестнадцать лет – разведчица, выполняла боевое задание в оккупированном врагом селе Дьяченково Богучарского района. Сын Иван Порфирьевич Дробин, как уже говорилось, большую часть жизни проработал председателем профсоюзного комитета в совхозе «Алейниковском», который был создан из окрестных колхозов Россосанского района. Самый младший в семье, Павел Порфирьевич, окончил Россосанского педагогического училище, трудился учителем, директором в сельских школах Богучарского района. Ветвь внуков Шевченко-Хоменко-Дробиных продолжают пра- и праправнуки. Живут они под разными фамилиями, возможно, даже – Шевченко.

Ведают, чьи они по рождению, наши знакомые Дробины. У Ивана Порфирьевича есть дочь Светлана Ивановна, внучок Костик. Родные и двоюродные братья и сестры Дробина, их дети и внуки растят хлеб и трудятся на животноводческих фермах – сельские кормильцы. Работают они и в городе у станка. Служат в армии. Есть среди них учителя, врачи, офицеры, моряки-подводники, еще студенты. Их адреса теперь в разных концах нашего Отечества. Родословная ветвь потомков из рода Тараса Шевченко продолжает расти кустистым деревом.

Что могли сказать о своем именитом родиче его потомки в первом колене? Наверное, говорили бы об участливой заботе Шевченко о родных, которая нет-нет, да и выплеснется в стихотворной строке, увидится в сохранившихся письмах.

«На эти деньги справь йосыповым детям на зиму одежду».

«Сказал бы Миките, Йосыпу и Ярине, чтобы не торопились на волю без пахотной и грунтовой земли, – пусть лучше подождут».

«А очень, очень хорошо было бы нам вместе век докоротать над старым Днепром».

«Увидишь брата Йосыпа, скажи ему, пусть придет в себя да принимается мне хату ставить».

Василина Иосифовна не могла не хранить в памяти семейных преданий. О том, как уже вольным человеком гостил в Кирилловке у родных Тарас Григорьевич. Как на семейных торжествах был наречен крестным отцом ее брата. И о том, как родные, земляки, вся родимая Русь провожали своего Кобзаря в последний путь на днепровские кручи. Может, и сама Василина стояла в тот печальный час на прибрежной горюшке, сразу поименованной в народе – Тарасовой...

Любил Тарас Григорьевич украинские народные песни. «Ой зийды, зийды ты, зиронька, та вечерня...»

Современник Шевченко украинский литератор Пантелеймон Кулиш засвидетельствовал то, как пел Шевченко у него на свадьбе. «Такого или хотя равного этого пению я не слыхал ни в столице, ни на Украине. Все гости обратились в слух, и едва Шевченко оканчивал одну песню, все просили его другую спеть».

Свадебный пир обратился в национальную оперу. Невеста в знак благодарности подарила певцу-поэту свой венчальный венок».

Не стоит удивляться тому, что стихи Кобзаря в народе зачастую принимались как свои песни. При этом вовсе не обязательно припоминать и ссылаться на песню о Днепре. Еще в начале минувших шестидесятых, когда сразу целыми улицами обстраивалось немного оживавшее наше село, чуть ли не в каждое летнее воскресенье созывались люди на обмазку глиной отстроенного дома, на лепку самана – больших кирпичей из глиняного замеса. На толоку – так по-старому звался тот обычай. По завершении дел, как водилось, затевалось сельское застолье. Транзисторы и магнитофоны были еще не в ходу, большая редкость. И вот после выпитой чарки обычно подталкивали локтем самых голосистых.

– Зачинай, Катерино...

Для порядка Катя отнекивалась. Но постепенно рядышком подсаживались любители попеть, сговаривались, кому и каким голосом вести мелодию. Наставал миг, когда вдруг разом стихал в застолье галдеж, и в неустоявшейся тишине чистым звоном колокольцев заводилась песня.

Замирала, щемила человеческая душа, какой бы заскорузлой она ни была.

От певшихся в ту пору «Тонкой рябинушки» и «Подмосковных вечеров» переходили к своим – то вспоминали казака, какой по Дону гулял, то доходил черед и до Днепра, и до «Закувала зозуленька/ В зеленому гаї...»

Когда же упарившийся гармонист выжимал из своего «струмента» «Барыню», то следом же, не отдышавшись, тоже взмокревшие плясуны требовали играть «Гопака».

Не женися на богатій,
Бо вижене с хати,
Не женися на убогій,
Бо не будеш спати...

Начинал допытываться, кто сложил эти песни. Мне простодушно отвечали:

– А хто его знает, добра душа...

И уж повзрослев, встретился со знакомыми с детства строками на страницах «Кобзаря».

По-своему интересными оказались беседы с нынешними потомками из рода Шевченко.

– Ездил на Украину с теткой Явдохой, – припоминает Дробин. – На шевченковские торжества нас пригласили. Встретилась тогда она с братом Марком у него дома. До того лет тридцать не виделись. Обнялись, расплакались. И тут же присели на лавочку и так ладком запели на два голоса. Поплачут на радостях. И опять поют – старинную, протяжную...

Беседовали с Порфирьевичем в семидесятых годах, а в девяностых и его старость, недуги заставили навсегда покинуть хуторок. Стареньких родителей забрала к себе дочь в ростовский городок Донецк, что на самой меже с Украиной.

...У воронежских потомков рода Шевченко, с кем довелось разговаривать, есть в доме сборники стихов поэта. А вот престарелая колхозница Анна Васильевна Белашова, дочь Марины Тимофеевны, которая «ни одного класса не начала, а, значит, и не кончала», пересказывала «Катерину» по памяти.

Говорила она нараспев. В речи, как это водится на воронежской Слобожанщине, русские и украинские слова вперемешку.

– Тарас Григорыч – ридный дядько моей бабуси. Як же про цэ ны знать? Помню, бабуся рассказывала, шо прыйихалы сюда на жительство при панах. У тутошнего Голостина купылы землю. Дитэй у бабуси було нэ так, як счас у

людей, багато, хоть и бедно жили. Семь душ в семье растила, а еще троих схоронила. Дидуся помню. В широких козацких штанах ходыв. Проты двора ставок, лед тонкий, а хлопьятам хочется покататься, тай шурхнули в холодну воду. Дедусь вытащил их, як гаврашат, як суслыкив. У него одна прыказка була: «Бый вас сыла божья!»

В германскую войну мий батько в плен попал. Мы дожились – йисты ничего нэма, хоть с голоду помирай. С Украины родычи приглашают – с хлебом живут... Напнули на телегу цыганскую будку – и туда. Як раз мисяц добыралась на двух подводах. Одного коня пришлось обменять на два пуда ячменя. Родычи пособылы. В то лето шестьдесят пудов муки заробылы.

Там, в Кырыливци, побачила хату, дэ вырис Тарас Шевченко. Во дворе чего-то самолет стояв, первый раз бачила.

По праздникам девчата красиво наряжались: красыви венки на головах, ленты до земли. Опосля? Дома замуж вышла. В колхоз записались. Стахановкой звалась. На ланке, на буряках сахарных всю жизнь, звеньевой. Тяпкой та руками кохаешь их. Осенью выкопаем и сложим в кагаты прямо на поле, укроем. Зимой вывозим. Ночь-полночь, уже стучит в оконницу бригадир: «Васильевна, сегодня на волах не едешь, коней запрягай. А на конях, по-нынешнему, як на «Волги»... Всяко жили. Не тужили. Пятерых детей на ноги поставили, выучили, хай нэ обижаются...

Старуха рассказывала все обстоятельно. Выработанные на свекле сухощавые руки, что суше старого дерева, не лежали покойно на коленях – чистыми уголками повязанного под подбородок платка все смахивала набегавшие на глаза слезы.

– Наши бабы считали, что про Катерину в «Кобзаре» выдуманно. Не, я в Кырыливци узнала – суца правда, – доверительно сообщила она мне напоследок. – Шевченко правду писал...

Стоял в ту пору степной хуторок окруженным вызревающими уже золотистыми хлебами.

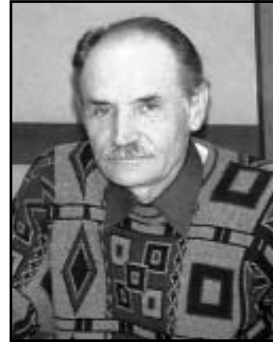
В высоком небе вековечно плыли над чистым полем облака. Сверкало солнце. Голубым платком, сложенным треугольником, светился пруд. Тенистой рощицей вербы по плотине. Вдруг, не поднимая брызг, снялись и, сделав круг, опять сели на обжитую воду дикие утки.

И вновь покой. Как опаляющая душу песенная строка: «Ой крикнули сірії гуси/ В яру на ставу...»

Виктор Беликов,
член Союза писателей России

БРЕЛ ЧУМАК ЗА ВОЗОМ

В наших краях в старину находился приют беглым людишкам. Вытесненные из Украины запорожские казаки полковника Дзиньковского, спасаясь от гонений и гнета панов-ляхов, со всеми своими семействами, скотиной и скарбом прибыли в Острогожск в 1652 году. Места наши очень напоминали украинские степи, поэтому выходцы из Украины – хохлы-черкасы – быстро освоились здесь и навеки укоренились. Защищая себя, они тем самым защищали и Россию с юга. Осваивая новые земли, они крепили российское могущество.

Во второй половине XVII века, а, может, уже в первой половине XVIII века, когда возникли Россошь и Острогожск, между ними пролегла степная дорожка-шлях. По сторонам этого шляха были насыпаны сторожевые курганы, построены наблюдательные вышки-сторожи. Стоя на этих вышках, зорко вглядывались сторожевые в степную даль: не покажется ли там злоеющее облако пыли под копытами набеговых лошадей из Крыма, не вспыхнет ли тревожным пламенем сигнальный факел на соседней вышке, не раздастся ли бешеный топот коня под гонцом. Если возникала тревога, сторожевой зажигал смоляной факел на своей вышке, вскакивал на коня и мчался во весь дух к следующей вышке-стороже.

Весть об опасности мчалась по степному шляху к Острогожску и далее, оповещая Русь о набегах степных кочевников. После взятия Азова Петром Первым с набегами было покончено. Мир воцарился на степных просторах. Мужики сохами поднимали вековую целину, пьянея от весеннего запаха жирной плодородной земли. По нераспаханным балкам и буграм побрели огромные гурты скота. Постепенно мирный труд крестьян преображал дикую степь. Мужики селились у речек и вдоль степного шляха, связывающего слободы Россошь и Острогожск.

Это была важная по тем временам дорога. По ней тянулись вереницы чумацких обозов, которые везли соль, хлеб, рыбу и другие жизненно важные товары, прасолы гнали гурты скота. Кстати сказать, век спустя сын известного воронежского прасола Василия Кольцова – Алексей – гонял скот по южным степям. Думается, что наверняка не миновал он и нашего шляха.

Над курганной ширью
Туч седых папах.
Вьется, в дымке тая,
Шнур степного шляха –
Пахнувший полынью,
Шитый лебедю, –
След татарской сакмы,
Выбитой ордою.
Сквозь века он вьется
Этими степями,
В девственные травы
Вбитый чумаками.
Здесь, в раздолье синем,
По дороге этой,
Мой далекий предок
Вел обозы легом.
Степь разгульным морем
Волны трав катала,
Предка в жгучих росах
По утрам купала.
Брел чумаки за возом
В росяном рассоле,
Пел с друзьями песни
О чумацкой доле...

Я живо представляю себе, как зимним вечером тащится чумацкий обоз по бесконечным снежным просторам, а вдали мерцает такой желанный огонек харчевни, постоянного двора, где можно распрячь усталых волов и лошадей, для которых корм давно заготовлен, выпить горячего чая или чего покрепче, поужинать и спокойно переспать долгую зимнюю ночь, слыша сквозь сон, как воеет за окном то ли вьюга, то ли стая голодных волков. Из таких постоянных дворов выросли многие села, и мое родное село – тоже. Его и сейчас зовут в народе Харчевней, да и официальное название – Новопостояловка – опять-таки отсылает нас к постоянному двору.

Сохранилось предание, что первым тут поселился украинец Скоробогатько, поэтому было еще одно название у нашего населенного пункта – хутор Скоробогатов. Так и значится он в дореволюционных статистических сборниках под тремя названиями: Новопостоялый, Харчевня и Скоробогатов.

Приехали к первому поселенцу его родные и односельчане и, оставшись здесь, положили начало деревне.

ОБЫЧАИ И ПРАВЫ

В труде, в постоянных заботах о хлебе насущном проходила жизнь многих поколений. Первопоселенцы привезли из родного края свои обычаи и нравы, укоренившийся уклад. Небольшие хатенки-мазанки, слепленные из хвороста и глины, с маленькими округлыми окошками, украшенными изнутри вышитыми рушниками, печь с просторной лежанкой для многочисленной детворы или дряхлых стариков. Вместо кроватей – деревянные настилы-полы, застилаемые домотканым, грубым рядом – лижником.

Люди ходили в домотканой одежде – холщовых или полотняных портках и рубашках, юбках и кофтах, надевали теплые свитки или кожухи-тулупы. Сиряк, куцина, спидныця, хустка, капелюх, малахай, черевики... Народ долго хранил в языке память об ушедших предметах одежды и быта.

Хозяйство было натуральным, то есть почти все для себя делалось дома. Для одежды сеяли лен и коноплю, пряли овечью шерсть, сами чинили воловьей кожи,

а то и выделывали тонкий хром. Мочили, трепали лен и коноплю, пряли, ткали и белили холст. В домах обычны были ткацкие станки – верстаты, манастаты, прялки, веретена, огромные гребни-донца.

Я еще помню их, пылящихся на чердаках, а то и в руках бабушки и мамы, поражался, как ловко вращалось веретено, как заученно-мастерски прядево или вовна под пальцами женщин вытягивались в ровную нить. Долгими осенними и зимними вечерами женщины, собравшись вместе, чтобы было веселей, чтобы экономить «свитло», при лучинах, лампадках или лампах, а порой и просто на ощупь пряли конопляное прядево, лен или шерсть, обсуждая деревенские новости, выработывая «общественное мнение» или напевая родные песни.

Под руками мастериц-вышивальщиц на отбеленном полотне появлялись диковинные черно-красные цветы и узоры, петухи или иные орнаменты. Это готовилось приданое для невест. Каждая должна была иметь минимум необходимых в семье принадлежностей и одежды, чтобы не опозориться перед сельчанами. Девчата носили косы, замужние женщины и вдовы волосы закручивали в узел и прятали или под чепец, или под хустыну-платок.

Нравы были умеренно-строгими, распущенность осуждалась и пресекалась. Парубки до совершеннолетия (до 21 года) не смели пить, особенно в присутствии старших, не смели ругаться. Это считалось грехом. Родители почитались, слово их, особенно отца, считалось законом, который не обойдешь: ну как тато проклянет за ослушание, не даст родительского благословения. В руках отца была земля, было хозяйство. От него зависело, выделить ли сына или оставить жить в семье с многочисленным потомством. Семьи бывали многолюдными. Диву даешься, как они помещались в этих хатенках. Но ведь помещались и как-то ладили, мирились. Помню, как бабушка напевала шуточную песенку:

У нашего Омелька
Невелика семейка:
Тилькэ вин, та вона,
Та старый, та стара,
Та дви Хрысти в намысти,
Та дви ляльки в колысци,
Тры Ивана и Грыцька,
Два Федира и Стецька.

И так далее до бесконечности. И заканчивалось перечисление:

И корова, и петух,
И коза – нечистый дух.

Было смешно слушать, но вряд ли было смешно бедному Омельку и его семье. Хорошего в этом было мало, но жизнь заставляла как-то мириться, прятать подалее свою волю и желания.

Свадьбы игрались в селе на украинский манер – со сватаньями, девишниками, маскарадными «беседами». Вера в Бога была неременной составной частью духовности. Остатся некрещенным – значило, поставить себя вне общества. Большого осуждения не существовало: «В тэбэ хреста в души нэма». Все это создавало определенные моральные устои, рамки, ломать которые или перешагивать через них считалось недопустимым.

Времени хватало и на труд, и на семью, и на отдых. Это неправда, что жизнь предков наших – это только кабала и нужда. Да, приходилось несладко, особенно в панской неволе. А когда, в какие времена нашему крестьянину жилось вольготно-весело? Никогда. Он зависел от земли, от сроков ее обработки, он зависел от скотины и птицы, которая требовала ухода, заботы.

Главным тяглом были волы – своеобразные тракторы былого. На них пахали,

возили тяжести. А лошади использовались для выезда, как нынешние легко-вухки. Удивительно, как в такой крестьянской стране до сих пор нигде не поставили памятника ни волу-труженику, ни выносливому доброму коняге, который века прошел бок о бок с мужиком, деля все труды и беды с ним.

В каждом хозяйстве была корова-кормилица, а то и не одна, ежели семья большая. Водились свиньи, овцы, куры, гуси, утки, редко – индейки и цесарки. При домах были сады, непременно цвела рожь (мальва), желтая или алая розы, чернобрывцы, мята, канупер, любисток. На Троицу дома украшались ветками березок, черноклена, липы, земляной пол смазывался свежим коровяком и устилался тысячелистником, чабрецом и прочим разнотравьем. На Пасху пекли куличи, красили яйца. На Рождество, Крещение и Новый год готовили кутью и щедрые подарки для колядующих, щедрующих и вершующих. Тут нельзя было скупиться, чтобы не ославили потом на все село.

От поколения к поколению передавалась певучая украинская речь, видоизменяясь, обогащаясь русскими словами, подчас искаженными. Так складывался своеобразный «хохлацкий» диалект. Неувядаемо жили в нем украинские народные песни, протяжные, грустные, берущие за сердце: «Стоить гора высокая» «Рэвэ та й стогнэ Днипр широкий», «По-за лугом зэлэнэнькым», «Хмелю», «На городи вэрба рясна», «Посадыла рожу», «Роспрягайтэ, хлопци, коней», «Посию жито на камэни» и многие, многие другие. К ним присоединились чумацкие песни и песни донских казаков. Они обрабатывались на свой лад, приспособлялись к диалекту. «Ой, при лужке», «Скакал казак через долину», «Ехали казаки со службы домой», «По Дону гуляет» и другие.

В начале 1960-х годов я, учась в Воронежском университете, писал курсовую по народному творчеству своего села. Мне удалось тогда записать немало сохранившихся в памяти старожиллов песен, некоторые – уникальные. Записал на гулянках несколько сотен частушек, бытовавших в селе. И как жаль, что работу мою, признав ценной, оставили на кафедре ВГУ, а черновики с записями песен утрачены в связи с переездами. Теперь их не восстановишь: нет в живых тех старожиллов, от которых я тогда записал чумацкие песни, фронтовые песни времен мировой войны, вроде «Мы сидим, сидим в окопах, на нас дождик мотрошит» или «За лесом солнце засияло, там черный ворон прокричал». Кое-что я запомнил, но боюсь напутать, вставить свое. Нынче эти песни уже не поются.

Украинские народные сказки, пословицы, загадки, встречаясь с русскими, сливались, образуя причудливые произведения, в которых жили ум и душа двух братских народов. Тоска по воле, по народному счастью жила в творчестве обоих народов и была близка простому люду, замордованному в повседневном труде. В моей душе народные песни оставили глубокий след на всю жизнь.

*(Из книги «Деревенька моя у чумацкого шляха»,
Воронеж, Издательство им. Е.А. Болховитинова, 2005)*

Евгений Новичихин,
член Союза писателей России

БЕСЦЕННЕЙ ВСЕХ РЕЛИКВИЙ

Среди множества поэтических строк, посвященных нашему Воронежу, есть одно стихотворение, которое я очень ценю и которое в свое время услышал от автора первым. Написано оно верным моим другом, чрезвычайно талантливым и известным украинским поэтом Петром Ребро осенью 1976 года. В те дни Воронежская земля, собравшая по перу, многочисленные воронежские любители поэтического слова горячо принимали делегацию писателей Запорожья. Петро, будучи многолетним руководителем Запорожской писательской организации, возглавлял эту делегацию, а я, тогдашний председатель правления Воронежского отделения Союза писателей, повсюду ее сопровождал и представлял читателям. Однажды утром, зайдя в гостиничный номер, в котором жил Петро, я увидел, что он спешит дописать что-то на листке бумаги.

– Новые стихи? – поинтересовался я.

– Вот, послушай, – сказал он.

Не откажу себе в удовольствии полностью процитировать здесь это замечательное произведение, переведенное в те же дни на русский Владимиром Гордейчевым:

Как видно, здесь поэзии столица.
Каких поэтов слышу имена!
Кольцов, Никитин... И светлеют лица,
Как будто здесь не осень, а весна.

Такой ли вестью сердца не затронешь,
Что мастера в почете на Руси!
Кольцов, Никитин... Ясно мне, Воронеж,
Вокруг какой ты вертишься оси.

Труд мастеров бесценней всех реликвий,
И пыль веков не властна тронуть их.
Кольцов, Никитин... Так тут к ним привыкли,
Что говорят о них, как о живых.

Живут певцы! И поименно знают,
Любой из их наследников каков, –
Настолько им созвучными бывают
Новейшие дерзання земляков.

Подхваченный живым людским потоком,
К певцам я шел. Во власти вечных дум,
Глядят они в глаза своим потомкам
И слушают шагов немолчный шум.

Никитин тронут улиц голосами,
К Кольцову солнце тянется с высот...
А меж двумя такими полосами
Незримый ток поэзии течет.

Позднее это стихотворение стало частью ребровского «Воронежского триптиха», многократно печатавшегося как в Воронеже, так и на Украине.

«Незримый ток поэзии» протекал в те годы и между могучим Днпром и тихим Доном. Писатели Воронежа и Запорожья хорошо знали друг друга, часто встречались, обменивались новыми книгами, проводили совместные литературные мероприятия. Душой этого творческого общения был, безусловно, Петро Ребро.

Прекрасный организатор, Петро основал у себя на родине грандиозный литературный праздник под названием «Поетичный травень» – «Поэтический май», ставший традиционным. Изюминкой этого праздника было то, что каждый раз гостями Запорожья становились поэты одного из регионов России, других союзных республик. К Воронежу Петро питал особые чувства, и мы представляли свой край на этом празднике не раз и не два.

Впервые воронежцы принимали участие в «Поэтическом мае» в 1973 году. Поэты Олег Шевченко, Виктор Поляков, Александр Гридчин, литературный критик Сергей Риммар побывали у рабочих знаменитой «Запорожстали», труженников Мелитопольщины, у колхозников Якимовского района, в прославленных коллективах Днепрогэса и автозавода «Коммунар». Как раз здесь, на «Коммунаре», состоялась тогда встреча, которую запорожские газеты назвали символической. В цехе, выпускающем детали для автомобиля «Запорожец», у прессы со всемирно известной воронежской маркой «ТМП» крепко обнимались писатель Александр Гридчин и слесарь-инструментальщик Григорий Яценко. Отец первого в 1930-е годы строил Днепрогэс, а второй в 1943 году освобождал Воронежскую землю от фашистов.

Позднее гостями «Поэтического мая» были воронежцы Виктор Попов, Владимир Гордейчев, Виктор Будаков, Иван Евсеенко, Эдуард Пашнев, Виктор Панкратов, Станислав Никулин, Анатолий Ионкин, Виктор Самойлов и другие. Лично я бывал в Запорожье, наверное, чаще других, потому что Петро по-дружески приглашал меня не только на «Поэтический май», но и на Дни города, а также на праздники сатиры и юмора.

Надолго остались в нашей памяти горячие рукопожатия друзей на заводе «Днепроспецсталь» и Запорожской атомной электростанции, в селе Осипенко – на родине Героя Советского Союза Полины Осипенко, в городе Бердянске, встречи в колхозах Куйбышевского, Каменск-Днепровского, Михайловского районов, литературные вечера в педагогическом и индустриальном институтах. Как драгоценные реликвии хранят многие из нас награды – памятные знаки «50 лет ордена Ленина Днепрострою» и Почетные грамоты Запорожского облисполкома «За активное участие в проведении Дней русской литературы и плодотворную

деятельность по пропаганде идей пролетарского интернационализма и братской дружбы народов».

А на Воронежской земле с огромным успехом проходили выступления запорожских друзей. Петро Павлович привозил в Воронеж писателей Павла Омеляненко, Петра Симоненко, Анатолия Рекубрацкого, Владимира Чубенко. Их встречали на заводах имени Калинина, авиационном, радиодеталей, благодарные читатели долго рукоплескали им на большом вечере украинской и русской литературы в Доме актера.

Дружба двух литератур – запорожской и воронежской – становилась все более творчески плодотворной, и роль Петра Ребро в этом единении просто трудно переоценить. В Запорожье на «украинской мове» читали Гавриила Троепольского, Юрия Гончарова, Виктора Попова, Людмилы Бахаревой, Геннадия Луткова, Олега Шевченко, Владимира Евтушенко, Владимира Гордейчева и других воронежцев. Многие из их произведений переводил сам Ребро. Он активно привлекал к переводческой работе и своих запорожских коллег.

В воронежских же газетах, в журнале «Подъём» не раз публиковались и Петро Ребро, и Микола Лиходид, и Анатолий Рекубрацкий, и Владимир Чубенко, и многие другие поэты и прозаики из Запорожья. Активно выступали как переводчики украинской литературы воронежцы Владимир Гордейчев, Анатолий Ионкин, Виктор Панкратов, Николай Белянский.

Как-то Петро позвонил мне и предложил:

– Взаимных переводов, особенно в поэзии, у нас накопилось уже предостаточно. Может, выпустим сборники – вы у себя издадите запорожцев, мы – воронежцев?

Идея была настолько интересной, что мы с ним сразу взялись за дело. Вскоре – произошло это в 1984 году – в Центрально-Черноземном книжном издательстве был издан сборник стихов поэтов Запорожья «Зори над Днепром». А вслед за этим в днепропетровском издательстве «Проминь» (в те годы своего книгоиздательства в Запорожье не было) вышла в свет книга стихов «Слово земли світанкове» («Слово земли рассветное»), в которую включены стихи двадцати шести поэтов-воронежцев, начиная от Кольцова и Никитина. Перевод шестнадцати авторов (в том числе Кольцова с Никитиным) был выполнен Петром.

Во многом благодаря именно его заботам творческие контакты между литераторами Запорожья и Воронежа стали одной из многочисленных страниц взаимного влияния, взаимного обогащения двух братских литератур – русской и украинской.

Помнится, во время одной из наших творческих встреч с украинскими друзьями кто-то из воронежских поэтов (если не изменяет память, Виктор Поляков) прочел написанные экспромтом строки, которые Петро цитировал потом так часто, что, кажется, их знало все Запорожье. Он называл их своеобразным девизом братских связей двух писательских организаций:

От великой российской равнины
Шлем привет тебе, степь Украины!
Наша дружба чиста и бездонна,
Словно воды Днепра и Дона!

В ту пору всем нам казалось, что поистине чистую и бездонную дружбу двух народов-братьев, живших в единой семье, ничто неспособно замутнить или порушить.

С Петром мы подружились как-то сразу, с первой же нашей встречи. Лично меня привлекли в нем порядочность и ум, чуткость и щедрость на добро. Сами по себе, в отрыве от реальной личности, эти человеческие черты как бы размыты,

не вполне определенны. В нем же они были настолько естественны, что не восхищаться Петром было невозможно. В общении с ним каждый чувствовал себя и уверенно, и вполне комфортно. Как писал Давид Кугультинов, Петро Ребро «вобрал в себя лучшие качества своего народа». А Мустай Карим говорил, что Ребро – это «сама чистота и сердечность».

В сочетании с выдающимися организаторскими способностями эти качества делали его человеком в своем роде незаменимым, хоть, как известно, незаменимых и не бывает. Запорожской писательской организацией Петро руководил чуть ли не четыре десятка лет! Подобного примера ни в России, ни на Украине не было и нет. Может, уже и не будет. Читатель, понимающий всю сложность взаимоотношений между творческими людьми, поймет, что случай этот не просто исключительный. Он – уникальный.

Не скрою, что наши взгляды на жизнь и литературу иногда не совпадали. Например, по отношению к Тарасу Шевченко, творчество которого украинцы, как я считаю, во многом неоправданно политизируют применительно к тем или иным новейшим событиям. Или, допустим, в оценке будущего Украины и России. Но это никогда не мешало нашей дружбе. Петро был из тех людей, которые уверены: единомыслие нередко ведет к оскудению общественного сознания, а разные взгляды – вовсе не повод для ненависти и тем более – для кровопролития.

Петро всегда отличался умением претворить в конкретные дела любую понравившуюся ему идею. Приведу только один пример. Однажды он попросил меня написать приветствие коллективу редакции и читателям по случаю выхода первого номера созданного им альманаха сатиры и юмора. Откликнувшись на его просьбу, я написал в частности вот о чем:

«Время от времени то Одесса, то Габрово, то какой-нибудь иной город заявляют о том, что они являются столицей сатиры и юмора. А Запорожье лишь скромно улыбается в усы и помалкивает. Здесь-то лучше других знают о вековых традициях запорожского юмора, идущих от знаменитого письма турецкому султану...»

Петро ухватился за идею Запорожья как столицы сатиры и юмора, можно сказать, мгновенно. Вскоре я получил от него письмо, в котором он сообщал, что посетил с этой идеей мэра города. В результате решено было учредить запорожский праздник сатиры и юмора. На первое же такое торжество меня пригласили в качестве почетного гостя.

В 1990 году Петро стал основателем и первым главным редактором литературно-художественного журнала «Хортица», выход которого Олесь Гончар называл явлением в духовной жизни Украины. С 1993 года по инициативе Петра и под его редакторством в Запорожье выходит уже упомянутый мною выше альманах сатиры и юмора «Веселый курень» (впоследствии «Веселая Сечь»), в котором не раз публиковались воронежцы Владимир Котенко, Алексей Попов, Аркадий Давидович, Иван Анчуков и другие. Ну а Международная ассоциация сатиры и юмора «Веселая Сечь», созданная Петром, известна далеко за пределами Запорожья, потому что ее действительные члены и члены-корреспонденты живут во многих уголках мира.

А еще на его счету – журнал «Великий Луг», авторская программа на Запорожском радио, Всеукраинский конкурс на лучшую басню (да еще за собственный счет!), непосредственное участие в создании Ассоциации национально-культурных обществ Запорожского края, составление и издание на украинском языке антологий абхазской, башкирской, калмыцкой поэзии...

На фоне этих значительных дел созданный Петром музей Запорожской писа-

тельской организации «Автограф» выглядит, может быть, не так масштабно, но красноречиво дополняет портрет Петра Ребро-организатора.

В 1999 году Петро Ребро возглавил в Запорожской области работу по реабилитации людей, незаконно осужденных в годы массовых репрессий. Он и до этого активно участвовал в работе комиссии по реабилитации, и все просчеты в этой работе ему были хорошо известны. Встав у руля комиссии, он первым делом добился снятия табу со многих архивных дел. Результатом его деятельности в этой сфере стал трехтомник «Возвращенные имена», семь выпусков научно-публицистического альманаха «Спокута» («Искушение»), три тома всеукраинской серии научно-документальных книг «Реабилитированные историей». А главное – возвращение доброго имени сотням ни в чем не повинных земляков.

По его инициативе власти отменили скороспелый проект реконструкции «Запорожстали», грозивший серьезно ухудшить экологическую обстановку в городе. Он первым забил тревогу по поводу не до конца продуманного проекта сооружения новых блоков Запорожской атомной.

Он был членом Совета старейшин Запорожской области, советником главы областной администрации по вопросам культуры, Почетным доктором Запорожского государственного университета.

Его перу принадлежит более сотни книг, изданных в Москве, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Элисте. И, конечно, в Запорожье. Их жанровое разнообразие поражает воображение. Трудно даже перечислить все, к чему было приковано его творческое внимание. Лирическая поэзия, юмористические и сатирические стихи, пародии, эпиграммы, стихи для детей, документальные повести, драматические поэмы, рассказы, зарисовки, очерки, эссе, пьесы, литературно-критические статьи, песни... Он создал целую серию книг, рассказывающих о связях знаменитых людей с Запорожским краем: «А. Пушкин и Запорожье», «В. Маяковский и Запорожье», «Т. Шевченко и Запорожье», «Остап Вишня и Запорожье» и т.д. Его работоспособность могла удивить любого. «Кого-то это раздражает, злит, – писал он мне в одном из писем, – но я разве виноват, что он, этот «кто-то», пил горилку, а я этим временем портил бумагу?..»

Понятно, что писал он на родном украинском языке. Но блестяще владел и русским. Когда я переводил его книгу «Запорожцы смеются» (она вышла в запорожском издательстве «Байда» в 2007 году), то иногда приходилось с ним консультироваться. Подчас он давал мне такие советы, что думалось: да он же вполне может писать и на русском!

Его творческая работа отмечена множеством литературных наград. Среди них Всеукраинские литературные премии имени Остапа Вишни, Петра Сагайдачного, Степана Олейника, Микола Нагнибеды, премии украинского сатирического журнала «Перец», газеты «Радянська Україна» и другие. Но об одной из премий скажу особо. Она называется «Чувство семьи единой» и присуждена за книгу стихов «Пробратимство» и переводы русской поэзии, поэзии других народов когда-то единой страны.

О том, каков вклад Петра Ребро в развитие украинской литературы красноречиво сказал один из ученых-литературоведов: «Книги П. Ребро ведут нас к нашим корням, без которых мы на земле – бурьян, перекаати-поле, люди без роду-племени...»

Меня всегда удивляло, как спокойно, как достойно относился Петро к всевозможному злословию завистников от литературы. Появилась как-то в печати эпиграмма на него, связанная с опубликованной им в Киеве басней «Свинья». По-русски эта эпиграмма звучит примерно так:

Здрав свой нос
Аж до небес,
Петро в «Днипро»
Свиньєю влез.

Могу назвать многие десятки имен знакомых литераторов, которых бы нечто подобное возмутило, вызвало бы ответную оскорбительную реакцию, а то и обращение в судебные инстанции. Уверен, что и среди украинских писателей таких предостаточно. Но Ребро среди них никогда бы не оказался.

– Хорошая эпиграмма, – с улыбкой прокомментировал он этот опус в беседе с журналистом. – Правда, «влез» я с этой басней не в журнал «Днипро», а в «Отчизну» (так называется иллюстрированный украинский еженедельник типа нашего «Огонька». – *Е.Н.*)

Вот и вся его «реакция».

Любой мог запросто подшучивать над ним, и это его только радовало. Вспоминается, как в писательском Доме творчества в Пицунде мы с ним, придя на пляж и устроившись в теньке, каждое утро поджидали третьего – Давида Кугультинова, которого «подбили» на игру в карты. Подходя к нам, Давид Никитич, улыбаясь, говорил Петру:

– Привет, Кабырга!

– Что за «кабырга» такая? – поинтересовался я у Петра.

– Это такое изысканное калмыцкое приветствие, – ответил он.

Вижу, что шутит. Спросил у Кугультинова. Все оказалось проще, чем я думал: «Кабыргой» в шутку окрестил Петра хороший друг Кугультинова – поэт Мустай Карим, потому что по-башкирски «кабырга» означает «ребро».

Сам большой мастер шутки, каламбура, яркого экспромта, Петро мог покориť любую аудиторию буквально за считанные мгновения. К примеру, некоторые свои выступления в Воронеже он начинал так:

– Мы долго думали, кого из запорожских писателей привезти на Воронежскую землю? Самых умных? Но у нас все умные! Самых талантливых? Но у нас все талантливые! И мы решили привезти самых красивых. Мы провели конкурс красоты, и к вам приехали его победители.

Сделав небольшую паузу, Петро добавлял:

– Конечно, вы вправе спросить: если эти – самые красивые, то какие же остались там, в Запорожье?

Все. Зал был «схвачен» им так, что до конца встречи его слушали, затаив дыхание.

На подобные «побрехеньки» (так он сам на украинский лад называл свои шутки) Петро был весьма горазд.

В своих юмористических и сатирических стихах он предпочитал опираться на богатейшие традиции украинского народного юмора. Наиболее ярко это нашло свое отражение в двенадцати книгах «Козацкие шутки». Многим казалось, что это всего лишь поэтическое переложение шуток былых времен. Но вот что говорил по этому поводу сам автор:

«Я придумал этот проект, как сейчас говорят, чтобы под видом козацких шуток сказать то, что хочу... Ставил козаков в разные ситуации и предлагал юмористический выход – по пословице: «Козак не тот, кто поборол, а тот, кто выкрутился». Меня спрашивали: «Откуда вы это взяли – из летописи?» Но в летописях юмора не было, летописцы на юмор внимания не обращали, потому что он на Запорожской Сечи был таким обычным явлением, как воздух. Я рассказывал, что под дубом на Хортице выкопал кованый сундук... Не знаю, верили ли этой шутке».

До последнего дня своей жизни он думал и писал о чистом и светлом. Работал над составлением и изданием «Избранных произведений», восемь томов которых пришли к читателю. В девятый том, по задумке Петра, должны были войти его переводы. «В книге будет более двадцати воронежских поэтов», – писал он мне. А вскоре сообщил, что этот том уже составлен. Но выйти книга не успела.

...19 мая я позвонил в Запорожье, чтобы поздравить своего друга с очередным днем рождения. Трубку взяла его милейшая супруга Клара Саввишна. С дрожью в голосе сказала:

– Женья, нет уже Пети. Уже два месяца нет. Он так переживал все, что творится на Украине, что происходит между Украиной и Россией! Так переживал, что сердце не выдержало...

Большое и доброе сердце Поэта и Человека... Оно не смогло вынести тяжело-го груза трагических событий, смириться с бедой, нахлынувшей на родную землю, со злом и неправдой.

НЕ ИЗМЕНИТЬ СЕБЕ

Пять лет тому назад, в июле 2009 года, исполнилось 300 лет со дня исторической Полтавской битвы. В российском политическом календаре эта дата, казалось бы, не должна была остаться незамеченной: битва закончилась полным разгромом шведов и бегством Карла XII в Турцию, что сыграло решающее значение в военном споре России со Швецией за выход к Балтийскому морю. Но эту дату у нас... практически не заметили.

А отмалчиваться было ну никак нельзя! Хотя бы в связи с тем обстоятельством, что украинские власти об этом юбилее совсем не забыли, задолго до него объявив о намерении установить памятники гетману Мазепе и Карлу XII. Российский МИД не дал своевременной оценки этому, можно сказать, вопиющему факту недружественного отношения к нашей стране, к ее истории. А жаль. Швеция, например, откликнулась – тактично и достойно. «Инициатива исходит от украинской стороны», – заявил директор управления Восточной Европы министерства иностранных дел Швеции Юхан Фриссель, дав понять, что обсуждать вопрос о памятнике Мазепе шведы не намерены. И добавил: «Относительно же памятника Карлу XII у нас нет особого мнения: если руководство Украины так хочет, то мы не возражаем. Но все это ни в коей мере не должно вызвать какую-либо напряженность в отношениях с Россией».

Многими намерение их властей было воспринято, мягко скажем, скептически. Один из самых серьезных откликов – книга Владимира Черепкова «Зрада» («Измена»), вышедшая в Киеве, в «Народной библиотеке». Особое значение имеет тот факт, что отклик этот – не политический, а художественный. По жанру произведение В. Черепкова – поэма, в которой автор переосмысливает известные и малоизвестные исторические события. Параллельно дается перевод поэмы на русский язык. Книга выпущена редким для современных поэтических изданий 20-тысячным тиражом, что свидетельствует о ее востребованности как в украинской, так и в русской читательской среде.

Хочу отметить, что имя автора поэмы можно обнаружить в Воронежской историко-культурной энциклопедии. Он выпускник Воронежского педагогического института, а ныне – известный украинский поэт и общественный деятель, автор более десятка книг, изданных в Киеве. О чем эта поэма? Она – яркий ответ тем украинским политикам, которые превратили Мазепу в некий символ украинской «незалежности». Иные из таких политиков всерьез утверждают, что, мол,

в каждом украинце «дремлет дух Мазепы». Автор предисловия к поэме, академик П.П. Толочко, говорит об этом так:

«Фраза красивая, но скорее оскорбительная для нас, чем комплиментарная. Ведь речь в ней идет о том духе, который привел Мазепу в лагерь Карла XII – этого всеевропейского авантюриста и завоевателя. По сути – о духе измены».

В сегодняшней Украине этот дух поистине процветает, а среди ее политиков немало достойных последователей Мазепы, в которых, выражаясь словами русского и украинского историка Николая Костомарова, живет «характер той же внутренней лжи, которая заметна во всех поступках Мазепы». Это к ним обращается автор поэмы:

Что с нами, люди?
Совесьт душит...

Но не только к ним – к каждому из украинцев. Вот почему звучит в поэме призыв:

Себе в пути нелегком к счастью
Не измени!
Не измени!

По сути своей поэма Владимира Черепкова – не только поэтическое, но и философское осмысление исторических событий. Но в ней четко просматриваются и параллели с современностью. Истоки многих нынешних устремлений руководящих господ из Киева Владимир Черепков видит в прошлом. При этом в произведении отчетливо звучит тема ответственности каждого человека за судьбу своей страны:

Отменно слову знают цену
Советники «из-за бугра» –
И слово подлое «Измена»
Народ воспринял на ура!
И пустослова хвалит все,
И невинного клюет,
И злобствует, и голосует,
И в душу сам себе плюет!

Образ Мазепы, созданный автором, исторически выверен. Обратимся к тому же Костомарову, показавшему гетмана человеком коварным и мстительным:

«Перед царем, выхваляя свою верность, он лгал на малорусский народ и особенно чернил запорожцев, советовал искоренить и разорить дотла Запорожскую Сечь, а между тем перед малоросами охал и жаловался на суровые московские порядки, двусмысленно пугал их опасением чего-то рокового, а запорожцам сообщал тайными путями, что государь их ненавидит и уже искоренил бы их, если бы гетман не стоял за них и не укрощал царского гнева»; «...расправлялся Мазепа с народными элементами в южной Руси, враждебными польско-шляхетскому направлению».

Сегодня, возведя Мазепу на пьедестал, украинцам внушают, что гетман был народным любимцем. Но историк свидетельствует о другом:

«Во все двадцатилетнее гетманство Мазепы в Малороссии проявлялась ненависть к нему подчиненных, выражаясь то теми, то другими попытками лишить его гетманства. Чем долее держал Мазепа гетманскую булаву, тем более привыкал малорусский народ считать его человеком польского духа, врагом закоренелых казацких стремлений к равенству и ко всеобщей свободе; нелюбовь к Мазе-

пе стала прежде всего выражаться, по малорусским привычкам, доносами и кознями».

В поэме Владимира Черепкова Мазепа такой же коварный, такой же интриган. Автор рассказывает, как по приказу гетмана был пленен и сослан в Тобольск руководитель антишляхетских выступлений на Правобережной Украине полковник Палий (позднее по личному приказанию царя Палий был возвращен из Сибири и принял участие в Полтавской битве). В народной песне тех лет о Палии Мазепа назван не иначе как «проклятым». По доносу Мазепы гетману Г. Самойловичу отрубили голову, а его отца, И. Самойловича, сослали в Сибирь.

Нечистоплотным был Мазепа и в личной жизни. Оказавшись вдовцом, он соблазнил свою крестницу Матрену (в переводе она ошибочно названа Матроной), а затем предал ее. И вот такого человека власти Украины сделали своим кумиром.

В поэме дан яркий образ Богдана Хмельницкого, который «пугает сонм временщиков». Из глубины веков возникает его голос:

Мы с братьями одну дорогу
Избрали. Как там не води,
Коль чужестранцев на подмогу
Зовешь домой –
то лиха жди.

Хмельницкий думал о том, «чтоб были братьями народы и в добрый час, и в тяжкий час»:

Не залечить раздором раны.
В единстве, в равенстве – успех.
«Навеки вместе!» – клич Богдана,
Как завещание для всех.

До сих пор народ поет песни о Богдане Хмельницком:

Украина, Московщина –
Православной веры,
Один отец, мать единая
Родина, согрела.

Но у современных правителей Украины свои «песни» и свои устремления:

Флаг украинский
Шведским станет –
Когда его перевернуть.
Власть и от совести избавит –
Пример известный:
взяв презент –
Нательный крест Мазепы –
правит
Курс в НАТО
«любой» президент.

В комментариях к поэме, которые, к слову говоря, весьма содержательны, сказано, что факт с нательным крестом Мазепы действительно имел место: тогдашний президент Украины Ющенко с благодарностью принял его как подарок во время своей инаугурации.

Предательство... Увы, его философия завоевывает прочные позиции в политической жизни планеты. Почему оно так бурно расцвело в наше время? Думается,

ответ надо искать в нас самих. Политиков избираем мы. Каковы мы, таковы и политики. Разве многих удивит, что, скажем, дружба или любовь нередко оцениваются сегодня вполне конкретными суммами? Что заместитель высокого руководителя, лишь вчера горячо обнимавший его, сегодня откровенно «подсиживает», не брезгуя никакими средствами? Каждый из нас найдет десятки подобных примеров из жизни – мы встречаемся с ними буквально на каждом шагу. Как ни удивительно, но у многих отыщутся и вполне логичные объяснения «в пользу» предательства.

Древний философ сказал: «Предатели предают прежде всего самих себя». А современный поэт, обогащенный знаниями о нынешних днях, горько написал по этому поводу:

У времени всегда
Есть обстоятельства
И связанная логическая нить,
Чтоб можно было
Низкое предательство
Высокими словами объяснить.

Но как ни пытайся находить высокие объяснения, предателей презирают даже те, кому они служат. И поэма Владимира Черепкова звучит как предупреждение тем, кто готов идти на все, «чтоб совершив любой маневр... прошлое переиначить, переписать на свой манер».

Еженедельник «Товарищ» (Киев), 2009, № 57

Иван Абросимский,
*член Союза журналистов РФ,
заслуженный работник культуры РФ,
г. Богучар Воронежской области*

ЧЕРПАЯ КИСТЬЮ ЛАЗУРЬ НЕБЕС

Он считал себя сыном трех славянских республик. За развал СССР виновные, считал он, должны понести суровое наказание, а славянским народам, носителям одной крови и единой культуры, сам Бог велел объединиться в одну семью. С этими мыслями и надеждами жил и творил Александр Михайлович Кищенко (1933 – 1997).

Родился и вырос он в России, в крохотном хуторке на воронежском Среднем Дону с поэтическим названием Белый Колодезь. Образование ему дала Украина, где он окончил Львовский институт прикладного и декоративного искусства. А его таланту помогла раскрыться Белоруссия, которой он посвятил более тридцати лет своей творческой жизни и которая по-матерински щедро удостоила его звания Народного художника, ряда Государственных премий и самой высокой республиканской награды – медали Скорины.

В придонских ковыльных степях растут редкие цветы тюльпаны Шренка: оранжевые, красные, желтые. Соберешь букет – глаз не отвести. Вот таким же ярким разноцветьем запольхал талант Александра Михайловича на благодатной белорусской земле и так же невозможно было оторвать глаз от его художественных творений. Запольхал с такой силой, что спустя годы получил мировое признание.

Будучи художником-универсалом, он легко и свободно владел станковой живописью и мозаикой, фреской и гобеленом, изразцовым панно и декоративной скульптурой, графикой и керамикой.

В Белоруссии он возродил национальный гобелен и создал школу современного гобеленового искусства. В прекрасные мозаичные панно одел многие минские улицы и площади, чудо-гобеленами украсил ряд административных зданий, театров и учебных заведений. Один из своих ранних гобеленов подарил

малой родине, который органично вписался в интерьер районного краеведческого музея.

Мировую славу ему принес гобелен «Чернобыль», получивший постоянную прописку в зале заседаний Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Тему произведения подсказала сама жизнь – острая необходимость напомнить человечеству о страшной трагедии, постигшей многострадальную Беларусь. Голос художника – голос Гражданина Мира – обрел планетарное звучание. Секретарь ООН Перес де Куэльяр на торжественной церемонии передачи гобелена отметил, что «художник Кищенко внес огромный вклад не только в мировую культуру, но и в дело мира».

Александр Михайлович один из первых в белорусской живописи обратился к теме космоса, пытаясь философски осмыслить и по-своему раскрыть ее суть. Покорителям космоса он посвящает картины «Стяг», «Свободный полет», «Огонь отцов», «Память подвига». В каждой из них четко проявилась одна из главных особенностей его творческого мышления – приверженность к языку образной символики.

Мысль о космосе жила в нем постоянно. Делясь своими задумками, он сказал однажды: «Хочу написать небо и женщину. Небо! Небо! Попытаюсь уложить на холст необъятность. С неплоти сделать плоть. Чтобы зрители почувствовали себя обитателями этого необъятного». Но задумке, к сожалению, уже не суждено было сбыться...

Необыкновенную мудрость, обаяние и человеческое достоинство излучают его портреты «Мать», «Михаил Шолохов», «Георгий Свиридов», «Елена Образцова». Герои многих его картин возвышенны, наполнены благородством, в них воплощаются не только физическая красота, но и духовное богатство. В них нежность и теплота человеческих отношений, светлая, ликующая мелодия жизни.

Образ жены Нины, которую он любил беззаветно и которая ему отвечала тем же – в особом ряду во множестве его картин – «Мадонна», «Материнство», «Женский портрет», «Нина и Максим».

Высокой художественной выразительности он достиг в автопортретах, особенно в «Автопортрете с Максимом», где сын изображен анфас, а он – в профиль. У него лицо холодноватое, задумчивое, немного печальное. В длинных прядях волос – проседь, на лбу – глубокие борозды морщин – следы трудно прожитых лет. Он озабочен будущим сына, понимая, что все на земле кратко и бренно.

Сынишка с подкупающей детской непосредственностью смотрит зрителю прямо в глаза, дескать, вот и я пришел в этот мир вопреки всему, что в нем творится. Ему хорошо на отцовских руках. Плотный полукруг одежды на его шее, скафандровый вид предплечий говорит о том, что он землянин нового, космического времени.

Живописные полотна Александра Михайловича хранятся в Третьяковской галерее, в отечественных и зарубежных частных коллекциях США, Франции, Германии и других государств. В них отражается вселенский реализм и безмерность природного таланта художника.

Вершиной его творчества стала его лебединая песня – «Гобелен века», занесенный в Книгу рекордов Гиннеса, как самое большое тканое полотно на планете, размер которого 14 на 17 метров. В нем множество многофигурных композиций, объединенных единой мыслью – показать человечество, одолевающее тяжелейший в своей истории XX век.

Согласно завещанию автора, «Гобелен века» остается национальным достоянием Республики Беларусь, несмотря на многочисленные визиты волонтеров из США, Германии, богатых арабских стран, предлагавших за шедевр десятки миллионов долларов.

Мало кто знал, что Александр Михайлович был еще и поэтом. Стихи писал верлибром. Вот его строки о том, как он понимал предназначение художника:

Творец должен
Писать время,
Черпая кистью
Лазурь небес
И пыльцу цветов,
Глядя в голубые
Глаза озер.

Владимир Новохатский,
журналист

НЕ ЗАТЕРЯТЬСЯ СВЕТЛЫМ ДУШАМ НА ЗЕМЛЕ

Журналистские пути-дороги особо привлекательны встречами с необыкновенными людьми. Кажется, они для того и существуют, чтобы везде вокруг них крутилась неспешная карусель бытия. Все случившееся с ними обычно остается в памяти занятыми историями и легендами. А еще от истинных талантов, от этих людей светлой души приходит к нам ясное понимание красоты, добра и мудрости, их Божья искра наполняет светом и нашу жизнь, чтобы мы могли внимательнее присмотреться к самим себе.

«У МЕНЯ ДВА ГАРМОНИСТА – МОЛОДОЙ И СТАРЕНЬКИЙ...»

Этот свой коронный запев Зоя Федоровна Фирсова обычно заканчивала под овации: «А меж ними я стою, как цветочек аленький».

Всю жизнь – сколько себя помнит – выходила она на сцену и энергии, озорства, милого кокетства никогда не занимала. Слава и песня за нею, как иголка с ниткой по шитью: красиво шьешь, да пальчик колешь. Куда не встрянет баба Зоя – везде буза. Однако и веселье такое: тряхнет стариной, задробит каблуком, заведет голоском – душа смеется. Такой уж чин у нее – лучшая частушечница Черноземья, и доля высокая – продолжательница самой Мордасовой.

Было дело, попала она в Москву на свадьбу ко внучке. Ей нравилось сначала: видать, справный жених у кровинушки – на вокзале встретили на легковой машине, приветили и накормили обильно. Впервые забеспокоилась Зоя Федоровна, когда высватывали внучку. Все не так, как в Лебедяни, али под Воронежем – бригада ряженных артистов по листкам читает. Но она стерпела – у каждого города свой нор. Чин чином зарегистрировали, обвенчали молодых. Лишь когда загрузились в ресторан и опять достали листки, поняла старушка, что торжество надо брать в свои руки. К девкам тем накрашенным-напомаженным так и выскочила, так и выпрыгнула: «Вы пошто, лахудры, даже слов на память не запомнили?»

Что тут началось! Три пузатых дядьки с телефонами на поясах за девок горой встали.

– У нас контракт не с тобою, бабка! – кричат. – Мы тут по сценарию работаем.

– Так! – баба Зоя кулак себе в бок, праву ногу наискосок. – Я буду петь да плясать, а вы свой хренарий читать. Перечитаете меня, то и ваша власть. А не хватит слов, то садись за стол.

Один глаз прищурила, чтобы петь с удовольствием, другим присматривала, чтоб контроль не потерять.

Я куплю себе колечко
С золотою пробой.
Если замуж не пойду,
Все равно попробую...

Последнее слово, конечно, было за нею, с ее губ слетело. Сценарист и вправду угнезвился за столом, во все глаза глядя на неистовый концерт. И уязвила-таки Зоя Федоровна конкурента по первое число.

Пойду плясать,
Прикушу губку.
Твои модные штаны
Перешью на юбку.

Раскудрявилась свадьба что надо! Гости на стульях покатываются. Жених изумлен. Невеста-внучка хохочет до слез – ей ли бабушку не знать! Сама топнула ногой, поддержала родственное ремесло – отчебучила частушку.

Ах, была я молодая,
Ах, была я резвая,
И в окошко за гармошкой
К гармонисту лезла я.

Слава Богу, знала девица, о чем пела. Юный муж в совершенстве играл на аккордеоне. Был знаком, естественно, с баяном и, в конце концов, на своей собственной свадьбе потребовал в руки гармошку, чтобы подыграть необыкновенно объявившейся родственнице.

А уж Зое Федоровне к тому не привыкать. Прежде троих своих детей да двоих внуков, да, считай, пол-округи от Воронежа до Лебедяни на постельку свадебну уложила. И после внучкиной свадьбы всякие московские тузы рукой махнули на сценарии-хренарии – подавай им теперь бабку черноземную.

Вот так у нее всегда по судьбе и было: гром крестился не молнией, а фейерверком. Столько лет она дразнила-веселила-чудила народ на сцене, на улице и в доме. Все время вокруг нее – то изумление, то восхищение.

Родителям, видать, спасибо. Такие ж были оглашенные – что в труде, что в песне. В колхоз подались первыми. Агитаторы-«синеблужники». Нынче уже пояснять надо, что в 20-х – 30-х годах прошлого века было у комсомольской молодежи такое увлечение – ликвидировали неграмотность, двигали пролетарскую культуру в массы, ставили концерты-спектакли. Свою Зойку-кнопку на таком концерте на сцену и вытолкнули. Что удивительно, она до деталей помнила тот дебют в глинобитном сельском клубе с соломенной крышей. Самая юная артистка «синеблужой» агитбригады, вцепившись по швам в холщевую юбку, прошептала стих себе под нос. Шумный зал, ничего не поняв, возник криками: «Стул неси, чтоб было видно, и кричи, чтоб было слышно!» Так она и грянула отчаянно звонким голоском:

Колхозники-ударники!
Вы слышите врагов упрямых лай?
Из-за угла шипят на пятилетку
Кулак, прогульщик и лентяй!

От аплодисментов хилый клуб едва не развалился. Классовый враг с концерта позорно бежал. Соломенную крышу с клуба скормили потом колхозному скоту. А она на всю жизнь осталась Зойкой-артисткой. Теперь по ее частушкам можно писать не только историю жизни, а историю нашей многострадальной страны. Ведь так оно и есть – все проходит через человечье сердце, чтобы стать строчкой истории.

У Зоиного двора по вечерам всегда вертелась гулянка. У молодежи что на уме, то и на языке. От довоенных пятилеток у Федоровны в памяти осталась индустриализация.

Мой миленок – металлист,
Все гремит, как жести лист.
Распаяем, перельем
И сдадим в металлолом.

Война прогремела. Выплакались молодые вдовы. Девки заневестились. Растянула Зоя гармошку. Чтобы спеть и погрустить, и снова спеть, и улыбнуться.

Ягодиночку убили
Под Воронежем в бою.
Из кармана доставали
Фотографию мою.

* * *

Танк танкетку полюбил,
В лес гулять ее водил.
От такого романа
Вся роца переломана.

* * *

Ох, Германия, Германия,
Наделала чего:
Девяносто девять девок
Обнимают одного.

Впрочем, жизнь во все времена брала свое. Горе запивает человек радостью. Ломовую работу развлекает трудяга песней-прибауткой.

В министерстве нам велят
Доить телок и телят.
А прикажут из ЦэКа,
Мы подоим и быка.

* * *

В любые моменты душа Федоровны накрепко была прибита к политике. Наш диалог мы вели так: я – вопрос, она частушку в ответ. И, представьте, в моей журналистской практике это было самое необычное и интересное интервью.

– Зоя Федоровна, за вашими плечами жизнь. А как оцениваете новые порядки?

Новый рынок, несомненно,
Сделал много перемен.
Одному – севрюга с хреном,
А другому – один хрен.

– Но ведь пережили столько лет реформ. На кого грешить?

Перестройка и реформы,
Вот такие, брат, дела.
Никому я не давала,
Мише с Борею б дала.

Ельцину дала б по шее,
Горби – ниже пояса,
Чтоб летели без оглядки
До самого полюса.

– Зоя Федоровна, но сейчас все меняется к лучшему. Вот и налоги мы платим самые низкие в мире...

Ох, малы у нас налоги,
Да страховка велика:
Я коту застраховала,
А плачу, как за быка.

– Ну, уж депутатов наших сейчас, наверное, не за что упрекать...

Закадрила депутата –
Повезло, ядрена мать!
Оказалось, он умеет
Лишь на кнопки нажимать.

И еще есть.

Депутат смотрел в глаза,
До утра остался.
Всей душой была я «за»,
А он воздержался.

Словом, с такой бедовой бабкой где мне сговориться. Не случайно Зоя Федоровна Фирсова прославилась далеко окрест как лучшая частушечница Черноземья. Был как-то в командировке в Белгороде, где на фестивале славянской культуры фурур произвели елецкие певуны. Почетный гость, в ту пору Чрезвычайный и Полномочный посол России на Украине Виктор Степанович Черномырдин, сам к тому же гармонист, спрашивает у ребят: «Молодцы, а как там поживает ваша старушенция? Ох, и давала она мне дрозда, когда был премьером...» Федоровна, конечно, такое замечание своего оппонента без ответа не оставила.

Говорят, что я старуха,
Только мне не верится.
Ну, какая ж я старуха –
Во мне все шевелится.

Энергию Зои Федоровны и впрямь трудно было не уговорить. То у нее концерт, то спектакль. Она ведь еще прославилась и как прима-актриса народного драматического театра «Улыбка». Любила похвалиться: «В сказке «Чудеса на дому» я играла придурковатого царя. Никого потешней меня не нашли...» Книжку частушек недавно издала.

Расставались мы с нею с большим сожалением. «Да уж, я понимаю», – по-южнорусски распевала она слова. А потом и ручку в бок, и правую ногу наискосок.

Кари глазки, кари глазки,
Кари глазки ни при чем.
Мы и серыми глазами
Кого хочешь завлечем!

Ну, чего бы мне стоило родиться пораньше...

КАК БАБА АНЯ ВЫСТРОИЛА ХРАМ

Хоть деревушке-Терновушке уже больше трех веков от роду – удивления от нее соседям хватает на каждый день.

Как-то в Терновое американцы приезжали, кино для телеканала SNN снимали. Потом прислали бабке Цегурке кассеты со странноватым названием – «Спрятанная душа России». Терновцы в своем клубе посмотрели на себя с зарубежной точки зрения и разочаровались. Да как им можно запрятаться-то на их горе! Это окрестные села нырнули в долинки-лощинки, а они – на вышине. Соседи сеют, а они уже косят. Скотину пасут, скажи – не придумаешь: хвосты у той на спине, а копыта в небе...

Ясно, что такое может наугадить только Цегурка. Ведь ее, уж точно, и от Америки трудно было припрятать. Цегурка – уличное величание Анны Иосифовны Сухиной. На казацком диалекте означает – говоруха. Язык у нее и правда узлом никто не завязал. Наповествует, порасскажет – хохотать будешь, про блокнот забудешь. Журналистский интерес, хоть отечественный, хоть зарубежный, она удовлетворяет с веселой прибауткой:

– У нас бабы да девки так песни играют, что повсюду нарасхват. Раньше, бывало, идет бригадир с приказом: «Кукуруза нынче королева. Ей, мол, все внимание». Мы – в поле, а нашу «королеву» в сорняках не видно. Как запоем, она на три вершка за час подскакивает. Так и гоним ее в рост песней. Глядь, уж в кукурузе своей заблудились. Зато вырвались в районные лидеры. Нас тут же напрямиком на отстающую ферму. Мы частушки задробим. Коровенки веселеют. Молоко рекой. Грамот начальство столько надавало – обоев на стенку не покупали... Вот и американцы слушали наши песни и про кино свое забыли. Один лишь все допытывался, что такое самогон? К концу дня на лавке у моего забора и притомился. Мужики, видать, действительность разъяснили. Потом просил сердечный «колы» своей, а я ему – нашего росола. Он голову поправил и денег нам на церкву дал. «Интересный вы народ, – говорит. – То храмы рушите, то строите опять».

Анне Иосифовне этот вопрос тоже давно покоя не давал. Терновое – село видное. Люди справные – что на работу, что на веселье. А места, куда душу прислонить, нету. Словом, задумала тогда веселая Цегурка очень серьезное дело – построить в своем селе храм.

– Знамение такое мне упало, – объяснила в разговоре старушка. – Сон видела. Будто сплю я на холме, а мимо бабы идут на сенокос. «Надо Ньюрку разбу-

дить, чего это она разоспалась?» А навстречу им женщина: «Пусть отдохнет. Ей церкву строить...» Бабы мне потом объяснили, что была то, очевидно, Божья Матерь.

Так ли это было, кто же знает? Однако сон вышел в руку. Развернулась Анна Иосифовна споро. Организовала команду своих бабулек-товарок. По дворам ходили, деньги собирали. На святое дело кто сколько мог, то и отдал. Никто не отказал необычным агитаторам. Хоть в прежние лихие годы старую церковь бездумно разрушили, но ведь веру не забыли. Знай, в каждом доме хранили Божьи образа в рушниках. Только не может жить вера в одиноких углах. Каждый к ней приходит сам, но становится в общий нравственный круг, чтобы локтем поддержать того, кто в нужде, чтобы на плечо опереться в беде.

Истина эта на слово легкая, да в жизни тяжеловатая. Потому, видать, и 90-летней бабке Цегурке нелегко пришлось в походах по мирским начальникам. Народ церковь построить-то решил. Однако нужно было еще получить и разрешение с высокой печатью. Никто не против, но Острогожск, район кивает на Воронеж, а область – на Москву. Так и довело святое дело Анну Иосифовну до столицы. Вспоминает она о том путешествии, губы строго поджимает:

– Там начальство-то сурьезное. С милиционерами. Дал мне дядька открытку: «Пиши, бабка, жалобу. Передам». А как узнал про мою просьбу, так говорит, что дело тут не к спеху, рассмотрим, мол, по очереди. Призадумалась я в коридоре: «Ему, само собой, спешить некуда, а мне куда за годы мои тянуть?» Опять бегу к милиционерам. Один хлопчик с кобурой отвел меня к главному по религии. В кабинет вошла – оробела: кругом ковры, как в раю. Да и главный-то поначалу осерчал: «Ты как сюда, старуха, пробралась?» А потом поговорили, так, оказалось, наш он, острогожский, из Волошина – село тут поблизости такое. Помощь пообещал и бумаги нужные нам выправил...

Дальше Анна Иосифовна, себя шуткой не щадя, а других – и подавно, рассказывает, как строила церковь. Тут она и за прораба выступала, и за снабженца. Но гордилась больше не за себя, а за людей, которые ей помогли. Говорят, дескать, разучились у нас работать. Смотрите теперь: наши ведь строители церковь сложили – кирпичики будто стружкой отбили. Жестянщиков на купола за сто верст нашла. Колокола в Воронеже отливала. Уж, намаялась, конечно. Однако за восемь месяцев такую красоту построила. И уважили ее люди-прихожане: выбрали Анну Иосифовну Сухинину старостой новой Терновской Георгиевской церкви. И наградой ее отметили.

На своей морщинистой руке она и сама с великим любопытством в который раз рассматривает орден Русской Православной Церкви Преподобного Сергия Радонежского. Потом отыскала в красном углу такой же старой, как сама, горенки именную грамоту Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго. В небогатой избушке Цегурки-старушки это были самые ценные реликвии.

Да и кто скажет наверняка, чем истинно богат человек? Не раз мы рассуждали об этом с Анной Иосифовной. И словно предчувствие нашептало ей простые искренние слова: «Может, помянут люди добрым словом за то, что теперь есть им куда с верой поклониться...» Так и случилось. Собрался наемни в гости к старушке, а глава Терновской администрации огорошил: «Отговорилась–отгдидлась наша бабушка Цегурка. Слава Богу, церковь на память нам оставила».

Так пронзительно оживает в памяти наше последнее прощание у ее родного храма. Казалось, чем дольше смотришь на его купола, тем круче они стремятся к синей выси. Чем дальше уходишь по дороге, тем заметнее становится церковь на горе. Словно благословляет человека на самый неблизкий и сложный путь. Словно не дает душе одиноко затеряться на огромной земле.

«ОЙ, МОРОЗ-МОРОЗ...» РОДИЛСЯ ПОД НОВЫЙ ГОД

У всенародно любимой песни, оказывается, есть авторы.

Песни мы поем в радости. Ими разбавляем горе. Они идут с нами по жизни. Да, собственно, они и есть эта самая жизнь. Ведь, бывает, живешь, как поешь. А иногда пропетое вдруг представится маленькой звонкой жизнью. С удивительной магией рождения человеческой любви и печали. Со всеми невероятностями и тайнами. Однажды в компании с друзьями мы заслушались соловьиным голосом бывшей певуньи Воронежского русского народного хора. Пытались даже подпевать, но наших талантов, как всегда, хватало на куплет. В одном, правда, не подкачали – «Ой, мороз, мороз...» выдержали до последней строчки.

– Вот что значит истинно народная песня, – набивался на похвалу товарищ.

– Так у «Мороза» есть авторы, – неожиданно возразила певица. – Мария Морозова и Александр Уваров. В 1950-х годах они были в нашем хоре на первых ролях.

– Да этой песне тыща лет, – недоверчиво загудела компания.

– У меня где-то была старая газета с воспоминаниями Марии Николаевны Мордасовой. Именно о том, как создавалась эта песня. Я принесу, – пообещала гостя.

Обещание она сдержала. В давнем-предавнем интервью Мария Николаевна действительно рассказывала об интересном эпизоде. В 1950 году шел очередной набор в Воронежский русский народный хор. Прослушивали новичков. Девчужка из какого-то сельского района, волнуясь, пропела:

Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня,
Моего коня...

Этот напев особенно пришелся по душе солистам хора Морозовой и Уварову. Они поговорили с девушкой. Выяснили, что пела она старинную казачью песню. Впрочем, кроме запева, других слов она не знала. Вроде бы шла там речь о каком-то разбойнике... «В тот же вечер, – рассказывает далее знаменитая певица, – Мария Морозова, избрав свою тему, сочинила еще три куплета. Она же написала первый голос песни. А Уваров переложил мелодию на ноты. Вот так буднично пробил их звездный час...»

Марию Павловну Морозову и Александра Михайловича Уварова удалось найти аж в Липецке, куда они переехали после активных гастрольных выступлений. Здесь их знали как неутомимых энтузиастов русского песенного творчества. Маша Морозова – одна из первых прим Воронежского народного хора. Она была солисткой прославленного певческого коллектива по сути с его зарождения – с 1943 года. На видных ролях выступал в нем и Саша Уваров. Так и объединила песня две судьбы, так и повела по жизни вместе. И в зрелых годах они не оставили дела, к которому прикипели сердцем. Мария Павловна руководила ансамблем русской песни «Россиянка». Александр Михайлович был известен как самый искусный в округе мастер по изготовлению народных музыкальных инструментов. Он делал их для ансамбля из старинных рояльных крышек и прочих инструментальных запчастей. Его жалейки и флейты, пищали и гусли, гармошки-невелички пели удивительно чистым и нежным голосом, потому что в них звучала равнодушная, красивая душа. Впрочем, это отдельная тема. А мы говорили тогда о создании песни, без которой не обходится, пожалуй, ни большой, ни малый праздничный запев.

– Да, собственно, так оно и было, – подтвердила Мария Павловна. – Если

Мордасова и ошиблась, так только в незначительных деталях. Девушку, спевшую казачий напев, звали Ниной Тарасовой. Она была моей землячкой, из Павловского района Воронежской области. На прослушивании я за нее переживала, потому что Массалитинов, наш руководитель, напустился на конкурсантку: «Чего ты там бубнишь – пой громче!» А мне запев так понравился, что я записала его на листке. Нину в хор приняли. Но потом месяца через два приехал ее жених и увез домой. А бумажку с «Морозом» я положила в письменную коробку. Пела. Тут появился Саша. Наши голоса так сливались, что стало ясно – нам нужна своя песня. Перебирала я как-то бумажки, и нашелся тот заветный листочек. Я была так зачарована простотой, искренностью тех строчек, что и мои слова к ним легли, как снег на землю. А музыка в душе звучала. Ведь мы с Сашей только поженились. Я напевала, а он мой голос положил на ноты. Неточность у Мордасовой одна: песню мы сочинили не в 1950 году, а в декабре 1954 года. Как раз под Новый год...

Премьера песни, без которой нынче ни в одной новогодней компании не обходится, тоже состоялась за новогодним столом. Гости собрались тогда у Машиной сестры Елены. Веселое застолье звонкоголосые молодые супруги предложили разбавить своей новой песней. Спели на два голоса. И... тишина. Исполнители даже испугались. А оказалось, этот чудный «Мороз» очаровал всех до крайнего изумления. Потом эту песню только и пели, пока утро не заглянуло в заиндевшее окошко.

Лучшая подруга, звеневшая частушками на всю Россию Мордасова, тоже сказала: «Маша, это твоя песня...» Однако будущему всенародному, поначалу была уготована вовсе незавидная судьба. Почти два года песня, что называется, пролежала на полке. Может, тому причиной стали прохладные нотки, которые стали проскальзывать в Машиных отношениях с Константином Массалитиновым. Хотя он-то понимал что к чему и дал распоряжение хоровому дирижеру Павлу Шматько сделать оркестровку песни.

– Мы уж о «Морозе» и подзабывать стали, – вспоминала Мария Павловна. – А тут вдруг Павел Иванович Шматько приглашает: «Послушай, Маша, свое чудо. Распевайтесь с Сашей – песню включили в гастрольную программу». На ноябрьские праздники тогда, в 1956 году, у нас была запланирована большая поездка по городам Поволжья. На денек перед этим заехали в Москву. Такая традиция была – перед гастролями на Всесоюзной студии грамзаписи обычно записывали и шедевры, и новинки. Мы спели всего один раз и даем знак звукорежиссеру: «Готовы». А он рукой машет и улыбается: «Записано». Просим: «Дайте хоть послушать». А он в ответ: «Ухожу обедать. Слушайте радио». Вот так и подловил во время единственного прогона...

Первый же концерт в Глазове превратился в их бенефис. Море записок с просьбами исполнить новую песню. Они пели и недоумевали, откуда люди узнали? А девочки из танцевальной группы говорят: «Да вашу песню сегодня передавали по радио». И пошел гулять «Мороз» по России...

– Хотите послушать ту первую пластинку? – спросила Мария Павловна.

Ну, еще бы, кто откажется! И льется чарующий голос. Раздольный напев. Простые слова, рожденные русской душой.

...Не морозь меня,
Моего коня,
Моего коня
Белогривого.

Моего коня
Белогривого.
У меня жена,
Ох, ревнивая!

У меня жена,
Эх, красавица!
Ждет меня домой,
Ждет, печалится...

– Мария Павловна, удивительно, а где же последний куплет?

– Да вот, первый куплет не мой, и последний – тоже чужой, – открыла тайну Уварова. – Артист Валерий Золотухин в 1973 году в журнале «Советский экран» рассказал, что нашу песню он якобы впервые услышал в одной из алтайских деревень на съемках фильма «Хозяин тайги». С киноэкрана он ее спел с собственным финалом:

Я вернусь домой
На закате дня.
Обниму жену,
Напою коня.

Мария Павловна тогда очень сокрушалась, для чего, дескать, уважаемый актер сказал заведомую неправду. Ведь до того, как он исполнил песню в фильме, она уже полтора десятка лет звучала по всей России. Был даже момент – в 1961 году хотела Морозова-Уварова узаконить свое авторство. Побывала в Москве в Управлении по авторским правам. Там сказали, что это в принципе возможно, но теперь только через суд – со свидетелями, документами. Словом, махнула она рукой: такая волокита, а тут петь надо. Да если подумать – больше полувек поют люди ее песню и сколько еще будут петь – чем не почет?

– Ладно, Маша, хватит беречь старое, – успокоил ее Александр Михайлович. – Ты лучше вспомни наши замечательные гастроли на Дальнем Востоке.

Они увлеченно вспоминали Благовещенск своей молодости... Искрится от снега набережная Амура. Летит навстречу легкая, как мечта, белогривая тройка. Захватывает дух. Но у голосов хватает восторга и силы подхватить ликующе-печальные ноты. И плывет песня, кажется, не только над толпой – над всем миром: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...»

– Саша, как это было похоже на счастье, – тихо проговорила Мария Павловна. Она прильнула к мужнину плечу, а глаза затуманились слезой.

– Ну, Маша, – только и проговорил седой гармонист, бегая пальцами по кнопкам баяна. – Давай лучше песню сыграем...

Они запели. И, странное дело, мне показалось, что я тоже знал все слова этой песни.

Людмила Бобрицких,
*кандидат филологических наук,
Воронежский государственный
университет*

ЗА ВСЕ ЛЮДИ ТВОЯ...

(О повести Ивана Евсеенко «Паломник»)

«Мысли о русской и славянской душе, о ее особенностях и питающих её корнях» [1,317] пронизывают все творчество воронежского писателя Ивана Евсеенко. Основу души русского человека прозаик определяет как православие, о чем красноречиво говорит его повесть «Паломник» (1999-2000).

Начинается произведение с непривычного для светской литературы описания чуда. В пятницу на Страстной неделе Николаю Петровичу было не то сон, не то видение: на пороге горницы, озаренной «ярким, будто волшебным каким-то светом», «предстал... весь в белых ниспадающих до самой земли одеждах седой старик с посохом в руках» [2,5] и велел: «Надо тебе идти в Киев, в Печерскую лавру и хорошо там помолиться» [2,5].

Главный герой, прошедший войну, доживший почти до восьмидесяти лет, был «по жизни своей человеком не очень-то богомольным», «лишний раз перед образами не задерживался, крестным знамением себя не осенял» [2,8]. Но теперь, глядя на «знакомые ему с детства образа», он видел их «какими-то обновленными, хотя еще и по-страстному скорбными» [2,6].

Писатель показывает, какая борьба происходит в душе Николая Петровича. Здесь и беспокойство, и тревога, и даже «обида на старика»: почему он должен бросать дом, жену и «идти Бог знает в какую даль, молиться там и поклоняться святым местам, не будучи по природе особо крепким в вере» [2,9]? Однако постепенно герой начинает осознавать тот благодатный груз, что лег на его плечи: в давние времена в Печерскую лавру ходили «истинно богомольные люди», но «ведь должен кто-то же и в нынешнее время брать на себя тяжкую эту ношу – молиться за всех сирых и убогих, а еще больше, наверное, за богатых и сытых, да погрязших в грехах, им-то самим молиться недосуг» [2,9-10].

Николай Петрович ко всеобщей не ходил – «не приучен был к этому смолу» [2,10], да к тому же в юности принимал участие в разрушении деревенской церкви. Но сегодня он вдруг «напросился» жене «в попутчики». Стоя в церкви и слушая песнопения, Николай Петрович постепенно очищается душой и укрепляется в вере, что «ехать-идти в Киево-Печерскую лавру ему надо, и надо непременно, и не по принуждению и наказу, а по доброй воле, которая в это

мгновение и родилась в нем» [2,16]. «Душа у него все больше и больше наполнялась чистотой и светом» [2,16], и «просветленной этой душой» он повторял вслед за собравшимися: «Христос воскрес». Действительно, в этот момент герой «чувствовал в себе воскресение и изумлялся, как же он не чувствовал и не понимал этого раньше» [2,16].

Много дум передумал Николай Петрович, пока собирался в путь-дорогу; он все надеялся, что «седобородый старик» явится ему вновь и отложит поездку, сказав, что «нашлись люди помоложе...поздоровей да и в церковных молениях и вере покрепче» [2,26], но тот так и не появился. Утренняя молитва, однако, развеяла сомнения героя, придала ему «стойкости и уверенности в том, что все он делает правильно, едет в предназначенную ему дорогу без всяких колебаний, которые происходят, наверно, из-за пожилого его возраста и болезней» [2,27].

Двигаясь неспешным шагом в сторону Красного Поля, Николай Петрович предался воспоминаниям. В мыслях пронеслась перед ним вся его жизнь: детство, встреча с Марьей Николаевной, рождение детей, а главное – война. Николаю Петровичу чудилось, будто идет он по дороге не с посохом в руках, а с винтовкой-трехлинейкой, а «рядом товарищи по пехотному взводу и роте к новому месту дислокации» [2,35]. «Точно так же светит утреннее весеннее солнце, щебечут ласточки, зеленеет на обочине молодая крапива, манят к себе в овраг и низинку, где еще, случается, лежит снег, голубые колокольчики-перезвоны. Но надо идти-торопиться, потому что там, впереди, откуда доносится орудийный гул, их ждут не дождутся поредевшие и уже с трудом сдерживающие противника пехотные цепи» [2,35]. Вспомнились Николаю Петровичу и командир взвода старший лейтенант Сергачев, нелепо погибший под пулеметным огнем своих же артиллеристов, и друзья-однополчане, и киргиз Маматов, который погиб, отвлекая немцев от остальных бойцов, когда они выходили из окружения осенью сорок первого года. И, чувствуя свою вину перед не вернувшимися с войны, герой решает «помолиться в Печерской лавре за упокой души погибшего на поле брани рядового Маматова, хотя он и не православной был веры человек. Помолиться надо и за всех остальных, убиенных на той ненасытной войне, православных и неправославных – Бог един и моление то примет» [2,37]. С особой теплотой вспомнил Николай Петрович совсем еще «молоденькую конопатую девчущку-санинструктора» Соню, которая спасла его от смерти, и решил, что «уж если и надо ему за кого помолиться в Киево-Печерской лавре, так это перво-наперво за своего ангела-спасителя» [2,40].

Воспоминаниям о войне герой предавался нечасто, так как всякий раз, как только вспоминал свои фронтовые годы, «у него тут же начинала болеть душа, а вслед за ней давали о себе знать и раны» [2,41]. Чувство совестливости и какой-то неясной вины никогда не покидало Николая Петровича. Это как у Твардовского:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же... [3,177]

Очень трогательна сцена, когда Николай Петрович, остановившись на привале в лесу за околицей Красного Поля, ощущая присутствие своих боевых товарищей, которые «незримыми тенями» сидели вокруг костра, делит хлеб и сало на всех поровну.

Немало трудностей выпало на долю героя на его долгом пути, со многими людьми пришлось встречаться – добрыми и злыми, душевными и корыстными,

– и за всех он должен был помолиться в лавре: за Василька с Варькой, которые «губят свои жизни ради окаянных денег» [2,43]; «говорливую бабку-пастушку», солдатскую вдову, «брошенную в живой жизни» [2,45]; «неприкаянного мужика-песенника»; солдат-инвалидов, искалеченных в Афганистане, в Чечне и Дагестане, вызванных в райсобес «на переосвидетельствование» («Конечно, молитвой своей, какой бы она ни была крепкой, здоровья, рук, ног или зрения он им не вернет, но все-таки помолиться надо. Пусть малая, а будет им от той молитвы отрада. Бог их в одиночестве и страдании не покинет» [2,76]); «томящихся сейчас в заключении Ваську с Веркой» [2,91], безобразничавших в поезде. За всех у него болит душа, для всех он находит оправдание и прощение. Даже для бомжей Симона и Павла, «позарившихся на его денежные запасы и документы» [2,190] и ставших причиной дальнейших злключениям Николая Петровича.

Оставшись без денег и документов, герой не пал духом («Грех мне будет великий, если отступлюсь» [2,115]), решив во что бы то ни стало добраться до лавры, ведь свет не без добрых людей, да и ангел-хранитель не оставит его. Писатель создает целый ряд персонажей независимо от их национальности (будь то русский или украинец), характеры которых раскрываются в отношении к герою: кассирша, посоветовавшая пожилому человеку подойти к проводникам, так как без паспорта ему «билет не положен»; сердобольная проводница, дошедшая старика до границы и не взявшая с него ни гроша (хотя тот предлагал ей последние свои двадцать три рубля сорок копеек на конфеты) и рассказавшая ему, как добраться до Волфино, куда в скором времени прибудет поезд и она его там вновь подберет; «бабка-старушка», торговавшая на волфинской станции и угостившая его вкусным румяным пирожком; водитель Сережка, «безвозмездно домчавший его до города Ворожбы на машине «Газели» [2, 218]. Несмотря на границу, разделившую русских и украинцев на два государства, люди продолжали ощущать ту нерасторжимую связь, которая когда-то накрепко соединила их. Очень значим в этом отношении эпизод, когда умирает дед Матрос и в церквях обоих сел Волфино зазвонил колокол. «В какое-то мгновение удары колоколов на обеих церквях слились, соединились в один общий набат, извещающая, что у русских и украинских волфинцев случилось одно общее горе» [2,157].

Следуя на поезде «Ворожба-Щорс», Николай Петрович вспоминает, как в войну он «шел вместе со своим пехотным взводом мимо этого городка» [2,166], «вызволяя из погребов и окопов стариков, женщин и детей», их «ни с чем не сравнимые крики: – Наши!» [2,169]; как, уходя из села, подарил свою алюминиевую ложку маленькому сынишке погибшего путейца: «...пусть крепнет, ест этой ложкой борщ и кашу и станет настоящим солдатом, красноармейцем, хотя и придется ему расти без отца» [2,173].

И тем страшнее кажется на этом фоне сцена, в которой бывший фронтовик на тропинке, ведущей в украинское Волфино, встречает двух пограничников-сверхсрочников, один из которых – «допросчик», – назвавший Николая Петровича «москалем», отобрал у него последние двадцать три рубля, да к тому же снял со старика сапоги (офицерские, хромовые, что сын подарил), насмешливо предложив поменяться: «...он быстро подобрал старые свои разбросанные сапоги, ударил ими друг о дружку, сбивая налипшую грязь, и протянул Николаю Петровичу», но «вдруг застыл под кустом...и с хохотком переброесил сапоги себе под мышку: – И так дойдешь, не зима на дворе! А мне в хозяйстве пригодятся!» [2,144-145]. Это было проявлением крайней степени мародерства и жестокости: оставить старого человека, бывшего фронтовика с израненной ногой, босым! Но и «допросчику» Николай Петрович находит оправдание: видно, родился он «в самое поганое хрущевское время, когда опять повсеместно стали закрывать церкви», крестить детей строго запрещалось, и «этого вора-допросчика поди не крестили, обделив православной верой, и он теперь в безбожии своем творит немыс-

лимый произвол и надругательство над человеком» [2,148]. «Надо будет в Киево-Печерской лавре помолиться за него», за его «заблудшую душу», «попросить у Бога прощения за вольные и невольные его прегрешения. Может, и образумится...» [2,148].

До Киева оставалось совсем немного, когда Николай Петрович вдруг понял, что ему не на что купить самую обыкновенную свечу, без которой «паломнику и богомольцу появляться в Киево-Печерской лавре никак нельзя. Ведь без такой свечи, без ее трепетного огня ни одна его молитва, ни одно его покаяние приняты не будут» [2,177]. Но ангел-хранитель и здесь не оставил его «без внимания и присмотра», и «словно кто-то шепнул ему на ухо: «Да что ж тут думать, что ж сомневаться – среди людей живешь и от людей же будет тебе помощь и благотворение!» [2,178]. И действительно, пассажиры, ожидавшие поезда на вокзале города Бахмач, «по силе возможности» бросали монетки в сделанную героем коробочку с надписью: «НА БОЖИЙ ХРАМ И ПОМИНОВЕНИЕ».

Когда на подъезде к Киеву, на «высоком его берегу мелькнули вдруг на солнце золотые купола Софийского собора», «сердце билось у него и трепетало, как заново рожденное, готовое вот-вот вырваться из груди – доехал, несмотря ни на какие невзгоды и преграды, все-таки доехал, и теперь остается Николаю Петровичу совсем немного, чтоб предстать перед святыми иконами и мощами Киево-Печерской лавры» [2,195]. Однако, прежде чем приступить к выполнению своей главной миссии, герой решил «привести себя после дальней дороги и стольких приключений в божеский вид» [2,195], собраться с мыслями где-нибудь в укромном местечке на берегу Днепра.

К объявлениям в метро на «украинском певучем языке» он «быстро привык и все понимал без малейшего затруднения» [2,196]. Николай Петрович радовался «этому единству языков и, стало быть, и мыслей», с «удовольствием прислушиваясь... к переплетению исконной какой-то вязи русского и украинского языков, на которых повсюду легко говорили окружающие его люди», и от этого он «почувствовал себя совсем дома, на родине» [2,196], а душа его наполнилась радостью.

Совершив омовение в Днепре, чтобы «войти в ... древние исконные церкви и пещеры» [2,204] чистым душой и телом, Николай Петрович почувствовал себя «совсем помолодевшим, бодрым и еще каким-то обновленным, как будто действительно родился на Божий свет заново и с этой минуты заново начинает жить, ничем не оскверняя свою первородную детскую душу» [2,199].

...Лавра открылась герою совсем неожиданно. «Николай Петрович застыл перед ней, с трудом сдерживая гулкие, ликующие удары сердца, троекратно перекрестился и лишь после этого осмелился проследовать вдоль стены к нерукотворной надвратной церкви» [2,202]. Несмотря на совет кассирши не говорить нигде, что он русский, герой решил «здесь, в святой, единой и неповторимой Киево-Печерской лавре, не таиться, любому и каждому говорить, что родом он и всей своей жизнью из России, страны великой и праведной» [2,203].

Посещение лавры и молитва перед «святыми иконами» – кульминация повести. Крестовоздвиженская церковь, в которой Николай Петрович оказался на службе, поразила его «воцарившимся под ее куполами таинством», от икон исходила «особая благодать и особая живительная чудодейственная сила» [2, 205]. Герой чувствовал, как «Божья благодать овладевает всем его существом, оставляя в живых только его душу и отвергая старое одряхлевшее тело» [2,205], но по мере молитвы «душа под крестным знаменем соединилась с телом» [2,206]. Передав священнослужителю, стоявшему в церковной лавке, «заветную свою коробочку с подаяниями», Николай Петрович получил от него целую связку восковых свечей, а за две цыганские гривны – «особую, твердо скатанную и медоносно пахнущую воском» [2,207].

Во время службы, осеняя себя крестным знамением и низко кланяясь, герой с «каждым поклоном чувствовал, как все больше сливается он воедино и с молящимися молчаливыми людьми, и с настоятелем храма... и еще с чем-то необъемлемым, заполняющим все на земле и на небе» [2,208], название которому – Царствие Божие. Во всей своей жизни не испытывал Николай Петрович «чище и светлее минуты». Наконец прозвучало последнее «Аминь», и пришло время его святой молитвы.

Николай Петрович, зажигая свечи перед иконами, молился «за упокой души отца с матерью, родивших и вырастивших его» [2,208], прося прощение за «детское свое непослушание»; «фронтовых ... сверстников-однополчан», и прежде всего киргиза Маматова; старшего лейтенанта Сергачева, «человека партийного, неверующего», но «в душе-то по вере своих отцов и дедов» остававшегося христианином: «за спинами бойцов не прятался, не ловчил, как случалось, ловчили другие командиры, званием и повыше его» [2,210]; потом за упокой души всех солдат, с которыми сводила его судьба, «именных, фамильных» и «безымянных»; за старика Матроса, хотя эта молитва далась ему нелегко.

Первая заздравная молитва была за санинструктора Соню, вынесшую его с поля боя; вторая, «самая ласковая», – за Марью Николаевну, его «истинного Ангела-хранителя»; за детей: Володьку и Нину, за внуков, чтоб «все были живы-здоровы, хорошо учились в школах и институтах, во всем слушались старших» [2,214]. Отыскав икону святого Ильи-исцелителя, Николай Петрович молился «за всех болящих и хворых»: за «слабеющую умом волошинскую женщину Маньку, вечную дежурную при всех колхозных председателях»; «старенькую вдову-пастушку, указавшую ему дорогу в Красное Поле»; «за избавление от хворей, за здравие молоденьких, только-только вернувшихся с новых войн увечных солдат, которых он встретил в райсобесе» [2,217]. Отдельно помолится Николай Петрович «за здравие всех, кому давал обещание»: Мишку-тракториста, беспутного пьяницу, «за которого, может быть, никто никогда в жизни не молился», «оттого он такой и неприкаянный» [2,217-218]; «самозванных фермеров» Василька с женой; «поездных страдальцев, тюремного Ваську и полюбившую его попутчицу Верку»; «заблудших странников Симона и Павла»; «певучего кручинного мужика»; «пограничного волфинского грабителя», позарившегося на его сапоги; проводниц, кассирш на всех вокзалах, помогавших ему добраться до Киева; усатого курского милиционера; волфинскую старушку, «безденежно накормившую подозрительного старика с русской стороны такими вкусными пирожками» [2,218]; шофера Сережку; всех пассажиров в Бахмаче и киевской электричке, «подавших ему по силе возможности, кто сколько смог на Божий Храм и поминовение»; за «того мальчишку из лугового черниговского села», которому подарил когда-то в сентябре сорок третьего года алюминиевую солдатскую ложку («Пусть здравствует, растит детей, внуков, дождетя, даст Бог, и правнуков» [2,218]). Последней стала обещанная молитва за цыган перед иконой Божьей Матери: « – Особо молюсь за цыганское бесприютное племя. Дай им Бог хорошего кочевья, тепла и богатства, честных гаданий. А всем нам дай сил научиться жить так, как живут они – в единстве, любви и взаимности» [2,219]. И молитва его была услышана. «В церкви вдруг наступила какая-то надмирная тишина; все поставленные Николаем Петровичем свечи – и заупокойные и заздравные – вдруг вспыхнули ярким пламенеющим светом; тот свет озарил намоленные древние иконы радужным неземным сиянием, и Николаю Петровичу вдруг показалось, как будто все святые лики охранно склонились к нему и подтвердили его молитву: – «Истинно так!» [2,219].

Николай Петрович продолжал молиться и в пещерах. Упав на колени перед Распятием, он страстно просил: «Господи, прости нас и помилуй!» И «истомленным донельзя сердцем» герой «почувал, что прощение ему и всем людям если не

дадено, то хотя бы обещано» [2,223]. Когда, поднявшись с колен, он в последний раз взглянул на «скорбный лик Спасителя, то вдруг увидел в его глазах ответное изумрудно-чистое сияние» [2,223].

Николай Петрович не помнил, как поднимался «по крутым ступенькам и брусчатке» к воротам лавры, как добирался до метро и как, подхваченный толпой, оказался в «небывалой красоте» «городском лесу», напоминавшем «поистине райский сад», и вдруг остановился перед «широким полотнищем, перетянутым через дорогу, где аршинными буквами было написано: ХАЙ ЖИВЭ 9-тэ ТРАВНЯ – ДЭНЬ ПЭРЭМОГЫ!» [2,224]. Николай Петрович без труда перевел: ДА ЗДРАВСТВУЕТ 9-е МАЯ – ДЕНЬ ПОБЕДЫ! В парке было много молодежи, но попадались и его ровесники, «уже предпразднично при орденах и медалях» (герой вспомнил, что через пару дней Девятое мая – День Победы, «самый главный его праздник» [2,226]), видимо, собиравшиеся на ежегодную свою фронтую встречу. Николай Петрович по-хорошему позавидовал им: в Малых Волошках он единственный на сегодняшний день оставшийся в живых ветеран. Он вспомнил, как в родной деревне у братской могилы собирались фронтовики и солдатские вдовы, расстилали поминальные скатерти, но прежде чем «выпить первую скорбную рюмку», зачитывали список всех погибших в войну волошинцев – более ста человек. С каждой весной народу у могилы собиралось все меньше и меньше, а в прошлом году Николай Петрович пришел на кладбище в одиночестве. То, что сейчас в парке вместе оказались ветераны и «молодые ребята и девчухи», – было символично. Именно молодежь должна перенять у старшего поколения эстафету памяти, чтобы не забывались погибшие отцы-деды, солдатские вдовы, которые «как-то незаметно, одна за другой, ушли, истаяли, словно поминальные свечи» [2,226].

Финал повести вполне закономерен. Столько боли и скорби вобрала в себя истомленная душа героя, что сердце бывшего фронтовика не выдержало. Последнее, что он увидел, прежде чем упасть на землю, – идущий «от самого высокого и золотого купола Софии весь в белых одеждах мальчик, отрок, озаряя все вокруг радужным неземным сиянием. А высоко над ним летит, и не успевает лететь, белокрылый Ангел, так беспечно оставивший Николая Петровича у порога Киево-Печерской лавры» [2,229].

Когда читаешь повесть Евсеенко, ты словно ощущаешь, как из нее исходит то тепло и тот благодатный свет, что увидел и почувствовал герой во время молитвы в Киево-Печерской лавре. Книги, подобные ей, заставляют о многом задуматься. Они учат нас добру и справедливости, великой любви к людям, учат жить в согласии с самими собой и со всем миром. Что приобретает особый смысл в связи с современными событиями на Украине.

1. Распутин В. Жила-была сказка... живет ли она? // Евсеенко И. Крик коростеля: Повести и рассказы. – М.: Мол. гвардия, 1982. – С. 317-319.

2. Евсеенко И.И. Паломник // Евсеенко И.И. Затаив дыхание... Повести. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. – С. 5-229.

3. Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т.3. – 431с.

Этот раздел повествует о замечательных писателях, поэтах, художниках, философах, ученых, - уроженцах Воронежской земли, или жизненно и творчески породненных с ней. Творчество Григория Сковороды и Кондратия Рылеева, Дмитрия Веневитинова и Алексея Кольцова, Евдокии Ростопчиной и Николая Станкевича, Николая Костомарова и Александра Афанасьева, Ивана Крамского и Андрея Снесарева, Ивана Бунина и Самуила Маршака, Евгена Плужника и Андрея Платонова, и многих других стали гуманитарным достоянием не только местной, но и всеславянской, мировой культуры. Здесь публикуются страницы и выдержки из их произведений. Иные из них настолько актуальны, как будто написаны сегодня. Очерковые портреты наших знаменитых земляков подготовлены членом Союза писателей России Виктором Будаковым.

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА, ФИЛОСОФ СЛАВЯНСКИЙ

«Будь в доме твоём», – так говорил славянский мыслитель и поэт Григорий Сковорода. Но где именно дом его? Что это за дом?

Малороссия? Слободская Украина? Российская империя? Европа? Вселенная? Полтавское село Чернуха, где он издал первый младенческий крик? Или же харьковская Ивановка, где оборвались его старческие шаги и где на могиле его – им же завещанная, по первому прочтению загадочная, странная надпись: «Мир ловил меня, да не поймал»?

Подобно тому, как степной реке где-нибудь на Полтавщине сопутствуют прибрежные яворы и осокори, так жизнь Григория Саввича Сковороды (1722-1794) сопровождают легенды, были, предания. Однажды в многосолнечный день в степи неподалеку от Острогжеска ехавший в коляске помещик настиг путника и радушно предложил подвезти. Путник отказался, сказав, что идущий достигает цели часто быстрее едущего. Вскоре подул ветер, небо нахмурилось, и вдруг обло-

мился дождь. Странник успел укрыться под кроной близкого дерева, разделся, сложил вещи в торбу, переждал, пока не распогодилось. А затем оделся и зашагал дальше. Через какое-то время его глазам предстала знакомая коляска. Она словно зывала о помощи, по ступицу увязнув в грязи и сломанно завалась. И как же удивился хозяин коляски, когда увидел путника – в сухом одеянии бодро шедшего по обочине дороги!

Предание, о каком мог слышать поэт-декабрист Рылеев, включивший имя Сковороды в свой литературный словарь. Скорей всего, слышал – как семейное: путник тот был Сковорода, а в коляске ехал из рода Тявяшовых острогжеский друг Сковороды; из того же казачье-помещичьего рода – и жена поэта-декабриста.

Есть предания иные, не бытовые. Екатерина II, узнав про бродячего мыслителя, возжаждала видеть его придворным философом. Вольтер, Дидро – далековато. А тут свой, да еще какой: в деревнях знаемый и почитаемый.

(«Не говорите мне о Канте! Что Кант?.. Вот... есть... Скворода»? – не без пафоса много позже воскликнет Андрей Белый). Однако «свой» оказался строптив и ответил: «Мне моя свирель и овца дороже царского венца». Предание преданием, но образ реального Сквороды в нем очевиден. Бродячий философ действительно не завидовал самому высокому земному трону, не прельщался тронными милостями и к царям в услуженье мыслью не ходил.

Жизнь Сквороды – «хождение». Хождение как всамделишное – географическое, пространственное, так и воображаемое, пронизающее – в глубинах человеческих души и сердца; прежде всего – своих души и сердца. В 1734 году, двенадцати лет отроду отцом в Киево-Могилянскую академию, он долго, с перерывами в ней учился, уходил, возвращался, да так и не закончил полного курса. Имея отменный голос и музыкально-сочинительские способности, при восшествии на престол Петровой дочери Елизаветы был отобран в придворный хор и как певчий мало-российской капеллы участвовал во всех коронационных и иных громких светских и церковных действах: мишура, суэта, вертлявая маскарадность не могли понравиться Сквороде и, не пробыв и трех лет в Петербурге, он вернулся в Киев, но ненадолго.

В 1745 году, кем-то благожелательно рекомендованный генералу Вишневецкому, возглавившему Токайскую комиссию по закупке вин для императорского двора, он отправился за границу; судя по всему, делами не был обременен и, помимо Венгрии, побывал в Австрии, Германии, может, и в Италии; пробыл за границей пять лет. Возвратясь, учительствовал в Переяславском коллегиуме, но не задержался: рассорился с местной церковной властью. Снова Киевская альма-матер, которую в 1753 году оставил бесповоротно. Уходит в частное учительствование. Затем его путь лежит в Троице-Сергиеву лавру, там настоятель – его добрый знакомый Кирилл Ляшевецкий, будущий епископ Воронежский, а поз-

Григорий Скворода

же и Черниговский – предлагал стать семинарским преподавателем; и хотя Сквороде дороги были образ и духовное подвижничество Сергия Радонежского – первого игумена лавры, тем не менее скоро он снова на Слобожанщине. Преподает в помещичьих усадьбах, преподает в Харьковском коллегиуме. Далее, до конца жизни – странствует, переходя от одного очага к другому, вызывая толки, приобретая «оглагольников», но куда больше – друзей. Среди них высокие чины и простолюдины, помещики и крестьяне, ученые, купцы, духовные лица; есть и из воронежской земли – генерал-губернатор Чертков, помещики отец и сын Тевяшovy, чиновник Панков, художник Долганский.

Странствует. Скифские, половецкие, славянские степи с курганами, невесть кем оставленными, хранят древнее, а небо навеваает страннику мысли о вечном.

Странствующий сын казацко-крестьянского мира восклицает: «Не пойду в город богатый. Я буду в полях жить». В полях и впрямь живет, но заявление все же не буквальное. Разумеется, и в города входил, и городские библиотеки прочитывал, и многому учился у мировой культуры. Прекрасно знал древнегреческий, латинский, древнееврейский языки. Сократ и Пла-

тон, Аристотель и Эпикур, Плутарх и Сенека – для него живые: они его собеседники, его спорщики и единомышленники. Он вдохновляется ими, дает их мыслям вторую жизнь – неповторимо сковородинскую. Его «Наркис» написан раньше, чем обнародовал главные свои философские труды Кант, и даже раньше, чем тот защитил диссертацию (оттого иные почитатели Сквороды называют его первым философом нового времени).

Что же он проповедует на своих страницах и в своих хождениях от порожистого Днепра до тихого Дона? Его духовные первоисточники и поводыри – библейский свод и античность. Древние, средневековые идеи перо Сквороды вызывает в нынешний ему день. Идея Творца. Идея множественности миров – «каждого мира машина имеет свое, с плывущими в ней планетами небо».

Еще – идея сродности. Суть – всякий человек должен выбирать себе дело, жизненную стезю по своим склонностям и природным данным. Несродность – беда и человека, и общества. «Кто безобразит и растлевает всякую должность? Несродность. Кто умерщвляет науки и художества? Несродность. Кто обесчестил чин священнический и монашеский? Несродность. Она каждому званию внутренний яд и убийца... Иди лучше паши землю или носи оружие, отправляй купеческое дело или художество твое. Делай то, к чему рожден...»

И, может, самая заветная, выстраданная его дума – познать самого себя. Самого себя, а не тень свою. Познать весь мир – через себя. Через свое сердце. «Если хотим измерить небо, землю и моря, должны, во-первых, измерить самих себя». О том же – и в стихотворной строфе. «Брось Коперниковы сферы, // Глянь в сердечные пещеры». Мысль Сквороды не чуждалась «коперниковых сфер» и даже тянулась к ним. Но – в том ли смысл, чтобы «приобрести целой Вселенной владение, а душу потерять?»

Выходит, сердце и есть дом родной.

Географическая, пространственная пядь, обитальческий угол существенно значимы лишь тогда, когда сполна приеются сердцем. Город вне библиотеки, а при рынке, город грохочущий и суетный – не для Сквороды. А вот хуторок где-нибудь в отдаленности от суеты сует – его сердечная привязанность. Укромный хуторок, лес, поляна, пасека, труженическое и умиротворяющее жужжание пчел в солнечный день, ночью – звезды, тишина божественная; такая тишина, какой позже не будет, ибо через два века даже в тропических дебрях, в девственно-глухотоманных лесах уже не спрятаться, не уединиться сердцем: железный гул реактивного самолета вдруг настигнет, как гром небесный.

Но и странник, бродяга, бездомник Скворода, обретавший случайную крышу над головой в хатах простолюдинов, дворянских усадьбах, городских домах, в монастырских кельях, в куренях и лесных хижинах, за четверть века исходивший Слободскую Украину и нынешний Черноземный край, знавший в своей жизни и европейские земли, последний приют хотел иметь ближе к родной сторонке.

Не бедна ни друзьями, ни врагами жизнь. Неудобный для привычно-обыденного, прагматического сознания, Скворода уже при жизни имел (и продолжает иметь) достаточно «оглагольников» – очевидных или неявных, вольных или невольных порицателей, чуждавшихся или его учения, или образа жизни, или же того и другого. Порицатели и отрицатели – иные лица духовного чина, местные и столичные литераторы. Еще – революционные демократы – Белинский, Писарев, Чернышевский, хотя восприемники последних, свергая старые памятники и ставя новые, – ставили и Сквороде. Даже Кобзарь – народный поэт – с детства наслышанный о бродячем – тоже народном – мудреце, не был его поклонником; его философских сочинений, тогда еще не опубликованных, он, естественно, не читал, а как художнику, пусть и первопроходцу, но заплутавше-

му в языковых дебрях, меж латынью-«польщиной» и «московщиной», отказывал в национально весомом значении. Но не справедливей ли Костома-ров, который почувствовал, – употребим любимое слово Сквороды, – сродность образа жизни и творчества мыслителя народному духу, народному сознанию, оттого и почитаемого в народе: «На всем пространстве от Остро-гожска до Киева во многих домах висят его портреты; всякий грамотный малороссиянин знает о нем; имя его известно очень многим из неграмотного народа...»?

Скворода действительно еще при жизни стал любим в народе. Ибо говорил о вещах понятных и сущих – о сродстве к хлебопашеству, об истине, не любящей украшательства, о сердце щедром и сердце златожадном. Философски он ясен. Но и поэтически иные строфы ясны и чисты в слоге, вне языковых пут того времени.

Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны ветры повевают,
Руки явору ломают.

Его песни «Ой ты, птичко желтобо-ко», «Всякому городу нрав и права», «Ах, поля, поля зелены» стали народными песнями, их десятилетиями распевали кобзари.

«Читал Сквороду. Прекрасно», – это уже оценка автора «Войны и мира». Толстому дорого в Сквороде то, чего сам он так и не достиг, – соотносимость слова и дела, естественная, скромная жизнь, вне разлада с крестьянским миром, за идеал берущая простоту, правду, добромыслие и доброделание. О Сквороде как философе-практике Толстой говорит в самом высоком, духовно-бытийном смысле, – мол, тот учит, «как не надо жить и как надо жить».

Труден и необычен. Трудный задевает идеал. Необычен его образ жизни. Непрост он и как пишущий. Подобно Державину, приходилось Сквороде продирааться сквозь тернии еще не набравшего ясности и зрелости язы-

ка. Он писал на старославянском, нередко переходя на латынь и греческий. Он на сломе эпох, и в то же время весь от XVIII века. И подобно веку, он и в жизни, и в мысли, и в языке – движется, открывает все новые двери.

Когда-то в студенческую пору автор этих строк избрал темой своей курсовой украинскую песню на Дону. Песни пришли на Дон вместе с переселенцами, и мотив дороги, разлуки, расставания, странствия, ухода – главный мотив их. Восемнадцатый век дал основную украинскую волну на Дон. Двигались крестьянские семьи, казацки, бурсаки, кобзари. В этом смысле Скворода был – один из многих.

При жизни Сквороды не была напечатана ни одна его строка. Свои страсти он носил в торбе, раздаривал друзьям. Его «Сад божественных песен», «Басни харьковские», философские трактаты, диалоги расходились в списках, его песни распевались, но – первое под его именем издание появилось лишь в 1861 году.

Но современен ли Скворода? И не о стиле, не о языке, разумеется, речь. Современен ли он, спросим, ополчаясь, например, против «сволочи золотой монеты»? Современен ли, когда Ляшевецкому в 1761 году пишет, да еще на латинском, с вкраплениями древнегреческого: «Пусть другие заботятся о золоте, о почестях, о сарданапаловых пирах и низменных наслаждениях; пусть ищут они народного расположения, славы, благоволения вельмож; пусть получают они эти, как они думают, сокровища, я им не завидую, лишь бы у меня были духовные богатства...» Современен ли в его неприятии бесстыдной наживы, торгашески-ростовщического, той корыстолюбивой капиталистической земли обетованной, где «мир есть пир беснующихся, торжище шатающихся...», где – «слепые за слепыми в бездну грядущие»? Уместен ли в мире, где сплошь безназорность, ложь, подмена, где утопии сменяются антиутопиями, а общественные режимы шумно сменяют свои декорации и псевдонимы, не меняя сути?

Когда-то пресыщенному богатому пану, который не знал, чем руки и душу занять, Сковорода предложил целый арсенал крестьянского труда – косу, лопату, вилы, грабли, секиру, молоток. Наивное лекарство! Нынешних мародерствующих и тех, кто из грязи в князи, подобным не пронять.

Но в том-то и урок Сковороды, что не о режимах, не о его бесчестных управителях и «художественных» обслугниках должно сокрушаться или ополчаться против них, но о душе своей должно думать и заботиться.

Сковорода, презрев суету, шел своим путем. Но в век информационно-компьютерный, техногенный, синтетический, что он может нам сказать, кроме разве наивного? Наивного или вечного?

«Учусь, друг мой, благодарности... Учусь быть довольным о всем том, что от промысла Божия в жизни мне дано...»

Сковорода, учась, учит нас. Напоминаем: правда – в нас, добро – в нас. А

зло, становясь избыточным, самоуничтожается. И всегда отступает, если каждый из нас – островок добра.

«Мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса и обеспокоили брюхо земное ради металлов... строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремнины водные, что денно новые опыты и дикие изобретения... Но то горе, что при всем том кажется, что чего-то великого нам не достает».

Да все того же – вечно старого и вечно нового – и недостает: мира души и сродничества ее с окружающим миром, гармонии, возможной, если бы человек неустанно стремился постигнуть главную науку – науку человеческого счастья. А в этой науке главное – душу любовью наполнить; заглянуть в себя; не обмануть свое сердце и не дать ему обмануться лживыми ценностями.

Счастье – в нас!

Григорий Сковорода

СТАРУХА И ГОРШЕЧНИК

Старуха покупала горшки. Амуры молодых лет еще и тогда ей отыгались.

– А что за сей хорошенький?..

– За того возьму хоть 3 полушки, – отвечал Горшечник.

– А за того гнусного (вот он), конечно, полушка?..

– За того ниже двух копеек не возьму...

– Что за чудо?..

– У нас, бабка, – сказал мастер, – не глазами выбирают: мы испытываем, чисто ли звенит.

Баба, хотя была не подлого вкуса, однако не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сие знала, да вздумать не могла.

Сила. Конечно, сия премудрая Ева есть прабаба всем тем острякам, которые человека ценят по одежде, по телу, по деньгам, по углам, по имени, не по его жития плодам. Сии правнуки, имея тот же вкус, совершенно доказывают, что они суть плод от сей райской яблони. Чистое и, как

римляне говорили, candidum – белое, и независтное сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, верующее в бога и уповающее на него во всем – вот чистый звон и честная души нашей цена! Воспоминает и сосуд избранный Павел о сосудах честных и бесчестных (2, «К Тимофею», гл. 2, стих 20, и «К римлянам», 9, стих 21). «Утроба буйно как сосуд сокрушен и всякого разума не удержит» (Сирах, гл. 21, ст. 17).

Известно, что в царских домах находятся фарфоровые, серебряные и золотые урыналы, которых, конечно, честнее глиняная и деревянная посуда, пищу наполняемая, так как ветхий сельский храм божий почтеннее господского бархатом украшенного афедрона. Изрядная великороссийская пословица сия: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Довелось мне в Харькове между премудрыми эмблематами на стене залы видеть следующий: написан схожий на черепаху гад с долговатым хвостом, среди черепа сияет большая золотая звезда, украшая оный. Посему он у римлян назывался stellio, а звезда – stella, но под ним толк подписан следующий: «Sublucelues», сиречь под сиянием язва. Сюда принадлежит пословица, находящаяся в Евангелии: «Гробы повапленные».

МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ (БОЛХОВИТИНОВ) – ИСТОРИК И ПАСТЫРЬ

Целую вечность назад – семнадцать лет приехав поступать в Киевский университет – автор этих строк стоит в Софийском соборе в Сретенском приделе, у могилы пастыря-земляка, еще ничего не зная о нем;

Еще не написана повесть о нем.

«Был некогда Фимушка, был Ефим Алексеевич, падре Ефимиус. Некогда у человека с этим именем был родимый город Воронеж, отчий дом на Ильинском бугре, каморка с желтой маской фернейского мудреца: радости были, скорби, круг приятельский... Где все это?..»

Строки – из повести замечательного воронежского писателя Владимира Кораблинова «Падре Ефимиус». Но кто таков падре Ефимиус? Это Ефимий Алексеевич Болховитинов (1767 – 1837), он же отец Евгений, историк и духовный деятель, и страница кораблинновской повести – как раз о нем, уже принявшем постриг.

Видный славянский археограф, собиратель и исследователь новгородских, псковских, вологодских, киевских древностей. Для Погодина, знаменитого отечественного историка, наш земляк – «из величайших собирателей, которые когда-либо существовали». Создатель «Словаря российских писателей духовного чина», член Священного Синода, историк церкви, «краеугольный камень православной науки», долгие годы и до конца дней своих митрополит Киевский и Галицкий, пытливый ученый, достойный, по представлению Державина,

членства в Российской Академии Наук, историк ранней Руси, Украины, Грузии.

Первая и, может, самая любимая из созданных им книг – «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». Это своеобразная краеведческая энциклопедия, дающая, может быть, впервые в отечественной науке философский образ края. Здесь всестороннее видение родной земли, недаром, помимо перечисленных исторических, географических, экономических пластов, присутствует и православный, и топонимический, и иные.

При молодости и тогдашнем уровне отечественной исторической науки Болховитинову было, разумеется, труднее, нежели нынешнему историку края, который может опереться на полномерно изданные летописные своды, археологический пласт, научные труды больших ученых; труднее, но в чем-то и проще. Историческое былое края, сказавшееся и на судьбах страны, – не за горами таилось: еще доживали свой век немногие из тех древних воронежцев, кто строил петровские корабли, гораздо больше оставалось тех, кто видел, как в жестоком нечаянном пожаре горела Немецкая слобода – словно отходная памятному и, пожалуй, странному в степи корабельному строению; полузатворническое проживание в Воронеже, в Архиерейской роще последнего крымского хана выдалось в пору молодости Болховитинова; своими гла-

зами видывал он и святителя Тихона Задонского и даже в великой скорби присутствовал на его похоронах. Когда позже он работал над «Полным описанием жизни преосвященного Тихона...», в помощниках у него оказались не только записки очевидцев, устные предания, но и собственные впечатления и переживания.

Книга, появившаяся два века назад, и сегодня побуждает прочитывать ее, находя в ней если не разрешение давнему спору о возрасте Воронежа, то хотя бы взгляд и ответ первого историка края, перечитавшего летописных страниц побольше нашего. Давно ли город, основываясь на государевом указе 1585 года о строительстве порубежной крепости на Воронеже, праздновал свое четырехсотлетие, тем самым как бы отрубая свою древность. Между тем Болховитинов, может, первым среди воронежцев извлекает слово «Воронеж» из недр летописного свода – кратко пересказывает зафиксированный Никоновской, Лаврентьевской и Ипатьевской летописями эпизод бегства князя Ярополка на Воронеж в 1177 году.

Так сложилось, что, когда работа над книгой заканчивалась, на Болховитинова обрушилось горе – скончались жена и дочь. Еще раньше ушли из жизни два сына.

Да и с самого детства его словно бы преследовал рок. И десяти лет Болховитинову не было, когда не стало его отца – священника Ильинской церкви. От отца передалась жажда знаний и настойчивость в приобретении их. Этой всепоглощающей жаждой знаний Болховитинов сродни был Ломоносову, о котором много был слышан, когда учился в Славяно-греко-латинской академии, знаменитым выпускником которой был прежде и Михайло Васильевич. Жажда знаний подвигает его быть частым гостем-слушателем в лекционных аудиториях Московского университета, знакомиться с образованными людьми, участвовать в известном просветительском кружке Новикова, а по возвращении в Воронеж создать просветительский кружок и на родине.

Митрополит Евгений

В Воронеже он учителствует в местной семинарии, заведует также семинарской библиотекой, где не только приводит в порядок ее многотысячный фонд, но и пополняет его, для чего ему не раз приходится бывать в Москве. Много работает в архивохранилищах. Берется за написание Русской истории, может, вдохновляясь примером своего великого предшественника по Славяно-греко-латинской академии, который тоже писал Русскую историю. Документов в Воронеже, однако, недоставало, и Болховитинов переключился на местную историю – описание Воронежского края.

Начало нового века – как начало новой жизни. Тяжело пережив семейное горе, Болховитинов в 1800 году принимает монашеский постриг. Начинает преподавать в Александро-Невской лавре. Теперь ничто житейски-бытовое не отвлекает его от высокого служения Богу и Истории. Он священнослужителем. И пишет.

Подобно художникам древности, он даже не считает обязательным ставить свое имя на своих же сочинениях. Из письма 1813 года – «словарь свой давно я уже закончил и подарил Московскому обществу истории и древностей Российских, на тот конец, чтобы общество сие, имеющее в себе много сведу-

щих людей, пересмотрело мой труд, исправило и в свет издало от себя, не упоминая о моем имени. – Далее сокрушается. – Но словарь сей доселе лежит еще без движения, и только журналисты выписывают из него разные статьи и иногда неверно...»

Словари и истории – его душевная привязанность. На что не обращается его перо! «Словарь о писателях», «Словарь российских государей», «История княжества Псковского», «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», «Историческое изображение Грузии», работы по истории церкви, описания тех епархий, которые он возглавлял...

Дружен Болховитинов был (помимо Державина, который посвятил ему известные пространные стихи «Евгению. Жизнь Званская») и с деятелями духовного чину, и с писателями, и прежде всего с историками – Бантыш-Каменским, Калайдовичем, и интерес его к историческим событиям, преданиям, фигурам широк и серьезен. От полоцкого просветителя Франциска Скорины до полтавского философа Григория Сковороды. От воронежской старины до древности киевской.

Два города в его судьбе – особенно дорогие. Никогда Болховитинов не забывал Ильинскую пядь на спуске к Воронеж-реке, свое семинарское учение и учительствование, свою историю – первый подарок и долг родному краю. А Киев? Прожил здесь вдвое короче воронежских лет, но как много доброго устроилось в эти лета. Митрополит Киевский и Галицкий, он, помимо прямого служения, основал в Киеве историческое общество и религиозно-нравственный журнал «Воскресное чтение», отреставрировал Киево-Печерскую лавру, успешно осуществлял археологические раскопки – нашел, вызвал из тьмы столетий, из небытия Золотые ворота и Десятинную церковь.

Дон и Днепр, Киев и Воронеж – они вовсе не далеки друг от друга, когда их роднят, сближают достойные люди.

В Киеве хранится рукописный болховитиновский фонд, где есть – прозаические и поэтические – строки о Воронеже.

Остаётся надеяться, что труды Болховитинова будут изданы во всей полноте и что на воронежской родине его будут улица Болховитиновская и памятник великому земляку.

Евфимий Болховитинов

ИСТОРИЧЕСКОЕ СВЕДЕНИЕ О ГОРОДЕ ВОРОНЕЖЕ

Воронеж, губернский город в Великой России, по новейшему разделению сей империи находящийся в средней полосе оной, лежит под 56 градусом 55 минут и 15 секунд общей географической долготы, или, считая от Парижского меридиана, под 37 градусом и 45 секунд, а широты северной под 51 градусом 40 минут и 30 секунд. Расстоянием по почтовым дорогам от Санктпетербурга на 1243, а от Москвы на 515 верст к югу; от окружающих же его губернских городов: Танбова на 200, Рязани на 715 чрез Москву, а прямо на 390, Тулы на 315, Орла на 344, а по кратчайшему пути на 240, Курска на 240, а по кратчайшему пути на 200,

Харькова на 316, Черкаска на 674, Саратова на 628 верст. Местное положение города Воронежа есть по течению реки Воронежа на правой, гористой, оной стороне, издревле называемой Крымскою, так как противоположная луговая и полевая сторона называется Ногайскою. Причиною сим названиям есть то, что на одной стороне бегала наипаче орда крымских татар, а на другой ногайских. Ибо сии орды разграничивались рекою Доном. Есть в России еще два соименные Воронежу местечка, из коих первый Воронеж находится в бывшей Новгород-Северской, а ныне в Черниговской губернии и был местечком сотенным Нежинского полку, отстоянием от Каропети на 24 версты, но собственнее называется Воронеж. Там наш Воронеж называют для отличия от своего селения Великия Воронежем. Другой Воронеж, или правильнее Воронечь, есть местечке Псковской губернии при реке Сороти, от Пскова 60 верст.

Название города Воронежа произошло от протекающей с северо-востока к югу под ним реки Воронежа, упоминаемой и в древней российской истории иногда под нынешним именем Воронежа, иногда Вороны, а иногда еще с проименованием Большой Вороны для отличия другой, меньшей, реки, называющейся также Воронежем и Вороною, протекающей в Танбовской губернии в Ченбарской округе и впадающей в реку Хопер. Да и самая река Большой Воронеж по разности своих мест течения имеет в истории три названия: 1) Лесной, 2) Польной, или в поле, и 3) Луговой. Лесной называется при источниках своих, выходящих из лесов на границе Рязанской губернии с Танбовскою; и на сем-то Воронеже лежит Танбовский уездный город Козлов. Ниже его впадает в него еще речка, которую некоторые называют собственно Воронежем Польным, или в поле, и с тех пор все течение реки называется Польным, по причине древнего названия Подем всех мест, за Рязанскою Украиною лежащих. От сего-то после прозывались по Воронежу лежащие и города в поле, как напр[имер], Романов в поле и проч[ее]. Самый Воронеж в некоторых грамотах именован в числе городов в поле. Третий Воронеж, к городу Воронежу уже подтекающий, прозван Луговым, потому что река здесь окружена луговыми низкими местами, болотами и многими проливами, обросшими кустарником и тростником. К городу Воронежу под самую гору с восточной стороны прилегает большое настоящее стремя реки и, проходя под всем почти городом, при конце оного отклоняется на левую сторону к юго-востоку излучинами. Однако ж и сие отклонение сделалось только в конце прошедшего столетия. Ибо дотоле река все еще шла под самыми Чижевскими горами; чему следы и донныне видны в оставшихся там под горою логовищах стремени реки, ныне стоящих в виде заливов и время от времени в полуую воду заносимых. Река сия, судя по быстрому течению и обилию ее разливающихся в разные по лугу протоки вод, была бы довольно глубока и широка, если бы везде протекала одинаким стремлением; и потому-то блаженной памяти государь Петр I основал было здесь

корабельную верфь для Азовского флота, о чем ниже пространнее говорено будет, но разделение сей реки на многие проливы ослабило ее течение, и самое стремя время от времени обмелело, так что сколько ни старался великий государь помочь сему недостатку сделанным верстах в пяти ниже города около 1700 года шлюзом и прочищиванием фарватера посредством машин, но все было не довольно. Чрез пятнадцать верст отстояния от города Воронежа река сия впадает в великую реку Дон, и тем весьма способна к коммерческому судоходству. Разлив полый весенней воды ее бывает по лугам обыкновенно более версты. По сливании вод мало-помалу открываются многочисленные острова, украшенные свежеею зеленью и опушенные мелким кустарником, что все представляет сверху градских утесистых гор, нарочито высоких, прекрасную весеннюю картину.

Город Воронеж есть из числа древнейших российских городов; ибо он в летописях российских упоминается существовавшим еще в 1177 году от Рождества Христова. Но кем и с коих точно пор он основан, на то нет никаких исторических известий. Г. Татищев по предубеждению своему о том, что Тмутаракань была в Рязани, и что потому тмутараканский князь Святослав, или по иным Мстислав Владимирович, в 1022 году знаменитое сражение с печенегами, решенное поединком и убиением печенежского богатыря Редеди, имел в Рязанской Украине, предполагает, что либо сам Святослав, княживший до 1034 года, либо племянник его Ярослав, князь тмутараканский, княживший по 1054 год, построил город Воронеж. Но сие мнение, яко основанное на предположении Тмутаракани в Рязанском княжестве, столько ж вероятно, как и само предположение. Итак, если в недостатке ясных свидетельств позволительно в истории иметь убеждение сколько возможно к справедливейшим догадкам, то и в исследовании о начале города Воронежа ничего более не остается, как только поискать по историям и запискам правдоподобнейших поводов к таковым догадкам.

С 1676 года начинается новая эпоха города Воронежа. Ибо поелику вышеупомянутая старая городская крепость от древности оказалась по описи очень ветхою, а притом еще и великое число обывательских домов в бывший [в] 1672 году великий в Воронеже пожар выгорело; то по указу государя царя Феодора Алексеевича, вступившего в сем году января 30 на родительский престол, повелено было на том же месте построить новую и обширнейшую пред прежним крепость или город со стенами. Сей новопостроенный город описан в том же в 1676 году в Строенной книге, хранящейся в Воронежском архиве старых дел, следующим образом:

«Стены города четыре, неравные между собою, срублены из дубового лесу с терасами, в четыре угла, в замок и в черту; поперек тех стен сажень с четвертью, а вышина с об ламы двух сажень с полу аршином; а в стене городской нижний, средний и верхний бой; а те городские стены покры-

ты дубовым тесом; по верх кровли катки в два ряда; по городу кругом с проезжими воротами пять башен четверугольные, да глухих двенадцать, которые все крыты тесом. Башни с проезжими воротами мерою все четырех, а в вышину девяти сажен; на них на каждой караульные вышки и у каждой рогатки. Башен с проезжими воротами в городской стене в московскую сторону две. Московская да Пятницкая башня, или ворота. В стене к Девичью монастырю ни одной проезжей башни. В затинной стене башня, называемая Затинных ворот. В четвертой стене Ильинская да Никольская проезжие башни. Глухие башни мерою трех, а вышины семь сажен, и в каждой из них по два моста; а городовые стены всего по мере и с башнями 801 сажен; да около города с трех сторон ров, а глубина трех сажен. Во рву частник да подле рву частокол; а с четвертой стороны города река Воронеж. Да из малого городка тайник, мерою в длину семьдесят сажен, в вышину сажень с четвертью; а по конец того тайника колодезь на родниках, а в колодезе сруб дубовый в длину трех сажен, поперек тож. Около посадов и на татарских перелазях построены надолбы в два ряда, а в иных местах в три ряда, и терасы насыпаны землею. В опасном караульном городке в башне стоят на карауле воронежцы, дети боярские и атаманы, переменяясь по две недели по десяти человек. В Хренове поляне на татарских перелазях на карауле стоят воронежцы, дети боярские и поместные атаманы, переменяясь по две недели по десяти человек. В деревне Шилове у реки Воронежа на стороже стоят дети боярские и той деревни козаки, переменяясь по две недели по шести человек. На Кокшанове Яру на стороже стоят воронежцы, дети боярские и атаманы, переменяясь по две недели по пяти человек. Сверх того построены караульные городки и башни верстах в трех, и в пяти, и в семи, и в десяти от города».

Он тогда стоял ниже нынешней Вознесенской церкви на полугоре к реке Воронежу, о чем после говорено будет.

Очень вероятно, что сей колодезь был на самом месте лужи, донныне называемой в народе Чечорою, коей холодный и родниковый краж доказывается и тем, что в редкое жаркое лето она пересыхает.

Таково было состояние города Воронежа с 1676 года.

Гораздо знаменитейшая эпоха города сего начинается со времени царствования государя, преобразителя России, Петра I. Ибо он отличил сей город основанием в нем многих государственных заведений, а особливо для флота. Здесь, думаю, приятно будет согражданам исчислить все известные деяния сего великого монарха в Воронеже. А притом и по оным одним достоин любопытства россиян и достопамятен будет город наш.

Сей мудрый и деятельнейший государь, приехавши на Воронеж в 1694 году и усмотрев, что река Воронеж по причине близкого своего втечения в Дон, впадающий в Азовское море, способна к судоходству и что много было притом около Воронежа годных для кораблестроения лесов, взял

случай к прожектору, сообразному давним уже видам своим на завоевание Азова и всего Крима; и на тот конец решился завести в Воронеже корабельную верфь для Азовского моря. А как во всех своих предприятиях государь сей был скор и нетерпелив, то в том же году прислал он на Воронеж корабельных мастеров и плотников с потребными наставлениями и повелениями. Для верфи же избрал он место на одном ближнем острове реки Воронежа, отделенном от городской стороны небольшим в правую сторону от стремени протоком, по которому некогда и вся река шла, а после отклонилась. Но поелику сей остров в натуральном своем положении мог быть занимаем полою водою, то государь повелел сделать на нем сряду две квадратной фигуры насыпи, одну вышиною от ватерпаса острова аршин на 8, а другую аршина на 4. На первой построил он небольшую деревянную цитадель, в коей помещено было и Адмиралтейство, а на нижней насыпи основал верфь. А поелику место сие не очень пространно, то после строивались суда и вдоль по берегу реки около Успенской и Богословской церкви, где были поделаны также корабельные подмости.

Между тем, когда государь, заключив с цезарем Леопольдом противу турок союз, в 1695 году предприял поход под Азов, то суда в Воронеже со всевозможною поспешностию были строимы. Потому что государь ежедневно из-под Азова писал на Воронеж о поспешении строением кораблей. Наконец, приехав сам сюда в 1696 году в конце марта по почте, имел удовольствие мая 3 сам спустить из Воронежа в Дон флот свой, состоявший тогда из 2 военных кораблей, 23 галер, 2 галеасов и четырех брандеров, и с посаженными на них 4000 войск доплыл до Черкаска в том же мае. Сей поход был весьма благоуспешен. Ибо новая воронежская флотилия разбила турецкие галеры и споспешествовала взятию Азова.

После сей победы и завоевания государь в 1697 году отправился путешествовать в чужие края. Но в самом своем путешествии, занимаясь мыслями о Воронеже, всегда писал в сей город к адмиралу Апраксину, то чтобы оставшийся от кораблей лес приказал он прибрать на дела нового манера бригантин; то об отпуске с Воронежа провианту в Азов; то чтобы корабли в Воронеже лучше покрепить; то чтобы, по причине угрожающего нашествия некрасовских козаков на Воронеж, слегка выконопатил бы он все корабли и спустил бы в Тавров близ устья реки Воронежа для лучшего обережения; то чтобы прибавить на Воронеже солдат и проч., а притом почти ежедневно отправлял сюда из чужих краев свои наставления и повеления, до постройки судов касающиеся, и присылал притом иностранных мастеров, матросов и офицеров.

В 1699 году осенью приехал государь опять на Воронеж с вице-адмиралом Крейцом, саксонским генерал-майором [Карловичем], вахтмейстером и бригадиром Вейде и тут с удовольствием увидел успехи в вооружении флота. Тогда заложил он своими руками еще военный корабль, в

звании корабельного мастера Петра Михайлова; а потом 29 ноября поехал в Белгород, а оттуда в Азов; и у Таганрога делали при нем морскую экзерцицию новопостроенные в Воронеже 10 кораблей и 2 галеры. После сего он опять возвратился в Воронеж. Здесь ревностный монарх провел уже всю зиму до совершенного вскрытия весны, между тем упражнялся сам в трудах кораблестроения и преподавал каждому наставление словами и руками, а притом обучал экзерциции прибывших сюда 6000 рекрутов. Здесь также при нем сочинено 17 ландкарт, представляющих течение реки Дона от Воронежа до самого ее устья и канал между Доном и Волгою или речками Камышенкою и Иловлюю, прожектированный еще в 1696 году в Воронеже.

В сие время государь усмотрел, что фарватер реки Воронежа не очень способен для спуска кораблей по причине заносов и обмеления реки Воронежа; и потому с самых сих пор пребывания своего в Воронеже, по многократным рассуждениям с адмиралом Апраксиным и с мастерами, он вознамерился перевести верфь из города близ устья реки Воронежа к речке Тавровке. Однако ж поелику он в следующем, 1700, году отвлечен был начатою с Карлом XII, шведским королем, войною, то предписал указом адмиралу Апраксину на Воронеже с прочими чинами сделать о сем еще рассуждение и представление на бумаге. Вследствие представленного сего рассуждения монарх и повелел переводить верфь в Тавров на усмотренное им удобнейшее к тому место.

В 1703 году в феврале государь прибыл опять на Воронеж и по приезде занялся корабельными работами и шлюзами, сделанными для починки повреждающихся кораблей, а притом в заложенную уже по указу его крепость Тавровскую перенес остальное корабельное строение и наконец к весне поехал для осмотра канала, начавшегося копанием для соединения реки Дона с Окою.

После того государь паки возвратился в Воронеж уже к декабрю, по причине полученного донесения о кончине воронежского епископа Митрофана, которого монарх сей крайне любил и уважал за патриотические и благовременные от него пособия в государственных иждивениях на корабельные строения, так что он пожаловал даже епископа сего еще при жизни похвальною за то грамотою. Церемония погребения назначена была декабря четвертого, на которую прибыл сам государь со всеми в Воронеже при нем бывшими чиновниками. Здесь государь показал редкий и почти бесподобный пример своей чувствительности и уважения добродетелей, пример, о котором все потомство будет читать не без благоговейного к памяти сего монарха удивления и сердцеумиления. Ибо когда по совершении погребения надлежало подъять гроб и нести до усыпальницы, то государь, приступив к гробнице с чиновниками, подъял оную на свои рамена и нес до означенного места в приделе соборной церкви, где приготовлена была могила. По скончании всего обряда государь ска-

зал пред всеми вслух и иноземцам: не осталось у меня такого святого старца. Все сие именно записано под оригинальным духовным завещанием покойного Преосвященного Митрофана, хранящимся донныне в Патриаршей библиотеке в Москве. Г. Голиков сверх сего анекдота повествует еще и сказанные государем слова пред подъятием гроба: «стыдно нам будет, – сказал монарх, оборотясь к пришедшим с ним чиновникам, – если мы не засвидетельствуем нашей благодарности благодетельному сему пастырю отданием ему последней чести. Итак, вынесем тело его сами». При слове сем монарх де принялся первый за гроб его; а по отпетии погребальной панихиды его величество паки с вельможами и офицерами своими поднял гроб и опустил оный в землю.

Во время сего приезда в том же декабре месяце государь дал указ капитану-командору Юсту построить шесть военных кораблей осьмидесятипушечных и расписал из оных по данному тогда же чертежу два корабля строить корабельному мастеру Наю в новопостроенном городе Таврове, а четыре корабля строить там же мастеру Козенцу. С тех пор до самого 1709 года государь за разными войнами и делами в северной части России не навещал Воронежа; однако ж всегда вел переписку с адмиралом Апраксиным и другими о строении судов, посылая притом собственные чертежи для оных с разными наставлениями и приказаниями по другим делам.

(Из книги «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», Воронеж, 1800)

ПОЭТ-ДЕКАБРИСТ КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

Дон, откосы берега, заречный лес на глазах темнеют, западные холмы скрывают малиновый диск, вечер тих, – хорошо думается. Кондратий Федорович Рылеев (1795 – 1826) с улыбкой припоминает, что он писал матери в первые месяцы жизни на острогожской земле: «Время проводим весьма приятно... ездим по горам – и любимся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата, под вечер бродим по берегу Дона...»

Сколько здесь передумано, сколько замыслов выношено, сколько переговорено с друзьями – Косовским, Миллером, Бедрогою. Всё об одном: как России стать свободной? Свободной? При несвободном мире?

И, думая о её будущем, он искал поддержки в её прошлом. Киевская Русь, Владимиро-Суздальская, Московская... Храбрый Святослав, чей ратный путь пролёг от Днепра до Волги на восток, от Днепра к Дунаю – на запад. Святополк Окаянный, поднявший руку на братьев своих; Курбский, не ужившийся с Иваном Грозным, гордый князь, о ком Карамзин скажет: «...горе Гражданину, который за тирана мстит Отечеству»; Михаил Тверской, Дмитрий Донской, Ермак, Иван Сусанин, Волынский, Наталья Долгорукова, Державин – какие образы, какое поле для нравственных и гражданственных сопоставлений!

...Новгородское вече, Куликово поле, Полтавская битва! Он твёрдо знает, что обо всём этом напишет в своих «Думах».

Из близкого Белогорья ни звука не

доносилось, и были уже потушены свечи и лучины. Покой объял всё окрест. Но нет покоя в душе.

И вдруг у поэта нечаянно и тихо вырвалось вслух, словно опережая саму мысль, – нечаянно и неожиданно: «Равно ужасны для людей и мятежи, и самовластье». Словно это был первый, робкий, помимо своей воли протест против безоглядных воспеваний свободы, вольности, антигосударственности.

Рылеев, тяжело задумавшийся, стоял в глубокой тьме: последний свет заката погас, и запад был так же непроницаемо тёмным, как и восток.

Молчала, не тревожимая человеческими голосами, июльская ночь 1821 года.

Впереди ещё было больше тысячи дней и ночей до того часа, как его выведут на кронверк Петропавловской крепости.

И ещё впереди каре обречённых на Сенатской площади, короткий декабрьский день странной русской свободы, арест, унижительные допросы, чувство великой вины перед товарищами, перед женою и дочерью, его колебание и окончательные слова, которыми он хотел оградить и спасти близких по духу и чести: «Признаюсь чистосердечно, что я сам себя почитаю главнейшим виновником происшествия 14 декабря... Словом, если нужна казнь для блага России, то я один её заслуживаю и давно молю Создателя, чтобы всё кончилось на мне...»

В незадолгих перед казнью строках чувствуется освобождение от душевного беспокойства, тоски, смуты и духов-

Кондратий Рылеев

ного разлада, ибо вера в Христа как Спасителя становится главным содержанием души.

О милый друг, как внятн голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок;
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привёл в порядок.
Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше...

Рылеев о своих стихах считает необходимым выразиться с прямоотой, не требующей дополнительных разъяснений:

Ты не увидишь в них искусства;
Зато найдешь живые чувства, —
Я не Поэт, а Гражданин.

Конечно, формула эта — я не поэт, а гражданин — прежде всего полемическая. Рылеев и его друзья много размышляли об искусстве как таковом, но оно представлялось им праздным, ежели за ними не стояло общественное благо.

Отсюда — характер рылеевских Дум. Содержательно-событийной основой уходя к разным векам отечественной истории, думы обращены к современникам, взывают к их гражданской совести и чуткости — посредством примера и устыжения. Герои дум, как и

позже поэм, предстают чаще всего на переломе судьбы, в час выбора, обычно в трагедийной ситуации.

Поэт, конечно, отдавал себе отчет в том, что событийный материал, использованный в его Думах, образованный читатель мог найти в летописях, старинных хрониках. Но сила пафоса, самый насущный современный взгляд, гражданская забота — летопись, естественно, этого дать не могла. Одновременно есть стремление представить желаемое как бывшее в действительности, отсюда в Думах не столько живые исторические лица, сколько имена, фигуры, близнецы, неизменно, от века к веку, повторяющие одни и те же, пусть самые прекрасные, слова о вольности, народном благе, любви к Отчизне. Пушкин к большинству рылеевских Дум был строг. Автору писал: «Все они на один покрой. Составлены из общих мест... Национального, русского нет в них ничего, кроме имён»; позже замечает в письме к Жуковскому: «Думы Рылеева и целят, а всё невпопад».

Разумеется, здесь сказались и особенности замысла, точнее сказать, метода. Герои, да, схожи, пусть даже однообразны — но в своей исключительной стойкости, любви к Отечеству, ненависти к тирану; они произносят гражданские проповеди, пусть и схожие, — но о высоком, патриотическом. В этом, по рылеевскому убеждению, заключалось воспитательное, «учительное» значение Дум.

Естественное продолжение дум — рылеевские поэмы. И здесь главная мысль, главные слова — о свободе, любви к родине. И звучат они из уст Наливайко, Войнаровского, может быть, более органично, нежели в думах. Это и увидел прежде других Пушкин, шутливо оценивший строки о предсмертном часе Мазепы из поэмы «Войнаровский» следующим образом: «Продай мне этот стих!» (Особый разговор, что Пушкин своей «Полтавой» неотразимо — художественно и исторически — переспорил и поборол «Войнаровского»).

У Рылеева было большое лирическое

кое дарование, и сложишься иначе судьба, он бы многое смог совершить на этом поприще.

В угрюмом каменном мешке Петропавловской крепости пережил он ещё одну жизнь, чем только не мучаясь, каких чувств не испытывая: раскаяния, горечи, тоски, боли, смирения, вины, желания оградить друзей от расправы и лишь себя не пожалеть, тревоги за семью, спокойствия, света, веры... В письмах к жене – об одежде, о счетах, векселях, о продаже имения, обо всем, что заботит человека, оставляющего хрупкую женщину с ребёнком на руках одну во враждебном житейском

море; ещё: «пришли все 11 томов карамзинской истории», – отводил душу чтением, мыслил, жил, чувствуя, что жить осталось недолго.

Создатель, Творец, Провидение – десятки раз исторгнутся эти слова в письмах Рылеева к жене, и они меньше всего слова, но – душевное его состояние, то мучительное, то умиротворённое. Среди главного – ещё и боль за друзей, горечь от того, что они страдают, когда-то (как недавно, как давно это было) воодушевлённые им на погибельное дело. Последние, предсмертные слова Рылеева словно звучат ныне: «Простите, друзья, простите!»

Кондратий Рылеев

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОСТРОГОЖСКЕ

Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогжск. Тогда приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака, вместе с Шереметевым, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цепи щит с такими ж украшениями. В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасься в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честью отпустил в Украину.

В пышном гетманском уборе
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

«Виден промысла святого
Над тобою дивный щит! –
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит. –
Оглася победой славной
Моря Черного берега,
Ты смирил, монарх державный,
Непокорного врага.

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей велик.

Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам
И губительною мезтью
Пролететь по их полкам.

Уснежилса черный волос,
И булат дрожит в руке:
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в козаке.
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне – бой кровавый;
Мне музыка – стук мечей!»

Кончил – и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинный,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепый
Клясться в искренности смел?

Там, где волны Острогочи
В Сосну Тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;
Где с отвагой молодецкой
Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой
Добрых граждан возмущал;

Где, плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичный
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенный
Острогожеских козаков.

АЛЕКСАНДР НИКИТЕНКО – АКАДЕМИК ИЗ ДЕРЕВНИ

Когда случается бывать в селе, деревне ли, давших стране и миру большого человека, вместе с чувством благодарности нередко является и некоторое удивление: село как село, ничего, казалось бы, такого, что дало бы счастливый первотолчок таланту, – не бьют у околицы три дюжины родников, нет ни живописного, с островками, озера, ни былинного холма-шлема, ни иных «красот». Но какая-то тайная сила земли чувствуется. Удеревка – село именно из таких.

Здесь, в Удеревке Бирюченского уезда Воронежской губернии (ныне Белгородской области), родился Александр Никитенко (1804-1877), прославившийся тем, что из крепостных теснин вышел в академики. Детство он провел в недалекой от Удеревки слободе Алексеевка, некоторое время жил в Писаревке Богучарского уезда. Начальное образование сыну дал отец – писарь волостного правления, человек небесталаный, начитанный, знавший даже французский, но несвободный: крепостной графа Шереметева. Отец мечтал, чтобы сын стал свободным. Впечатлительный, самолюбивый юноша, не имея преимуществ, даваемых происхождением, остро чувствовал и переживал свое нераскрепощенное состояние. В шестнадцать лет он даже подумывал о самоубийстве. Позже написал соответственное сочинение «Голос самоубийцы в день Страшного суда», но вскоре его сжег.

Цепь счастливых обстоятельств в жизни Никитенко-младшего сложилась так, что ему удалось сполна раскрыть свои дарования. После того, как

он в 1816 году закончил Воронежское уездное училище и далее, поскольку крепостной, не мог обучаться в гимназии, ему, – это в четырнадцать-то лет! – предложено было давать уроки. Влиятельные люди в Воронеже и Острогожске приглашают его домашним учителем, и здесь он, что называется, погружается в недра хороших частных библиотек. В Острогожске, куда переехала семья Никитенко, молодого крепостного ждет еще один подарок судьбы: здесь он знакомится с офицером и поэтом Рылеевым, вскоре испытывает «чарующее воздействие его гуманности и доброты». Поэт начинает хлопотать за талантливого юношу, и в 1824 году граф Шереметев разрешает переехать Никитенко в Петербург, где он поселяется в доме рылеевского друга-декабриста князя Оболенского и становится воспитателем его младшего брата.

При поддержке революционно настроенного Рылеева и консерватора Голицына, министра народного просвещения и духовных дел и председателя Библейского общества, Никитенко получает от Шереметева «вольную». Тот же Голицын, приметивший речь молодого мыслителя против «дерзких систем» и «мрачного ума софистов XVIII века» в бытность Никитенко секретарем Острогожского Библейского общества, помогает ему определиться в Петербургский университет – сначала вольнослушателем, а затем студентом философско-юридического факультета. По окончании университета в 1828 году начинается успешное «ученое» восхождение Никитенко. С 1832 года он адъюнкт-профессор, через два года – экст-

Александр Никитенко

ординарный профессор, защищает докторскую диссертацию «О творческой силе поэзии, или о поэтическом гении».

В 1855 году его избирают в действительные члены Академии наук.

Был деятельный общественник, член Русского Географического общества, Славянского комитета, общества любителей христианского просвещения, общества посещения больных и т.д. Был присяжным заседателем Петербургского окружного суда. Способствовал выходу сборника «Складчина» (СПб, 1874) – в помощь голодающим. Одно время редактировал «Современник».

Главная сфера деятельности – педагогическая. Никитенко преподавал более тридцати лет (в основном литературный курс) в Петербургском университете, в Екатерининском и Смольном институтах благородных девиц – «лирическая эпоха» его жизни, и даже служил как преподаватель в Институте корпуса путей сообщения.

Значительная веха его жизни – деятельность в сфере цензуры. Пятнадцать лет он возглавлял Петербургский цензурный комитет, был цензором выдающихся произведений отечественной классики, исповедуя принцип, чтобы в художественном сочинении присутствовали правда и идеал. Тютчев, Гончаров, Вяземский служили в цензуре при нем, по его рекомендации.

У Никитенко научные, публицистические труды по экономике, истории, литературе, и они имеют свое значение. Но наиболее весом и знаменит его «Дневник», в котором запечатлена почти полувековая картина отечественной жизни – общественной и литературной...

У Никитенко было трое детей, и, по счастью, дочь Софья много сделала для подготовки и издания отцовских воспоминаний – удивительного мемуарного документа эпохи.

Александр Никитенко

МОЕ ВОРОНЕЖСКОЕ СИДЕНИЕ

В Воронеже я явился на старую квартиру, без денег, с письмом от отца, который просил хозяина принять меня и обещался в непродолжительном времени выплатить ему все, что будет стоить мое содержание. Калина Давидович Клецарев было нахмурился, но, добрый и доверчивый, согласился пока отвести мне угол для кровати и сажать меня за свой стол.

Определение мое в гимназию, как и следовало ожидать, не состоялось. Робость удерживала меня от посещения директора просителем, да еще в таком платье, в котором, по пословице, всегда дурно принимают. Обычай требовал также, чтобы к директору явиться не с пустыми руками, а чем мог я их наполнить? Итак, я день ото дня откладывал мое посещение к нему. А тут еще узнал стороной, что кто-то из моих доброжелателей уже делал, помимо меня, попытку у директора и потерпел неудачу. Я окончательно упал духом.

С тоскою смотрел я на мальчиков, моих прежних товарищей, теперь гимназистов, гордо шествующих в гимназию, с новенькими книжками под мышкой. Они казались мне до того выисканными судьбой, что принимали в моих глазах размеры высших существ, а небольшой желтый дом на Дворянской улице, где помещалась гимназия, представлялся мне дворцом с плотно закрытыми для меня одного дверями.

Я сидел дома, в углу, перебирал школьные тетрадки и по-прежнему с жадностью читал все печатное, что мог добыть. В книгах у меня не было недостатка. Меня ими снабжал новый друг, который у меня здесь завелся. Это был зять моего хозяина, учитель музыки, Михаил Григорьевич Ахтырский. Маленький, тощенький, с желтым лицом человек, он бурно провел молодость, но, женившись, остепенился. Его невзрачная фигура давала превратное понятие об его уме и образовании: и то, и другое было у него недюжинное. Кроме того, он пользовался в Воронеже репутацией отличного учителя музыки, и сам хорошо играл на скрипке и на фортепиано.

Обладатель нескольких сундуков с книгами, он имел особенно притягательную для меня силу – тем более, что заинтересованный моей любознательностью, предоставлял мне беспрепятственно рыться в них. Вообще он принимал большое во мне участие и, по мере сил и возможности, помогал коротать время выжидания каких-то фантастических перемен в моей доле. Часто заглядывал он в мой угол, садился на кровать и, покуривая трубку, с которой никогда не расставался, подолгу разговаривал со мной.

Жена его, дочь Клещарева, Наталья Калинишна, тоже с довольно обыкновенной наружностью, соединяла ум и пристрастие к книгам. Она много перечитала их – преимущественно романов – и, вероятно, этому чтению была обязана своего рода утонченностью и развитием. Довольно сказать, что она сумела привязать к себе, сильно и прочно, человека с неутомимым характером – Ахтырского, на которого до конца имела благотворное влияние.

Почти всегда серьезная, она держалась в стороне и даже несколько брезгливо от женщин своего круга, предпочитая всем общество мужа. Другую могла бы сбить с толку масса прочитанных романов; но она безнаказанно вкусила их отравы: новое доказательство того, что главная роль в нашем нравственном и умственном развитии принадлежит той закваске, какую в нас закладывает природа. Влияние внешних условий – второстепенное и в подчинении у наших природных способностей и влечений.

Проходили дни, недели, месяцы: мое положение не изменялось. Я все оставался брошенным на произвол самому себе и случаю, от отца уже давно не получалось писем. Я знал только, что он из Данцевки, и вообще из Богучарского уезда, переселился в Острогожск. Хозяин, видимо, затруднялся дольше держать меня без платы. Одежда моя изнасилась, сапоги отказывались служить. Приходилось окончательно расстаться со сладкой мечтой о гимназии и ехать домой.

Но как проехать около ста верст зимой, без денег, без обуви и без шубы? Меня выручил Ахтырский. Достал он мне старенький овечий тулупчик, валенки, круглую меховую шапочку и подарил пять с полтиною денег. Я за то оставил ему в распоряжение мою постель.

Вооруженный таким образом, я мог уже смело собираться в путь. Оставалось приискать возницу, но и тот скоро нашелся. В Острогожск ехал крестьянин, который за два рубля с полтиною согласился и меня туда свезти...

ПОЭТ И ФИЛОСОФ ДМИТРИЙ ВЕНЕВИТИНОВ

Многое ли знаем о Дмитрие Веневитинове (1805 – 1827), о его короткой жизни, о жизни его духа? Потомок старинного и богатого рода, художник, музыкант, поэт-мыслитель... прекрасное домашнее образование в Москве, служба в Архиве древних рукописей, общество любомудров – все это известное. Некоторые романтические страницы его жизни, ставшие как бы легендарными, и вовсе на слуху у каждого, мало-мальски причастного к литературному, художественному миру. О перстне Веневитинова, о сильной, безответной любви поэта к Зинаиде Волконской мне, например, рассказывала (с милыми неточностями и преувеличениями) молодая, сопровождающая экскурсии итальянка, – в Риме, вблизи того самого палаццо, где жила оставившая Россию княгиня.

Гораздо сложнее – с постижением духовного, внутреннего мира человека, который, по наблюдению современни-

Дмитрий Веневитинов

ка, «соединял в себе способности поэта-художника с умом философа»; тем более сложнее, что Веневитинов, опять же слогом его современников изъясняясь, – словно бы не в полную силу забивший родник, не до конца расцветший цветок. «Философ жизни в двадцать лет», «чистый гений песнопенья», «звук гармонии небес», – сами по себе эти поэтические характеристики мало что объясняют, здесь достается разве что повторить вопрос нашего Кольцова на веневитиновской могиле: «Какие думы в глубине его души таились, зрели?»

Особого смысла исполнена для нас воронежская – новоживотинновская страница жизни Веневитинова.

Летом 1824-го девятнадцатилетний поэт приезжает из Москвы в село Новоживотинное. Здесь родовое имение Веневитиновых, и он уже бывал здесь в детстве. На этот раз на все смотрит иными – взрослыми – глазами. И оттого ли, что «воспоминания детства носят на себе отпечаток радости и веселья», он с легкой грустью признается: «Я нашел здесь только тень прошлого. Сады превратились в леса яблонь, вишневых и грушевых деревьев всяких сортов, одним словом, природа тут по-прежнему прекрасна, она одна оправдала мои ожидания».

Ничем не нарушаемое спокойствие Дона, прибрежные лозняки, неоглядная ширь окрестных полей с неумолкающими жаворонками, гущина усадебного сада, – все любю и дорогого его душе.

В одном из писем к сестре Софье пишет: «Всякий раз, когда я переправляюсь через Дон, я останавливаюсь на середине моста, чтобы полюбоваться на

эту чудную реку, которую глаз хотел бы провожать до самого устья и которая протекает безо всякого шума, так же мирно, как само счастье».

Через три года поэта не стало. Сырой куб гауптвахты и допросы по делу декабристов, или еще что сказалось, — он умер от скоротечной болезни. Не «повезло» ему и после смерти: в двадцатом веке прах его при массивной реконструкции Москвы был потревожен — перенесён с кладбища Симона монастыря на Новодевичье.

Через сто семьдесят лет после того,

как юный Веневитинов лето провел в Новоживотинном, он снова как бы возвратился в наш край. В большом, много повидавшем усадебном доме открыт музей. Исполдволь словно бы возвращается дух былого веневитиновского присутствия. Хочется думать, что поэт вернулся, раз в его дом приходят люди.

Они понимают, что поэт — из тех редких, о ком его же слова:

Не много истинных пророков
С печатью тайны на челе,
С дарами выпренных уроков,
С глаголом неба на земле.

Дмитрий Веневитинов

МОЯ МОЛИТВА

Души невидимый хранитель!
Услышь моление мое:
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.
Не отдавай души моей
На жертву суетных желаний,
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени;
Да взор холодный их не встретит,
И луч тщеславья не просветит
На незамеченные дни.
Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена
И отжени от сердца радость:
Она — неверная жена.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

Алексей Васильевич Кольцов (1809 – 1842) прожил всего тридцать три года. И написал он – вмещаемое в однотомник. Но вот уже полтора с лишним века его самобытнейшее слово звучит, не убавляясь в своей силе и красоте, естественности и выразительности.

Более восьмисот песен и романсов создано на стихи нашего земляка. К кольцовской строке обращались выдающиеся композиторы – ряд поистине в своем роде единственный: Гурилев и Варламов, Глинка и Даргомыжский, Кюи и Балакирев, Мусоргский, Римский-Корсаков, Глазунов, Рахманинов, Моношук... Стихам и письмам Кольцова, которому даже начального городского училища не удалось окончить, душевно радовались люди энциклопедической культуры, европейски образованные Вяземский, Одоевский, Жуковский.

В жизни Алексея Кольцова, скорее, было больше горестного, чем радостного. Упасть на полном скаку с лошади и до конца дней быть оттого сутуловатым. Разлучиться с жившей в отцовском доме девушкой-крепостной, которую полюбил поэт и какую отец в отсутствие сына продал донскому помещику. Обрести врагиню в младшей сестре, которую поэт лелеял и которая измывалась над ним, тяжело, неизлечимо больным.

Было еще и другое, изо дня в день повторявшееся: разлад поэтически вольной души и угрюмо замкнутого быта. Видеть степь во все времена года, ночевать под звездами, слушать старинную песню у ночного костра – семей-

ное прасольское занятие (торговля скотом) все это давало сполна. Но если б только это! А забивать скот, объясняться и вздорить с наемными, вести тяжбы в судебных палатах, подсчитывать барыши и убытки – в коммерческой изнанке прасольства поэтического было мало. Хотя Кольцов при встречах в столицах и похвалялся в шутку своим умением торговать и торговаться, негоциантский промысел не проходил бесследно. Копейка убивает в поэте поэта. «Чистая аксиома: где торговля, там и подлость».

Тут в самый раз вспомнить, что и родной «матерьяльный» город, – что худой отчим страждущему сыну-пасынку. В письмах Кольцова Белинскому, северным друзьям чувствуются тоска и отчаяние: «В Воронеже мне не сдобровать. Давно живу я в нем и гляжу вон, как зверь. Тесен мой круг, грязен мой мир: горько жить мне в нем...»

И если продолжить прискорбное,

Алексей Кольцов

тягостное (и действительно бывшее, и позже мифотворимое), придется вспомнить и про отца, которому недосуг было найти несколько червонцев на лекарства сыну, и про нерадостный финал отношений с любимой им купеческой вдовой Лебедевой-Огарковой, и про «забывчивость» местных газет, не давших даже нескольких некрологических строк по смерти поэта, и про кольцовские бумаги, пошедшие на базарные нужды – на завертку селедки...

Но выпадали же и светлые дни! Были в родном краю Серебрянский, Станкевич, помогший в издании первой кольцовской книги, Кашкин, Бе-

гичев, и как знать, как бы образовалась творческая судьба поэта, не окажись их рядом в нужный час?! Была встреча Кольцова с Жуковским в доме предводителя Воронежского губернского собрания – она дала поэту в глазах местного общества «большой вес». Да и того же отца вспомнить, – никто не знает, сколько раз приходил он на Всевятское кладбище – «подолгу сидел или стоял в глубоком раздумье у могилы сына – и нередко горько плакал».

Нет, не объяснить внутреннюю драму Творца лишь противостоянием среды и личности. У людей высокого творчества свои неисповедимые пути – и прижизненные, и посмертные.

Алексей Кольцов

НОЧЛЕГ ЧУМАКОВ

Вблизи дороги столбовой
Ночует табор кочевой
Сынов Украины привольной.
В степи и пасмурно и темно:
Ни звезд блестящих, ни луны
На небе нет; и тишины
Ночной ничто не нарушает;
Порой проезжий лишь играет,
И колокольчик почтовой,
Звеня над тройкой удалой,
На миг молчанье прерывает.
Между возов огонь горит;
На тагане котел висит;
Чумак раздетый, бородатый,
Поджавшись на ногах, сидит
И кашу с салом кипятит.
За табором невдалеке
Волю усталые пасутся;
Они никем не стерегутся.
Беспечно пред огнем в кружке
Хохлы чумазые, седые,
С усами хлопцы молодые,
Простершись на траве, лежат
И вдаль невесело глядят.

Чем чумаков прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они петь песни старины?
Чем ныне так развлечены?
Бывало, часто ночью темной,
Я с ними время разделял
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...
Но вот во тьме игра свирели,
Вот тихо под свирель запели
Они про жизнь своих дедов,
Украины вольные сынов...
И как те песни сердцу милы,
Как выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

КОСАРЬ

Ты прости, село,
Прости, староста,
В края дальние
Пойдет молодец –
Что вниз по Дону
По набережью,
Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек

С ней хотелось...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!..
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошенная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копён,
Намечу стогов;
Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село –
Прямо к старосте:
Не разжалобил
Его бедностью –
Так разжалоблю
Золотой казной! (...)

МУЗА ЕВДОКИИ РОСТОПЧИНОЙ

Мы живём в мире разломанном, суетливом, облегчённо-беспамятном, прошлого настолько непомнящем, что многие имена и события для современных молодых звучат как диковинные незнакомцы. Не знают, кто такой Александр Невский, Дмитрий Донской, Пётр Первый, Суворов, Гагарин. Что же тогда говорить о фигурах, менее значимых в судьбе Отечества, в общественном сознании? О той же поэтессе Ростопчиной? На вопрос, кто такая, десятиклассники пожимают плечами: может быть, актриса? Или певичка? Или фотомодель? «Да как же, – пытаешься расширить историко-литературное поле, – её знали и ценили Пушкин, Вяземский, Жуковский. Ей посвящали стихи Тютчев, Лермонтов, Майков. В её московском доме дружески бывали Гоголь, Одоевский, Лев Толстой...» Выясняется, что и названные имена не на юном слуху. Во всём мире известные, а многим нашим десятиклассникам неизвестные – таков уровень нынешнего образования и просвещения.

А между тем Ростопчина – замечательная поэтесса – не только наша история, но и наша современность. Немало времени она жила в Воронежской губернии, недалеко от Воронежа, в нынешнем посёлке Анна.

Многие её строки социальной, геополитической, православной, космической наполненности – словно бы написаны сегодня, во всяком случае сегодняшней день и мир увидены в них не искажённо точно.

Свобода! Равенство – вот что кричат они, Младой Америки богатые граждане,

Земель украденных владельцы искони,
Республиканцы, пуритане,
Народ торгующий и мыслящий народ,
Благотворения придумавший науку,
Который гибнущим спасающую руку
В воскресный день не подаёт.

Многие строки поэтессы – словно бы неоспоримо точные загляды в нашу современность: о Небе и земле, о вечном и суетном, о столице и провинции, о русской женщине и женщине вообще. Но путь к истинному, глубинному пониманию тернист.

Ростопчина ранняя – это некая фронда, вызов силам природы, отсутствие христианского смирения, столь видимого и ценного в Ростопчиной поздней.

В стихотворении «Чёрная немочь», написанном в воронежском селе Анна в 1835 году, – её родина: «Зимы и бурь страна... «бедный край родной», словно бы в День Гнева соделанный.

Зачем позволено крещенскому морозу
И степи и умы сковать крещенским льдом, –
И с русским именем и русским бытием
Срастись на век веков, другим краям в угрозу?

Но и Тютчев позже пишет про «вечный полус», какой кровью не растопить. Да и рано ушедшему Веневитинову приписывают слова о земле, которая «считает высоту за дерзость». Поэтическая мысль двадцатого века также по-разному будет варьировать это положение скованного природными и политическими морозами Отечества.

Исподволь Ростопчина обретает религиозный, православный взгляд на движение отечественной и мировой

истории и текущей действительности. Взгляд, заявленный уже в раннем стихотворении «Новодевичий монастырь», где в сокровенной духовной обители душа героини смиряется и отвращается от «ложных призраков»; через несколько лет из Анны князю В.Ф. Одоевскому, попечителю младенческих приютов, она адресует поэму, в которой благодарно вспоминает старинные обычаи бабушек – нести к подножию алтарей «трудолюбивых рук дар чистый и невинный». И какой же разрыв во времени и в душах между теми скромными воздаятельницами-дарительницами и современными девицами кощунства, выплясывающими у главного алтаря собора Христа Спасителя! Справедливость сильна внутренними силами, и извращения подобного рода, оскорбляющие религиозные чувства православных, резко осуждаются верующими и других основных конфессий. В стихотворении «Хранитель-крест» поэтесса обращается к главному христианскому символу, которому дано и подкрепить, и вразумить, и защитить человека. Но сегодня нам приходится защищать сам крест (даже в его физическом бытовании – поклонный крест у околиц ещё живых сёл, окраин малых городов), который апостасийные, деструктивные, сектантские группы ломают, сжигают, пытаются вырвать с корнем. Благодарственно-высокие слова рождает у поэтессы и «икона дивная», которой дано в благоденствии хранить дом семейный.

И поныне не утратили своей драматической реальности темы, которыми волновалось сердце поэтессы. Скажем, село – город, скучный край, пустынная близворонежская Анна и первопрестольная Москва. «Зачем же сладкою тревогой сердце бьётся // При имени твоём, пустынное село?». Оказывается, «...много счастливых, восторженных минут, // Сердечной радостью волшебю озарённых, // Прожито там, в степях...». Но вечный зов малой родины, первой прочувствованной, увиденной пяди земли – «В Москву, в Москву!», в надежде, что «на родине родное

Евдокия Ростопчина

встречу я!». Однако... «О, как пуста, О! как мертва // Первопрестольная Москва!.. // Её напрасно украшают, её напрасно наряжают... С домов боярских герб старинный // Пропал, исчез... И с каждым днём // Расчётливым откупщиком // в слепом неведение, невинно // Стираются следы веков... Всё изменилось!.. Просвещение // И подражанье новизне // уж водворили пресыщение // На православной стороне».

В стихотворении «Бал на фрегате» художественно даётся одна из картин (корабль, принимающий танцующую, весёлую молодость), невольно приводящих к трагическому пониманию бытия в двуединстве жизни и смерти: «И здесь, на палубе, где мы танцуем ныне, // Здесь был иль может быть кровопролитный бой».

Во дни Крымской кампании 1855-1856 годов в творчестве Евдокии Ростопчиной углубляются и усиливаются патриотические настроения и мотивы, особенно явственные в стихах: «Сестрам Крестовоздвиженской общины», «Молитва за Святую Русь», «Семейству графов Виельгорских», «Черноморским морякам», «Русскому народу»; в последнем есть строки, хотя и говорящие о прошлом, но вольно-невольно обращённые в будущее, в сегодняшний день, и их пафос в сегодняшнем нашем вос-

приятти не может быть столь победительно-утвердительным: «Вотще хотели чужеземцы //Твой дух и нрав переменить... А Русь всё Русь, – //И Бог над ней! //Последний след стихий мятежных // ты смысл и стёр с своих степей».

Разумеется, всё сложнее. И более частный случай – «Сломанный дом». Может, и более психологически точный: «Да, в нём ничто для взора не блистало, //Но жизнью внутренней мой дух в нём много жил».

Ростопчина, для которой (временами захватывавшее состояние) личная жизнь ощущалась «лишь как горькая ошибка», для которой «ткань» всякой человеческой жизни – «пестрота без смысла и значенья», обретала в себе высокий дар благодарности богоданной жизни благодаря чувству Поэтического и чувству Горнего. Оба начала давали горизонт слитности с миром, кры-

ля бесконечности и вечности. «И есть родство, родство святое //Меж всем тоскующим и мной».

Ростопчинское – «власть мироздания» – это словно словесное проявление времени и духа сегодняшнего. Да и строки поэтессы «И много дум, и много чувств прекрасных //Не имут слов, глагола не найдут» – словно состояние сегодняшнего дня; хотя, разумеется, здесь вспомнишь и исихастов, да и едва не всю русскую поэтическую классику, драматически озабоченную гармонически точным словесным выражением чувства и мысли.

Поэтическое наследие Евдокии Ростопчиной, запечатлевшее события и настроения её эпохи, многими строками обращено в сегодняшний день. И в дни впереди далёкие.

Мой взор с вопросом вдаль глядит,
Мой ум о будущем гадает.

Евдокия Ростопчина

КНЯЗЮ В.Ф. ОДОЕВСКОМУ

*Попечителю младенческих приютов,
посылая ему, в пользу этих заведений, мою поэму*

У наших бабушек обычай был старинный,
Обычай кроткий и святой,
К подножью алтарей нести с своей мольбой
Трудолюбивых рук дар чистый и невинный,
Усердия залог недорогой...
На свечи в Божий храм, на ладан, на елей,
Они работали за плату,
Забыв спесь барскую и родовое золото,
И жертвуя Кресту всей гордостью своей,
Прялася пряжа в теремах,
Белились и мотались нитки,
Пост наступал, – смиренные пожитки
В продажу шли на рынках, на торгах...
И выручив трудовую копейку,
Боярышни, княжны, довольные собой,

Накинув на плечо парчевую шубейку,
Покроются шелковою фатой, –
И в Божий храм пойдут с мольбой...
Как бедная библейская вдовица,
Что лепту принесла добытую в трудах, –
Они с даянием являлися в церквях, –
И улыбалась им Небесная Царица
С своей надзвездной высоты.
Любя дух кротости, смиренья, простоты.
Тот век давно прошел, – но я его преданья
Душою русскою всегда люблю и чту, –
И нынче, тайную осуществив мечту,
Всем сердцем приношу посильное даянье,
Чтоб приютить, согреть младенцев нищету!
Как свечи бабушек, их вечные лампы,
Как их трудовые гроши, –
Для бедных, для сирот пожертвовать я рада
Созданье дум моих, и мысль, и жизнь души!..

КРАСНЫЕ ДНИ

«Радость тихая летит Перелетной пташкой...»

А. Дельвиг

Они так мало продолжались,
Они так скоро протекли!..
Едва начавшись, миновались
Как сон дни красные мои!
К их упоенью, к их сиянью
Лишь только приучалась я, –
Грозы повеяло дыханье.
И отцвела весна моя!..
Для сердца есть пора волнений, –
Я той поры не дожидала...
Есть чаша юных наслаждений, –
Я чаши той не допила!..
Не все мечты, не все желанья
Осуществились и сбылись,
И сердце полно ожиданья,
И смуты в нем не унялись.
Уединенье освежило
Стихию жизни молодой:
Стремленья, мыслей, гордой силы
Во мне кипит родник живой.

Душа изгнанья не выносит,
Тоской по родине больна,
И рвется в даль, и воли просит,
И сожаленьям предана.
О, если б скорби миновались,
И вновь дни красные пришли!..
Они так мало продолжались,
Они так скоро протекли!..

ЧЕРНОМОРСКИМ МОРЯКАМ

*Стихи, прочитанные на обеде 25 февраля 1856 года,
данном московскими дамами защитникам Севастополя*

Ура, защитники России!
Добро пожаловать в Москву!
У ней вы гости дорогие,
Про ваши подвиги святые
Давно уж чтит она молву.

Герои верности и веры, –
Вы, – наши чудо-молодцы, –
Затмили удалью без меры
Всех древних доблестей примеры,
Все бранной славы образцы.

Что Данцих, Сарагосса, Троя,
Пред Севастополем родным?
Нет битв страшней, нет жарче боя...
Дыша в огне, вы гибли стоя
Под славным знаменем своим!

Пред Севастопольской осадой
Что слава всех осад других?
Когда плавучая армада
Таких несметных сил громады
Водили на врагов своих?

Двенадцать раз луна менялась,
Луна всходила в небесах, –
А всё осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
В облитых кровию стенах.

Четыре смены вражьей силы,
Четыре войска там легло, –
И бесполезные могилы
В волнах морских, в степи унылой,
В борьбе безвыходной нашло.

У них, у нас вождей любимых
Косила смерть, недуг сражал.
И много славных, много чтимых
Исчезло там, незаменимых, –
А Севастополь всё стоял!

Но Господу угодно было
Свою Россию испытать:
Не мощь врагов нас победила, –
Не длань их город сокрушила,
Но Бог судил его отдать!

Честь спасена, – а с ней и слава,
И вам та честь принадлежит!
Своею памятью кровавой
Ваш Севастополь величавый
В скрижалях Родины блестит!

Ура, защитники России!
Хлеб-соль вам наша будь в почёт!
От сердца вам слова простые
Мы скажем, гости дорогие:
Да здравствует Российский Флот!

ФИЛОСОФ И ПОЭТ НИКОЛАЙ СТАНКЕВИЧ

Жизнь Николая Станкевича (1813 – 1840), русского мыслителя, поэта, отцовские корни которого произрастают из сербского рода, тесно связана с уездным городком Острогжском Воронежской губернии. А небольшое сельцо Удеревка, Мухоудеревка тож, Острогжского уезда (ныне Алексеевского района Белгородской области) – страна его раннего детства. Здесь он проникся чувством родной природы, полюбил крестьянскую ниву, приобщился к охоте. Однажды маленький семилетний «охотник» даже натворил бед: пыж из детского ружья попал в соломенную крышу родительского дома, и усадьба напрочь сгорела. Но это было, может, единственное серьезное огорчение детских лет. А так – простор, зеленые в лозьях луга, тучные поля и меловые холмы над речкой Тихая Сосна. И много позже, будучи за границей, Станкевич писал Белинскому: «Альпы едва ли так понравятся мне, как меловая гора над рекою весною в сельце Удеревка».

В десять лет Станкевич – ученик Острогжского уездного училища. Позже видим его в Воронежском благородном частном пансионе, где в ту пору учился и будущий историк Костомаров. В 1830 – 1834 годах Станкевич – студент словесного отделения Московского университета.

С отроческих лет уроженец Острогжска пишет стихи. Более того: в семнадцатилетнем возрасте создает и в Москве издает трагедию «Василий Шуйский», обращается к отечественной истории, к образу юного полководца

Михаила Скопина-Шуйского, отравленного своими же родственниками-завистниками. «Литературная газета», редактируемая Дельвигом, доброжелательно откликнулась на историческое сочинение, но сам автор оказался куда более строг к своему детищу: он собрал непроданные экземпляры трагедии и сжег их.

Невысоко ставил он и свои стихи, а между тем в них есть глубина мысли и чувства, есть то, что роднит их со стихами Боратынского и Тютчева. Есть чувство «глагола небес», исторической благодарности, Родины. В раннем стихотворении «Надпись к памятнику Пожарского и Минина» читаем: «Вам лучший памятник – признательность граждан, // Вам монумент – Руси святой существованье».

Но не стихами, не философскими зарисовками, не письмами значим Станкевич в истории отечественной культуры. Сила его – в нем самом: в его нравственной высоте, в его философском поиске, в многообразном обаянии его личности. Еще ничего не создав выдающегося, он обладал даром всех объединять на высоких мыслях и чувствах, побуждал мыслить и мечтать о благе, любить, действовать. Именно потому он возглавил знаменитый философский кружок – блистательную плеяду имен не только русской, но и мировой культуры: Белинского, Аксакова, Бакунина, Тургенева, Грановского, Неверова, Боткина, Бодянского. Уместно также добавить, что именно Станкевич открыл великое дарование Кольцова (они встретились впервые в Уде-

Николай Станкевич

ревке, куда воронежец приезжал по прасольским делам), он же помог в издании первой и единственной прижизненной книги кольцовских стихотворений. Благодарный Кольцов посвятит памяти Станкевича душевно-проникновенные «Поминки».

По окончании университета Станкевич не стал служить ни в Москве, ни в Петербурге, а принял предложение земляков – был выбран почетным смотрителем Острогожского уездного училища. Служба предоставляла свободное время, и он весь в замыслах. Не только изучает труды Шеллинга, Канта, Фихте, Гегеля, Фейербаха, но и надеется написать гимназический курс русской истории, «Историю философии», «Философию русской истории». Но

подкралась чахотка – болезнь, тогда почти неизлечимая. Пятигорские воды не помогают. В то время его захватывает сильное, но недолгое чувство к Любе Бакуниной, сестре в будущем знаменитого идеолога анархизма. Надеюсь поправить здоровье, поглядеть мир европейской культуры и прослушать курс лекций по немецкой философии из уст немцев, он отправляется за границу. Здесь слушает и немецкие лекции в Берлине, и осматривает культурные сокровища Германии, Бельгии, Швейцарии, наконец, Италии. Италия – и последняя надежда на излечение. Но недуг сжигал его. В Италию поспешила приехать, чтобы помочь Станкевичу, родная сестра угасшей от чахотки Любы Бакуниной. Но спасти уже было нельзя. В январе 1840 года, ночью, в городке Нови, меж Генуей и Миланом, Станкевич скончался. Вскоре он был перезахоронен в Удеревке, на фамильном кладбище.

Из-за границы Станкевич писал родным: «...Еще никогда не чувствовал я сильнее, что отечество и семейство есть почва, в которой живет корень нашего бытия; человек без отечества и семейства есть... перекаати-поле, которое не сется без цели и сохнет на пути...»

Ныне на родине мыслителя и поэта есть памятник ему – у самой школы. Благоустроено фамильное кладбище. В Воронеже впервые, в книжной серии «Отчий край», издан наиболее полный сборник произведений Станкевича.

Николай Станкевич

КРЕМЛЬ

Склони чело, России верный сын!
Бессмертный Кремль стоит перед тобою:
Он в бурях возмужал и, рока властелин,
Собрав века над древнею главою,
Возвысился могуч, неколебим,
Как гений славы над Москвою!
О чернь! пади! страшися осквернять
Твою пылью эти стены:

На них горит бессмертия печать,
Они веками освященны!
Здесь гордый ум смирен, окованы мечты,
Но сердце русское исполнено отрады;
Порой устремлены к земле немые взгляды:
Там, в прахе, искрятся великие следы.

ДВА ПУТИ

Я на распутии стоял,
С самим собой в борьбе тяжелой:
То мрачный путь, то путь веселый
На поле жизни мне мелькал.
Манила радость – в отдаленьи
Знакомый образ видел я:
К нему с тоской, к нему в томленьи
Душа просилась моя.
И уступал я... улетали
Сомненья быстрою чредой:
Туда!.. Но, может, путь печали
Скрывает небо за собой!
В раздумьи стал я: блеск обманет,
Любовь коварна, жизнь летит,
Душа от радости устанет,
И рано сердце загрустит.
Забуду ж свет! К безвестной цели
Пойду через тернистый путь!
К гробам! – чтоб страсти омертвели,
Чтоб охладела к миру грудь!
И, заглушивши сердца злобу,
Благословил я мрачный вход:
Что нужды? Жизнь ведет ко гробу –
Быть может, к жизни гроб ведет.
Но что же мне в замену света?
Брожу один в могильной мгле,
Взываю к небу и земле –
Земля и небо без ответа.

ИСТОРИК, ПОЭТ НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ

«Местоположение, где лежала усадьба, в которой я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рекою, текущею возле самой усадьбы, усеянной зелеными островками и поросшей камышами, возвышались живописные меловые горы, испещренные черными и зелеными нивами. И под ними растиался зеленый луг, усеянный весною цветами...» – так пишет историк Николай Костомаров (1817 – 1885) о своей малой родине – слободе Юрасовка Острогожского уезда Воронежской губернии.

Его отец – отставной суворовский воин, участник альпийских походов, питал слабость к рожденному от дворовой крестьянки сыну. «Незаконно-рожденному» вместе с его матерью была предоставлена возможность без утеснения жить на усадьбе. Более того, отец уже собирался усыновить десятилетнего мальчика, как разразилось несчастье. Отец поехал на прогулку и не вернулся. Был убит дворовыми, считавшими себя обиженными барином и давно зарившимися на его шкатулку, которую он всегда возил с собою. Пущенный дворовыми слух, что кони понесли дрожки с крутой горы в луговую трясиину, и барин расшибся насмерть, разоблачен был не сразу.

Сын с матерью на время оказались в положении более худшем, нежели просто дворовые. По счастью, будущему историку и писателю не дано было иссохнуть, как хрупкому растеньицу, в полевой глуши. «Меня отвезли учиться в Воронежский пансион... Пансион находился в то время в доме княгини

Касаткиной, стоявшем на высокой горе на берегу реки Воронеж, прямо против корабельной верфи Петра Великого, его цейхгауза и развалин его домика». Когда же, год спустя, пансион переведут ближе к Девичьему монастырю, поэтически чуткой душе и здесь достанет, чем жить: манил большой сад, по утрам «нежный колокольный звон будил учеников в их постелях». Пансиона подросток не закончил, однако на два года еще вернется в Воронеж и в 1833 году завершит гимназический курс.

Ему нет и двадцати, как он заканчивает Харьковский университет. Нет и тридцати, как он адъюнкт кафедры Киевского университета. Сын Слобжанщины – чуткий сын и всего славянского мира. Он один из главных в Кирилло-Мефодиевском братстве, которое уповает на федерацию вольных славян. Мыслью о вольной и неразме-

Николай Костомаров

жеванной от моря до моря славянской земле вдохновляется и еще один участник братства – Тарас Шевченко.

Судьба разворачивается жестко. Кирилло-Мефодиевское братство подвергается разгрому. Костомаров, как и другие его участники, арестован. Год в Петропавловской крепости. Далее – долгие годы в поволжской, саратовской ссылке.

Жизнь после ссылки – насыщенная трудами жизнь ученого. Выходят книги – о Богдане Хмельницком, Степане Разине, Мазепе, Смутном времени. Он пишет об Украине, Польше, России, о Запорожской Сечи – «христианской казацкой республике», о «древне-

русском народоправстве». Он отдает много времени древнехранилищам, ездит по стране, посещает почти все славянские столицы, европейские земли.

А как же Юрасовка, где он родился, где прошли его детские годы и где в юности он заслушивался малороссийскими песнями и записывал их? В последний раз он был здесь в 1845 году – как забирал мать к себе в Киев. С той поры больше на воронежской земле не появлялся. Но Юрасовку всегда помнил. На завещанные им деньги в слободе в девятнадцатом веке была построена и открыта школа, которая верой и правдой служила просвещению и весь двадцатый век.

Николай Костомаров

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не ранее второй половины XI века и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих письменных греческих известий, не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни, – основы, без которых, собственно, для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожа, Горыни, Стири, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах – укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собою племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славянорусские племена управлялись своими

князьками, вели между собою мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т. п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов; а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти: замогильный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, т.е. в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов, как-то: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась во множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Сообразно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости. Они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки – пиво, мед, брагу, ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно; но сношения с Византийской империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии заходило к ним христианство. В половине IX века русские, после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед затем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и вносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла св. крещение. Все это, однако, были только предуготовительные явления. При князьях так называемого Рюрика дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и до некоторой степени, подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удальцов, жадных к грабежу и убийствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей – на области Византийской империи, на восточ-

ные страны – прикаспийские и закавказские. Цель их была – приобретение добычи. С тем же взглядом они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань, и, чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду с своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев, и оставляли с их внутренним строем, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которою из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот совершен Владимиром, получившим наименование Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его мало нам известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые, при всей своей скудости, все-таки достаточно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сын воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в юго-восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказских народов: ясов и косогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был, после упорной защиты, уступить ее греческому императору. На возвратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе с своим дядею Добрынею, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между детьми его началось междоусобие. Киевский князь Ярополк убил брата своего, древлянского князя Олега. Владимир с своим дядею убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь Рогволода, князя полоцкого, Рогнеда, которой руки просил Владимир, отказала ему такими словами: «Не хочу разуть (разуть жениха – обряд свадебный; разуть – вместо выйти замуж) сына рабы», попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед затем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять такому изображению, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как

можно более черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представив того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большою достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и старался как о распространении своих владений, так и об укреплении своей власти над ними. Таким образом, он повелевал Новгородскую землю – берегами рек: Волхова, Невы, Мсты, Луги, – землю Белозерскую, землю Ростовскую, землю Смоленскую в верховьях Днепра и Волги, землю Полоцкою на Двине, землю Северскою по Десне и Сейму, землю полян, или Киевскую, землю Древлянскою (восточную часть Волыни) и, вероятно, также западной Волынью. Радимичи, жившие на Соже, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое собирание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев-скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им в управление города, откуда с своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным уже довольно долгое время спустя после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анною, сестрою императоров Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятностям, происходило в Корсуне, или Херсонесе, греческом городе на юго-западном берегу Крыма: и оттуда Владимир привел в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из множества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с наружным принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась пассивно: продолжительным соблюдением языческих приемов жизни и

сохранением языческих суеверий: такая борьба происходила многие века после Владимира; но она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, так называемую Десятинную, названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства ее десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этою целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом, на Руси, в какие-нибудь лет двадцать, возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религиею образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Эта одна черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу, и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев, и хотя сначала согласился было на увещание корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, с совета бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежною пеней – вирую, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом – и с старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия, чуть было не взяли

Киева. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель – не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию, и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: сын его Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», – приказывал он; но смерть застигла его в этих сборах. Он умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ ИВАН НИКИТИН

Иван Саввич Никитин (1824 – 1861) никогда не бывал за границами, даже за пределы Воронежской губернии выезжал лишь однажды, и вся его дорога – Воронеж, его окрестности, близкие к городу уезды; но о русской земле, о русском народе сказал он столь проникновенно, что давно уже воспринимается в общественном сознании как народный поэт России; так же, как и его земляк, предшественник, учитель – Кольцов.

Родился поэт в небольшом и еще в позапрошлом веке от пожара погибшем домике на улице Богословской (ныне Чернышевского), что от Каменного моста стекает вниз к берегу реки. Крепче был вдалеке от домика церкви Иоанна Богослова, разрушенной уже после Великой Отечественной войны. Через четыре года после рождения сына его отец приобрел большой дом со свечным заводом в подвале на улице Верховой (ныне Шевченко, 19), где будущий автор «Руси» прожил с 1828 года по 1844 год – шестнадцать лет детства и юности. Шесть лет Никитин отдал духовному училищу; четыре года проучился в духовной семинарии, о чем позже рассказал в замечательной повести «Дневник семинариста».

Отец разорился, лишился свечного завода, и недоучившемуся Никитину пришлось оставить семинарию. В 1844 году был приобретен постоялый двор на улице Кирочной (ныне Никитинской), где через два года отец и сын построили новый дом, в котором через пятнадцать лет и завершились земные дни поэта. Этот домик – главная точ-

ка на воронежской Никитинской карте. Здесь он написал лучшие свои страницы, здесь встречался с людьми, по духу близкими – Крамским, Второвым, Де-Пуле, Сувориным, Придорожным, здесь вынашивал планы устройства просветительской книжной лавки-библиотеки, отсюда писал письма Наталье Матвеевой – своей светлой и грустной любви, здесь ухаживали за ним, больным, родственницы – сестры Тюрины из домика напротив.

Изо дня в день окриками извозчиков, хмельной руганью, куражливым купеческим безудержьем шумел постоялый двор на Кирочной. И когда Никитин поздними вечерами садился за стол, раскрывал заветную тетрадь, он уже был измаян дневной бестолочью. Но он был сильного духа человек, с ним были молодость и честная дума, он надеялся, что добрая строка добавляет справедливости в несправедливом мире.

Догорала свеча, и поэт ставил новую: осенняя ночь была долгая. Первое же опубликованное в 1853 году в Воронеже и вскоре в Петербурге стихотворение «Русь» сразу было замечено и воспринято как молодая искренняя песнь большого таланта. Но большие таланты на Руси редко когда живут долго. В пушкинском возрасте, тридцати семи лет от роду, угасшему от чахотки Никитину «вырыли заступом яму глубокую» рядом с Кольцовым, прожившим и того меньше.

Притягательность строгой и цельной Никитинской музыки ощутил еще вспоивший поэта девятнадцатый век.

Иван Никитин

Без побочных воздействий, без шума и нажима никитинская муза естественно вливалась в тогдашнюю жизнь. Хрестоматийные строки читали в городе и деревне. Выдающиеся композиторы – Римский-Корсаков, Моношук, Булахов, Калининков – вдохновлялись никитинскими строфами.

Создатель «Войны и мира» предре-

кал поэту-воронежцу завидную участь – пережить многих, более известных по тому времени сочинителей. А строгий Бунин видел в нем сильного человека, из числа тех великих, «кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова», и находил объяснение этим достоинствам в естественной крепкой связи Никитина со своей почвой, родной землей.

Бронзовый Никитин возвышается над Никитинской площадью. Хотя едва ли точно и уместно здесь это слово – возвышается. Поэт сидит в скорбной согбенной позе, опустив усталые, нагруженные руки на колени. Глубокая дума клонит его голову.

В поздний час, когда вглядываешься долго в памятник, на миг вдруг почувствуется, что бронзовый поэт сбрасывает оцепенение, распрямляется, что еще миг – и он скажет, как когда-то, говорил Никитин живой: «Будем биться с невеселой долей!»

Горит зажженная Никитиным свеча, и в городе, и в мире от нее светлее.

Иван Никитин

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес
Вижу – даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг –
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу –
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь море синее,
И горами лед ходит по морю;
И пожар небес ярким заревом
Освещает мглу непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
В красе царственной
Развернулася! (...)

* * *

Вечер ясен и тих;
Спят в тумане поля;
В голубых небесах
Ярко пышет заря.

Золотых облаков
Разноцветный узор
Накрывает леса,
Как волшебный ковер;

Вот пахнул ветерок,
Зашептал в тростнике;
Вот и месяц взошел
И глядится в реке.

Что за чудная ночь!
Что за тени и блеск!
Как душе говорит
Волн задумчивый плеск!

Может быть, в этот час
Сонмы светлых духов
Гимны неба поют
Богу дивных миров.

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь-безлюдье вокруг,
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом – на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет – песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

ЖИЗНЬ И СКАЗКА АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВА

Дети слушают: «В некотором царстве, в некотором государстве...» Зимними или летними вечерами, при свете лучин или звезд сладко волновал детские души этот сказочный зачин. Так было из века в век. Еще и моим сверстникам в послевоенном детстве он звучал из уст бабушек и дедушек, и, пленяясь сказкой, мы невольно и преданно становились маленькими защитниками правды, добра, справедливости. Но уже взорвалась атомная бомба, и мир был на пороге иных сказаний.

В воспоминаниях Афанасьева, знаменитого ученого-фольклориста, не найти развернутого рассказа о малой, уездной родине – рассказа, из которого можно было бы видеть становление детской души на срезе природно-географических, этнографических и иных примет родного гнезда: образ «малой родины» в том широком, эмоциональном значении, в каком он присутствует, скажем, у Толстого, Лескова, Бунина, Афанасьевым зримо не прорисован: придонский Богучар, где будущий ученый-фольклорист родился, лишь упомянут; Бобров, где протекли детские годы, также как бы остается за кадром; ни строчки о реке Битюг, чистейшем притоке Дона, о заречных лесах, о прибитюжских степях, о конях (здесь – родина орловского рысака!), – обо всем том, что так много значит в детстве. И все же...

Именно на малой родине, в уездном городке, набирался он первых и разнообразных впечатлений, ими его одарила здешняя «великолепная природа». Здесь пристрастился он к усидчивому

чтению, благо в доме была хорошая дедовская библиотека. Здесь же начально приобщился он к народной памяти и народному мирозерцанию – через предания и сказки, которых за долгие зимние вечера во множестве наслушался от дворовых женщин. Как знать, может, именно уездные вечера с их сказками дали корни и токи, благодаря которым Афанасьев стал тем, кем стал: выдающимся собирателем, толкователем и издателем народных сказок, легенд и поверий.

В 1837 году отец Афанасьева определил одиннадцатилетнего сына в Воронежскую гимназию. Гимназия располагалась на Большой Девиченской, в подгорной части города. Из тех же афанасьевских воспоминаний о самом Воронеже узнаешь не более, нежели об уездном Боброве, а между тем Воронеж – семь отроческих и раннеюношеских лет жизни Афанасьева.

Московский университет – четыре года (1844 – 1848), где для молодого Афанасьева день, случилось, шел за месяц: каждодневные лекции, библиотечная страда, встречи, новые горизонты... Университет той поры – серьезный рубеж отечественной науки, заметное созвездие профессорских имен: Шевырев, Бодянский, Редкин, Кавелин, Грановский, Соловьев.

Сколько бы и даже какие бы профессора ни толковали с кафедр, в студенте мало что сдвинется, если он внутренне не захвачен страстью познания истины и служения ей. Афанасьев – из «захваченных». Уже на третьем

курсе он печатает в некрасовском «Современнике» первую свою научную статью «Государственное хозяйство при Петре Великом».

Год спустя после окончания Московского университета Афанасьеву удается устроиться на службу в главный архив министерства иностранных дел, где прошли тринадцать, может быть, счастливейших лет его жизни. Представилась возможность заниматься любимым делом – погрузиться не только в разыскание старинных, необходимых по службе документов, но и вообще в мир народной старины, «археологию народного быта»: уйдя от сказок, легенд и поверий детства, он вновь пришел к ним, – теперь не только слушателем, но и собирателем, истолкователем и издателем.

За годы службы в архиве Афанасьев вообще успел сделать столько, сколько бы человеку без больших знаний и подвижнического начала не сделать и вполнину: помимо непосредственной служебной текучки – библиографическая и литературная критика, этнографические и фольклорно-мифологические исследования, совокупно составившие позднее монументальный труд «Поэтические воззрения славян на природу», подготовка и выпуск сборника «Народные русские легенды», издание журнала «Библиографические записки».

За короткий срок собрать и научно использовать сотни сказок – одному человеку было бы не под силу. Но у доброго дела всегда найдутся и начинатели, и помощники-единомышленники. Основу афанасьевского свода сказок составило собрание Географического общества. Помогли также Даль, Якушкин, воронежские друзья. Часть сказок Афанасьев собрал непосредственно, – в основном, на малой родине.

Родина – с ним, так или иначе. В письме: «Кланяйтесь от меня богоспаемому городу Воронежу, с которым у меня связано много светлых и темных воспоминаний отрочества и юности». Он – свой во Второвском кружке воронежских подвижников просветительства, изучения родного края. Он при-

Александр Афанасьев

ветствовал поэму Никитина «Кулак». Живя после заграницы в Боброве, на родине завершил статью «Кольцов и воронежские педагоги». Отсюда – услышанное, собранное предание, опубликованное в «Народных русских легендах»; и сказки: «Лисичка-сестричка и волк», «Коза», «Курочка», «Баба-Яга», «Ивашко и ведьма», «Чудесная дудка», «Правда и кривда»...

Прежде чем издавать сказки, надо было со всей научной добросовестностью подготовить их, что наш земляк и сделал, – сличал разные варианты, выбирал наиболее отвечающий народному взгляду на жизнь, отсекал случайное, эпизодически несущественное, но явно грубое, не нарушая при этом ни смысловой, ни языковой ткани сказок; в них неизменно повторялась идея прекрасного и доброго, о чем сам Афанасьев писал: «Сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего уклонения от добра и правды и представляет добро, торжествующее над злом».

Свод народных сказок принес нашему земляку российскую известность. Благожелательно откликнулись на издание отечественные ученые – Буслаев, Срезневский, Пыпин, Миллер, Котляревский. Российская Академия наук присудила собирателю и издателю сказок Демидовскую премию. Географическое общество – золотую медаль.

Прошло, однако, немного времени, и судьба круто повернулась. Полоса неудач началась для Афанасьева с запрета в повторном издании «Народных русских легенд», которые светская и духовная власть нашли оскорбляющими нравственность. Ученый и прежде был не в ладах с цензурой, последняя делала урезки и поправки даже ... в письмах Петра Первого, печатавшихся главным архивом, не говоря уже о собственно афанасьевских строках, или же народных, им собранных, но то были строки, здесь же дошло до целой книги.

Положение ученого стало еще более тяжким, когда он вынужден был оставить архивную службу. Он в прямом смысле забедствовал. Редкостную библиотеку пришлось распродавать, отпечатанными листами «Библиографических записок» – покрывать щелястый пол, чтобы по квартире меньше гулял сквозняк.

Незадолго до смерти он завершил «Поэтические воззрения славян на природу» – фундаментальный труд, аналогов которому, по мнению многих ученых, в мировой этнографической и фольклорной науке нет. Успел он подготовить и издать «Русские народные сказки», которые до самой смуты семнадцатого года были наиболее читаемой детской книгой в России.

В 1871 году, в сорок пять лет, Афа-

насьева не стало. Чахотка поставила последнюю точку. Тургенев в письме Фету писал: «Недавно А.Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда наши с вами, любезный друг, давно уже пожрут мраком забвения». Преувеличение? Вспомним, однако, что Афанасьевым – так или иначе – зачитывались и вдохновлялись Островский, Мельников-Печерский, Толстой, Бунин, Горький, Есенин.

Миф. Обломок ли он древней правды, как проникновенно выразился поэт, или же попытка романтизировать давно былую жизнь, обратиться к ней, дать ей как бы второе дыхание. Есть ли где задержаться поэтическому мифу в мире, где сплошь и рядом творятся мифы политические? Что значит сказка для нашего современника, со всех сторон теснимого жесткими реальностями технократического века? Какой смысл читать ребенку то запевное «в некотором царстве, некотором государстве», когда самое из далеких далекое – в пяти-семи часах лета? Когда многие образы, предметы и слова сказок отошли навсегда?

А правда, добро, честь? Чувства справедливости и прекрасного, неизменные для сказок. Одно очевидное: живут народные песни и сказки – живет и душа народная.

Александр Афанасьев

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ «ДОМОСТРОЯ»

Русская история недавно приобрела драгоценный памятник «Домостроя». Сохранившись во многих списках, он составлял принадлежность библиотек и кратко обозначался в каталогах рукописей. Библиографы не знали или забывали его важное значение – и памятник этот был недосягаем для занимающихся наукою. Во «Временнике», издаваемом императорским Московским обществом истории и древностей российских (1849, М. 1 1), покойный член этого Общества, Д.П. Голохвастов, впервые обра-

тил внимание ученых на «Домострой» и напечатал его по четырем спискам, но не вполне. Кроме 64-х глав, изданных г. Голохвастовым, в списках «Домостроя» находятся два любопытных дополнения: а) «Книги во весь год в стол ествы подавать» и б) «Указ свадебному чину». Дополнения эти были сообщены г. Забелиным и напечатаны во «Временнике» (1850 г.) № 6; сверх того, «Указ свадебному чину» еще прежде был издан г. Сахаровым («Сказки русского народа», т. II, кн. 6, стр. 107).

Полное заглавие памятника по одному списку такое: «Книга, глаголемая Домострой, имеет в себе вещи, зело полезны, во учение и наказание всякому христианину, мужу и жене, и чадом, и рабом, и рабыням». Из этого краткого указания на содержание уже виден высокий интерес памятника. Он превосходно раскрывает перед нами домашнюю, обиходную жизнь русского человека XVI и XVII столетий, во всей ее безыскусственной простоте, со всеми ее правилами благоразумия и приличий. Здесь рассказаны и отношения членов семьи, и система воспитания, и все хозяйственные заботы (как заботиться о прибыли, смотреть за амбарами, ледниками, поварнями и проч., как ставить мед и пиво, солить и заготавливать впрок, как обращаться с слугами и т.д.). О столько интересном домашнем быте наших предков до сих пор мы знали только по сказаниям иноземцев, не всегда правильно передававших дух эпохи, потому что судили они о фактах по современным им понятиям – и отчасти по Котошихину², который, однако ж, не коснулся весьма многих сторон, может быть, мелочных, но необходимых для воссоздания полной характеристики прошлых веков. «Домострой» ничем не пренебрегает; оттого здесь в каждом слове веет духом прошедшего. Мы воспользуемся этим памятником и представим, в одной общей картине, домашний быт русского человека XVI и XVII века. Самый «Домострой» заключает в себе множество повторений и отступлений, скучных для читателя-неспециалиста, тем более что содержание «Домостроя» систематизировано чисто внешним образом. Г. Голохвастов признал «Домострой» сочинением знаменитого попа Сильвестра³ на том основании, что последняя глава этого памятника носит заглавие: «Благословение от Благовещенского попа Сельвестра, возлюбленному моему, единокровному сыну Анфиму». В одном из списков, принадлежащих г. Погдину, в 1-й главе сказано: «Благословляю я, грешный Сельвестр, и поучаю, и наказую, и вразумляю единокровного сына своего Анфима и его жену, Пелагею, и их домочадцов». Впрочем, решительно все равно, кто бы ни написал «Домострой», личных воззрений в нем не найдете: здесь записаны и переданы житейские правила благоразумия, общие целой эпохе. Последнее ясно доказывается характером самого памятника.

Действительно, «Домострой» был настольного книгою наших предков: он представляет сборник наставлений и правил, извлеченных из действительного быта и данных для жизни практической, как последнее слово современной мудрости. Как отвлечение от действительности, наставления и правила «Домостроя» носят на себе характер своего века;

как возведение действительности в нравственное определение для всех и каждого, наставления и правила эти являются наиболее развитыми, наиболее совершенными. В образах доброго отца-хозяина, доброй матери-хозяйки, доброго мужа, доброй жены, добрых детей и добрых слуг – «Домострой» рисует идеалы, как они представлялись тогдашнему человеку: это надо помнить. Но идеалы эти не только не чужды действительному быту, напротив, тесно с ним связаны: в них высказались лучшие воззрения современников, а самые формы и дух принадлежат тому веку. Последнее и дает «Домострою» особенную ценность.

На всем древнем быту нашем, особенно в сфере домашней, частной, от XV до XVIII столетия, лежал тип религиозный; во всяком шаге старого человека замечается религиозный обряд, во всякой мысли – освящение. Он ничего не начинает и не оканчивает без церковного напутствия и благословения: это потребность ума и сердца, которую встречаем мы и во дворце царей, и в домах бояр и всех сколько-нибудь зажиточных людей, которым, собственно, и подает наставления «Домострой». Некоторые иностранцы именно с этой стороны представляют нам набожную жизнь русских царей. Обыкновенно вставали они рано, часа в четыре утра. Когда царь оденется и умоется, к нему приходил духовник с крестом, благословлял его и давал поцеловать крест. Затем дьяк вносил в крестовую комнату икону с изображением того святого, который праздновался в настоящий день, и ставил ее вместе с другими; перед иконами ярко горели лампы и восковые свечи. Здесь совершал царь свою утреннюю молитву, после которой духовник окроплял его и образа святою водою, ежедневно присылавшеюся из разных монастырей, ближних и дальних. Потом царь шел с боярами в дворцовую церковь к утрени и обедне; остальное время посвящалось государственным делам. То же подтверждают и Выходные Царские книги. Редкий день пропускал царь, чтобы не быть в церкви во время обедни и вечерни; он постоянно посещал церкви во время храмовых праздников и выслушивал здесь заутреню, обедню и всенощную; несколько раз в году цари наши, в сопровождении бояр, совершали пышные и торжественные походы (нередко пешком) в монастыри, на богомолье, составляя одну из самых характеристических сторон древней Руси, как это прекрасно раскрыто в интересной статье г. Забелина. В дополнение к этой статье мы можем указать на 1-й том царских писем, изданных Археографической комиссией, где помещена полная переписка царской семьи XVII века во время похода к святым местам кого-нибудь из ее благочестивых членов. Цари часто совершали походы, по обещанию, «пешими стопами» и потому медленно, останавливаясь по селам отдыхать, – тем более, что дороги были дурные. «А идем, государь, мешкотно (пишет царь Михаил Федорович патриарху Филарету), потому что дожди и снега идут многие и грязи великие», или «Для великого непогодья и грязей произволили есмь в Ростове дневати». С каждой стоянки путешественники извещали в Москву своих родных о своем походе и здоровье; вместе с тем нередко посылали бояр спрашивать о здоровье

родных, оставшихся в Москве; а те от себя отправляли с подобным же поручением бояр к путешественникам. Таких посылок требовало приличие, и они почитались за особенный знак внимания. Нередко посылали при этом и подарки. Так, Михаил Федорович пишет к Филарету: «Да челом бью тебе, Государю, 220 яблок, и тебе б, Государь, пожаловать, велеть принять и кушать на здоровье» или: «Да челом бью тебе, Государю, 15 калачиков». В праздничные дни патриарх посылал к царю на дорогу протопопа с просвирой и святой водою. На пути к Троицко-Сергиевской лавре, куда особенно часто ходили наши цари на богомолье, в некоторых селах были устроены для царской семьи дома. В 1622-1623 годах дома эти за старостью были переделаны и поправлены; Михаил Федорович исправлял здесь во время похода в лавру новоселье: «Изволили есмь в Братошине (и в Воздвиженском) в новых хоромех быти новоселью». Патриарх присылал по этому случаю царю образ, хлеб и соболи. Михаил Федорович любил, останавливаясь на пути, потешаться рыбной ловлей: так, он посылал с дороги Филарету Никитичу «своей царские потехи рыбные ловитвы белужку, да пять осетров, да девять стерлядей»; в некоторых письмах пишет он, что «хочет потешиться в полях». Помолившись мощам св. Сергия, царь возвращался в Москву, где ему приготовлялась встреча. На последнем стану встречали царя, царицу и их детей крутицкий митрополит и архимандриты с образами, а под Москвою – гости, гостиная и суконная сотни и черных сотен и слобод люди с хлебами и соболями; «и хлебы Государь принимал и отдавал на дворец, а соболи отдавал назад». По селам царское семейство встречали крестьяне с хлебами. Любопытны письма о встрече Филарета Никитича, когда он возвращался из похода. Вот письмо Филарета Никитича к царю: «Писали, Государь, ко мне твои Государевы бояре, а мои приятели, Иван Никитич Романов, да князь Иван Борисович Черкасской, да князь Борис Михайлович Лыков, а пишут с приложением и со многим челобитием, чтобы им меня встретити, где им я велю: и о том, как вы, Государь, производишь? а добро бы им, Государь, меня встретити верст за 8 или за 7. А будет, Государь, бояре и все меня похотят встретити и все думные, и вам бы, Государю, добро им поволити меня встретити от Белого города версты за 3 или за 4». Кроме того, патриарха встречали митрополит Крутицкий и черные власти в селе Танинском. В одном письме царя к Филарету читаем: «Написано, Государь, в твоей грамоте, что хотел ты быти к Москве в Троицын день: и в Троицын день тебе, Государю-отцу нашему и богомольцу, быти к Москве не вместитца, потому что день торжественной великой, а тебе, Государю, служить невозможно, в дороге порострясло в возку, а не служи-ти – от людей будет осудно». В продолжение года было несколько праздничных дней, сопровождавшихся особенными религиозными церемониями: таковы действия новолетия, страшного суда и других; в праздники царь разделял свой обед с патриархом и властями.

Тот же характер замечается и в частном быту других лиц. Бояре и окольные, по известию Котошихина, имели свои домовые церкви и сво-

их священников. Комнаты во дворце и у бояр были украшены иконописными изображениями; царь содержал нескольких нищих во дворце – «верховые богомольцы»; бояре имели своих нищих. Вообще в древней жизни на всех слоях общества замечается характер однообразия. Если было различие, то оно условливалось только политическим положением, большим или меньшим материальным благосостоянием: одни жили богаче, другие беднее; одни имели такие права и знали такие удобства жизни, каких не знали другие. Но дух и формы быта оставались везде одинаковы. Как строился боярин, так строился и крестьянин; у первого комнаты были больше и светлее; но расположение их основывалось на одинаковых технических приемах. Одни обычаи и поверья жили во всех условиях; так, свадебные обряды в царской семье и в простонародье были до малейших подробностей тождественны и т.д.

«Домострой» верно отразил в себе этот общий тип религиозный, лежавший на всяком явлении прошлой жизни. Советуя прибегать и припадать ко святительскому чину, он при всяком случае старается учить благочестию. По увещанию «Домостроя», крест, иконы и мощи должно целовать «по молении, перекрестясь, дух в себе удержав и губ не разеваючи»; просвиру «вкусати бережно, крохи на землю не уронити, а зубами просвир не кусати, якоже прочий хлеб: уломываючи невелики кусочки класти в рот, ести губами и ртом не чавкати»; целуясь с кем-нибудь «о Христе», также надо «дух в себе удержав, а губами не плюскати». «Поразсуди (говорит «Домострой»), человеческие немощи: нечувственного духа гнушаемся – чесночного, хмельного, больного и всякого смрада: кольми мерзко Господеви наш смрад и обоняние». Вот наставления Сильвестра сыну: прибегай всегда с верою к церквам Божиим, не просыпай заутрени, не прогуливай обедни, не пропускай вечерни; заставляй служить в дому твоём всякой день часы, павечерницы и полуношницы.

Вот как представляет нам «Домострой» семью и домашнюю жизнь своего времени: хозяин-господин должен утверждать свою жену, детей и прислугу «в законном жительстве и в страхе Божиим» – «наказующе ни нужею, ни ранами, ни работою тяжкою; имеюще яко дети во всяком покое: сыты и одеты, и в теплой хрaме (хоромах), и во всякой устрой». Это любопытное место прямо указывает на власть отца в семье и подчинение этой власти не только слуг и детей, но и жены: все они уравниваются пред этою патриархальною властью, как дети; отсюда понятна та тесная связь слуги с господином, о которой находим свидетельство ещё у Маврикия; ибо слуги принадлежали к семье господина, на что прямо указывает и название домочадцев (домочадцев – уменьшительное от чада, дети младшие). Господин с женою, детьми и домочадцами должны были ежедневно сходитья вместе в общую молитву: встав рано поутру, они сходились слушать заутреню и часы, а в воскресные дни и праздники призывали духовных лиц и служили молебен; вечером снова собирались и слушали вечерню, павечерню и полуношницу, клали по три земные поклона и расходились спать. [...]

Господин – отец есть владыка семьи, которому все члены обязаны слепым повиновением и послушанием; непослушание влечет наказание. Власть эта, однако ж, была растворена родственною любовью и кровною привязанностью. После утренней молитвы жена советовалась с мужем о домашних нуждах; в это время приходил ключник и получал приказания о всяком обиходе, о ествах, питье и проч. Жена спрашивала мужа о разных семейных делах и домохозяйстве, как что делать, и во всем должна была ему «покоряться и творить по его наказанию». «И увидит муж, что непорядливо у жены и у слуг, ино бы умел свою жену наказывать всяким рассуждением и учить. Аще внимает – любить и жаловать. Аще жена по тому научению и наказанию не живет, ино достоин мужу жена своя наказывати и ползовати страхом наедине, и понаказав – и пожаловати и примолвити; а мужу на жену не гневаться; а жене на мужа. И слуги и дети тако же, посмотри по вине и по делу, наказывати и раны возлагати, да наказав пожаловати; а государыни (хозяйке) за слуг печаловаться, по рассуждению. А только жены, или сына, или дщери слово или наказание не имет, не слушает и не внимает и не боится, и не творит того, как муж или отец или мати учат – ино плетью постегать, по вине смотря; а побить не перед людьми, наедине: поучити, да примолвити и пожаловати, а никак не гневаться ни жене на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по виденью (глазам) не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, никаким железным или деревянным не бить: это с сердца или с кручины так бьет – многи притчи от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут, и перст и главоболие и зубная болезнь; а у беременных жен и детем повреждение бывает во утробе; а плетью с наказанием бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово, А только велика вина и кручиновато дело – ино плеткою вежливенко побить за руки держа, по вине смотря, да поучив, примолвити: а гнев бы не был, а люди бы того не ведали и не слышали». Из этого ясно, что «Домострой» был защитником и проводником лучших, более мягких отношений в семье, хотя он и вполне разделяет убеждения своего века о смысле и пользе наказаний. Он не позволяет такого обращения мужа с женою и детьми, от которого бывают притчи: требует, чтоб наказание совершалось наедине, бережно, вежливенко и чтобы посторонние о том ничего не знали; следовательно, «Домострой» защищает от поругания чувство стыда. Самые наказания рассматриваются им с точки зрения чисто патриархальной. По увещанию «Домостроя» наказание должно быть знаком родственного участия и любви, и потому должно чуждаться всякого личного произвола. Наказывай без гнева, говорит «Домострой», и после наказания приласкай и пожалей виновного. Таким образом, наказание, в убеждениях людей того времени, представлялось практическим учением, наставлением. Отец более жил, более видел и знал. Отец, по тесной родственной связи, не мог не желать членам своей семьи добра и счастья. Следовательно, во всех отношениях, его воля – священна, его совет – полезен, его требование – благоразумно. Юноша еще неопы-

тен; если он ослушивается, то заслуживает наказания, которое вместе с возмездием служит уроком на будущее время; жена также неопытна, потому что менее соприкасается с общественностью и заботами о средствах жизни. Слово наказывать получило в нашем языке три значения: приказывать, учить и наказывать в тесном смысле, как ясно видно из употребления его во многих памятниках (наказ, наказная грамота; «наказуй ему добро» и др.) Отец дает совет или приказывает; его слова служат наставлением, учением, наукою; неисполнение этих слов влечет наказание, с подтверждением исполнять сказанное прежде. Самое слово учить значит в нашем языке еще наказывать, бить: доказательства можно найти во многих народных песнях. Таким образом, в наказании выразилось желание выучить добру, а желание такое указывало на особенную родственную любовь.

Дети обязаны были уважать и беспрекословно слушаться наставников и родителей: «Аще ли кто злословит, лаает или бьет отца и матери, от церкви и всякой святыни да отлучится и лютою смертию и градскою казнию да умрет». Патриархально-родственные основы в частном быту XVI и XVII столетий были очень свежи и живы. Воспитание детей завершалось браком, который особенно уважался, как подпора рода. «На совершенном возрасте добрые люди женят сынов своих по своей версте (местнический термин), а дочерей отдают замуж», для чего с самого малолетства приготавливают для последних приданое. «Разсудны люди (говорит «Домострой»), от всякого приплода на дочь откладывают... а у полотен и ширинок (платков), убрусов (полотенцев), рубашек по вся годы ей в опришной сундук кладут, и платье, и саженье, и монисто, и святость (образа), и суды оловяные и медные» и пр. Дочери растут, а вместе с этим прибывает и приданое, и как стоворят замуж – «ино все готово». До самой свадьбы родители обязаны были строго и тщательно смотреть за нравственностью дочери; после обязанность переходила к мужу. «Аще бо отдаси дщерь свою без порока, та явно дело совершиши, и посреди собора похвалишися». Во время свадьбы, на пиру молодых приданое выставлялось на показ гостям, чтоб они видели, «чем наделил родимый батюшка с матушкой в замужество», несколько ранее смотрел приданое по росписи тысяцкий. «Весь тот чин и порядок (по свидетельству «Домостроя») устроен старыми людьми не даром, а с добрым смыслом, чтоб лихие люди не сказали: что-де у молодой есть?»

Муж являлся в семье главою: ему принадлежала власть высшая, распорядительная; он вел счет прихода и расхода; в его руках были деньги, и он распоряжался покупкою. Собственно заботы о внутреннем домашнем хозяйстве, со всеми его мелочами, надзор за слугами, кухнею и амбарами, были делом жены. Проснувшись рано утром, она задавала девкам дневную работу, а потому ей нужно было самой хорошо знать, как заниматься рукоделием, как варить, сеять муку, замесить, испечь, сколько и для чего нужно припасов...

Начиная всякое дело (готовить пищу, шить и пр.), должно вымыть

руки, поклониться перед иконами три раза и прочитать молитву. Добрая, домовитая хозяйка и сама встает рано, да шьет золотом и шелком, и служанок рано будит, да дает ткать холсты и полотна, которыми одевалась целая семья.

Чрезвычайно интересны правила бережливости и экономии, передаваемые «Домостроем»; от них так и веет современному этому памятнику жизнью. Можно, впрочем, заметить, что многие из этих правил до сих пор считаются непогрешимыми в отдаленных местах России. Когда будешь печь хлебы, говорит «Домострой», тогда заставляй и платья мыть: «ино и дровам не убыточно», а когда печешь хлебы, тогда можно и пироги начинить; станешь ли кроить белье и платье детям, загибай материи по швам и в подоле: подрастут дети – можно будет отпустить; а обрезки собирай в маленькие мешочки и прячь на случай: может, и пригодится. Главное правило: «по приходу и расход держать». Это одно. Сверх того, необходимо, чтоб «всякому рукоделью у мужа и у жены всякая бы порядня и снасть была своя и плотницкая, и портново мастера, и железная, и сапожная, и у жены бы всякому рукоделью и домовитому обиходу была порядня своя. Ино, что себе ни сделал, и никто ничего не слыхал. В чужой двор не идешь ни по што». Таким образом, у всякого домовитого хозяина было все свое; в семье между многочисленною прислугою были даже свои ремесленники: портные, сапожники, кузнецы, плотники; семья сама себя одевала и обшивала: все было самодельщина. Ясно, что ремесла заключались в отдельных семьях, ограничивая их естественными потребностями и находясь вне всякого соприкосновения с обществом; следовательно, они не были и ремеслами в истинном смысле: Такое состояние поддерживалось исключительностью быта или, лучше, неразвитостью общественных отношений. Входить в сношения с чужим человеком считали и опасным, и не так выгодным. За чужой труд надо заплатить. На том же основании старинный человек боялся и купли: свое казалось ему дешевле, ибо не требовало из кармана денег: расчет, как известно, не совсем верный, но с первого взгляда представляющийся самым справедливым и весьма понятный там, где промышленность еще в неразвитом состоянии. В старину покупал только тот, кто не имел ни вотчины, ни поместья. Таким, говорит «Домострой», надо все припасы (хлеб, мясо, капусту, рыбу, огурцы, грибы, фрукты и проч.) покупать в годовой запас и засекачь в лед глубоко, покрывая лубками: покупать разом на целый год – будет дешевле, нежели по частям. Нужно ли сжарить баранины – покупай целого барана и зарежь его дома: овчины можно скопить на шубу, «а бараний потрох прибыль на столе, потешенье; у порядливой жены и у доброго повара много промысла: из грудины ушное нарядит; почки начинит; лопатки изжарит; ножки яички начинит; печень, изсекши с луком, перепонкою обертев, изжарит, на сковороде; легкое молочкою с мукою и яички ириболтав нальет; а кишечки и проч. И так делати, ино из одного барана много прохладу». Закупки для дома делал или сам хозяин, или посылал дворецкого и ключника, выбирая для того выгодное время, когда бывает

товару, большой привоз. «Коли бывает чего много и дешево – в те поры и закупить на весь год; а не в пору купити – двой деньги дати». Притом надо уметь и торговаться подолее. А сторговавшись и заплатив деньги, не худо «и почестку учинить продавцу хлебом-солью и питьем, смотря по купле: в том убытку нет; дружба, да вперед познать: всегда мимо тебя товару доброго не продаст и лишнево не возмет». Впрочем, гораздо лучше избегать купли, «у промышленного мужа и жены всегда прохлад и себе, и семье, и гостям: по што в торг – и ты в клеть». Если водить дома гусей, уток и кур – то на целый год с годовым запасом. Домовитая хозяйка не затруднится, как и чем их кормить: она собирает крохи, объедки, высевки, отруби, гуцу и пр. и тем кормит не только домашнюю птицу, но и лошадей, и коров, и свиней, и собак: «себе не убыток, а приплоду и прохладе много, а не в торгу куплено». А когда хозяин сам покормит лошадь таким кормом: «ино будет то ей за овса место».

При покупке годовых запасов естественно, что многие припасы должны были портиться. «Домострой» и в этом отношении хочет соблюсти экономию: лучшие припасы «блюсти вдаль, а что попортилося, ино наперед изводити (есть) и в заим давати и милостыню, и нужным (больным), а толко много, ино упродать; а который свежей, сухой в береженье стоит – ино то вдаль, блюсти». То же говорит «Домострой» и о фруктах, «залитых в патоку».

Мы заметили выше, что на хозяйке лежали все мелочные домашние заботы. Она должна была смотреть за чистотой и опрятностью в доме, чтоб комнаты, лестницы и крыльца – все было «измыто, и выскреблено, и вытерто, и сметено», столы и лавки были бы вытерты, ковры по лавкам разостланы, а на печи выметено: «спать на ней хорошо». Она обязана была наблюдать, чтоб сосуды были вымыты, чтоб в сундуках и коробах все было уложено «хорошенько, и чистенько, и беленько»; лучшее же платье и монисты держала бы в особых сундуках, за печатями и замками, а ключи от пил хранила бы в ларце. Перед крыльцом надо было класть сено, а перед дверьми рогожку, чтоб всякий проходящий мог вытереть свои грязные ноги. Воду хранить в чистоте; для домашних животных, коров, собак и кур и проч. иметь особые суда, «а чистых судов не погани-ти». За всем этим хозяйка должна была надзирать каждый день, и детей своих и слуг учить «добром и лихом, а не имет слово – ино ударить». Так, например, если что нехорошо сварено или испечено: «и о том бранить на повара и на хлебника или на жены, которые стряпают», припасы выдавать по счету, чтоб все было бережно и не раскрадено; а «на погреб и на ледник, и в сушило, и в житницы без себя никою не пускати», и сколько чего будет выдано, то записать на память. Также считать и записывать все, что будет куплено.

Двор должен быть огорожен крепко и ворота всегда затворены, на ночь запирают их замком; а собак иметь «сторожливых», хозяин вместе с женою должен каждое утро и каждый вечер осматривать: целы ли замки на амбарах, чуланах и прочее.

Дворовых людей стараться держать рукодельных, ни воров, ни бражников и ни чародеев, и заставлять их беречь господское платье, а которые не берегут, у таких «нечувственников» отбирать его и хранить у себя; а когда будет надо – на то время выдать. А держать дворовых людей в чести, грозе и дозоре, чтоб хозяйки слушались и повиновались ей во всем: доставлять им все необходимое и заботиться о них, яко жена о своих чадах и о присных. «Домострой» советует иметь дворню по силе, то есть по состоянию. В рассматриваемую нами эпоху было в обычае окружать себя многочисленною дворнею, что отчасти условливалось необходимостью иметь при себе самых разнообразных мастеров и ремесленников. В XVII веке этот обычай так был укоренен, что самое приличие требовало многочисленной дворни, и чем она бывала больше, тем больше придавалось известному дому важности и весу. Котошихин говорит, что бояре и ближние люди держали при себе от 100 до 1000 дворовых людей обоего пола. «А только людей, говорит «Домострой», держать у себя не по силе и не по добыткам, а не удоволити ествою и питьем и одежею: ино той слуги, мужики или женки, или девки, у неволи заплакав и лгать, и красть... и в корчме пити». Доверять слугам «Домострой» не советует; он требует, чтоб хозяйка держала себя в некотором отдалении от слуг и пустотных и пересмешных речей с ними не говорила бы. Надо запрещать слугам, чтоб они вести из дома в дом не переносили: «Где в людех были и что видели недобро, тово дома не сказывали бы, а что дома деется, того бы в людех не сказывали». – «А который ненаказанный (т.е. которому не сделано наставления) и нечувственный раб или рабыня, куда его пошлют, и толко где его не почтят и пити не дадут, и он на подворье вся нелепая сказывает про мужа и про жену. А где люди лукавы и глупого слугу подпоят и из ума выводят, и спрашивают про государя и про государыню (господина и госпожу), и безумный все говорит, что и невместно сказати, и лишнее прильгает». Когда посылаешь куда-нибудь слугу, то надобно наказать, что ему говорить и что сделать; а чтоб не забыл, то отпустивши воротить назад и спросить: что тебе приказано? Если посылаешь что с слугою, то не худо посылку смерить или счесть и запечатать: «ино безгрешно». Любопытен рассказ, как должен был входить в чужой дом посланный от своих господ слуга: подойдя к воротам, он должен был поколотить в них легонько; а в сенях вытереть грязные ноги, высморкать нос и откашляться; затем «искусно сотворити молитву, а только аминя не отдадут, ино и в другое и в третье молитву сотворити, побольше первого; а ответа не отдадут, ино поколотиться. И как впустят, вшед св. иконам поклониться и от государя челобитье и посылки править – ино в ту пору носа не копать перстом, ни кашлять, ни сморкать, а стоять вежливенько». За добрую службу можно слугу пожаловать питьем и ествою, и своим платьем, а за лень – побить; не берут побои, «ино накормив да с двора спустить (здесь говорится о наемных), чтоб иные на такова дурака глядя не испортились».

Волхвов с кореньями и зельями, которые составляли принадлежность

этой эпохи, и баб-торговок, промышлявших не совсем приличным ремеслом, «Домострой» советует не принимать. Вместо суеверных средств, употреблявшихся в болезнях, он предлагает молитву и молебны.

Посмотрим теперь на обеды и пиры наших предков. «Домострой» говорит, что обедать надо в пору – не рано и не поздно; за столом сидеть, сохраняя молчание или ведя приличную беседу, а кушаний не хулить: «Не подобает глаголати: гнило или кисло, или пресно, или солоно; но подобает похваляти, как дар божий». Жене тайно от своего мужа не есть и не пить. Хозяин мог жаловать добрых слуг кушаньем и питьем с своего стола, а у хозяйки «мастерицам и швеям потому же: сама за столом их кормит и подает им от себя». Вот прямое свидетельство, что в других слоях общества существовали те же подачи, которые встречаем при царском столе и которые там раздавались боярам, как выражение государева благоволения. Кушанья были у зажиточных людей многочисленны, но при этом много значило приготовление: одну баранину могли приготовить на множество разных блюд; то же должно сказать и о других мясных яствах. За стол являлась целая вереница ботвиней, лапшей, штей, ухи, взваров и проч. Самою любимую и употребительною приправою служили лук, чеснок, шафран, перец и даже чабер. «Домострой» представляет целые книги с означением, в какой день и что подавать в продолжении года. У бояр ежедневно выдавалась роспись, что готовить к столу, как это видно из росписей столового обихода боярина Б.И. Морозова. Великий пост и особенно страстная неделя соблюдались строго; за стол подавали: хрен, редьку, грибы, капусту, гретую с маслом, икру, кисель и проч. «А кои люди подвижные к богу», те еще более воздерживались. Масло, приправлявшее постные кушанья, было ореховое или конопляное. Кушанья, заменявшие пирожное, были сладкие пироги, оладьи, сырники, манты, хворост, кундубы, такмачи, левашвики; упоминается «долгой пирог подовой Ворсуновьевской». Десерт главным образом состоял из редьки, арбуза, дыни, яблок и ягод, заваренных в сладкой патоке: «а сладки живут вишни в патоке перепущенной», также из пастил и проч. В конце одной росписи Морозова прибавлено: «слугам тож». Когда случалось давать большой пир, то для отпуска кушаний за стол приставляли особенного «доброего человека», а у поставца, у питья и судов, другого, также «доброего бережного» человека. Сходство с распорядком тогдашних царских столов самое близкое: причина заключалась не в подражании дворцовым обычаям, а в одних исторических основаниях всего быта, во всех его сторонах. Если молодые собирались сделать пир (свадебный отвод), то должны были призвать старого человека, угостить его по среднему наряду, подать ему хлеб-соль на полотенце и просить, чтоб он позвал на пир родственников молодой четы и знакомых; родных звать по старшинству: кого прежде, а кого после. Назначение, кого пригласить на пир, зависело от молодого, а молодая не имела здесь голоса: «ино то не женское дело; да и не стать в слух при людях своим умом наказывать. На то есть глава – муж законный». Молодые встречали гостей с поклоном и усаживали

их по старшинству, чтоб было не обидно. Молодой угощал (чествовал) родню женину, а молодая – родню мужнину; а сами за стол не садились: «будет в людех покор». Обходя с чарою, молодой должен был говорить; «ум наш не созрел; буде что состряпано и сварено не по обычаю, ино нам простити для радости и молодости. Состареемся – научимся». Старой гостье подносить чару при всех: «ей та чара не в укор»; а молодую гостью вызвать после обеда, будто на совет, в другую комнату да там одной и поднести чару с поклоном и почетом: «а то все делай в утаи, чтобы было без зазора и без укора от злых людей». После обеда хозяйка «уряжает» стол ествами сахарными, сладями и вареньями, а «молодому знать свое дело: усаживать гостей у поставца и чествовать их напитками вдоволь и по разумку на славу и почесть». «Всему тому (по отзыву «Домостроя») есть обычай испокон века, да и дело то не писаное, а уложено старыми людьми недаром и должно вершиться без всякия порухи, что не было на смех и позор».

В гости часто ходить «Домострой» не советует; но необходимо посещать родных в дни крестин, именин и больших праздников; жена может идти в гости не иначе как с позволения и по разбору мужа. Собираясь в гости, а равно и в праздничные дни – наряжались в лучшие платья; у женщин при этом большую роль играли белила и румяна. Когда женщина отправится в гости или к ней придут гости, то беседу вести о рукодельях и домашнем устройении, а «дурных и пересемешных» речей не слушать; чего не знает сама, о том спрашивать других вежливо; а после обо всем рассказать мужу. Пьяного питья женщине надо остерегаться: «пьяный муж дурно, а жена пьяна в миру не пригоже». «Егда зван будеши на пир (говорит «Домострой»), не мози упиватися до пьянства, ни поздно сидети; занеже во мнозем пьянстве и в долзем сидении бывает брань и свара и бой притчею». «Напившись пьян, не дойдешь и до дома спать, а на пиру где пил, там и заснешь, и платье на себе загрязнишь и колпак или шапку потеряешь; а будут в мошне деньги – вынут». «А от людей срамота, и молвят: где пил, тут и уснул». Если и поедешь домой пьян, то не доберешься до дому, а заснешь на дороге, и «соймут с тебя все платье, не оставят и срачицы (сорочки)». В старину любили веселиться и пить, а потому наперед заботились о мерах предосторожности: во время пира назначался хозяином особенный «бережный» человек, который обязан был смотреть: «не окрали бы чего (на дворе), и гостя пьяново беречи, чтоб не истерял чего и не избился, и брань бы не была ни с кем».

Такую полную картину частного быта наших предков, с их набожностью, уважением старших, с их приличиями и любовью повеселиться, рисует нам «Домострой». Надеемся, что из этого обозрения ясно раскрывается важное значение этого драгоценного памятника; подтверждение его свидетельства другими источниками, например, букварями, Котошихиным и проч., прекрасно говорит за действительность быта, изображаемого «Домостроем».

ИЗДАТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ, ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ СУВОРИН

Чествование Алексея Суворина (1834–1912) по случаю семидесятилетия было 27 февраля 1909 года: поздравляли министры, высокие думские деятели, церковные иерархи, генералы, зарубежные посланники, ученые, писатели, журналисты, артисты. От Государя был прислан портрет с собственной надписью: «А.С. Суворину, честно проработавшему на литературном поприще в течение 50 лет на пользу родной страны». В огромном зале Петербургского Дворянского собрания приглашенных было свыше четырех тысяч человек. Всевозможные депутации, общества, представители организаций и частные лица. Горы дипломов и адресов, тысячи писем и телеграмм, поздравительные строки и знаки признания и благодарности из-за границы.

И среди этого всероссийского и даже европейского поздравительного великолепия знаменитых и именитых голов был услышан голос с малой родины. Депутат Бобровского земства Воронежской губернии коротко, но выразительно говорил о том, что нет ничего удивительного, когда провинциальное захолустье помнит и чтит своих больших земляков, поскольку их известность делает известным само захолустье. А дивно и славно, когда российские уважаемые имена помнят, откуда они, и благодарственно вспоминают родные места. И далее: «Вы, Алексей Сергеевич, никогда не забывали своего Коршева, а за ним и Бобровского уезда. Вы и в печати о них не раз вспоминали; вы всегда чутко отзывались на

нужды народного просвещения в нашем родном краю. От вас шли деньги; наконец, вы и сад ваш, и усадьбу, где родились, отдали земству, чтобы поставить школу, построенную на ваши средства...»

Да, Суворин всегда помнил, что родился он в крестьянской избе под соломенной крышей, что только ратными делами и ранами его отец, героический участник Бородинской битвы, заслужил капитанский чин, что именно с крутого берегового холма над Битюгом у Коршева открывалась ему широкая даль, манила в путь. На впечатлениях от родного уезда на Битюге и была основана суворинская повесть «Отверженный», опубликованная в 1863 году в журнале «Отечественные записки».

Помнил он и Воронеж, где шесть лет проучился в Кадетском корпусе, и куда после непродолжительной армейской службы возвратился преподавать историю и географию в Бобровском и Воронежском училищах. Готовясь к экзамену в уездные учителя, жил он в 1855 году в Тулиновском особняке, где с недавнего времени установлена суворинская мемориальная доска.

В губернском городе Суворин был деятельным участником литературного кружка, основанного критиком, публицистом Михаилом Де-Пуле и поэтом Иваном Никитиным. В 1861 году ими был осуществлен выпуск общественно-литературного сборника «Воронежская беседа», в котором наряду с никитинским «Дневником семинариста» на

шло место и суворинским – повести «Черничка» и рассказу «Гарибальди». Уроженец Бобровского уезда всегда помнил отзывчивость, какую оказали начинающему литератору старшие воронежские собраты.

Вскоре он переезжает в Москву, знакомится с выдающимися отечественными писателями – Лесковым, Островским, Салтыковым-Щедриным, Толстым, Тургеневым, Некрасовым. Обращает на себя внимание как даровитый журналист. Толстой обращается к нему с просьбой написать о патриархе Никоне для его «Ясной Поляны», подготовить книжку для яснополянских крестьян.

Затем Суворин обосновывается в Петербурге и за оставшиеся годы жизни добивается столь многого, что это кажется непосильным для одного человека: выдающийся публицист и журналист, первый среди русских фельетонистов; видный драматург и беллетрист; владелец и редактор одной из самых читаемых в России газет – «Новое время». Газета, закрытая большевиками сразу же после их прихода к власти, составила целую эпоху в отечественной журналистике, дала богатейший материал о русской жизни того времени. Суворин – поистине «Ломоносов русской ежедневной печати». Он же и знаменитый издатель, и книготорговец – «Наполеон книжного дела». Воплощенные им в жизнь издательские проекты – «Новая библиотека», «Дешевая библиотека», «Научная дешевая библиотека» – широко познакомили читателя с отечественной и мировой классикой. Достаточно назвать десяти томное собрание сочинений Пушкина, изданное небывалым по тем временам – стотысячным! – тиражом. Но сколько еще имен писателей и поэтов, произведения которых вышли в свет в суворинских издательских предприятиях, узнал читатель: Гоголь, Жуковский, Боратынский, Веневитинов, Кольцов, Белинский, Крылов, Карамзин, Костомаров, Одоевский, Лесков, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Чехов...

Добавим, что у всех на виду и на

Алексей Суворин

слуху были также суворинские справочники – «Русский календарь», «Весь Петербург», «Вся Москва», «Вся Россия».

Создать в северной столице театр (ныне Санкт-Петербургский Большой драматический) и вывести его в лучшие – это тоже заслуга Суворина. В дни народного бедствия устремиться в родной уезд (вместе с Чеховым, которого он любил и издавал), чтобы хоть чем-нибудь помочь голодающим – и в этом Суворин. В русско-турецкую кампанию прибыть с револьвером и пером на балканский театр военных действий и в ветхой лодчонке переплыть Дунай, спеша на помощь братьям-славянам, – так поступал Суворин.

Что же касается вообще его отношения к «славянскому вопросу», то здесь уместно процитировать строки из статьи философа и публициста Дмитрия Вергуна «Суворин и славянство», впервые опубликованной в книге воспоминаний о земляке «Телохранитель России», изданной в Воронеже: «А.С. Суворин не принадлежал к теоретикам славянофильского учения, как А.С. Хомяков, братья Аксаковы, братья Самарины, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов и другие. Он был скорее всего практическим славянофилом, а в своих писаниях популяризатором высоких идей тех русских мыслителей, которые ду-

мали веками вперед... устанавливали место славянства во всемирной истории. Отсюда – его дружба с В.И. Ламанским, устройтелем Всероссийской этнографической выставки и Всеславянского съезда в Москве в 1867 году. Созданием же своего собственного органа, в Касьянов день 1876 года, он положил начало такой стремительной популярности славянской идеологии, что она в самом непродолжительном времени могла привести к жертвенному подвигу России для освобождения единовверных братьев на Балканах. К этому времени относится его духовная близость с Ф.М. Достоевским, начало его полного жизненного успеха».

Цельной, но далеко не однозначной

фигурой был Суворин, выразительно прорисованный художником-земляком И.Н. Крамским на двух портретах разных лет. Талантливый литератор и хваткий делец-предприниматель. Бескорыстный жертвователю на благие дела и человек, на ветер копейки не бросавший. Не забывал старого, но и чуток был к новому. Друг, а подчас и недруг больших отечественных дарований, чуравшийся политики и вынужденный быть в ней. Равно чуждый и революционерам, и радикалам, и либералам, но преданно любивший Россию, желавший ей созидательных сил, мира и лада. И никогда не забывавший свою малую родину – славный уголок в Воронежской губернии.

Алексей Суворин

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

«Отец мой был из большой однодворческой семьи, известной в Коршеве под прозвищем Путатовых. Мы, бывало, так и говорили: «Пойдем к Путатовым», к дядьям и племянникам моего отца. Они жили под горой, у самой реки. Рассказывали, что в Путатовых произвели Сувориных потому, что дед или прадед был в каких-то депутатах. Ни отец, ни я не интересовались, что это за депутаты такие были, не интересовались и тем, что за однодворцы Путатовы: обедневшие ли это дворяне, или одинокими дворами сели на берегу реки, вблизи леса и рыбы. Знаю одно, что между однодворцами и другими крестьянами не было никакого различия. Жили, как все, одевались, как и все, и считали себя крестьянами. Отец был, кажется, младшим в семье, состоявшей из нескольких братьев, и был забрит в солдаты в начале царствования Александра, будучи уже женат. Солдатская служба была трудная, начальство строгое, и отец часто вспоминал об этом. (...)

Нас, детей, было у них девять человек, шесть дочерей и трое сыновей, и никто не умер раньше двадцати лет. Я был первым. Родился я мертвым, в бане, куда маменьку увели рожать. Бабушка шлепала, шлепала меня, прежде чем я оказал признаки жизни. Потом родимчик со мной случился. Мать сама меня кормила и через четырнадцать месяцев родила брата

мне, Петра, которому взяли кормилицу, а я высосал у маменьки и свое молоко и братнино. Кормила меня мать больше двух лет.

Как первенца, меня очень баловали, сравнительно с братом. Мать, разумеется, ни о каких системах воспитания понятия не имела, отец же только шутя говорил ей, что надо быть строгой, и рассказывал о своем полковнике, который велел своим детям, следовавшим за полком с матерью в бричке, вылезать из нее и идти пешком. Мать плакала, особенно когда это случалось в дурную погоду. «Надо привыкать», – говорил полковник, и мальчуганы шлепали по грязи до тех пор, пока не заболели. Слушая это, мать моя возражала: «Ну, что тут хорошего детей морить?» – «А ты подожди, Саня, что случилось. Меньшой заболел и умер, за ним и старший. Боже мой, в каком состоянии была полковница, как плакала, а полковник глотал слезы и говорил: «Дети солдата... дети солдата...» Ничего другого сказать не мог. «Мучитель!» – осуждала моя мать.

От груди меня оторвали по третьему году. Жили мы похуже духовенства. Дом наш состоял из двух изб, сенец и «горницы», которая состояла из передней и двух комнат. Крыт был дом соломой, как все деревенские избы. У нас был маленький сад, гумно и баня. Нанимали мы кухарку и работника, да жила у нас еще дочь сестры Натальи, Анна, которую мы все звали «няничкой». Это была веселая, добрая девушка, которая многих из нас нянчила до выхода замуж. Муж ее попал в солдаты и пропал где-то. Она продолжала ходить к нам и живала подолгу у маменьки до смерти. Уже стариком увидел ее в последний раз. Она прихварывала, но была такая же веселая и спрашивала меня; правда, что после смерти души сажают в мешок, завязывают и бросают с горы? За братом Петром следовали пять сестер (Анна, Авдотья, Марья, Варвара и Александра), потом опять сын Дмитрий, умерший двадцати одного года от чахотки, и сестра Анастасия. По мере увеличения семейки мы жили беднее и беднее. Отец построил ветряную мельницу, потом рушку (крупорушку), которую строили раскольники. Я помню, как они сходились с нами за стол, каждый со своей чашкой. Обедали мы обыкновенно в кухне, то есть в избе, вместе с работниками. По воскресеньям обыкновенно обедали в горнице, отдельно, где пили чай. Чай мы пили только по праздникам. Пили его вприкуску. После бани чай был всегда. Наши товарищи с братом были деревенские мальчишки, с которыми мы играли, вили кнуты, пускали змея, ходили купаться в Битюг, ловили руками головастиков, не подозревая в них будущих лягушек. Я воспитался, так сказать, на лоне природы, на живописной реке, противоположный берег которой на десятки верст был покрыт столетними дубами и соснами. Это «графский» лес, как у нас называли, лес графини Орловой-Чесменской, за которым лежало Хреновое с знаменитым конским заводом. С горы, на которой расположено Коршево, Хреновое казалось помещенным на вершине леса, так как противоположный берег реки постепенно поднимался. Вид на долину Битюга, при которой стоит и Бобров, очень красивый, и я всегда любил лесистые реки, но ни одной такой красивой, как Битюг, я не знал. В некоторых местах

Битюга мне показывал отец остатки бобровых построек. Сам он еще помнил на Битюге бобров, которые дали имя городу. В моей повести «Черничка» я набросал свои детские и юношеские воспоминания об этой реке.

УКРАЙНОФИЛЫ

Читал я от скуки «Киевлянин», «Киевский Телеграф», отчеты киевского археологического съезда и передовые статьи «Голоса», как об этом съезде, так и о других матерьях важных. Читал я долго, много, и в голове моей образовалось что-то невозможное. Я невольно вспомнил «просто приятную даму» и «даму приятную во всех отношениях», которые так естественно перешли от фестончиков к похищению губернаторской дочки Чичиковым, и фестончиками убедили себя в несомненности этого готовящегося события. Дама приятная во всех отношениях – это «Киевлянин», просто приятная дама – «Голос», а губернаторская дочка – хохломания; Чичиков, готовящийся совершить преступление, – это сепаратизм.

Это древняя история. Я невольно вспоминаю ту эпоху, когда обвинения в сепаратизме сыпались, как проливной дождь; эпоху эту можно бы назвать исключительно прокурорской, ибо были только обвинители, а защитников не было. «Спасайся, кто может!» – вот эпитафия к этой сатурналии «Московских Ведомостей» с их прихвостнями. Теперь дело стоит лучше; явились обвинители, явились и защитники; обвинители начали было решительным тоном, в нижнем регистре, не соблюдая меры и такта; но защитники указали им на это, и они вдруг перешли в верхний регистр, и дело кончилось писком – голос оборвался, и даже «Голос» оборвался.

Партию начал «Киевлянин» по поводу реферата О.Ф. Миллера о великорусских былинах. «Киевлянин» напоминает того городского, который остался в упраздненном городе как-то нечаянно с сохранением содержания. Делать нечего, содержание получать не за что; городской и не делает ничего, но, привыкнув к казенному содержанию, естественно старается сохранить его и доказать, что он и в деревне нужен. И вот он начинает то усердно мести улицу, то вытягивается в струнку при проезде станového, то чистит свой мундир, то бежит к отцу Петру поставить самовар. «Киевлянину» и потребовалось поставить самовар для отца Петра в форме искаженной передачи прений, вызванных рефератом г. Миллера. Самовар зашипел, запыхтел... «Как бы не ушел», – подумал «Голос», и со свойственной ему предусмотрительностью и ловкостью подхватил самовар и на стол его... Давайте разопьем, – от чаю не отказываются. Начали чаепийствовать, и пошло тут пережевыванье старого на благонамереннейший лад.

Завелись, сударь ты мой – сплетничают чаепийцы за самоваром – опять украинофилы, или хохломаны, или еще проще хлопоманы: народ ехидный, все по-хохлацки говорит: ты ему «милостивый государь» на просвещенном русском наречии, а он тебе: «а що, пане?» Ты ему: «развитие цивилизации», а он в ответ: «яка така цывылызаця?» Согласитесь, это

невозможно допустить в просвещенном государстве! Орест Федорович Миллер говорит: господа, разберем, состоят ли в родстве великорусские былины с думами и думками малорусского народа? Я полагаю, что состоят; однако, в этом не уверен. А, представьте себе – врет чаепиец за самоваром – хохломаны ему отвечают: «Помилуйте, О.Ф., какое состоят? Ну, где же это видано, чтобы мы, иранцы, состояли в родстве с вами, туранцами? Поймите: малороссы – это иранцы, а великороссы – это туранцы: какая же тут связь? Нет, уж извините: пообедать вместе – мы готовы, распить бутылочку шампанского – с большим удовольствием, но думки – это наши, иранские, а былины – это ваши, туранские. Одним словом, отбивались насмерть от объединительных объятий туранской литературы и обнаруживали крайний украинофильский патриотизм, который, как всему миру известно, есть политическая фальшь...

Разумеется, эта чайная, или передовая беседа «Голоса», написана с тою серьезностью, которая приличествует всем глупым шуткам. Чуть в набат не бьют оттого, что мужик трубку закурил. Г. Миллер не выдержал этого и отвечал, что ничего подобного тому, что было сказано «Голосом» и «Киевлянином», не было, что происходила обыкновенная археологическая, литературная беседа, без всякой политической подкладки. Так и выпили весь чай, а публика читает и думает: однако, надо принять меры, и, хлопая по «Голосу», говорит: «Вот газета, все вовремя скажет!»

Но этим дело не кончилось. Беседа продолжалась в местных газетах, «Киевлянине» и «Киевском Телеграфе». Тут начали разбирать, кто «левобережный» и кто «правобережный», т.е. кто уроженец правого берега Днепра и кто левого. И, кроме того, кто истинный сын отечества – левобережный или правобережный? Слова льются рекой. Один настрочил кучу благонамеренных мыслей о том, что дважды два четыре, и подписался «Левобережный»; другой, в ответ ему, написал не менее о том, что единица равна единице и подписался «Действительный левобережный».

Г. Левобережный пошел потом дальше и стал уверять, что заниматься старинными малорусскими думами дело одного рода с интригами против великорусских чиновников. «Действительный левобережный» отвечал ему словами Чацкого Репетилову: «Ври, да знай же меру!» Ничего другого он не заслуживал, но я пожалел, что это сказано было в конце ответа, после убедительных доказательств в пользу этого бесспорного положения относительно г. Левобережного. Замечательно, что «Голос» вполне соглашается с г. Левобережным и даже выписал его совет украинской молодежи не заниматься «галушками, думками, гайдамаками и дивчатами». Удивляюсь, как О.Ф. Миллер, в своем ответе «Голосу», не обратил внимания на этот бесподобный совет. Понятно, что можно не заниматься ни галушками, ни думками, ни даже гайдамаками, но как не заниматься дивчатами? На кого же останутся дивчата, если молодежь перестанет ими заниматься? Неужели редакция «Киевлянина», по всей вероятности, очень почтенная, но редакция «Голоса», не менее почтенная, полагают, что от дивчат также легко отказаться, как от галушек? Напрасно...

Я отыскиваю комические стороны в этой полемике; но я не могу скрыть, что подкладка под нею весьма серьезная. Читая все это, чувствуешь, что сердце говорит у этих людей, что они сдерживают его порывы, сдерживают свое негодование, пространно и толково отвечая на обвинения в сепаратизме, в украинофильстве; они хотят убедить своих противников, научными доводами, что они ошибаются, что они принимают за политические тенденции очень естественную в каждом из нас любовь к родине, которая не закрывает и не может закрыть более широкого и более осмысленного, хотя, быть может, и более холодного чувства любви к отечеству. Вы чувствуете, что этим людям, любящим свою Малороссию, шутка не удастся и слишком горько звучит их насмешка, чтоб быть действительною, чтоб метко и больно попасть во врагов. Вы чувствуете, что редакция «Киевлянина» нечистыми руками и не вовремя коснулась старой раны и разбередила ее, и вот эти обвиненные в том, что они занимаются думами и песнями, что они любят родную поэзию, под звуки которой они вскормлены, что эту поэзию, эти песни, эти задушевные мелодии они предпочитают великорусским – эти обвиненные, говорю, доказывают, что они правы в своем чувстве, что они никаких сепаратических стремлений не имеют, что они желают жить общерусскою жизнью; что если они пишут по-малорусски, то ведь литература на местных наречиях существует у всех народов, у немцев, французов, итальянцев; что если они желают учить народ грамоте по-малорусски, то единственно потому, что это педагогичнее, скорее ведет к цели, делает переход для мальчика от местного наречия к русскому языку легче. Чем нелепее, наглее нападки на них, тем они с большим жаром доказывают, доказывают... даже выписки делают из г. Юркевича, московского профессора и известного союзника «Московских Ведомостей».

Грустно, что все мы вертимся около первоначальных истин; еще грустнее, что и на эти истины мы не смеем глядеть прямо и просто. Иногда кажется, что мы только еще начинаем жить, что мы только еще родились; нет определенной, достаточно широкой арены для думы и действия, и мы ворошимся, как белка в колесе, в узкой сфере пережеванных вопросов и стремлений, обвиняя друг друга Бог знает в чем, занимая публику Бог весть чем. А если является ширь, то она является беспредельною, идущею за всякие границы, за пределы возможного и разумного... Своею узостью мы толкаем других к этой беспредельности, к этим фантазиям, своей узостью раздражаем, делаем их скрытными, обособленными, когда у них и сил много, и сердце горячо бьется, и эти силы и это сердце они готовы отдать своей родине...

ВОЖДЬ ПЕРЕДВИЖНИКОВ ИВАН КРАМСКОЙ

Менее полусотни картин представило Товарищество передвижных выставок при первом своем «выходе в народ» поздней осенью 1871 года в Москве. Но что за полотна! Какие имена! «Майская ночь» Крамского и его же кисти портреты художников Клодта и Васильева, «Грачи прилетели» Саврасова, «Порожняки» Прянишникова, «Петр Первый допрашивает своего сына царевича Алексея в Петергофе» Ге, «Охотники на привале» Перова... Сколько поэзии и подлинной, непритуманной жизни! Явление, прежде небывалое в искусстве, – ни в русском, ни в мировом. Вскоре выставки с успехом прошли в Харькове, Орле, Воронеже...

Духовным вождем Товарищества передвижных выставок был Иван Крамской (1837 – 1887), уроженец уездного города Острогожска Воронежской губернии. И поэзию, и трагический ход жизни он почувствовал здесь, в небольшом городке на реке Тихая Сосна. Любуясь окрестными видами, рано потянулся рисовать, лепить.

И родители, и старшие братья надеялись, что самый младший по окончании Острогожского уездного училища продолжит семейную традицию служительства в местной думе. Но – нет. Отец умер рано. Мать, смирившись с художнической страстью младшего сына, ничем не могла помочь, разве что, уступив его мольбам, отправилась с отроком в Воронеж к иконописцу. Последний не разгадал в Крамском истинное дарование, и дальше растирания красок дело не пошло. Пришлось вернуться в Острогожск. Тут появился в

городе заезжий фотограф, некто Данилевский, и предложил юному художнику ретушировать его фотографии. Кабальный контракт длился три года. За эти три года Крамской поехал по России, по русским, украинским городам и весям и вполне нагляделся жизни и беды народной. И он жаждал сказать свое слово об этой жизни.

В 1857 году он, двадцати лет, блистательно исполнив рисунок «Голова Лаокоона», был принят в Петербургскую академию художеств. Его картина «Поход Олега на Царьград» удостоивается золотой медали. Но менее всего историческими, а то и мифологическими сюжетами можно было пробавляться в стране, в которой – «отчего дите плачет, отчего погорельцы стоят черные, отчего деревни черные?» (Достоевский). Ученики хотят на холсте запечатлеть жизнь народную, а верхи академические нацеливаются на отвлеченное, далекое от злобы дня. И когда в 1863 году для конкурса в связи со столетием Академии предлагается сюжет из скандинавской саги – «Пир в Валгалле», четырнадцать молодых художников во главе с Крамским оставляют стены Академии.

Образуется художественная артель, а затем и Товарищество передвижных выставок.

Каждое полотно Крамского, – будь то психологически глубокие портреты Некрасова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, основоположника знаменитой галереи Третьякова, или социально чутко уловленные «Полесовщик», «Крестьянин с уздечкой», «Неутешное горе»,

«Неизвестная», – вызывали большой общественный резонанс. Но, пожалуй, самое его проникновенное полотно – «Христос в пустыне».

...В мрачной иссиня-серой пустыне, в предутренний час на холодных камнях сидит одинокий человек. Бог. Он погружен в тяжелые раздумья. Лицо страдальческое, изможденное. Низкий горизонт подчеркивает великую духовную силу сидящего. Картина явилась как потрясение, укор суетному, загадка. Крамской, отвечая на вопрос, что же хотел сказать он, создавая такое древнее, такое современное полотно, писал: «Есть один момент в жизни каждого человека, когда на него находит раздумье – пойти ли направо или налево... Это не Христос. То есть, я не знаю, кто это... Я хотел нарисовать глубоко думающего человека».

«Хохот» («Радуйся, царю иудейский») – большое полотно, как бы продолжающее «Христа в пустыне», так и осталось незавершенным. У художника была большая, им любимая семья – жена-единомышленница, дочь, пятеро сыновей. Нередко приходилось думать о куске хлеба насущного. Постоянные

Иван Крамской

долги, опостылые заказные портреты, творческие спады, смерть сыновей – все это подкосило художника. Не дожив и до пятидесяти, он скончался внезапно – в час удачной работы, упав на мольберт, с кистью в руке.

Теперь на родине есть музей его имени. Есть и памятник Крамскому. Главный же памятник художнику – его «живые» полотна, их красота, их чувство народной судьбы.

Иван Крамской

О СЕБЕ И СВОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

Я родился в 1837 году, 27 мая, в уездном городке Острогожске, Воронежской губ., в пригородной слободе Новой-Сотне, от родителей, приписанных к местному мещанству. 12-ти лет от роду, я лишился своего отца, человека очень сурового, сколько помню. Отец мой служил в городской думе, если не ошибаюсь, журналистом; дед же мой, по рассказам, был так называемый войсковой житель, и, кажется, был тоже каким-то писарем в Украине. Дальше генеалогия моя не подымается. Как видите, она столь же древняя, как и любая дворянская. Учился я вначале у одного грамотного соседа, а потом в Острогожском уездном училище, где и кончил курс с разными отличиями, похвальными листами, с отметками «5» по всем предметам, первым учеником, как свидетельствует и аттестат мой. Мне было тогда всего 12 лет, и мать моя оставила меня еще на один год в

старшем классе, так как я был слишком мал. На следующий год мне выдали тот же аттестат, с теми же отметками, только с переменою года. Как видите, ученость моя очень обширна. Не имея средств перевести меня в Воронежскую гимназию, куда мне очень хотелось, я остался в родном городе и стал упражняться в каллиграфии в той же городской думе, где место моего отца занимал тогда старший брат (старше меня лет на 15). Потом служил несколько времени у посредника по любовному межеванию. Как рано появилось у меня влечение к живописи – не знаю. Помню только, что 7 лет я лепил из глины казаков, а потом – по выходе из училища, рисовал все, что мне попадалось, но в училище не отличался по этой части – скучно было. Когда мне было уже 16 лет, мне представился случай вырваться из уездного города с одним харьковским фотографом, приехавшим в наш город, по случаю собравшихся войск и бывших парадов, разводов, учений. С этим фотографом я объехал большую половину России, в течение трех лет, в качестве ретушера и акварелиста. Это была суровая школа – фотограф был еврей. В это время (а начал и раньше) я очень много читал, поглощал все, о чем только мог услышать. 20 лет приехал в Петербург и поступил в Академию в 1857 году, а в 1863 г. вышел из нее вместе с товарищами, в числе 14 человек, отказавшись от конкурса на большую золотую медаль. Затем, женившись, я начал вечную историю борьбы из-за куска хлеба, преследуя в то же время цели, ничего общего с рублем не имеющие. Так дело тянется и теперь. Когда кончится мое (в сущности каторжное) теперешнее положение и кто одолеет в борьбе – я не знаю и не предугадываю. Еще 5 лет тому назад я, пожалуй, ответил бы с несомненною уверенностью, что я буду победителем, но теперь... не решаюсь. Чем больше захватываешь поле, тем больше встречается препятствий, не имевших прежде места, силы же не увеличиваются в той же прогрессии. Словом, на этом месте начинается сказка про белого бычка, и потому останавливаюсь, должно быть, из благоразумия. Никогда и ни от кого: ни от отца, ни от брата, ни от матери и ни от кого из благодетелей, я не получал ни копейки. Служил я за 2 р. 50 к. в месяц. Уехал из Острогжска к фотографу в Харьков – на заработанный рубль. Учился и всегда жил только на то, что мог заработать. Вот моя история. Признаюсь, мне было тяжело рассказывать биографические данные, и я охотно бы предпочел не делать этого, но так как из меня, очевидно, вышло нечто в роде «особы» и так как люди очень любопытны и не могут отстать, пока не узнают чего-нибудь (это не к Вам относится, а к читателям – честное слово!), то и пусть узнают голую правду. Мои работы: еще будучи учеником Академии, в 1863 г., я сделал до 50-ти рисунков для купола в храме Спаса в Москве, своему профессору Маркову, и 8 картонов, в натуральную величину. Потом, уже по выходе из Академии, через 1,1/2 года, писал и самый купол. Потом портреты, портреты и портреты, и карандашом, и красками, и чем попало. Сколько их и где

они – не помню и не знаю, потому что я, в качестве русского человека, в этом отношении никуда негодный человек: всегда хотел вести счет, записать, что, кому и когда сделаю, даже несколько раз давал искреннее слово снимать фотографии и... должно быть, обстоятельства выше намерений. Знаю, что это не оправдание!..

Из письма А.К. Шеллеру, 1880 г.

«ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ»

Под влиянием ряда впечатлений у меня осело очень тяжелое ощущение от жизни. Я вижу ясно, что есть один момент в жизни каждого человека, мало-мальски созданного по образу и подобию Божию, когда на него находит раздумье – пойти ли направо или налево... Мы все знаем, чем обыкновенно кончается подобное колебание. Расширяя дальше мысль, охватывая человечество вообще, я, по собственному опыту, по моему маленькому оригиналу, и только по нему одному, могу догадываться о той страшной драме, какая и разыгрывалась во время исторических кризисов. И вот у меня является страшная потребность рассказать другим то, что я думаю. Но как рассказать? Чем, каким способом я могу быть понят? По свойству природы, язык иероглифа для меня доступнее всего. И вот я однажды, когда особенно был этим занят, гуляя, работая, лежа и пр. и пр., вдруг увидал фигуру, сидящую в глубоком раздумье. Я очень осторожно начал всматриваться, ходить около нее, и во все время моего наблюдения (очень долгого) она не пошевелилась, меня не замечала. Его дума была так серьезна и глубока, что я заставал его постоянно в одном положении. Он сел так, когда солнце еще было перед ним, сел усталый, измученный, сначала он проводил глазами солнце, затем не заметил ночи, и на заре уже, когда солнце должно подняться сзади его, он все продолжал сидеть неподвижно. И нельзя сказать, чтобы он вовсе был нечувствителен к ощущениям: нет, он, под влиянием наступившего утреннего холода, инстинктивно прижал локти ближе к телу, и только, впрочем; губы его как бы засохли, слиплись от долгого молчания, и только глаза выдавали внутреннюю работу, хотя ничего не видели, да брови изредка ходили-то подыметь одна, то другая. Мне стало ясно, что он занят важным для него вопросом, настолько важным, что к страшной физической усталости он нечувствителен. Он точно постарел на десять лет, но все же я догадывался, что это – такого рода характер, который, имея силу все сокрушить, одаренный талантами покорить себе весь мир, решается не сделать того, куда влекут его животные наклонности. И я был уверен, потому что я его видел, что что бы он ни решил, он не может упасть. Кто это был? Я не знаю. По всей вероятности, это была галлюцинация; я в действительности, надо думать, не видал его. Мне показалось, что это всего лучше подходит к тому, что мне хотелось рассказать. Тут мне даже ничего не нужно

было придумывать, я только старался скопировать. И когда кончил, то дал ему дерзкое название. Но если бы я мог в то время, когда его наблюдал, написать его, Христос ли это? Не знаю. Да и кто скажет, какой он был? Напав случайно на этого человека, всмотревшись в него, я до такой степени почувствовал успокоение, что вопрос личный для меня был решен. Я уже знал и дальше: я знал, чем это кончится. И меня нисколько не пугала та развязка, которая его ожидает. Я нахожу уже это естественным, фатальным даже. А если это естественно, то не все ли равно? Да даже лучше, что оно так кончилось, потому что вообразите торжество: его все признают, слушают, он победил – да разве ж это не было бы в тысячу раз хуже? Разве могли бы открыться для человечества те перспективы, которыми мы полны, которые дают колоссальную силу людям стремиться вперед? Я знаю только, что утром, с восходом солнца, человек этот исчез. И я отделался от постоянного его преследования.

Итак, это не Христос. То есть, я не знаю, кто это. Это есть выражение моих личных мыслей. Какой момент? Переходный. Что за этим следует?..

Из письма В.М. Гаршину, 16 февраля 1878 г.

ГЕОПОЛИТИК АНДРЕЙ СНЕСАРЕВ

В каталоге международного аукциона «Сотбис» (Лондон, 1989) зафиксирована немало стоящая записка Сталина к Ворошилову – кратко-выразительная, из тридцатого года: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю годами. И. Сталин».

Андрей Снесарев (1865 – 1937) – геополитик, военный деятель, ученый-ориенталист, педагог, публицист – родился в донской слободе Старая Калитва Острогожского уезда Воронежской губернии в семье священника. Когда мальчику исполнилось пять лет, отец его был переведен на духовное служительство в станицу Камышовская Области Войска Донского.

Далее следуют вехи, в которых – биография незаурядная, судьба подвижническая. Новочеркасская гимназия, Московский университет, блистательная защита кандидатской диссертации «Исследование о бесконечно малых», Московское пехотное училище, семь лет службы в полку. Одновременно Снесарев учится в консерватории. Красивый баритон, он пел с Собиновым, в Большом театре исполнял однажды партию Невера в «Гугенотах». Академия Генерального штаба, служба в Туркестанском военном округе, многомесячная экспедиция в Индию, статьи и книги по «восточному вопросу», глубокие доклады на конгрессе ориенталистов в Копенгагене. Служба в управлении Генерального штаба, армейские будни на западной границе, командование полком, дивизией, корпусом в годы Первой мировой войны, успешно проведенные операции в знаменитом Брусилловском прорыве. Участвовал в десятках

сражений. Исходил, изъездил многие страны, знал более десятка языков.

После 1917 года новая власть возложит на Снесарева оборону Царицына, и он будет успешно вести ее до той поры, пока не произойдет его резкая стычка со Сталиным и Ворошиловым. Вскоре он – командующий Белорусско-литовской армией. С девятнадцатого года начальник Академии Генерального штаба, через два года – первый ректор Института востоковедения. Занимаясь преподавательской деятельностью, он и много пишет, переводит на русский западных военных теоретиков, работает над книгами «О чем говорят поля сражений», «Огневая тактика». В 1928-м Снесареву – среди первых в стране – присваивается звание Героя Труда. Через год его имя – в списке баллотирующихся в Академию наук СССР.

В 1930 последовал арест, приговор по статье пятьдесят восьмой. Была «арестована» и рассыпана уже набранная, к печати подготовленная «Этнографическая Индия» (часть многотомного снесаревского труда «Индия. Страна и народ»). Высшая мера, правда, была заменена высылкой в Свирские лагеря и на Соловки. Освобожденный в 1934, больной, Снесарев уже не смог вернуться к активной деятельности.

Когда я учился в Калитве, о Снесареве в школе и слободе никто не говорил, да едва ли кто и знал, что он – земляк.

Благодаря стараниям ученых-ориенталистов, военных историков, подвижничеству дочери нашего земляка – Евгении Андреевны Снесаревой, добро-

Андрей Снесарев

вольно разделившей с отцом тяготы северной ссылки, собравшей, сохранившей его творческое наследие, фигура уроженца Старой Калитвы предстает во всей подлинной значительности.

Автору этих строк посчастливилось

на протяжении многих лет встречаться с Евгенией Андреевной, преподававшей английский в МГУ, знакомиться со снесаревским архивом. Читал страницы научных, исторических, военных трудов одного из, быть может, величайших геополитиков и не мог не поражаться глубине снесаревской мысли, пронизательности взгляда.

Знать бы в свое время советским верхам хотя бы некоторые из снесаревских размышлений-предостережений – например, об Афганистане и афганцах, – высказанных за десятки лет до ввода войск в Афганистан: «Гордый и свободолюбивый характер народа и огромная горная площадь вполне гармонируют с... бездорожьем, делая страну трудной для завоевания, а особенно для удержания власти».

Не знали? Не сумели осмыслить серьезез? Не захотели услышать?

Андрей Снесарев

ИЗ ПИСЕМ ЖЕНЕ

(С полей сражений Первой мировой войны)

«Под огнем противника иногда гибнут и животные (не говоря про лошадей), и их смерть как-то особенно действует. Я помню, видел убитого зайца, которого поймала на его заячьем пути шрапнельная пуля... он был весь какой-то искривленный, с выломленной вверх головой. Сегодня мне офицер рассказывает, как шрапнельной же пулей поражен был аист; он уже начал планировать, чтобы спуститься в свое гнездо и был убит прямо в сердце... он продолжал лететь (как это бывает с птицами, пораженными в сердце), широко расставив крылья, и упал на траву... В его полузакрытых глазах замерло недоумение: «Что со мной сделали? Почему?» Вообще неприятно, когда от боя терпит посторонний, – человек или животное, ибо на вопрос, при чем они тут, никто не может ответить» (22 июня 1915).

«В лесу есть маленький домик, вроде охотничьего, а возле него у дороги стоял кивот с иконой Богоматери «Mater Dolorosa». В день нашего ухода, несмотря на дождь, мы пошли с моим начальником связи, чтобы посмотреть на Богоматерь; две слезы ее, катящиеся по прекрасному лицу, произвели на моего молодого товарища такое сильное впечатление, что

он видел их во сне. Мы пришли и пробыли несколько минут в тихом, уютном, давно покинутом месте. Лил дождь, кругом было пустынно, обрушено, забыто. Плачущая Богоматерь чудно гармонировала с углом, в котором некогда жили весело и на который теперь слезливо проливал дождь свои легкие капли. Деревья качали верхушками и – странно – не все...» (6 августа 1915).

«Сейчас на дворе туманно и сыро, я сижу в помещицьем домике, Пономаренко собирается топить печку, в окно ко мне глядится густой сад; на одном дереве множество мелких яблок, листья деревьев покрыты влагой и каплями. На душе у меня теперь спокойнее – я и сам не знаю, почему, – но еще недавно в те дни было безжалостно тяжело. На войне впечатлительность протекает оригинально: груды трупов и массы раненых трогают мало, а какой-нибудь печальный уголок – плачущий ребенок, раненая лошадь, плетущийся старик – печалит без конца и роет в грустном сердце тяжелые раны...» (28 августа 1915).

«Эмалевые кресты так берут всех нас, что о могилах и крестах деревенных нам некогда подумать как следует... Их так много кругом, они так обыденные, что внимание утомляется, а рука устаёт креститься. А между тем под ними-то и лежат герои, хотя часто другие носят заслуженные теми кресты.

Я помню могилу у дороги в лесу... вероятно, помер дорогой тяжело раненный, и его схоронили. Это был случайный, но трогательный приют. Лес густой и разный, ветер шумит только вершинами, а внизу невозмутимый покой... Я часто ходил мимо и на поперечной перекладине креста видел не раз маленькую птичку, серенькую, с цветным зобиком и зеленоватыми каймами на крыльях... она беззаботно путешествовала по перекладине креста и говорила, говорила без конца, как дети, которых заблаговременно не остановили. Может быть, это все были разные птички, но мне хотелось думать, что это была одна и та же, птичка милосердия, которая наладила посещать одинокую могилу и старалась человеку, прижатому землей, поведать то, что она знала... Прощебетать о далеком осиротелом его угле, может быть, рассказать и о том, как его братья продолжают биться и обещать ему милосердие Творца...» (16 января 1916).

«У нас эти дни стоит холодная погода, идут дожди, и пахнет осенью. Я люблю эту свежую погоду, с холодным ветром и с набегающим между туч сиянием солнца. Я много гуляю – благо, сейчас у нас затишье – и много думаю. Думаю о тебе, моя крошка-женка, которая принадлежит мне «и всеми помыслами и телом», думаю о нашем выводе, и на сердце моем тогда тепло и уютно; я поворачиваю голову на пережитое мною на войне, на все ее окружающее, на ее лицевую и обратную стороны, и тогда думы становятся сложными, запутанными и пугливыми, заключения подходят робко, и я, как старый богатырь земли русской, чувствую себя на роковом перепутье: «направо поедешь – сам погибнешь, налево поедешь – конь погибнет». Но налетит ветер, освежит мое лицо и спугнет, как стадо птиц, мои тревожные думы; я оглядываюсь вокруг: проглянул луч солнца, зе-

леней взглянула мне в глаза зеленая каемка лесов, поплыл, словно аэроплан, аист... Бог с ними, с думами! За всех не передумаешь и слез людских, слез грешного мира не вытрешь; у меня есть моя маленькая женка, думающая обо мне, моя маленькая Троица, и с меня довольно, если я сделаю их счастливыми по силе моей воли и разумения» (23 июля 1916).

«Кругом нас, куда ни придем, бабы, дети и старики, мужчин нет, словно их вымели веником. Нужда кругом большая; если бы не наши солдаты, население умирало бы с голоду. Грустно видеть, как эта тяжелая нужда все выбивает в человеке – нравственное, стыдливое, возвышенное, – когда она подойдет к нему. Дети попрошайничают, прося хлеба и копейку, старики подделываются всячески, чтобы пристроиться к еде, молодые девчонки (15-16 лет) перешучиваются с солдатами таким тоном, который ясно говорит, какой страшный и ранний способ они обрели, чтобы кормить себя и младших братьев. И все за хлеб, от денег часто отказываются. Принесет ли старуха малину, придет ли молодая к солдату на ночь, на вопрос, что ей дать, говорят один ответ: хлеба... он добывается и трудом старухи, ползающей по горам за ягодой, и любовью, которую продала девушка своему «врагу». Война, при всем ее суровом величии и необъятности размаха, во многих своих углах жестокая кровавая драма, особенно там, где она бьет мимоходом, посторонних. Эти посторонние, забитые черным крылом войны, одно из тягостных ее явлений; в минуты раздумий они встают предо мною, как живые и просят меня ответить им: «Зачем, что они сделали»... Ребенок... с простреленными ногами, принесенный в лазарет и лежащий в тряпье (мух от него отгоняет дед, так как мать не может бросить 4-5 других), крестьянин, убитый на улице и свалившийся в канаву с окаменелым недоумением на лице, корова, валяющаяся около пруда с вывороченными внутренностями, беременная баба, убитая пулеметом с аэроплана, аист, пораженный прямо в сердце и уже мертвецом планирующий к земле... И сколько их, и зачем они? Я знаю некоторых людей, храбрых и бодро смотрящих в лицо Смерти, которые уверенно говорят, что после войны они ни секунды не останутся в рядах войска. Я их понимаю, этих жалостливых людей, хотя очень плохих философов. Я сам очень много страдаю с моей жалостливостью, от многих картин, но остаюсь при вере, что война и великое дело, и дело неизбежное. Ибо иначе пришлось бы категорически осудить мыслительный аппарат человечества, не сумевший вычеркнуть войну из своего мирового обихода. В том-то и дело, что война влита в существо нашего мира как один из величайших факторов юридического, экономического и нравственного характера» (21 августа 1916).

«Я со своим домом стою все на тех же местах; вчера у нас была служба в малюсенькой, но очень уютной церкви; солдат была масса, пел маленький хор, простые напевы, но благодаря хорошим голосам (особенно один бас) пели славно и трогательно. Вообще, ребята начинают поворачивать к Богу, догадываясь, что без него ровно ничего не выходит: ни победы, ни порядку, ни духовного покою. По вечерам, когда тухнет заря, я вновь

начинаю слышать «Отче наш», которое поют роты, собравшиеся на поверку. А то ведь по первоначально (это мне было доложено на днях, когда уже стали петь) молиться отказывались: «Это старый, мол, режим»... Я приказал сказать, что все мы, и наши дети, и наши внуки давно будем гнить в земле, а этот Режим – Слово Божие – будет также раздаваться по церквам и полям, как он несется теперь, как он несся сотни лет назад... не старый, а вечный режим. На полях приступают к уборке кукурузы... последнее слово жатвы...» (28 августа 1917).

«В мои годы и с моим кругозором трудно человеку замкнуться в личное счастье; судьбы общего, большого, страны, властно стучатся в сердце, кричат: «Открой, дай доступ», и, по словам Евангелия, стучащему открывают. Но подумай, моя единственная и дорогая, если в мое сердце – маленькое и ограниченное, как в сердце всякого человека, нашла себе дорогу общая скорбь, массовое горе, необъятная болезнь, переживаемая страной, что же тогда делается с моим бедным сердцем, как ему скорбно, как ему тяжело, как ему страшно. И что же удивительного, что сны – неясно-спутанные, дикие – тревожат мой сон, что ночью я просыпаюсь внезапно, как от кошмара и долго лежу с открытыми глазами; хожу я по садику, пробую думать или о пустяках, или о чем-либо веселом, облегчающем сердце, и вдруг налетит опять оно – злое, большое, выдавит все текущие мысли и ляжет на сердце тяжелым смеющимся гнетом: и тогда стану я у какого-либо дерева, стою минуту за минутой и смотрю на голубое небо, туда, где мысль простых людей располагает стопы Создателя миров, и мои сухие губы шепчут: «Спаси и сохрани, Ты, пострадавший за нас на кресте». (7 сентября 1917).

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ ИВАН БУНИН

Знаменитый воронежец, первый российский лауреат Нобелевской премии в области литературы и лауреат Пушкинских премий Императорской Академии наук, почетный академик по разряду изящной словесности Иван Алексеевич Бунин (1870 – 1953) – «последний из русских классиков», как сказал о нем Твардовский, и неповторимое явление в главном созвездии имён мировой литературы двадцатого века.

Его дореволюционных лет стихи и рассказы, трагические повествования «Деревня» и «Суходол», созданные в эмиграции книга рассказов «Тёмные аллеи» и вершинное произведение-воспоминание «Жизнь Арсеньева» (роман о России Александровских времён последней четверти девятнадцатого века и вместе с тем о России вечной, метафизической) обрели широчайшее признание в читающем мире.

Бунин любил путешествовать. Он побывал во многих странах. Судьба распорядилась так, что ему, не принявшему «окаянства» – революционного слома России – долгие годы пришлось жить во Франции – в Париже, Грассе. Но притягательная сила Родины была такова, что и десятилетия спустя он неизменно всё помнил. И более Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы он помнил Чернозёмный край. И это понятно: здесь все его истоки. В Воронеже он родился. (Правда, прожил в нём всего около трёх лет, позже бывал лишь

однажды, в 1907 году приглашённый на благотворительный студенческий вечер, зато помнил о Воронеже неизменно, особенно в испытательные дни).

В Бутырьках и Озёрках Елецкого уезда прошли детские и раннеюношеские годы, в Каменку того же уезда он наезжал к родственникам. Недалёкое от тех мест Глотова-Васильевское – бунинское «Болдино»: здесь создавались «Деревня», «Суходол», «Древний человек», «Господин из Сан-Франциско», «Крик», «Страна содомская»...

В Орле – его первая любовь и начало литературной деятельности, первый поэтический сборник, впервые изданный классический его перевод «Песни о Гайавате».

Прежде чем устроиться в Орле, молодой Бунин побывал в Харькове, где работал брат Юлий. Не только сопредельные Чернозёмному краю харьков-

Иван Бунин

ские нивы, но и вся Украина стала его благодатнейшим душевным переживанием. Он исходил, исплавал, изъездил её дороги, реки и степи, как бы ища былую молодость славянства. В разные годы он ночевал под небом Тавриды, жил в Полтаве, Одессе, шёл по легендарным следам полка Игорева, плавал по Днепру, при виде Хортицы и порогов воодушевляясь славными и трагическими видениями прошлого. И он навсегда полюбил край, где, по слову

Гоголя, «сердечней чувство и нежней славянская природа», и посвятил ему строки истинно прекрасные.

Писатель, разумеется, отменно знал и родной край, исходил и изъездил его не раз. В «Жизни Арсеньева» и других произведениях, созданных за границей, мы то и дело встречаемся с названиями сёл, городов, знакомых станций – Елец, Становая, Измалково, Белгород, Орёл, Курск, Липецк, Задонск, Воронеж...

Иван Бунин

СВЯТЫЕ ГОРЫ

I

Путь к Донцу, к древнему монастырю на Святых Горах, пролегает на юго-восток, на Азовские степи.

Ранним утром великой субботы я был уже под Славянском. Но до Святых Гор оставалось еще верст двадцать, и нужно было идти поспешно. Этот день мне хотелось провести в обители.

Преодо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины. С утра в степи было повесенному холодно и ветрено; ветер просушивал колеи грязной дороги и шуршал прошлогодним бурьяном. Но за мной, на западе, картинно рисовалась на горизонте гряда меловых гор. Темнея пятнами лесов, как старинное, тусклое серебро чернью, она тонула в утреннем тумане. Ветер дул мне навстречу, охлаждал лицо, рукава, степь увлекала, завладевала душой, наполняла ее чувством радости, свежести.

За курганом блеснула круглая ложбина, налитая весенней водой. Я свернул к ней на отдых. Есть что-то чистое и веселое в этих полевых апрельских болотцах; над ними вьются звонкоголосые чибисы, серенькие трясогузки щеголевато и легко перебегают по их бережкам и оставляют на иле свои тонкие, звездообразные следы, а в мелкой, прозрачной воде их отражается ясная лазурь и белые облака весеннего неба. Курган был дикий, еще ни разу не тронутый плугом. Он расплывался на два холма и, словно поблекшей скатертью из мутно-зеленого бархата, был покрыт прошлогодней травой. Седой ковыль тихо покачивался на его склонах – жалкие остатки ковыля. «Время его, – подумал я, – навсегда

проходит; в вековом забвении он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования».

Отдыхая, я долго лежал на кургане. С полей уже тянуло теплом. Облака светлели, таяли. Жаворонки, невидимые в воздухе, напоенном парами и светом, заливались над степью безотчетно-радостными трелями. Ветер стал ласковый, мягкий. Солнце согревало меня, и я закрывал глаза, чувствуя себя бесконечно счастливым. В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, на Малом Танаисе, воспетом «Словом», – это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, – может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь. Сколько раз разрушался он до основания и пустели его разбитые стены! Сколько претерпел он, стоя на татарских путях, в диких степных равнинах, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгие осады от полчищ диких орд и воровских людей!

Скрип телеги, на которой сидел старик, свесив с грядки ноги в допотопных сапогах, и сопение волов, которые, покачиваясь и вытягивая шею, придавленные тяжелым ярмом, медленно тащились по дороге, разогнали мои думы. Я зашагал еще поспешнее.

Полоса леса серовато чернела вдаль. Я не сводил с нее глаз, думая, что за лесом-то и откроется долина Донца и Горы. Лес оказался очень старым, заглохшим. Меня поразила его безжизненная тишина, его корявые, иссохшие дебри. Замедляя шаги, я с трудом пробирался по хворосту и бурелому, который гнил в грязи глубоких рытвин дороги. Ни одной птицы не слышно было в чащах. Иногда дорогу затопляло целое болото весенней воды. Сухие деревья сквозили кругом; их кривые сучья бросали слабые, бледные тени.

Скоро, однако, в пролете лесной дороги снова проглянула просторная, вольная даль. Сухой степной ветер все усиливался, разгоняя в ярком весеннем небе белые облака, делая даль бесконечной. Монастыря же все не было.

Хохол, к которому я подходил с расспросами о дороге, рослый мужик с маленькой головой, одетый в короткую, словно из осиновой коры сшитую, свитку, не спеша шел за плугом. Плуг тащили четыре вола, а волов вела девочка.

– Тату! – сказала она мужику, обращая его внимание на меня.

Он остановился.

– Эта дорога на Святые Горы? – спросил я.

– А куды вам треба?

– В монастырь.

– Який монастырь?

– Да вы разве никогда не были на Святых Горах?

– В якомоіі?

– Да не в економии, а в самом монастыре, в церкви.

– У церкви? Та у нас своя церква на селі.

– А в монастыре?

– Та був, ще хлопцем. Тоді чума на скот була, так казали, що там пробував такий монах, що знав замовляти. От і ходили усі, у кого скотина боліла; звісно, молебствіє служили і в село привозили того шока. Ну, походив він по дворах, покропив водою, а про те нічого не допомоглось.

– Так это дорога туда?

– Эге ж...

И хохол, даже не взглянув на меня, снова спокойно пошел за плугом.

Я уже чувствовал усталость. Ноги ныли в пыльных, горячих сапогах. И я принялся считать шаги, и занятие это так увлекло меня, что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влево и вдруг ослепила резкой белизной мела. Вдалеке, налево, на самом горизонте, над чащей леса, сверкал золотой звездой купол церкви. Но я едва взглянул туда. Передо мной, в огромной, глубокой долине, открылся Донец.

Долго простоял я неподвижно, глядя на мутную синеву этих привольных лугов. Все они были затоплены водой, – Донец был в разливе. Стальные полосы реки сверкали в чащах коричневых камышей и залитых половодьем прибрежных лесов, а к югу разливались еще шире, совсем уже смутные у подножья далеких меловых гор. И горы эти белели так смутно-смутно... Потом я обгонял идущий на богомолье народ – женщин, подростков, дряхлых калек с выцветшими от времени и степных ветров глазами, и все думал о старине, о той чудной власти, которая дана прошлому... Откуда она и что она значит?

Между тем монастырь все еще не показывался. Небо потускнело, ветер начал пылить по дороге, и в степи стало скучно. Донец скрылся за холмами. Я попросил проезжего хлопца подвезти меня, и он посадил меня в свою тележку на двух колесах. Мы разговорились, и я не заметил, как мы въехали в лес и стали спускаться под гору.

Все круче, отвеснее становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная. Мы спустились все ниже и ниже, а столетние красноватые стволы мачтовых сосен, гордо выделяясь среди разнообразной лесной заросли, мощно вцепившись корнями в каменистые берега дороги, плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными кронами к голубому небу. Небо над нами казалось еще глубже и невиннее, и чистая, как это небо, радость наполняла душу. А внизу, сквозь зеленую чашу леса, между соснами, вдруг проглянула глубокая и, как показалось, тесная долина, золотые кресты, купола и белые стены домов у подошвы лесистой горы – все скученное, картинно сокращенное отдалением, – и светлая полоса узкого Донца, и густая синева воздуха над сплошными луговыми лесами за ним...

II

Донец под Святыми Горами быстр и узок. Правый берег его возвышается почти отвесной стеной и тоже щетинится лесной чащей. Под ним-то и стоит белокаменная обитель с величавым, грубо раскрашенным собором посреди двора. Выше, на полугоре, белея в зелени леса, висят два меловых конуса, два серых утеса, за которыми ютится старинная церковка. А еще выше, уже на самом перевале, рисуется в небе другая.

С юга надвигалась туча, но весенний вечер был еще ясен и тепел. Солнце медленно уходило за горы; широкая тень стлалась по Донцу от них. По каменному двору обители, мимо собора, я пошел к крытым галереям, что ведут в гору. В этот час пусто было в их бесконечных переходах. И чем выше подымался я, тем все более веяло на меня суровой монастырской жизнью – от этих картинок, изображающих скиты и кельи отшельников с гробами вместо ночных лож, от этих печатных поучений, развешанных на стенах, даже от каждой стертой и ветхой ступеньки. В полусумраке этих переходов чудились тени отошедших от мира сего иноков, строгих и молчаливых схимников...

Меня тянуло туда, к меловым серым конусам, к месту той пещеры, где в трудах и молитве, простой и возвышенный духом, проводил свои дни первый человек этих гор, та великая душа, которая полюбила горный хребет над Малым Танаисом. Дико и глухо было тогда в первобытных лесах, куда пришел святой человек. Лес бесконечно синел под ним. Лес глушил берега, и только река, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами под его навесом. И какая тишина царила кругом! Резкий крик птицы, треск сучьев под ногами дикой козы, хриплый хохот кукушки и сумеречное уханье филина – все гулко отдавалось в лесах. Ночью величавый мрак простирался над ними. По шороху и плеску воды угадывал иннок, что вплавь переходят Донец люди. Молчаливо, как рать дьяволов, перебирались они через реку, шуршали по кустам и исчезали во мраке. Жутко тогда было в горной норе одинокому человеку, но до рассвета мерцала его свечечка и до рассвета звучали его молитвы. А утром, изнуренный ночными ужасами и бдением, но с светлым лицом, выходил он на божий день, на дневную работу, и опять кротко и тихо было в его сердце...

Глубоко внизу подо мною все тонуло в теплых сумерках, мелькали огни. Там уже начиналась сдержанно-радостная тревога приготовлений к светлой заутрене. А здесь, за меловыми утесами, было тихо и еще брезжил свет зари. Птицы, живущие в трещинах скал и под карнизами церковки, реяли вокруг, визжа, как старый флюгер, и всплывали снизу и неслышно падали вниз, в сумрак, на своих мягких крыльях. Туча с юга заволокла все небо, вея теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрогалась от вспышек молний. Сосны горного обрыва сливались в темную опушку и чернели, как горб спящего зверя...

Я успел сходить и на вершину горы, в верхнюю церковку, нарушил

шагами ее гробовую тишину. Монах, как привидение, стоял за ящиком с свечами. Два-три огонька чуть потрескивали... Поставил и я свою свечу за того, кто, слабый и преклонный летами, падал ниц в этом маленьком храме в те давние грозные ночи, когда костры осады пылали под стенами обители...

III

Утро было праздничное, жаркое; радостно, наперебой трезвонили над Донцом, над зелеными горами колокола, уносились туда, где в ясном воздухе стремилась к небу белая церковка на горном перевале. Говор гулом стоял над рекой, а на баркасе прибывало по ней в монастырь все больше и больше народу, все гуще пестрели праздничные малороссийские наряды. Я нанял лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее против течения по прозрачной воде Донца, в тени береговой зелени. И девичье личико, и солнце, и тени, и быстрая речка – все было так прелестно в это милое утро...

Я побывал в скиту – там было тихо, и бледная зелень березок слабо шепталась, как на кладбище, – и стал взбираться в гору.

Взбираться было трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломе и мягкой прелой листве, гадюки то и дело быстро и упруго выскальзывали из-под ног. Зной, полный тяжелого смолистого аромата, неподвижно стоял под навесами сосен. Зато какая даль открылась подо мною, как хороша была с этой высоты долина, темный бархат ее лесов, как сверкали разливы Донца в солнечном блеске, какую горячую жизнью юга дышало все кругом! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков Игоровых, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз!

А в сумерках я уже опять шагал в степи. Ветер ласково веял мне в лицо с молчаливых курганов. И, отдыхая на них, один-одинешенек среди ровных бесконечных полей, я опять думал о старине, о людях, почивающих в степных могилах под смутный шелест седого ковыля...

ПОЭТ, ПРОЗАИК, ПЕРЕВОДЧИК САМУИЛ МАРШАК

Поэт, прозаик, переводчик Самуил Яковлевич Маршак (1887 – 1964) родился в Воронеже в семье мастера мыловаренного завода. В поисках работы семья переезжала из города в город, на несколько лет обосновалась в Острогоске. В 1902 году, на каникулах в Петербурге, гимназист Острогоской гимназии был представлен Стасову, который принял в судьбе юноши деятельное участие, помог перевестись ему в столицу и здесь закончить гимназию. Помог и в творческом становлении.

Начальные поэтические опыты Маршака – стихи на библейские темы, а также переводы из Мицкевича, Бялика. В 1911 году он предпринял путешествие в Палестину и Сирию, через год уехал с женой в Англию и Ирландию, прослушал курс лекций в Лондонском университете на факультете искусства. Переводил Шекспира, Вордсворта, Блейка, Колриджа, Бернса. В первый год Первой мировой войны возвратился в Россию, некоторое время жил в Воронеже. В семнадцатом переехал в Екатеринодар, где через два года издал сборник «Сатиры и эпиграммы». В 1922 году переехал в Петроград, позже – в Москву. Возглавил

детский журнал «Новый Робинзон». Руководил детским отделом государственного издательства. В годы Великой Отечественной войны выпустил сборник лирических стихотворений «Почта военная». На страницах «Правды» сотрудничал с художниками Кукрыниксами.

Маршак – автор известных произведений для детей: «Сказки, песни, загадки», «Двенадцать месяцев», «Кошкин дом». Незадолго до смерти опубликовал автобиографическую повесть «В начале жизни».

Самуил Маршак

Самуил Маршак

ПУТЬ СЛАВЫ

По большим путям истории
Нас ведет огонь войны.
Степи, горы и предгорья
Далеко озарены.

Блещет Дон военной славою,
Как в былые времена.
Снова – битва под Полтавою,
Бранный гул Бородина.

От побоища Мамаева
До сражений за Донбасс,
От Олега до Чапаева
Славный тянется рассказ.

Городов названья древние
Мы в приказах узнаем,
И деревня за деревнею
В сердце входит с каждым днем,

Здравствуй, Славгород, Ивановка,
Луги, Никонцы, Басань,
Остролучье, Первозвановка,
Переяслав, Березань!

Как дитя, в трудах рожденное,
Будет дважды дорога
Нам земля, освобожденная
От заклятого врага.

* * *

Четыре года было мне,
Но помню как сквозь сон:
Стучат копыта в тишине.
Мы едем через Дон.

Мы едем долго – Дон широк.
Потом пошли сады.
В саду и дали мне глоток
Живой донской воды.

А кто испил воды донской,
Связал себя навек
С широкой синею рекой,
Красою русских рек.

В ВОРОНЕЖ СОСЛАННЫЙ ПОЭТ ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

На открытии мемориальной доски в Воронеже в 1994 году автор этих строк посчитал необходимым сказать об отношении Осипа Эмильевича Мандельштама (1892 – 1938) к языку, на котором он писал. В статье «О природе слова» Мандельштам поистине пропел гимн русскому языку: «...Чаадаев, утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть, что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятельство, – именно: язык. Столь высоко организованный, столь органичный язык не только дверь в историю, но сама история».

Воронеж – драматическая веха жизни поэта. Почти три года (июнь 1934 г. – май 1937 г.) ссыльного проживания. Вспомнится и «яма», и «ворон», и «нож»... Но, с другой стороны, именно в Воронеже в журнале «Сирена» Мандельштам ещё в 1919 году печатает «Утро акмеизма». Именно «Воронежские тетради» – одна из вершин творчества поэта. Именно в Воронеже, думая о преходящем и вечном, предметно-географическом и географически-всечеловеческом, он как бы прокладывает духовный путь «от молодых ещё воронежских холмов к всечеловеческим, яснеющим в Тоскане». Воронеж, Россошь, Анна, Воробьевка, Гремячье – как родственно и напевно звучат эти названия в строке поэта, тяготеющего к классической ясности, созидавшего неповторимое здание классического русского стиха.

А сегодня русский язык и мы вместе с ним – под очевидной трагической угрозой. «Для России отпадением от истории, отлучением от царства исторической необходимости и преемственности, от свободы и целесообразности было бы отпадение от языка. «Онемение» двух-трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории...» Насколько честное, верное пророчество! Как никогда ранее, необходимое. Тревожно взывающее предупреждение.

Осип Мандельштам

Осип Мандельштам

* * *

Эта область в темноводье –
Хляби хлеба, гроз ведро –
Не дворянское уголье –
Океанское ядро.
Я люблю её рисунок –
Он на Африку похож.
Дайте свет – прозрачных лунок
На фанере не сочтёшь.
– Анна, Россось и Гремячье, –
Я твержу их имена,
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.

Я кружил в полях совхозных –
Полон воздуха был рот,
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны – реки обычной –
Белый-белый бел-покров.
Трудодень земли знакомой
Я запомнил навсегда,
Воробьевского райкома
Не забуду никогда.

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола.
Это мачеха Кольцова,
Шутишь: родина щегла!
Только города немного
В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор...
В гуще воздуха степного
Перекличка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.

ЕВГЕН ПЛУЖНИК, ПОЭТ ИЗ КАНТЕМИРОВКИ

Слобода Кантемировка у южной границы Воронежской области, а теперь – и у таможенно зримой границы России и Украины, – родина украинского поэта Евгена Плужника (1898 – 1936).

Ныне Плужник воспринимается как классик украинской литературы XX века. В Киеве изданы книги его поэтических и драматических произведений, вышли его книги и в Воронеже.

Ни по времени, ни в пространственном смысле (Дон, Днепр, Соловки) физическую жизнь поэта протяженно долгой не назовешь. Половина ее – на воронежской земле.

Отец Плужника с Полтавщины переехал на воронежскую землю, в Кантемировку, здесь женился на купеческой дочери. Семья сложилась большая, Евгений был восьмым ребенком. К несчастью, мать рано ушла из жизни.

В Кантемировке Плужник прожил без малого треть жизни. Ежедневно видел пойму речушки, разброс белых хат в вишенниках, церковь, проходящие на Воронеж и на Ростов поезда. Мысленно не один раз возвращался на малую родину, свои стихи одно время подписывал: Кантемирянин.

Гимназическая пора длилась у Евгена дольше обычного. Он сменил несколько гимназий – Воронежская, Богучарская, Ростовская, Бобровская – и нигде, надо сказать, прилежанием и усердием своих наставников не поражал. С математикой и физикой вообще был не в ладах. Нередко пропускал нелюбимые уроки. Иное дело – история и словесность. И когда в двад-

цать лет завершил гимназический курс, по-настоящему знал литературу – и русскую, и украинскую: в пору летних каникул, проведенных не раз на Полтавщине, на родине отца, перечитал горы украинских книг.

На Полтавщину и перебирается Плужник в самый разгар гражданской войны. И война – испытание жестокое, а тут обвалилось огромное несчастье: Евгению выпало пережить в короткий срок смерть отца, брата, сестры. Бедным учительствованием перебивается молодой поэт с хлеба на воду, пока старшая сестра не позвала попытать счастья в Киеве. Киев и стал для него счастьем. Здесь счастливо женился на девушке родом с Полтавщины, с задушевно частым для украинских песен именем Галя; много позже, в далекой Америке, Галина Коваленко напишет «Спогады» – проникновенные воспоминания, в которых образ доброго человека явлен в живых штрихах, думах, словах.

В Киеве Плужник стал печататься и написал свое лучшее – сборник стихов «Дни», «Ранняя осень», «Равновесие», пьесы, роман «Недуга». Еще переводил на украинский духовно созвучное своему – «Тихий Дон», а также Гоголя, Толстого, Чехова. Здесь обрел друзей-единомышленников. Юрий Меженко, Валерьян Пидмогильный, Григорий Косынка, Микола Зеров, Борис Тенета – молодые имена, чистые души, любившие славянский мир, Украину, желавшие достойной доли своему измученному народу.

Евген Плужник

Ладилось и в семье. Со дня на день ожидалась квартира. Киевская квартира, собственный рабочий угол!..

Одарили «квартирой» в другом ме-

сте: в 1934 году Плужник был в ночь арестован и за приписанную ему анти-советскую, националистическую деятельность приговорен к расстрелу. Расстрел был заменен соловецкой ссылкой.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»... Украинский поэт, может, не раз вслух и мысленно повторял знаменитые тютчевские строки. О роковых минутах уже своего века сказал и он – честно, трагедийно-резко, прерывающимся и обрывающимся ритмом и словом.

Но где же свобода выбора? Поэт напоминает о вечном. О посильном и для сильных, и для слабых, и для богатых, и для бедных. О долге человеческом, переходящем в радость человеческую: рожь сеять, дом строить, детишек растить, старинные песни помнить.

Сказал он: «Сейте новые хлеба, где в каждом колоске – боль моя!»

Евген Плужник

* * *

Я знов на хуторі. Шовковий шум гаїв
Приспав усе надворі і в господі!...
Навіть здається, що думки твої
Додумано, – і віршувати годі!

Хіба одну в старенький свій альбом
Вписати десь без зайвих слів і дати:
І хуторові, й віршеві – обом
Час помирати.

Шумят, как шелк, гаи,
Все усыпляя во дворе и в хате...
И кажется – додуманы твои
Все думки, и играть стихами хватит!

Ну разве что один вписать в альбом
Без лишних слов и даты, ибо
Стиху и хутору – обоим
Пришла погибель.

Перевод Ю. Кузнецова

* * *

Сіра мжичка за вікнами. Ніч. Кімната.
І сьогодні таке, як вчора...
Перегортаю Рабіндраната
Тагора.

Крізь щілини віконниці ніч знадвору:
Доле людська, чудна яка ти, –
На сторінках чужого твору
Правду свою шукати!

Серая морось. Ночь. Безмолвия вата.
Тоскливо без горя...
Перелистываю Рабиндраната
Тагора.

Ночь тебе в душу вползает ржой.
Доля людская: не нищий, –
А на страницах в мысли чужой
Все правду свою ищешь!

Перевод П. Чалого

ЕВРОПА

Ахакали, сюсююали – Европа!
Тато не звертались, а папа!
Доки навіть хутір не второпав
– Слів в крові намочених лупа!

Вийшли гречкосії на узгір'я,
Усмішкою очі зайнялись, –
Сходу ще не оране безмір'я,
Заходів в серце подивись!

Виродки, зодягнені по моді...
Визиски... аборти... кокаїн...
Поруч – гнів натомлених заводів,
Болі поневолених краш!

...Опери?.. Розбещені малюнки?..
«Золота, кокоток і вина!»
...Раз за день набиті хлібом шлунки...
...раз в житті розігнута спина!

...Стерлінги... і франки... і корони...
...рани у серцях робітників!..
...трусами уквітчані закони!..
...зброєю згвалтовані вжи...

...Віславили і поступ, і культуру!
Воем ненажерливих гармат!
Трусами розстріляних край муру!
Сотнями в крові омитих дат!
...Бавиться гуманністю по змозі
Сили і кишени адюльтер!
Заходе! чого ж
Ти й досі
Крові на кишнях не обтер?

Ахали – максліндери і поступ!
Мріяли Прилуки про Париж!
– Доки вісе у формулочку просту –
Шлунок, гаманець і ніж!

Стали гречкосії – і докором
Очі неблаганні зайнялись:
– Заходе, ану, коли не сором,
Сходові в обличчя подивись!

ЕВРОПА

Ахали, сюсюкали – Европа!
Кликали не «тато», а «папа»!
Пока даже хутор не вшелопал:
– Слов в крови набухших скорлупа.

Вышли гречкосеи на просторы
С горькою надсадою в груди, –
Целины непаханое море,
Западу в душонку погляди!

Выродки, одетые по моде...
Кокаин... аборты... блеск реклам...
Рядом гнев натруженных заводов,
Боль колоний по материкам.

...Оперы?.. Роскошные картины?..
«Золота, кокоток и вина!»

...И за сутки – хлеба кус единый...
...раз за жизнь распрявлена спина!

...Стерлинги... иль франки... или кроны...
...стон рабочего и мужика!..
...трупам украшены законы!..
...взвихренные войнами века...

...Про прогресс, культуру кто протренькал
Ревом пушек, взрывами гранат,
Трупам расстрелянных в застенках,
Сотнями в крови омытых дат?

...Тешится гуманностью в гордыне
Кошелек и силы адюльтер!
Запад! Почему же и доньше
Кровь на кошелках, сеньор и сэр?

Ахали: Макс Линдер, ход прогресса!
О Париже грезил Буг иль Сож,
Пока вылилось, как пошленькая пьеса:
Кошелек, желудок, нож!

Встали гречкосеи монолитно,
Миллионы нищих вдов, отцов:
– Запад, Запад, ежели не стыдно,
Ты Востоку посмотри в лицо!

Перевод В. Беликова

ГЕНИЙ ИЗ ЯМСКОЙ СЛОБОДЫ АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

Улица, библиотека, гимназия имени Андрея Платонова. Памятник великому земляку на главном проспекте Воронежа. Открытая с помощью Юго-Восточной дороги первая в стране музейная экспозиция, посвященная писателю. Мемориальными досками отмеченные места, где он работал, – бывшие железнодорожные мастерские, трубочный завод, редакция газеты «Коммуна». Платоновский фестиваль... Имя Андрея Платонова (1899 – 1951) звучит на малой его родине привычно и неотменимо.

Он родился в окраинной Ямской слободе и был старшим сыном в многодетной семье слесаря железнодорожных мастерских Платона Фирсовича Климентова (Платонов – литературная фамилия писателя).

Родина отца писателя – Задонский уезд, куда – в поле – чаял он когда-нибудь вернуться. Но крестьянские корни уже оборвались. Отец и старший сын – оба уже технические люди. Люди у колеса.

«Паровоз революции» стремительно вошел в юность писателя, увлек его: за несколько лет будущий писатель прожил по силе пережитого целую жизнь. Учится в Воронежском политехникуме и в университете. Служит в железнодорожных войсках. Работает электрификатором и губернским мелиоратором, осушает болота, восстанавливает мосты и дороги; по собственному признанию – «построил 800 плотин и 3 электростанции». Он словно бы разрывается меж вздыбленной жиз-

нью и тягой к писательству, меж «зерцательным делом – литературой» и прямым участием в преобразовании мира. В газетах и журналах появляются его статьи, рассказы, стихи, отклики на живые токи и боли дня.

В 1926 году Платонова как деятельного специалиста приглашают в Москву – в Наркомзем. Вскоре направляют в Тамбов возглавить губернское мелиоративное управление. Пробыл он в Тамбове недолго, и возвратясь в Москву, окончательно посвящает себя делу писательства. Уже первые столичные книги «Епифанские шлюзы», 1928; «Сокровенный человек», 1928 (помог в их издании возглавивший «Молодую гвардию» бывший редактор воронежской «Коммуны» Георгий Литвин-Молотов, еще в 1922 г. издавший в Краснодаре платоновский стихотворный сборник «Голубая глубина») заставляют говорить о Платонове как о редкостном, самобытнейшем таланте. Однако с начала тридцатых годов – после опубликования рассказа «Усомнившийся Макар» и бедняцкой хроники «Впрок» – на молодого писателя обрушилась массивная хула рапповской критики. Именно на переломе двадцатых-тридцатых годов, на переломе крестьянского мира Платонов создает главные свои произведения «Чевенгур» и «Котлован».

В годы Великой Отечественной войны Платонов – корреспондент «Красной Звезды», выступает с рассказами, очерками о воинской страде солдата-крестьянина, солдата-рабочего; глубо-

Андрей Платонов

ко задушевными, исполненными народного взгляда и философской глубины страницами, в которых он не просто отображал хронику военных действий, но и объяснял, почему мы должны выстоять и «почему мы выстояли в той беспримерной битве».

В бытность военным корреспондентом он с болью сердечной видел измученные, истерзанные земли России, Украины, Белоруссии, исходил их фронтовые поля, изрезанные окопами и противотанковыми рвами. Он сердцем пережил трагическое испытание, прежде всего, славянского мира. Он понимал, что народу нашему сужден крест – снова «заново отстраивать Россию», снова «выходить Родину и переменить ее судьбу – от смерти к жизни».

В соответствии с русской, славянской духовно-нравственной традицией он устами крестьянина из рассказа «Среди народа» желал одного: «Пускай все на свете сбудется, что должно быть по правде...».

Последние годы жизни писателя – самые трагические. В 1943 году скончался надломившийся в северных лагерях сын Платон. Простыв во фронтовых командировках, тяжело заболел и писатель. Печатная травля после войны опубликованного рассказа «Семья Иванова» (чаще публикуется под названием «Возвращение») также не

могла пройти бесследно. Созданные после войны пьесы о поэте-лицеисте и о солдате, пришедшем с войны, как и довоенные пьесы («Шарманка», «Высокое напряжение», «14 красных избушек»), ни издательства, ни сцены не нашли.

И при жизни Платонова литературный мир высоко ценил художника – известны отзывы о нем Горького, Леонова, Шолохова, Хемингуэя, Паустовского. Но поистине всесветной стала его посмертная слава.

Платонов часто пророчески отвечает на многие вопросы, которые в неслыханных формах и объемах проставил апокалипсический двадцатый век. Более того, и на сегодняшний день отвечает так, как если бы он среди нас и все видит. Когда началась перестройка, и «разные акционерные либералы», «имея научное выражение лиц», обещали народу триумфальный праздник от реформ, многим следовало бы перечитать его как жизневедающего, всеосстрадающего, а не как «модного» писателя. Снова перечитать его «Чевенгур» – страницы, где один неробкого десятка крестьянин в донской слободе Старая Калитва, втолковывает заезжему интернациональному устройтелю: «Хлеб для Революции! Дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется?» Вещие слова для всех переломных революций – февральских, октябрьских, апрельски-августовских...

Он говорит: «Для истинной жизни недостаточно только однажды родиться, нужно еще чуть не ежедневно возрождаться»; он убежден: «Где сила, там нет свободы, свобода там, где совесть»; он предупреждает: «Добро и зло теперь могут являться в одинаково вдохновенном, трогательном и прельщающем образе»; он верит: «Мать спасет мир»; «Язык озаряет образ родины».

Не только мрачные оценки и пророчества находим мы у Платонова. Его сердечное сострадание к людям, ко всему доброму или сиротскому на земле, помогает по-мудрому видеть мир. Он

из тех немногих, кто учит нас жить по правде. Правды легкой не бывает.

Войны, лихолетья почти ничего не сохранили от вещного мира Платонова воронежской поры. Ни дома, где он родился, ни Чугуновского кладбища и церкви, колоколу которой он любил внимать, ни самой Ямской слободы. Но город, но те места губернии, в которых бывал Платонов и которые художественно воплотились в его «Ямской слободе» и «Епифанских шлязах»,

«Реке Потудани» и «Жителе одного города», «Котловане» и «Чевенгуре» — они живые. Как и слово писателя — живое!

Когда-то он сказал: «...само бесследное исчезновение бывает условным; часто случается, что однажды умершее впоследствии становится бессмертным и яростно живущее оказывается мнимым и ничтожным».

«Однажды умерший» Платонов обрел бессмертие.

Андрей Платонов

ОДУХОТВОРЕННЫЕ ЛЮДИ

(Рассказ о небольшом сражении под Севастополем)

В дальней уральской деревне пели русские девушки. Одна из них пела выше и задушевнее всех, и слезы текли по ее лицу, но она продолжала петь, чтобы не отстать от своих подруг и чтобы они не заметили ее горя и печали. Она плакала от чувства любви, от памяти по человеку, который был сейчас на войне; ей хотелось увидеть его и утешить вблизи него свое сердце, плачущее в разлуке.

А он бежал сейчас по полю сражения вперед, лицо его было покрыто кровью и потом, он бежал, задыхаясь от смертной истомы, и кричал от ярости. У него была поранена пулей щека, и кровь из нее лилась ему за шею и засыхала на его теле под рубашкой. Он хотел рвануть на себе рубашку, но она была спрятана далеко под бушлатом и морской шинелью. Он чувствовал лишь маленькую рану на лице и не понимал, отчего же он столь слабеет и дыхание его не держит тела. Тогда он рванул на себе воротник застегнутого бушлата; ему сейчас некогда было слабеть, ему еще нужно было немного времени, потому что он шел в атаку, он бежал по известковому полю, поросшему сухощавой полынью. Вблизи от него, справа, слева и позади, стремились вперед его товарищи, и сердца их бились в один лад с его сердцем, сохраняя жизнь и надежду против смерти.

Он пал вниз лицом, послушный мгновенному побуждению, тому острому чувству опасности, от которого глаз смежается прежде, чем в него попала игла. Он и сам не понял вначале, отчего он вдруг приник к земле, но когда смерть стала напевать над ним долгою очередью пуль, он вспомнил мать, родившую его. Это она, полюбив своего сына, вместе с жизнью подарила ему тайное свойство хранить себя от смерти, действующее быс-

трее помышления, потому что она любила его и готовила его в своем чреве для вечной жизни, так велика была ее любовь.

Пули прошли над ним; он снова был на ногах, повинувшись необходимости боя, и пошел вперед. Но томительная слабость мучила его тело, и он боялся, что умрет на ходу.

Впереди него лежал на земле старшина Прохоров. Старшина более не мог подняться: моряк был убит пулею в глаз – свет и жизнь в нем угасли одновременно. «Может быть, мать его любила меньше меня, или она забыла про него», – подумал моряк, шедший в атаку, и ему стало стыдно этой своей нечаянной мысли. Вчера он говорил с Прохоровым, они курили вместе и вспоминали службу на погибшем ныне корабле. И ему захотелось прилечь к Прохорову, чтобы сказать ему, что он никогда не забудет его, что он умрет за него, но сейчас ему было некогда прощаться с другом, нужно было лишь биться в память его. Ему стало легко, томительная слабость в его теле, от которой он боялся умереть на ходу, теперь прошла, точно он принял на себя обязанность жить за умершего друга, и сила погибшего вошла в него. С криком ярости он ворвался в окоп, в убежище врага, увидел там серое лицо ненавистного человека, почувствовал чуждое зловоние и сразил врага прикладом в лоб, чтобы он не убивал нас больше и не мучил наш народ страхом смерти. Затем моряк обернулся в темноте земляной щели и размахнулся винтовкой на другого врага, но не упомянул, убил он его или нет, и упал в беспамятстве, с закатившимся дыханием от взрывной волны. По немецкому рубежу, атакованному русскими моряками, начала сокрушающе бить немецкая артиллерия, чтобы место стало ничьим.

Старший батальонный комиссар Поликарпов издали смотрел в бинокль на поле сражения. Он видел тех, кто пал к земле и не поднялся более, и тех, кто превозмог встречный огонь противника и дошел до щелей врага на взгорье, чтобы закончить его жизнь штыком и прикладом. Комиссар запомнил, как пал сраженным Прохоров, как приостановился и неохотно опустился на землю младший политрук Афанасьев и неровно, но упрямо удалялся вперед на противника краснофлотец Красносельский, видимо уже раненый, однако стерпевший до конца свою муку.

Правый и левый фланги еще шли, но середины уже не было. Средняя часть наступающего подразделения была вся разбита и легла к земле под огнем; был или не был там кто в живых, – комиссар Поликарпов не знал; поэтому он сам решил идти туда и пополз по земле вперед.

Позади него был Севастополь, впереди – Дуванкойское шоссе. Немного левее шоссе поворачивало и шло прямо на юг, на Севастополь. Против закругления шоссе, по ту сторону его, лежало полынное поле, а немного дальше находилась высота, на которой теперь были немцы. С высоты врагу уже виден был город, последняя крепость и убежище русского народа в Крыму.

Правый и левый фланги атакующей морской пехоты вошли на взгорье, на скат высоты, и скрылись в складках земной поверхности, в окопах

противника, занявшись там рукопашным боем. Огонь врага прекратился. Поликарпов поднялся в рост и побежал по взгорью. Четверо моряков с правого фланга присоединились к Поликарпову и помчались вперед, вслед комиссару, пользуясь тишиною на этой еще не остывшей от огня смертной земле.

Поликарпов заметил краснофлотца Нефедова, лежавшего замертво на земле. У комиссара тронулось сердце печалью. Он вспомнил Нефедова, павшего теперь славной смертью, а прежде это был веселый, привлекательный, но трудный человек. И вот он лежит мертвый, он остался уже позади бегущего вперед комиссара.

Внезапный и одновременный удар огня из нескольких пулеметов раздался со второго рубежа немцев; этот рубеж проходил возле самой вершины высоты. Огонь был жесткий и точный; Поликарпов обернулся к бойцам и сделал им знак, чтобы они залегли и сам залег впереди них.

Вдобавок к пулеметам начали бить минометы, и общий огонь стал суетливым и неосмысленным. «Зачем столько огня против пятерых? – подумал Поликарпов. – Пугливо, без расчета бьют!»

Поликарпов осторожно обернулся лицом назад – к бойцам. Они лежали врозь, правильно, хорошо вжившись в землю, тесно прильнув к ней в поисках защиты от гибели.

До переднего немецкого края, куда ворвались на флангах краснофлотцы, осталось пройти метров сто, и обратно, до Дуванкойского шоссе, было столько же.

Минометный огонь усилился; маленькие толстые тела мин с воем неслись над телами людей и рвались на куски, словно от собственной внутренней ярости. Оставаться на месте было нельзя, чтобы не умереть бесполезно.

Поликарпов двинулся вперед.

– За мной! Вперед, на злодеев, мать их...

Но мина прошла мимо него и рванулась невдалеке, а пули секли воздух столь часто, что он, казалось, иссыхал и крошился.

Комиссар оглянулся на моряков: они лежали неподвижно; железная смерть пахала воздух низко над их сердцами, и души их хранили самих себя.

Поликарпов почувствовал удар ревущего воздуха в лицо и приник обратно к земле; стая тяжелых мин пронеслась над отрядом. Комиссар залег вполоборота к своим людям, чтобы видеть, все ли они целы. Пока они все еще были живы. Один Василий Цибулько что-то не шевелился, лежа ничком. Поликарпов подполз к нему ближе и увидел, что Цибулько тоже начал шевелиться, – стало быть, и он был живой. Цибулько изредка приподымал свое лицо от земли и вновь прикивал к ней вплотную. Опухшие, потрескавшиеся от ветра уста его были открыты, он прижимался ими к земле и отымал их, а затем опять жадно целовал землю, находя в том для себя успокоение и утешение. Даниил Одинцов задумчиво смотрел на былинку полыни: она была сейчас мила для него. «Это все хоро-

шо, – решил Поликарпов, – но нам пора вперед», и он снова крикнул краснофлотцам, едва ли услышанный за свистом и грохотанием огня:

– За мной! – и поднялся в рост, обернувшись на мгновение к бойцам.

Все бойцы привстали; однако близкий разрыв артиллерийского снаряда поверг их снова ниц, и сам комиссар был брошен воздухом на землю.

В третий раз комиссар поднялся безмолвно, но тут же упал, не поняв сам причины и озлобившись на враждебную силу, сразившую его. Он скоро очнулся и почувствовал, как холодеет, словно тает и уменьшается вся внутренность его тела, но мозг его работал по-прежнему ясно и жизненно, и комиссар понимал значение своих действий. Он увидел свою левую руку, отсеченную осколком мины почти по плечо. Эта свободная рука лежала теперь отдельно возле его тела. Из предплечья шла темная кровь, сочась сквозь обрывок рукава кителя. Из среза отсеченной руки тоже еще шла кровь помаленьку. Надо было спешить, потому что жизни осталось немного.

Комиссар Поликарпов взял свою левую руку за кисть и встал на ноги, в гул и свист огня. Он поднял над головой, как знамя, свою отбитую руку, сочащуюся последней кровью жизни, и воскликнул в яростном порыве своего сердца, погибающего за родивший его народ:

– Вперед! За Родину, за вас!

Но краснофлотцы уже были впереди него; они мчались сквозь чащу смертного огня на первый рубеж врага, чувствуя себя теперь свободно и счастливо, словно комиссар Поликарпов одним движением открыл им тайну жизни, смерти и победы. (...)

(Публикуется в сокращении)

РАССКАЗЫ ВАСИЛЯ СТЕФАНИКА

Эта книга написана украинским писателем, прожившим всю свою жизнь и умершим в Западной Украине. Василь Стефаник скончался 7 декабря 1936 года, лишь немного не дождавшись освобождения своей родины. Характер, весь духовный образ Стефаника как человека и писателя с наибольшей краткостью и выразительностью определили его земляки, крестьяне села Русова. Они сказали советским людям, пришедшим на могилу писателя: «Он был коммунистом, он очень любил нас». Человека, любившего их, крестьян-бедняков, прожившего всю жизнь верно и неразлучно с людьми труда и бедствий, делившего с ними и мякинный хлеб и свою душу, – этого человека крестьяне называли коммунистом, хотя Стефаник формально не был членом коммунистической партии. Земляки его, однако, интересовались не формой, а сущностью человека и делом его жизни.

Главным же делом жизни Стефаника была литература. И книга рассказов, изданная теперь в Москве, включает в себе почти все, что написал Стефаник. Это может показаться небольшим делом: одна книга за срав-

нительно долгую, шестидесятипятилетнюю жизнь. Но в действительности одна книга Стефаника – это большое, даже великое дело, потому что мощь, энергия книги Стефаника столь значительна, емкость ее содержания столь глубока и обширна, что для создания такой небольшой книги, может быть, даже мало опыта и творческой силы одной человеческой жизни, хотя бы и долгой. Поэтому его переводчик Н.Н. Ляшко совершенно прав, когда пишет в предисловии: «В книгу эту, горячую и необычную, вместились столько человеческих жизней, и жизни эти изображены в ней так, что она возвышается над горами произведений о крестьянстве и так волнует, будто ее родил не один человек, а угнетенные бедняки всего мира. Книгу эту нельзя читать без раздумья и глубокого волнения».

В каждый рассказ Стефаника, размером иногда всего в две-три страницы, вжато, втиснено содержание, которое другому писателю показалось бы достаточным для повести, и это крайне сжатое содержание имеет такую непосредственно-простую и поэтическую форму, которая, будучи прекрасной, подтверждает жизненную истинность произведений Стефаника.

Всегда желаемое и естественное явление в искусстве, когда одушевляющая сила поэзии и движущаяся правда действительности соединяются в одну суть, – это явление осуществляется Стефаником. И оттого смутный, для многих непонятный, мучительный поток жизни, изображаемый Стефаником, приобретает свой истинный, для всех видимый и всеми ощущаемый смысл, потрясающий все человеческие сердца. (...)

Собственно, Стефаник зачастую лишь силой одного своего поэтического видения, а не силой прямого знания приближается к средствам, к правильному пути, на котором возможно спасение и освобождение крестьян-тружеников Западной Украины. Из рассказов Стефаника лишний раз можно убедиться, что политическое освобождение народа, или части народа (как было в Западной Украине) и подавление эксплуататорских классов равносильно физическому спасению народа.

Во многих своих рассказах, в большинстве из них, Стефаник лишь устанавливает, и устанавливает с предельной силой убедительности, что ни физическое, ни нравственное существование малоземельного и безземельного крестьянства Западной Украины невозможно. Автор обычно не указывал путей для выхода крестьянства Западной Украины из его гибельного положения, ограничиваясь созданием реалистически мощной, но неподвижной картины крестьянского существования. Мы далеки от упрека автору за эту, так сказать, «неоконченность» некоторых его рассказов, потому что эта «неоконченность» мнимая. Пусть даже автор не знал тогда, как нужно жить крестьянам, что им следует делать и какими средствами бороться, чтобы спасти себя и своих детей от нужды и гибели, – зато автор со страшной силой чувствовал сам и сумел показать своим землякам, что так жить, как они живут, нельзя. А этого бывает достаточно: люди, познавшие гибельность своей судьбы, почти всегда сумеют найти путь для своего спасения; в каждом человеке есть одушевленность и

понятие о ценности и смысле жизни, писатель же бывает лишь побудителем этих благородных сил.

В некоторых рассказах Стефаник, однако, близок к тому, чтобы, подобно Чернышевскому, призвать крестьян к «топору». Так, в рассказе «Каменный крест» крестьяне обсуждают свое положение следующим образом: «...Я сработался, все мое тело мозоль, а кости такие дряхлые, что, пока их соберешь утром, десять раз ойкнешь». – «Об этом, Иван, что говорить. Не забивайте головы печалью. Может, вы нам дорогу укажете. Ой, выщелочили нас, а в руки так взяли, что никто не может нас вырвать, – надо только убежать. Но когда-нибудь на этой земле поднимется большая резня».

Крестьянин Иван из этого же рассказа жил тем, что всю жизнь распахи-вал бугор, почти насильно заставляя его рожать хлеб. Иван на четвереньках таскал навоз на этот бугор, так что у него кожа с колен слезла. От такого труда Иван начал ходить согнутым в пояс, «и люди прозвали его Переломленным». Бесплодный бугор рожал хлеб, но бугор сломал человека. Выхода словно и нет, но люди ищут выхода, во всяком случае они мечтают о нем; мечтают по-разному: одни мечтают ложно – уехать в далекую, «отвлеченную» Канаду; другие мечтают реально – уйти на великую Советскую Украину или соединить с нею свои земли и жить заодно.

Внутри же того порядка, который существовал на Западной Украине, выхода для батрака, для крестьянина-бедняка и середняка не было. Бывало, что и батрак выбивался в самостоятельные хозяева, но это было временно, непрочно и роковым образом кончалось разорением, а человек возвращался в свое «исходное» положение – в положение батрака. Именно об этом говорится в рассказе «Шли из города», где трое идут наниматься – один на панский двор, другой к торгашу, а третий к попу. С проникновенной и мудрой силой Стефаник показывает, какая злая, разрушительная, животная сила существует в богатстве кулака (рассказ «Поджигатель»). Эта сила враждебна не только в отношении батрака (что естественно), но и в отношении самого хозяина: она превращает его в раба своего же добра, в алчного, темного зверя, беспощадного даже к своим детям и к самому себе. «Сельский богач Андрей Курочка сидел за столом и не обедал, а давился каждым куском. Домашняя челядь входила в хату с грязными ведрами, спешила, бранилась, выносила скотине поило. Дети богача и работники были грязными, чахлыми, – все влачили на себе неотесанное, тяжкое ярмо мужицкого богатства, которое никогда не дает ни покоя, ни радости. Сам богач горше всех томился в этом ярме, громче всех проклинал свою долю и безустанно понукал детей и батраков».

Люди в рассказах Стефаника пребывают словно в каком-то «третьем» состоянии, то есть они не мертвы, но и жить в их положении нельзя: и они томятся в промежуточном, мучительном, трагическом положении, срываясь в свою гибель (рассказ «Басарабы», где описано поколение самоубийц). Кратко, упрощенно говоря, Стефанику удастся в иных своих рассказах показать, как экономический хаос капитализма превращается в

конечном счете в умопомешательство человека и в казнь его. Наибольшей поэтической силы Стефаник достигает в изображении придавленной, томящейся человеческой души бедняка: душа бедняка – это ведь единственная и наибольшая ценность для поэта в том мире, где жил он сам и жили его герои; из этого источника, пусть временно затоптанного, должна произойти благая сила, преобразующая землю – мягкую землю, столь любимую крестьянами и столь истощенную, почти нерожаящую, разорванную собственностью на клочья... И в особенности велика поэтическая энергия Стефаника в изображении тех, кто беспомощнее самих бедняков: их детей, их стариков и старух. «Глаза его зажглись, и в них проступила страшная любовь к детям. Он искал их глазами: – ...и поглядел на своих детей, как они будут жить. Что они будут делать?.. Я будто сходил к ним в гости, и кровь моя застыла от их жизни, которую я увидел... Я взял бы детей в мешок и пешком пошел бы с ними туда, чтоб далеко унести их от этого поругания...» («Кленовые листья»).

В рассказе «Святой вечер» старуха, посиневшая от холода, бьется головой о стену, «потому что давно окоченела бы, если бы не билась». Старуха – нищенка. Она молится и плачет за тех, о ком ее попросят люди. У одной девушки умерла мать; она пришла к старухе, сказала ей о своем горе и «с плачем вышла, а старуха вставала... Целовала землю, поклоны клала».

В «Поле» работает молодая мать. Под кустом картофеля спит ее малый ребенок. Мать спешит работать. Она работает на себя и на ребенка, она валится от усталости: «такая мука и ему и мне с ним». Но эту свою материнскую муку ребенком несет она как высшее благо – «копает быстро, быстро».

В рассказе «Грех» Касьяниха прижила ребенка, когда муж был на войне. Муж вернулся, «напился воды и спит». Касьяниха прижимает к себе ребенка и думает о его судьбе: «Ох, если бы я могла вынуть свое сердце и втиснуть его тебе в горло, чтоб ты умирал с двумя сердцами, а я без единого...» Утром муж спрашивает: «Это чей ребенок?» – «Да ведь знаешь, что не твой, а только мой». – «Ну что ж, и этого выкормим». В этих последних словах, в этом крестьянине-солдате больше мужества, чем в том, кто зачал ребенка, потому что чувство отцовства в нем сильнее чувства ревнивого мужа.

Истинное мужество всегда заключено в заботе и в исполнении долга, и не своего только долга, а и долга других, если другой исполнить его не может.

В чем же главная ценность книги Стефаника для советского читателя? В том, что изображая чужую, другую, к счастью, уже минувшую жизнь Западной Украины, книга подчеркивает высшую ценность нашего главного сокровища – нашей Родины, особенной среди всей земли.

(Публикуется в сокращении)

НАВСЕГДА ЮНЫЙ ПОЭТ ВАСИЛИЙ КУБАНЕВ

Василий Михайлович Кубанев (1921 – 1942) родился в Курской области. Учился в Мичуринске, работал в Острогожске в редакции районной газеты «Новая жизнь», где сотрудничал и ставший его другом Борис Стукалин, будущий министр печати страны. Кубанев подавал огромные надежды и как поэт, и как публицист. Симонов в письме Стукалину сказал: «Когда читаешь эту книжку Кубанева, несколько раз – хочешь не хочешь, а возвращаешься к мысли, что вот ты... довольно известный писатель, написавший много книг, прочтенных в общем-то миллионами людей, – и вот перед тобой книжка человека, жизнь которого оборвалась на двадцать первом году жизни и который, исходя из твоего собственного сегодняшнего ощущения, обладал в юности большими задатками, чем ты... Наверное, мои мысли сходны с теми мыслями, которые у многих русских литераторов и поэтов были когда-то о девятнадцатилетнем Веневитинове...»

Кубанев скончался в марте сорок второго года от тяжелой простуды. Его друг Стукалин с боями дошел до Берлина. После войны он прежде всего поспешил в Острогожск. На месте могилы близкого человека зияла огромная воронка от германской авиабомбы, а дом, где жила семья Кубаневых, был напрочь разрушен. Ничего не уцелело от кубаневских кип и тетрадок. И горестен был рассказ матери, как тихо и скоротечно истаивала жизнь его сына, которого, наверное, все, кроме родных, скоро и позабудут. Но нет! Борис Иванович Стукалин по крупицам собрал

наследие друга и несколькими изданиями открыл его для всесоюзного читателя. Навсегда юный Кубанев органично вошел в нашу жизнь как цельный, вдохновенный, чистый, честный и мужественный поэт, как «человек-костер».

В Воронеже творческое наследие Кубанева наиболее полно было представлено в книжной серии «Отчий край» – в сборнике, изданном в 1981 году.

Василий Кубанев

Василий Кубанев

* * *

Изумруды всех семян и зерен
В души жизнь забрасывает нам.
И, как в самом тучном черноземе,
Прорастают эти семена.
Я следил ревнивым, жадным оком,
Как цвели в душе моей сады,
Наливались пьянящим соком
Крупные, тяжелые плоды.
От всего берег плоды я эти
И хотел их людям подарить,
Чтоб могли они в других столетях
Обо мне с любовью говорить.
Но с налету, с громом, с градом, с ветром
Буря ворвалась в мои сады.
И сбивает, бешеная, с веток
Не совсем созревшие плоды...

* * *

От дождей, летящих мимо,
От невидных пирамид
Опьянело пианино,
В раму жимолость стучит.
Разгибает и сжимает,
Отшибает от стола
Холостая, неживая
Трубная фистула.
Заглуши ее с размаху,
Легким свистом побори,
Чтоб рассыпалось со вкусом
Удалое поपुरри,
Разломи постель, и скройся,
И прижухнись, не дыша.
Слышишь, осень? Это осень,
А не страх и не душа.
Ты, как это пианино,
Сходишь от ночей с ума.
Спи. Они промчатся мимо.
Лампа выгорит сама.

К НОГТЮ!

На каждой улице, в каждом доме:
«Севастополь»,
«Каунас»,
«Киев»,
«Житомир» ...
Еще от Франции рук не вытерев,
Европу в тюрьму заперев на замок,
Осатанелые дикие гитлеры
Над нами свой заносят сапог.
Но мы под чужую черную силу
Не склоним гордой своей головы.
Вы ищите места себе под могилу?
Ну что ж!
Это место получите вы.
Сперва картежник
Всегда божится,
А если станет
Явной ложь
И не удастся ничем поживиться,
Он в дело пускает
Разбойничий нож.
У берлинских игроков
Стиль игры точь-в-точь таков.
Но, выбив нож из звериной руки
Зарвавшегося бандита,
Мы скажем:
«Довольно играть, игроки!
Ваша карта бита!»

22 июня 1941

В многолетних этнографических и этнокультурных изысканиях воронежские ученые накопили богатый материал. В этом разделе публикуются некоторые статьи об особенностях уклада и говоров на южных землях Воронежской области, где в географической и исторической породненности живут потомки русских и малороссов, веками осваивавших наш родной край. Особенное внимание уделяется песне – одной из главных выразительниц души народной.

Геннадий Ковалев,

доктор филологических наук,
профессор Воронежского
государственного университета

РОДНЫЕ КОРНИ

Что связывает все славянские народы? Территория их распространения настолько велика, что пора уж, казалось бы, и забыть о кровном родстве. Кроме того, поставьте рядом чернявого серба и курносого жителя российского Черноземья – никакого родства вы и не найдете. А все же все славяне остро ощущают себя славянами. Странно, но итальянцы, французы, португальцы не ощущают себя романцами, как немцы, англичане, норвежцы не ощущают себя германцами. А вот славяне гордо говорят: «Мы славяне». Это прежде всего благодаря мощной духовной близости, пусть и разобщенной на несколько конфессий. Для всех славян едино слово *Бог*, которого нет у других европейских народов, но корни этого слова легко отыскиваются в древних языках Ирана и Индии (из *bhaga* – наделяющий, дающий, ср. *Дажь-Бог*). Единство языка играет для славян далеко не последнюю роль.

Из всех предложенных этимологий этнонима *славяне* наиболее вероятна предложенная О.Н. Трубачевым этимология: из праиндоевропейского **сы-* (ср. также пуштуновское *zaj* – ‘сыны, потомки’), близкому по значению к *gen-*, т.е. ‘род, порождение’. Близкими словами, произведенными от этого корня, будут такие, на первый взгляд, разнородные слова, как *сын*, *сука*, *свинья*. Разнородность их снимается, когда рассматривается семантика этих слов: *сын* – ‘порожденный’, *сука* и *свинья* – ‘животные, порождающие много приплода’. После этого понятней становятся еще два слова: *свой* и *свобода*, ср. др.-инд. **svami* – ‘свободный, хозяин’. Опять же, на первый взгляд, ничего общего с предыдущими не имеющие. Но *свой* следует понимать как ‘родственник’, а *свобода* – как ‘жизнь среди своих родичей, жизнь по своим законам, как вольная, свободная от чужих пося-

гательств жизнь'. Далее можно посмотреть слово *слобода*, через которое *словене/славяне* становятся еще ближе к современности. Итак, древнее значение слова *славяне* было 'родственники, соплеменники'.

Славянское произношение было крайне трудным как для греческого языка, так и для латыни. Известно, как в этих языках передавались названия славян: *Stlavi/Sclavinoi*, а река Висла передавалась как *Vistula/Viscla* и т.п. Поэтому среди многочисленных этнонимов, упоминаемых Геродотом в его «Истории», найдутся самые древние упоминания о славянах в виде *суобен* и т.п. А в самой этнонимии ближайшими родственниками *славян* становятся *шведы* (в др.-русск. *свеи* и даже *свои люди*) и *швабы*.

Тесная связь украинского и русского народов берет свое начало в общем происхождении, из единого корня – древнерусской народности, создавшей Древнюю (Киевскую) Русь. В Киевской Руси доминировал единый язык – древнерусский. И до сих пор в Воронеже и области можно услышать фразу: «Вчера была *у сестре*». Казалось бы, неграмотная, деревенская речь, но это – древнерусская норма, характерная и для севера и для юга Древней Руси VIII-IX веков.

Последствия тюрко-монгольского нашествия, междоусобные феодальные распри привели к развалу некогда единого древнерусского государства. Часть юго-западной Руси захватывалась литовцами, поляками, венграми, турками и крымскими татарами. Все это не могло не повлиять на язык и культуру той *окраины* Руси, которая в последующем была названа *Украиной*. Это была эпоха, когда Украина была под гнетом польской шляхты, требовавшей перехода православного населения в католичество. Стал формироваться украинский язык, включающий в себя много из того, что привносили завоеватели. Из Польши пришли различные слова, типа *пан, рада* (государственный орган), *дякую* (из немецкого *danke* – спасибо) и другие. Сейчас до 50% украинской лексики является польской по происхождению. При сохранении древнерусской основы современный украинский язык – это язык с гораздо большим количеством заимствований, чем русский.

В это же время стал формироваться и современный русский язык. Поскольку северо-восточная Русь в меньшей степени испытала на себе влияние завоевателей, то ее языковая культура оставалась в большей степени самобытной и именно той, которая продолжала лингвистические традиции Киевской Руси, хотя также имела своё специфическое развитие.

Впоследствии, с установлением прочной самостоятельной государственности на великорусских землях, с целью самосохранения Украина и Московская Русь снова объединились в великое общее государство – Россию. Поэтому естественным образом великорусский язык стал языком межнационального общения, как наилучшим образом отражавший традиции языковой культуры народов всей Великой Руси.

В настоящее время русский, украинский и белорусский языки являются самостоятельными. Показательно, что из двух с половиной тысяч языков мира нет более близких по форме и содержанию, чем эта группа восточнославянских языков. Проще говоря, если из русского и украинского языков изъять заимствованные слова – главным образом польские, немецкие, французские и другие (кроме древнегреческого!), то получим практически один и тот же язык.

Несмотря на сравнительно короткую, по сравнению с Ягеллонским (Краков) или Карловым (Прага) университетами, историю, Воронежский университет может гордиться своей славистической школой, которая представлена учеными мирового масштаба, в то или иное время преподававших в университете. Традиции славистики в Воронеже были заложены гораздо раньше основания университета. Это связано прежде всего с деятельностью в Воронеже ученого-энциклопедиста Е.Болховитинова, одного из основоположников отечественного лингво-

раеведения, и уж действительно заложителя начал современной славянской антропонимики¹, а затем и с изданием здесь в XIX веке одного из лучших журналов того времени – «Филологические записки». На страницах именно этого журнала, издаваемого А.А. Хованским, появлялись первые публикации гениального слависта А.А. Потебни, именно здесь целым рядом ученых разрабатывались этнолингвистические проблемы мифологии славян.

Современная кафедра славянской филологии является прямой преемницей лингвистических кафедр, переехавших из Юрьевского (Дерптского, сейчас – Тартуского) университета в Воронеж в 1918 г., и продолжает научно-педагогические традиции кафедры славянской филологии (1918 – 1921 гг.), заведующим которой был крупный российский славист профессор Г.А. Ильинский (1876 – 1938), автор не утратившей своего значения и до сих пор «Праславянской грамматики». Много в научном отношении шло и от другой кафедры – сравнительного языкознания и санскрита, возглавлявшейся профессором Д.Н. Кудрявским (1867 – 1920). В первые годы сербохорватский язык филологам преподавал профессор Г.Т. Чуич (1891 – 1941), будущий ректор ВГУ, серб по национальности.

После окончания Второй мировой войны славянские языки на филологическом факультете почти не читались. Сначала велись занятия только по польскому языку (1945 – 1955 гг. – В.И. Собинникова). Затем В.И. Собинникова, воспитавшая практически всех воронежских русистов и славистов, стала читать большой спецкурс «Сравнительная грамматика славянских языков». Кстати, первое в нашей стране пособие по курсу «Введение в славянскую филологию» было подготовлено также профессором В.И. Собинниковой (Воронеж, 1979 г.) Имея прекрасную подготовку историка русского языка, В.И. Собинникова использовала в своих научных исследованиях данные большинства славянских языков (болгарский, сербский, польский, чешский, украинский, белорусский).

Одним из первых языков после русского, преподававшихся на кафедре, был украинский. Его начинала вести (уже после войны) Л.П. Комиссарова, затем выпускница кафедры Р.К. Кавецкая (Гусаченко). Долгое время украинский язык и литературу вела доцент М.Т. Авдеева (Рыбалко).

Кроме преподавания украинского языка, в Центре ведутся исследования по функционированию украинского языка в нашем регионе, особенностям его взаимодействия с русскоязычными говорами, поскольку около половины говоров Воронежской области – украинские. Собрана большая Картоотека Словаря украинских говоров Воронежской области (около 50 тыс. карточек). Сложился прочный коллектив преподавателей и студентов, который под руководством доц. М.Т. Авдеевой работал над подготовкой к изданию Словаря украинских говоров Воронежской области в двух томах (Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 тт. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2009. Т.1: А–Л. – 302 с.; 2012. Т. 2: Н–Я. – 307 с.). Коллектив регулярно выигрывал региональный грант РГНФ. Естественно, что очень живо этим словарем заинтересовались Украина и Канада.

Печатный орган кафедры славянской филологии – международный научный сборник «Материалы по русско-славянскому языкознанию». Здесь регулярно печатаются материалы по украинистике, причем часто это статьи украинских исследователей. Выпущено уже 33 тома. Жемчужине древнерусской литературы – «Слову о полку Игореве» – был посвящён 25-й выпуск, приуроченный к 200-летию его первой публикации (2000 г.) 30-й том был посвящён двухсотлетию юбилею русского писателя, достойного сына Украины и России – Н.В. Гоголя (2009 г.) А последний том посвящён украинскому kobzary Т.Г. Шевченко.

Кроме того, кафедра выпускает сборник, единственный в России, «Воронежское лингвокраеведение», в котором рассматриваются проблемы как русскоязычных регионов Воронежской области, так и регионов украиноязычных (издано три тома).

В последнее время благодаря усилиям М.Т. Авдеевой наладились хорошие контакты с Луганским педагогическим университетом. Хорошие контакты традиционно у кафедры с Донецким университетом (Украина). Ученые кафедры регулярно публикуют итоги своих исследований в «Восточно-украинском лингвистическом сборнике», выпускаемом Донецким университетом. Преподаватели, аспиранты и студенты регулярно ездили на языковую практику в Украину (Луганск, Киев, Львов).

Воронежская область характеризуется наличием как русского населения, так и значительного числа жителей с родным украинским языком. Заселение бассейна Дона украинцами началось еще в начале XVI века. Исход украинцев с родных земель был связан с экспансией Польши, шляхта которой не просто пыталась закабалить местное население, но и навязать ему чуждую католическую веру. В основном это были жители Сумщины, Черниговщины, но были переселенцы и из-под Полтавы и Канева. Тогда украинские переселенцы чаще назывались *черкасами*, поскольку это было не обычное гражданское население, а воинские подразделения. Так, на берега Острогощи, как мы знаем, переселились казаки с семьями полка под командованием полковника Ивана Дзеньковского. Естественно, новое население принесло с собой свои навыки хозяйственной деятельности, свои обрядность, обычаи, фольклор. И не только. Были перенесены и типы номинации топонимических объектов, что и отразилось в реальной, но не официальной топонимии Воронежской области. Подробнее об этом см. работы М.А. Ююкина².

Украиноязычные жители нашей области сами себя обычно называют не украинцами, а по традиции – хохлами (дело в том, что их предки, переселяясь на новые места, еще не знали этнонима «украинцы»). Их украинский язык довольно русифицирован, но только в лексическом отношении. Это не относится ни к морфологии, ни к фонетике. Как правило, украиноязычное население владеет и русским языком. В разговорах с людьми, говорящими по-русски, носители украинского языка легко переходят на русский. Носители украинской речи обычно говорят: «*Ми ж українського не знаєм. Пишемо, читаємо ж-то ми по-руську. По сво'юму ми балакаємо, а руським пользуємось: письма пишем, книжку читаєм...*» Поэтому зачастую в разговорах с членами диалектологических экспедиций носители украинского языка (вопреки стараниям собирателей) старались всё объяснить приближённо к русскому языку. Тем не менее, в результате многолетних экспедиций удалось собрать мощную картотеку как по русским, так и по украинским говорам области. И сейчас на кафедре славянской филологии ВГУ создается Словарь воронежских говоров (имеются в виду русские говоры).

Особенно характерно проявление украинской мовы в личных именах собственных: *Дмитро* (Дмитрий), *Петро* (Пётр), *Омельян* (Емельян), *Опанас* или *Панас* (Афанасий) и др. Сравните, укр. *Василь* и русск. *Вася*, *Василий*: *Василь кажин день коров до батька гудувать ходє* (Ольховатка, 2005 г.).

Любопытная судьба украинского имени *Оксана* – оно у нас уже потеснило русское имя *Ксения*: если последнее практически уже не употребляется ни у русских, ни у украиноязычных, то первое становится все более популярным даже среди русского населения.

Крайне интересна ситуация с таким быстро уходящим из употребления и памяти народа ономастическим материалом, как народная астронимия. Жители украинских районов области практически в своей речи почти не употребляют укр. *зірка*: «*Зірки' скри'лись за хма'рами, потимні'ло*» (Ближняя Полубянка,

Острогжский р-н), чаще – русск. *звезда*. *Зіркой* (аналог русск. *Зорька*) часто называют коров: *Зірко! Ах ты, нигожа корова! А ну, виртайся до дому* (Кантемировка 2000 г.)

Блестящий знаток украинской этнографии П. Чубинский писал об украинских названиях звездного неба: «Созвездия имеют следующие наименования: «виз, квочка, чепага, косари, дивка воду несе, пасика, хрест, свитанкова и вечерня зорныци». Олицетворяя солнце и луну, народ точно так же олицетворяет и созвездия в образе мальчиков, неустанно служащих солнцу и луне»³. В районах области, перемежающихся с украинским языком, чаще в отношении Плеяд встречается название *Волосожары*: «*Стажа'ры* заву'тца у нас *Валасажа'рами*» (Ближняя Полубянка, Острогжский р-н). В с. Селявном Лискинского р-на это название звучит уже как *Волосожарь*: «*Волосожа'рь – ку'ча звізд, усхо'де ві'чером*»; так же и в с. Кулешовка Ольховатского р-на: «*Як сьльно' горы'ть Волосожа'рь*». А в с. Петровка Павловского р-на дано такое разъяснение: «*Семь звёзд у ку'чі – то і Волосожа'рь*». Такое же название принято для *Плеяд/Стожар* и на Украине (Українське народознавство, с.174). Правда, как полагал знаток украинской этнографии Г.А. Булашев, под названием *Волосожар* могут пониматься не Плеяды, а *Волосы Вероники* (*Волосся Вероніки*)⁴.

В селах с украинским языком самую яркую звезду созвездия Большая Медведица – *Алиот*, а нередко и всё созвездие обычно называют *Чепіга* или *Чапига*, что значит *рукоють, ручка, обжа*: «*Чипі'га – три звізди' я'кто у ряд*» (Жопанице, Лискинский р-н). Название это дано потому, что три звезды Большой Медведицы: *Алиот, Мицар* и *Бенетнаш* напоминают ручку ковша. В с. Петровка Павловского р-на обнаружено и такое сходство: «*Чапы'га – так назва'є'ця расположе'ни'є звёзд кочерго'й*». В пограничном украинско-русском селе 1-я Бугаевка (Кантемировский р-н) употребляется и русское название *Ковш* (укр. – *ківці*): *Велы'кий Ковш* (Большая Медведица, ср. укр.: *Вели'ка Ведме'диця*) и *Малэ'нький Ковш* (Малая Медведица).

В украиноязычном селе Писаревка Кантемировского р-на это созвездие называют уже во множественном числе: *Ко'ни* (*Свиты'лы Ко'ни*).

В украинских говорах чаще употребляется название *Віз*: «*Віз – зве'здочек чоти'ри у во'зи, значить як коли'са, а пото'м три, ко'ни назива'юця*» (Селявное, Лискинский р-н), «*По Во'зу доро'гу найду' – мене' ба'тько учи'в*» (Бычок, Петропавловский р-н). А в селе с русско-украинским населением Ближней Полубянке Острогжского р-на это созвездие (а не *Малая Медведица!*) называется *Возок*: «*Па-на'шаму здаро'ву Мидве'дицу завут Вазо'к*». На Украине же названиям *Мала* и *Велика Ведмедиця* соответствует народное *Малий* и *Великий Віз*⁵. Название планеты *Венера* в воронежских говорах вполне обыденно: *Зарни'ца* (Азовка, Хреновое, Бобровский р-н) или *Заря'нка*. Дело в том, что эта звезда зажигается раньше всех, ещё вечером, когда только занимается вечерняя *заря*, и остаётся на небосводе последней на утренней *заре*: «*Заря'нка – е'та пе'рвая у'тришня или виче'рняя звизда'*» (Хреновое, Новоусманский р-н), «*Зарни'ца на расве'ти све'тя*» (Девича, Острогжский р-н), «*Зарни'ца – я'ркэя звизда', з ве'чира сия'ит на не'бь, идёть з за'пэдъ нэ васхо'т*» (Никольское 1-е, Калачевский р-н).

В украинских говорах Воронежской области практически мы встречаем то же, что и в русских: «*Зірочка утрешня зойшла, то буде скоро розвиднятиме'ця*» (Петровка, Павловский р-н), «*Утрешня зірка тож утром, вечери – вечірна*» (там же), «*Та це ж Зарны'чка*» (Ендовище, Семилукский р-н). В Нижнем Икорце Лискинского р-на есть даже название *Путеводна звезда*. На Украине Венера называется *Зірниця*, или *Вечірна* и *Вранішня зіронька* (зоря).

В русских народных говорах *Млечный путь* имеет более двух десятков названий. В воронежских говорах он чаще всего называется *Батева Дорога* (*Ба'*

тева и Бате'ва, Бата'ва, Бате'ева, Ба'тьева, Баде'ева, Ба'дева, Баде'ва и Баке'ева). Христианство тоже наложило свой отпечаток на это название. В Нижнедевицком р-не, например, встретилось такое объяснение: «*Па Ба'девой Даро'ги Илья'праро'к е'зда*». А в украиноязычном с. Ендовице (Семилукский р-н) обнаруживаем название *Дорога на Ерусалим*: «*О це Доро'га на Ерусали'м*». В некоторых сёлах с украинским языком обходятся более простым именованьем: «*Мле'чний путь в нас назва'ють Доро'га*» (Селявное, Лискинский р-н), хотя в украинском языке Млечный путь обозначается как *Молочний путь* или по-народному – *Чумацький шлях*. А в Нижнем Икорце Лискинского р-на встречается еще название *Дорога у Київ'*.

Что касается украинской топонимии в пределах Воронежской области, то нужно сказать, что многие украинские топонимы здесь подаются в официальной (русифицированной) форме. Письменные источники зачастую скрывают истинные формы украинских топонимов. Даже в такой специализированной работе, как монография С.А. Попова «Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин» (Воронеж, 2003) практически нет украинских вариантов ойконимов украиноязычного ареала Воронежской области.

Поэтому для восстановления языковой картины каждого топонима или микропонима необходимо проверять их по произношению местного населения в украиноязычных районах. Например, название села Подгорное (официальное!) звучит по-разному в речи селян разного возраста. Так, старшее поколение произносит [підго'рнэ], среднее – [падго'рнэ], а младшее – [падго'рнѣѧ], то есть уже почти по-русски. Однако все три поколения чаще родное село одинаково называют *Мамо'н*.

Из специальных работ по украинской топонимике Воронежщины прежде всего можно отметить работу Ф.П. Медведева, в которой он поясняет значения украинских ойконимов Воронежского Задонья (*Розципне, Попасне, Розсоховате, Гваздо* и др.)

Хорошо виден параллелизм русских и украинских названий как на уровне топонимов (см. работы С.А. Попова⁸), так и микропонимов. Вот, например, в селе *Подколодновка (Підколоднівка)* Богучарского района мы встречаем такие русские и украинские параллели:

Берёзово и *Березовэ* – озеро. В основе названия антропоним – фамилия жителя *Берёзов*.

Больша'я Городска'я и *Вылы'ка Городца'* – поляна. Первая часть названия указывает на значительный размер объекта, вторая – на то, что сенокос выделяется жителям города Богучара.

Больша'я Сверли'вая и *Вылы'ка Свырлы'ва* – поляна, сенокос. Первая часть названия указывает на значительный размер объекта. Вторая часть названия, вероятно, связана со словом «сверлить»: раньше здесь были огороды, но урожай всегда оказывался маленьким – возможно, из-за того, что насекомые «сверлили», повреждали растения.

Клешня' и *Клэ'шня* – улица, по форме напоминающая клешню. Официально – улица имени Шевченко.

Ла'годивка – болотистое, заиленное, загрязненное, заросшее травой место, куда идут отходы со свинофермы. По-видимому, в названии скрыта ирония, поскольку лагода – это «мир, порядок, устройство». Возможно также, что раньше, когда название давалось (до постройки свинофермы), это место было ухоженным.

Лепехова'тая и *Лепехова'та* – озеро. Название указывает на характер растительности – берега озера поросли *лепехой*, или рогазом.

Оси'новое и *Осы'новэ* – озеро и лесополоса. Название указывает на характер растительности – преобладание осины.

Подколо'дновские Со'сны и *Пидколо'днівски* – урочище и лес. Первая часть

названия дана по селу Подколотновка, рядом с которым находится урочище, а вторая часть указывает на характер растительности – преобладание сосны.

Попо'вская поля'на и *Попи'вска* – поляна. Вероятно, название указывает на принадлежность угодья священнику – попу.

А в селе Белая Горка того же района украинские микротопонимы обнаруживаются через специфичную украинскую лексику:

Омелькины бахчи – поле. В основе названия антропоним – личное имя жителя Емельян в украинской форме *Омелька*. По местной легенде, «был дед Емелья, посадил он здесь бахчу. Его пригласили на свадьбу, поспрадовал он там три дня. Вернувшись со свадьбы на поле, не обнаружил там арбузов. А на свадьбе-то он их ел и причмокивал. С тех пор и прозвали это поле *Омелькины бахчи*».

Чану'рник – овраг и поле. Название указывает на особенность фауны: здесь встречались цапли – *чануры* (от укр. *чапля*).

Чёботов яр – овраг у с. Белая Горка Богучарского района. Очертаниями овраг напоминает сапог – по-украински *чёбот*.

Ср. также: с. *Пасюковка* Кантемировского района – от украинской фамилии *Пасюк* (*пацюк* – крыса); с. *Петренково* Острогожского района – от украинской фамилии *Петренко*.

Исследованные материалы красноречиво показывают живучесть на протяжении веков украинской ономастики в русскоязычном окружении. Можно также говорить и о процессах взаимодействия украиноязычных и русскоязычных ономастических единиц.

* * *

Если говорить о творчестве писателя мирового значения Антоне Павловиче Чехове, то необходимо обратить внимание, что это практически наш земляк, что он сам и признавал.

Бабушкой А.П. Чехова была Ефросинья Емельяновна Шимко, дочь известного коневода. Жила она в селе Зайцевка (сейчас Кантемировский р-н Воронежской области). На ней женился житель слободы Ольховатка Егор Михайлович Чехов, дед писателя. Сам писатель родился в Таганроге, но его предки, крепостные крестьяне, происходили из хутора Неровновка (Нерівни, Нерівнівка) Острогожского уезда (сейчас – Ольховатского р-на), заселенной в основном крепостными крестьянами-украинцами, коими владел вначале царский стольник, острогожский полковник И.И. Тевяшов, а затем его правнучка продала их помещику Д.В. Черткову. Сам Чехов в письме к воронежскому писателю А.И. Эртелю сообщал: «Моя фамилия тоже ведет свое начало из воронежских недр, из Острогожского уезда. Мой дед и отец были крепостными у Черткова» (Письма, 5, 186).

И до сих пор часть села Неровновки и улица здесь называются *Чеховка* (Чйхивка) – именно здесь жили крепостные крестьяне *Чеховы* – ближайшие родственники великого писателя. Здесь проживал его прадед Михаил Евстафьевич Чехов (1762 – 1849) с многочисленной семьей. А его сын, дед писателя Егор Михайлович (еще крепостной крестьянин!), хотя и родился тоже в Неровновке, но уже поселился в слободе Ольховатка. Он был человеком трудолюбивым и умелым, что позволило ему выкупить себя и всю семью из крепостного рабства. По легенде, хотя Егор Михайлович выкупил только сыновей, помещик «отпустил на волю» и их сестру Александру.

Разросшиеся семейства Чеховых покидали места своего рождения и обосновывались в прилегающих к ним районах и областях – в Заболотовке, Красном Яре, Богучаре, Россоши, Луганске. И отец писателя Павел Егорович, будучи уже свободным человеком, родился и жил в Ольховатке до самого отъезда в Таганрог. У хутора Постояловка Ольховатского района есть низина, которая называ-

ется *Чехова Лощина* (Че'хова Лощи'на). Скорее всего, в основе названия фамилия жителя *Чехов*. Интересно, что в Неровновке *Чеховых* называли *Чехами*.

Сам А.П. Чехов имел право, как украинец, пошутить в письме Я.П. Полонскому от 25 марта. 1888 г.: «Понятно, что я дорого дал бы за удовольствие пригласить Вас с Вашей музой и с красками на юг и попутешествовать с Вами вдоль и поперек Хохландии, от Дона до Днепра» (Письма, т.2, с.219). Так что можно смело говорить: родная земля свято хранит память о своих достойных людях. Творчеству А.П. Чехова был посвящен 31-й выпуск «Материалов по русско-славянскому языкознанию» (Воронеж, 2012, 387 с.).

Именно поэтому в лингвокраеведческой работе необходимо не забывать, что для нашей территории ономастические данные южнорусских и украинских говоров одинаково важны при изучении региональных особенностей нашего края. Важны они и для воспитания истинного патриотизма, лишённого элементов узколобой великодержавности.

¹Е. (Болховитинов). О личных собственных именах у славеноруссов // Вестник Европы, 1813, ч. LXX, №13, с.16-28. Ковалев Г.Ф. Е.А.Болховитинов – отец русской антропоники // Евфимий Алексеевич Болховитинов и его творческое наследие. Воронеж, 1992, 38-39.

²Ююкин М.А. Исторические связи Среднего Подонья и исконных восточно-славянских земель по данным топонимики // Край Воронежский. Воронеж, 1996, вып.1. Ююкин М.А. Топонимические параллели Черниговского княжества и Среднего Подонья // Край Воронежский. Воронеж, 1996, вып.1, с.52-63.

³Чубинський П. Мудрість віків. Київ, 1995, кн.1, с.21.

⁴Булашев Г.О. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях: Космогонічні українські народні погляди та вірування. Київ, 1993, с.250.

⁵Українське народознавство. Львів, 1994, с.174.

⁶Ковалев Г.Ф. Русская и украинская астрономия в говорах Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1997. Ковалев Г.Ф. Народная астрономия русско-украинского пограничья // Studia Slawistyczne 1. Nazewnictwo na pograniczach etniczno-jkzykowych. Białystok, 1999.

⁷Медведев Ф.П. Українські топоніми Задоння Воронезької області // Мовознавство, 1987, №4, с.53-56.

⁸Попов С.А. Проблема взаимодействия национальных языков в топонимии пограничной территории (на примере русско-украинского пограничья) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1994. Попов С.А. Украинское наследие в воронежской ойконимии // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия. Воронеж, 1997.

Галина Сысоева,

*профессор Воронежского государственного
института искусств, заслуженный деятель
искусства РФ*

ГДЕ СТАРОСТА С БУЯРИНОМ, ТАМ И СВАТ С ДРУЖКОЙ

(Особенности традиционной культуры Богучарского района)

Исторически сложилось так, что народные традиции в селах Богучарского района складывались под влиянием разных этнокультурных ориентиров. Чересполосное заселение края с начала XVIII века русскими казаками и черкасами (а так называли в то время украинских казаков) определило своеобразие традиционной культуры Богучарского района.

Вольная колонизация края русскими началась раньше государственной. Богучар как определенное место на карте впервые упоминается в документе середины XVI века «Роспись от Воронежа Доном рекою до Азова до Черного моря»¹. Здесь, видимо, находили временное пристанище люди, занимающиеся рыболовством, охотой, а позже оседали беглые работные люди, отказывающиеся и от уплаты налогов, и от переписи. За непокорность царской власти такие самовольные поселения на юге России в конце XVII– начале XVIII века были сожжены или разорены, в том числе и Богучар.

С 1704 года началась правительственная колонизация края, и этот год стал официальной датой основания Богучара. Массовое переселение украинцев на Богучарскую землю начинается с 1717 года, когда полковник Иван Тевяшов привел часть украинских черкас из Острогожска в Богучар, где сформировал Богучарскую сотню Острогожского полка. Многие хутора и села на Богучарщине были основаны в первой половине XVIII века войсковыми обывателями украинского происхождения: Старотолучеево, Журавка, Подколодновка, Дьяченково, Терешково, Загребайловка (сейчас – Луговое), Филоново, Купянка и другие. Традиционная культура в этих селах складывалась на основе украинского языка (слобожанского диалекта) и украинских обычаев.

Когда в 1765 году Острогожский полк был упразднен, командный состав полка превратился в крупных землевладельцев, а на вновь приобретенные земли они стали переселять крепостных крестьян с Украины, закрепощали вольных украинских переселенцев. Так, например, отставной офицер из Богучара Петр Лофицкий основал на своих землях села Лофицкое, Плесновка^{II}.

Традиционная культура украинских переселенцев слабо изучена. В середине

XIX века появилось несколько статей уроженца села Дьяченково молодого этнографа Г.Г. Ткачева, который, к сожалению, скоропостижно умер на двадцатом году жизни. Его заметки остались едва ли не единственными описаниями украинского быта на Богучарщине^{III}.

Центром русской традиционной культуры в Богучарском районе являются село Монастырщина (известное с 1696 года) и расположенное рядом село Сухой Донец. Оба они заселялись монастырскими крестьянами из центральных губерний России. Здесь находили пристанище также вольные донские казаки. Русские хутора Белая Горка Первая и Белая Горка Вторая, село Каразеево являются выселками от Сухого Донца.

Еще один «куст» русских сел – это Лебединка и Батовка, где основная часть коренных жителей, как они сами считают, переселенцы из Верхнемамонского района. Прилегающие к ним хутора уже не существуют в результате политики укрупнения сел, проведенной в 60-е годы XX века, например, хутора Перекрестово, Попасное и другие. Мало того, в настоящее время большинство жителей Лебединки и Батовки – это турки-месхетинцы, переселенные сюда в 90-е годы XX века из Средней Азии в результате межэтнического конфликта.

Сведений о том, какие села в настоящее время можно отнести к русским, а какие – к украинским, нельзя найти ни в одном справочнике, ни в одной энциклопедии, даже такой основательной, как «Богучарский край от А до Я». Об этом могут достоверно сказать только исследователи традиционной культуры по этническим маркерам, которые хоть и слабеют с каждым новым поколением, но все еще проявляются в говорах, этнографии, фольклоре. Об этом свидетельствуют материалы музыкально-этнографических экспедиций Воронежской государственной академии искусств 1997, 1998, 2001, 2009-2013 годов.

Несмотря на то, что украинский субстрат в традиционной культуре Богучарского района превалирует, в настоящее время в этническом самоопределении местного населения почти исчез этноним «украинцы». Большинство опрошенных жителей из украинских сел считают себя русскими – «по паспорту» (хотя в паспортах графы «национальность» уже нет), но «хохлами» – по самоопределению.

В бытовой культуре Богучарского района до настоящего времени сохраняется противопоставление национальных прозвищ: «хохлы» и «москалы», возникших, видимо, еще в XVIII веке. Определение «хохлы» закрепилось за украинцами за пышные и кудрявые чубы, похожие на хохолки. «Москалями» называли русских, выходцев из Московской Руси.

Определение собственной национальности затрудняется для многих бытовым двуязычием: украинский диалект используется как разговорный, а русский язык – в качестве языка профессионального общения, делопроизводства и обучения. В селе Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области в 2000 году были записаны от местной жительницы Марии Васильевны Максименко, 1930 г.р., традиционные песни на слобожанском диалекте украинского языка, духовные стихи и псалмы – на русском, поскольку она учила их от русских. Кроме того, эта исполнительница сочиняла песни (тексты и напевы): о маме, о гибели отца на фронте – на украинском языке, духовные песни (тоже собственного сочинения) – на русском.

Большинство лиц украинского происхождения, причисляя себя к русским, не являются при этом носителями традиционной русской культуры, зато сохраняют устойчивые признаки именно украинского этнического стереотипа поведения в области норм и правил бытового общения. Это проявляется в большом и малом даже сейчас: пожилые украинки предпочитают носить белые, а не цветные платки, не едят холодец с квасом, не знают народного празднования Троицы, обращаются к родителям на «вы». А русские не готовят ряженку (роблену сметану), не носят кутью по домам под Рождество, не празднуют Ивана Купала, не

привязывают каждому гостю на свадьбе бумажные цветы. Знающий человек даже на базаре легко угадает украинцев: они, например, выращенный лук сухой ботвой сплетают в косу, а русские приносят на продажу лук в ведре^{IV}.

Проблема этнической самоидентификации украинского населения в Богучарском районе (как и в других селах, основанных украинскими переселенцами на территории России) усугубилась в результате крайне непоследовательной национальной политики, проводимой в XX веке советской властью. В 1920-е годы те районы, где украинцы составляли большинство населения (Богучарский – в том числе), были охвачены так называемой «украинизацией», то есть переводом делопроизводства, школьного обучения, местных газет на украинский язык. С отменой этой политики в 1930-е годы и, особенно в послевоенное время, начался обратный процесс активной русификации. При получении паспортов, особенно в сельской местности, национальную принадлежность записывали со слов получателя паспорта, так многие стали причислять себя к русским.

Выявляется много причин, породивших это явление – изменение этнической самоидентификации, среди них:

- маргинальность украинских поселений на юге России (оторванных от привычной среды, не принявших окончательно русского языка и традиций, поэтому находящиеся в состоянии промежуточном, пограничном);
- утрата письменной культуры (прекращение выпуска газет и делопроизводства на украинском языке, начиная с 1929 года);
- прекращение обучения на украинском языке (с 1928-29 гг.);
- отсутствие государственной поддержки в сфере массовой и традиционной культуры на украинском языке;
- длительность этнокультурного и хозяйственного контакта с русским населением как титульной нацией.

Сегодня украинские переселенцы (хохлы) не идентифицируют себя с украинцами, потому что ощущают большие утраты в языке, считают его не украинским, но производным от него (мы – пэрэвэртни), плохо понимают литературную украинскую речь. Процессы этноязыкового и культурного взаимодействия подробно описаны Л.Н. Чижиковой в монографии «Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры»^V.

Перемена этнической самоидентификации привела к тому, что традиционная народная украинская духовная культура усваивалась фрагментарно, а русскую – не от кого было усваивать. Именно этим можно объяснить иногда странные записи, сделанные студентами в экспедициях от носителей якобы русской культуры с маркерами украинской народной традиции.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНЫХ ОБЫЧАЕВ

Хотя восточнославянская общность русских, белорусских и украинских обрядов ярко выявляется именно в системе народного календаря, в этом комплексе существуют и национальные различия. Они обнаруживаются и в традиционной культуре Богучарского района. Несмотря на длительное совместное проживание русских и украинцев, взаимодействие и взаимопроникновение национальных культур слабо коснулось сферы обрядов и праздников.

В зимнем святочном комплексе, например, обряды русских и украинцев имеют как общеславянские обычаи, так и специфические национальные. Календарный святочный обход дворов с поздравительными песнями – благопожелания фиксируется и у русских, и у украинцев.

В русских селах о колядовании под Рождество собрано сведений мало, а тексты колядок были записаны в фрагментарном виде без напевов.

В украинских селах также редко фиксируется и колядование как обряд, и

сами колядки. Ниже и далее все украинские тексты приводятся в написании русскими буквами, так, как это принято в настоящее время в народной традиции.

Колядын, колядын,
Я у бабки одын,
А у матэри – два,
Дай, бабу, пирога.
Нэ дасышь пирога –
Возьму козу за рога^{VI}.

Как видим, в этом тексте отсутствует заговорно-магическая формула благопожелания, закладывающая программу на весь предстоящий год. Эту функцию выполняет другой обычай, сохраняющийся до настоящего времени в украинских селах: носить кутью (носить кутю) в рождественский сочельник (пид Риздво) – 6 января^{VII}. В старину кутью варили из зерен пшеницы, которые толкли в деревянной ступе, кашу обычно заправляли медом, в настоящее время кутью варят чаще всего из риса, сдобренного изюмом. Миску с кашей носили по родственникам и знакомым. Входили в дом со словами: «Здрастуйтэ, батько й матэ прислали вам вчэрю».

Хозяева съедали из миски 2-3 ложки и туда же добавляли своей каши. Риздвянам (тем, кто разносил рождественскую кашу) давали угощение в виде продуктов, деньги.

Зерно символизировало в народном сознании начало и венец развития, каша из зерен – изобилие, а поедание каши – приобщение к таинству зарождения новой жизни и нового урожая. Таким образом, носить кутью – это не что иное, как акт продуцирующей магии, своеобразной годовой программы, направленной и на новый урожай, и на семейное благополучие. Выходит, чем больше разнесешь каши, тем больше раздашь добра и соберешь его лично для себя в предстоящем году.

Другая важнейшая дата зимних святок – это Новый год, который отмечается по новому стилю 14 января. Вечером, в канун этого праздника повсеместно на юге России было принято и в русских, и в украинских селах совершать обход дворов с поздравлениями. Во многих русских селах кликали авсень, однако в Богучарском районе этот обряд не был выявлен.

Зато в украинских селах был широко распространен обычай под Старый Новый год щедровать и меланкувать, то есть обходить дворы с исполнением специальных песен – щедровок и маланок. Щедровки получили свое название за рефрен «Щедрый вечер», поскольку к ужину было принято готовить особенно пышный и богатый (щедрый) стол в отличие от предрождественского постного ужина. Маланками назывались поздравительные песенки, в которых упоминались святая Меланья (день ее памяти – 13 января) и святой Василий (день памяти епископа Василия Кесарийского – 14 января, а его канун называли Васильев вечер). Проникновение христианских мотивов в тексты величально-поздравительных песен вполне объяснимо: ведь сам Иисус Христос, Пречистая Мать Мария, все святые выступают покровителями рода человеческого.

Щедровать могли и взрослые, но чаще – дети, причем смешанными группами, а вот меланкувать ходили только девочки.

Языческие и христианские представления смешались в этом обряде самым причудливым образом. Например, в с. Дьяченково девочки наряжались в жениха и невесту, изображая святого Василия и святую Меланью, и в этом создании брачной пары видны рудименты древних народных представлений о том, что эротическими силами человека можно разбудить от зимнего сна спящую землю: солнце-то повернуло «на лето»! Однако в поздравительных текстах Василий

выступает отцом Меланьи. Это противоречие и есть отражение различных пластов в формировании обряда: дохристианских и христианских.

Мэланка ходыла,
Васыльку просыла:
Васыльку, мий батько,
Пусты мэнэ в хатку,
Я жито нэ жала –
Черный хрэст дэржала.
А вы, люды, радийтэся,
Богу свэчу ставтэ,
А нам пириг дайтэ.
Хочь малэнькый, а пивнэнькый,
Шоб з рукамы, тай з ногамы,
Шоб побиг слидом за намы^{viii}.

Кроме того, еще одним архаичным элементом обряда является то, что мэланкувать девочки ходили с козой (наряжали кого-либо в вывороченную шубу и придельвали на шапку рога).^{ix} И это является своеобразным знаком заклинания на будущий урожай, поскольку соотносится с широко распространенным на Украине приговором «Дэ коза рогом – там жито стогом».

И обряд, и термин мэланкувать хоть и ушли из праздничного быта, однако сведения об их бытовании удалось собрать в селах Твердохлебовка, Лофицкое, Поповка, Дьяченково, Грушовое.

Щедровки были зафиксированы повсеместно в двух исполнительских формах: как поздравительная песня и как приговор.

Як на ричкы, на Йордани там Прэчиста рызы прала.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людам и на здорovia.
И попрала, повишала на калыну, на малыну.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людам и на здорovia.
Дэ ны взялысь ангэлята – взялы рызы на крылята.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людам и на здорovia.
Понэслы рызы по-над нэбэсамы.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людам и на здорovia.
Там ворота отворылысь, и вси святи поклонылысь.
Щедрый вэчэр и добрый вэчэр и добрым людам и на здорovia^x.

Такие щедровки на типологически схожий напев можно записать практически в каждом украинском селе, причем как в одnogолосном, так и многоголосном вариантах.

Щедровки-приговоры используются для выпрашивания подаяния.

Щедривочка щедрувала,
До виконця прыпадала.
Шо ты, тетко, наварыла,
Шо ты, тетко, напэкла?
Нэсы скорий до викна.
Нэ кусай, нэ ломай, а по цилому давай^{xi}.

Новогоднее посевание зерном совершали рано утром 14 января только мальчики или мужчины и в русских, и в украинских селах с одинаковым приговором:

Зароды, Боже,
Жито, пшэньцю,
Горох, чэчэвыцю –

На всяку пашныцю,
И дитэй копыцю.

Ярким национальным признаком является выделение разных дат в качестве главного летнего календарного праздника: у русских доминантой летнего периода является народное празднование Троицы (50 день после Пасхи и вся последующая троицкая неделя), у украинцев – Ивана Купала (7 июля).

Этнографическое обследование русских сел Богучарского района показало почти полное разрушение комплекса народных троицких обрядов: не было зафиксировано ни кумления девушек, ни обрядового хождения и хороводов, ни ритуального обливания водой, ни проводов русалок, ни даже народного гуляния и специальных песен. Единственный сохранившийся обычай, который является общеславянским – это украшение дворов и жилища зеленью (клевчаньем – по-украински). Однако в ментальности русского человека Троица остается величайшим народным праздником, гораздо большим и значимым, чем Ивана Купала и Петров день.

В украинской же традиции центральное место в летнем календарном цикле занимает праздник Ивана Купала, который сопровождается обрядом с разным названием: «вышнюю робить» или «Марынку водить». По содержанию он относится к обрядам перехода (от поздней весны к лету) и знаменует наступление высшей точки расцвета природы. Символом этого расцвета в купальских обрядах Богучарского района выступает вишневое деревцо (или ветка) с плодами и наряженная девочка, которая нарекается обрядовым именем – Маринка. В обряде участвуют девочки-подростки (остальные могут примыкать к ним в качестве наблюдателей). Это наталкивает на предположение об инициационном характере ритуальных действий для перехода девочек в группу молодых девушек, готовящихся к вступлению в брак. В русской традиции аналогичный инициационный смысл имеет обряд троицкого кумления девушек.

На Ивана Купала у какого-либо двора (по договоренности) собирались девочки в венках из полевых цветов, чтобы приготовить главный обрядовый атрибут: вишневое дерево с плодами (вишня всегда поспевает к 7 июля), которое украшали дополнительно конфетами, ленточками. Л.В. Сушкина из с. Терешково, вспоминая о своем детстве, рассказывает следующее. В саду выкашивали место, ставили туда вишню, наряжали ее. Мать выносила девочкам вареники с вишнями, компот из вишен, мед. Мальчики не участвовали. Собирались старшие девочки – отдельно, младшие – отдельно... Затем шли вместе с деревцем к реке, топили его, бросали в воду венки, купались...^{xii}

Река – главное место действия, обрядового таинства: Дон – в Подколонновке, Терешково; Богучарка – в Дьяченково, Купянке, Полтавке. В селах, где нет реки, обряд не фиксируется.

Маринкой называли и само деревце (в с. Подколонновка), и девочку – самую красивую для этой роли (в с. Дьяченково, Купянка), которую наряжали ветками, цветами, торжественно вели по селу, а затем бросали в одежде в воду. Проводной смысл обряда заключался в том, что нужно было обозначить завершение времени расцвета и начало нового периода – вызревания плодов. На вопрос, для чего совершали обряд, информанты обычно отвечали: «Для урожая, чтоб вишни, ягоды были». Языческий культ умирающего и воскресающего божества, известный всем земледельческим народам мира, просматривается и в содержании описанного нами купальского обряда: утопленная красота (деревца, девочки-Маринки) должна возродиться в прежнем цветущем качестве на следующий год.

Купание в реке имело выраженный ритуальный характер и символизировало своеобразное крещение, посвящение, тем более что обряд совершался в день памяти Иоанна Крестителя.

Обрядовых и приуроченных песен информанты не помнят, но о характерном припеве упоминают все:

Иван Купав у воду упав.
А сонцэ выграло на Пэтра.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

Сравнивая русские и украинские свадебные обычаи на территории Богучарского района, следует отметить их схожесть по содержанию и семантике обрядовых действий и существенную разницу в народной терминологии, песенном исполнении.

Традиционная свадьба (по-украински – вэсилля, на местном диалекте украинского языка – свальба) в настоящее время мало сохранила элементов народного ритуала и обрядовых песен как в живом бытовании, так и в коллективной памяти информантов. Тем не менее, по отдельным репортажам все же можно реконструировать русский и украинский типовые свадебные сценарии.

Свадьба в русских селах по содержанию, драматургии, песенному исполнению близка обрядам Верхнемамонского района Воронежской области^{XIII}. Что касается украинской свадьбы, то наиболее полную реконструкцию обряда удалось выполнить по записям, сделанным в селе Твердохлебовка в 2001 году^{XIV}. Ее типовой характер подтверждается репортажами из других сел района.

Специфика украинской свадьбы проявляется в названии свадебных чинов, обрядовых действий, ритуальных атрибутов и интерпретации их роли в обряде. Здесь сватов называют старостами, дружку со стороны жениха – буярином, старшую подругу невесты – дружкой, младшую сестру невесты – светилкой, специальную распорядительницу со стороны жениха – свашкой (ею могла быть крестная мать, старшая сестра или тетка), жениха – молодым, невесту – молодой.

Этапы свадебного сценария схожи по содержанию, функции, структуре, но имеют разные названия.

1. Сватовство (у русских) – старосты (во всех украинских селах), лады (с. Старотолучеево). Сваты (старосты) – это близкие родственники со стороны жениха: отец, дядя жениха, крестная мать, редко – родная мать. Отправляясь в дом невесты, они брали с собой в узелке хлеб (хлэбыну), соль, две ложки, перевязанные красной ленточкой, выпивку. В случае согласия невеста сама разрежала хлеб и угощала всех гостей. Скрепляя решение о свадьбе, молились Богу, выпивали (пылы могорыч). Если родители невесты или она сама отказывали сватам, то вручали им тывку (гарбуз).

После сватовства в украинских селах считалось допустимым, что жених оставался ночевать у невесты при условии сохранения целомудренных отношений между ними.

2. Осмотр женихова подворья родственниками невесты: полати глядеть, загнетку глядеть (у русских), домовыны, оглядыны, розглядыны (у украинцев). Этот обычай уже давно утратил свой первоначальный смысл и превратился в обычное гостевание. Хотя еще в 70-е годы XX века родственники замеряли двери и окна, поскольку невеста обязана была приготовить для них новые занавески и шторы.

3. Запой (у русских), могорыч (у украинцев). На пропой в дом невесты съезжались все ближайшие родственники с двух сторон для знакомства, официального представления жениха и невесты. После этого отказ от свадьбы был невозможен. Этот съезд двух родов был обязателен для русской свадьбы и не столь обязателен для украинской.

4. Девишник (у русских), варэныкы (у украинцев). В самый канун свадьбы в доме невесты устраивали прощальный вечер. По русской традиции на девишник

приглашались только девушки (как со стороны невесты, так и со стороны жениха). Подруги невесты шли по селу с песней и обязательно при этом били в косу.

Как во саду было, садику,
Во зеленом виноградику,
Сокаталися два яблочка,
Два яблочка, два садовые...^{xv}

На девишнике невесте расплетали и чесали косу, при этом она причитала, исполнялись специальные прощальные песни.

В украинских селах этот предсвадебный прощальный вечер назывался варэньки, куда приглашали уже не только девушек, но и ребят, и даже самого жениха. Пели песни, танцевали краковяк, барыню. Здесь, таким образом, прощальная функция молодежного вечера слабо угадывается, а прощальные песни невесты не фиксируются, в отличие от соседних русских сел.

Вечером накануне свадебного дня (иногда – за 2-3 дня) в украинских селах девушки собирались в доме невесты, чтобы приготовить для нее свадебный головной убор – венок из бумажных цветов, который так и назывался – цветок или квиток.

Вечером накануне свадьбы и в русских, и в украинских селах от невесты посылали свадебный наряд для жениха.

5. Обрядовая выпечка: пирог, каравай (у русских), коровай, шишки (у украинцев). Свадебные караваи (короваи) пекли в обоих домах, невестин украшали калиной, а в украинских селах готовили также и специальное украшение: ризку – веточку, обернутую тестом и запеченную в печи, украшенную бумажными цветами.^{xvi} Кроме того, в украинских селах пекли шишки – маленькие булочки для каждого гостя на свадьбе. Обряды и приговоры, сопровождающие изготовление обрядовой выпечки, уже записать не удалось.

6. Выезд за невестой: свадебный поезд (у русских), свита (у украинцев). Поезд собирался у жениха и отправлялся за невестой, возглавлял его дружка (у русских), буярин (у украинцев).

Жених должен был дать выкуп за право войти во двор, дом, найти невесту (ее прятали, выводили другую), этот момент свадьбы сопровождался корильными припевками, адресованными родне жениха. После первого посада молодых, короткого застолья и благословения невесты все переезжали в дом жениха. Венчание или регистрация брака в сельсовете могли совершаться в любой другой день, не обязательно в день свадьбы.

По русскому обычаю провожали невесту специальными прощальными песнями.

Перепелушка да па садику летая,
Ю ладо, ладо, ю ладо мое, летая.

Чисто пава по деревьям пырхая,
Ю ладо, ладо, ю ладо мое, пырхая...^{xvii}

7. Главное свадебное застолье. И в русской, и в украинской свадьбе свадебное застолье устраивали в доме жениха, здесь же происходили обряды общинной санкции брака: повивание (покрыванка), деление каравая, величание молодых, дары.

Свадебный поезд и молодых встречали у порога отец и мать жениха с иконой, хлебом-солью (короваем). Молодых посыпали шишечками хмеля, связывали руки рушником или домашней пряжей – жичкой (при этом завязывали множество узелков от сглаза), заводили в дом и усаживали за стол, ложки у молодых тоже

были связаны (за столом они ничего не ели, их положено было кормить потом отдельно).

В украинских селах на столе напротив молодых устанавливали вишневое деревцо или ветку, украшенную фантиками, ленточками, в зимнее время – мочеными грушами, яблоками. Это деревцо называлось садок молодых и символизировало будущую счастливую семейную жизнь^{xviii}. Возле деревца ставили сторожа с палкой и репейником на конце, чтоб никто не мог украсть деревце. Его разбирали уже после даров.

8. Обряд символического посвящения девушки в женщину: повивание (у русских), покрыванка (у украинцев). Ритуал заключался в смене девичьей прически и головного убора на женский. В русских селах обряд совершали сразу после венчания в церковной пристройке – калаурке. Невесте заплетали две косы как знак того, что у нее теперь две воли: своя и мужнина, затем надевали колпак – головной убор из темно-красного бархата в виде чепца, украшенного позументом и блестками^{xix}. Более традиционный вариант повивания – перед свадебным застольем в доме жениха^{xx}.

В украинских селах робылы покрыванку в доме жениха уже после даров. У невесты снимали с головы венки (цветок), покрывали платком. «Як молоду розбирають, так спивають: «Тай испеклы мы та из хлебины поляныцю, а з дивчины зробили жь молодыцю». Молоду розбирають, як уже кончилася свальба, знимають цвіток, закручивають ей волосы в дулю и надивають на нэй платочок и прыспивають свашкам:

Свашка – нэлипашка,
Шишок нэ липыла.
Шишок нэ лэпыла,
Дружок нэ дарыла.
Одну излипыла -
Тай ту засушила.
З зелэного сина -
Тай ту сама зыла...^{xxi}

9. Дары (у русских и украинцев). Ритуал даров в традиционной свадьбе предусматривал прежде всего прилюдное одаривание невестой ближайшей родни жениха: она дарила рубахи (сорочки), холсты, рушники, скатерти. Одаривали и молодых. Каждому гостю во время даров подносили рюмку и кусок каравая (коровая). В украинской свадьбе еще положено было давать каждому дарившему специальные булочки – шишки, которые они, как правило, уносили домой.

10. Музыка на свадьбе. Свадебное веселье сопровождалось пением и плясками, для чего приглашали на свадьбу гармониста, а в украинских селах обязательно – цимбалиста. В 1970 и 1971 годах я лично присутствовала на свадьбах в Богучаре с участием цимбалиста.

10. Постельные обычаи: комора (у украинцев). В украинской свадьбе обязательное освидетельствование молодой во время брачного обряда совершалось только в старину и называлось комора. Утром второго дня свадьбы свекровь выносила простыню на всеобщее обозрение. Если невеста была честная, то все гости шли по улице с беседой (с песнями, плясками) в дом невесты для продолжения свадьбы под красным флагом, если нечестная – под белым^{xxii}. Впрочем, молодые старались не допускать демонстрации утраченной невинности.

11. Испытания невесты на второй день свадьбы. В доме жениха рано утром принято было испытать молодую на сноровку, честность, терпение: ее посылали за водой (а по пути выливали воду из ведер), заставляли подметать пол, бросали деньги и следили, вернет ли или оставит себе, царапали печь и заставляли невесту подмазывать и пр.

12. Свадебный стол в доме невесты. На второй день свадьбы, как бы скромна

она ни была, положено было молодым и гостям собираться у невесты: жених должен был прилюдно поблагодарить тещу за дочь.

Украинский обычай на второй день катать тещу и тестя на тележке, в корыте, вываливать их в грязь, затем обмывать, – это, вероятно, идущий из древности и превращенный в фарс ритуал сближения родов, устранения границ между своими и чужими.

13. Свадебные песни. Песенное наполнение свадьбы ритуальными напевами у русских и украинцев существенно различается, прежде всего в жанровом отношении.

В русский свадебный цикл входят песни и припевки, ритуализирующие обряд и комментирующие его, так называемые прощальные песни невесты, причитания, величальные песни для каждого гостя, корильные песни для свадебных чинов со стороны жениха. Каждый из этих жанров представлен своими типовыми формами, а в структуре ощущается влияние, с одной стороны, хороводно-плясового жанра, а с другой – протяжной песни.

Системный анализ свадебного фольклора украинских сел свидетельствует о принципиально другом типе музыкального мышления. Весь свадебный репертуар основывается всего на двух типовых ритмоинтонационных формах, на которые исполняется множество коротких текстов. Такие песни называются припевками (прыспивками) и прикрепляются точно к определенным моментам свадьбы.

К сожалению, и свадебные песни, и сам традиционный обряд в настоящее время не сохранились в живом бытовании.

НЕОБРЯДОВЫЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

Сравнительный анализ русских традиционных песен, записанных в Богучарском районе с соседними локальными песенными традициями, показал, что свадебные песни по репертуару близки к верхнемамонским, а вот необрядовый песенный фольклор испытал сильнейшее влияние казачьей среднедонской традиции. Строевых казачьих песен в репертуаре русских сел нет, не зафиксированы и песни бивуачные с исторической тематикой, но лирических протяжных (с коленами) и плясовых достаточно много. Так, например, в селах Сухой Донец, Монастырщина, Каразеево были записаны типичные казачьи песни и по сюжетам, и по музыкальной стилистике: со множеством распево́в, словообрывов, с дишкантом. Ярким примером может служить песня «Черные брови».

Черные брови, ани мене манють, размають,
Тай поведаю, шо я не жани... ой, не жанился.

Если верно я ты мене любишь, разлюбишь,
Тай пойдём с тобой а мы павенча... павенчаемси.

Как пашли жа а мы ка венчанью, развенчанью,
Тай попа дома, дома яво не... ох, не было.

Как пашли жа а мы ка другому, раздругому,
Тай все речки жа ани паразли... паразлилися.

Знать, судьба жа наша ды такая, растакая
Да доля наша ана нещасчасли... несчастливая^{ххш}.

К казачьим плясовым относятся песни «Находила на нас полая вода», «Все бы я на лавочке сидела», «Ой, что у нас ранешенько на дворе» и другие.

В каждом русском селе именно от русских в обилии были записаны песни

украинские, что свидетельствует о фольклорном двуязычии русских бытовых ансамблей в Богучарском районе.

Украинская необрядовая лирическая песня представлена в записях преимущественно напевами и текстами позднестилистического музыкально-фольклорного пласта. Практически все украинские народные песни Богучарского района фиксируются и в метрополии – на самой Украине во множестве популярных фольклорных сборников. Самые ранние традиционные украинские песни можно отнести к концу XVIII – началу XIX века. Например, «Зибралыся вси бурлаки», в которой казаки ругают Екатерину II, разогнавшую Запорожскую сечь.

Зибралыся вси бурлаки
До ридной хаты,
Тут им мыло, тут им любо
Журбы заспиваты.

Зибралыся, як ти орлы,
Добычу дилыты,
З дивчатамы жартуваты,
Щей горилку пыты.

Катэрына, вражья баба,
Шо ж ты наробыла:
Степ широкий, край вэсэлый
Ты занапастыла.

Катэрына, вражья баба,
Змылуйся над намы,
Ой, вэрны нам стэп широкий
З старымы правамы^{xxiv}.

Картины старого быта украинской деревни в таких традиционных лирических песнях, как «Нэма гириш никому, як ти сыротыни», «Туга за тугою, журба за журбою», «Васыль сино косэ». Одним из ярких образцов традиционной лирической песни является данная песня:

Тай уси горы зелэниють,
Дэ богати жито сиють.
Одна гора стоить чорна,
Дэ сияла бидна вдова.
Тай вона сияла, тай волочила,
Слизонькамы прымочила
Тай чорна хмара наступала,
Сэстра з братом розмовляла.
Ой, мий братыку, мий сокилку,
Тай возьмы сэстру на зиму.
Ой, сэстрыцю, тай пэрэрилко,
А диток у тэбэ стилко?
Тай в мэнэ диток нэ богато:
Аж восьмирко – я дивьята.
Буду брата й уважаты,
Тай як будэш обидаты,
Буду диток з хаты выражаты.
Тай идуть диточки из хаты –
Тай будэ дядько обидать сидаты.
Тай щей дядько нэ пообидав,
Сташий сын батько отвидав:
«Тай вставай, тату, тай вставай з ямы,
Тай гирко жыты нам з дядькамы.

Тай, вставай, тату, тай вставай з гробу,
Тай гирок жыты нам бэз роду».
Тай пишлы диточки ярамы –
Умываютьця слезамы^{xxv}.

Маркером украинской культуры с Богучарском районе являются песни «Шлы коровы из дибровы» и «Ой, вышэнька, чэрэшэнька». Заимствования украинцами русских песен и обрядов практически не было, поскольку русских было мало, к тому же они были достаточно закрыты и обособлены.

Сближение русской и украинской культур происходит на более позднем стилистическом уровне – в позднетрадиционной песне. Так, например, в селе Галиевка удалось записать украинскую песню о Первой мировой войне «Убыт, убыт мий мылый» на мотив русской песни «Цветочек мой, цветочек, роскошно ты цветешь». Нередко в песнях в стиле народного романса исполнители поют несколько куплетов на украинском, затем переходят на русский и снова – на украинском.

Особую группу сверх популярных песен и среди русских, и среди украинцев составляют песни «Посияла огирочки», «На городи вэрба рясна», «Ой, хмэлю, мий хмэлю», «Стоить гора высокая», «Ни тучки, ни хмарки», «По-за гаем зэлэньным». Однако и этот пласт любимых народных песен истончается, поскольку к нему совершенно не приобщаются молодые.

Музыкально-этнографическое обследование сел Богучарского района показало, что угасание традиционной песни среди русского населения произошло более стремительно, и к настоящему времени не существует уже ни одного бытового ансамбля. Этому способствовала слабая консолидация русских сел.

В украинских селах, которые составляют большинство в Богучарском районе, сложилась к концу XIX века устойчивая консолидированная песенная система, в которой обрядовый слой угас к середине XX века, а необрядовая лирика сохранялась в живом бытовании вплоть до начала XXI века.

Сохранность и возрождение русского и украинского фольклора во многом будет зависеть от культурной политики органов государственного управления, от конкретной помощи культурологов, фольклористов, этнографов, краеведов. Пожелаем традиционной культуре Богучарского района всесторонней поддержки, а носителям традиции – внимания, востребованности от молодого поколения, благодарности за сохранение коллективной памяти.

1 Первую волну украинских переселенцев на западные воронежские земли в середине XVII века образовали, в основном, выходцы из среднего Поднепровья [См., например: Костомаров, с. 508]. Вторая волна переселения (XVIII в.) охватила территории к юго-востоку от первоначального расселения и включала переселенцев из Слободской и Левобережной Украины.

2 Архив Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств (далее АKNM ВГАИ) № 1301/41.

3 АKNM ВГАИ №1651/1.

4 АKNM ВГАИ № 1831/27.

5 АKNM ВГАИ № 1695/1.

6 АKNM ВГАИ № 1832/39.

7 АKNM ВГАИ № 1301/15.

8 АKNM ВГАИ № 1299/7.

9 АKNM ВГАИ №1296/48.

10 АKNM ВГАИ № 2146-3/13.

11 АKNM ВГАИ (экспедиционные записи 2014 г.)

12 АKNM ВГАИ № № 1832/8.

13 АKNM ВГАИ № 1651/55.

14 АKNM ВГАИ № 1653/6.

15 АKNM ВГАИ № 1835/29.

16 АKNM ВГАИ № 1299/26.

17 АКНМ ВГАИ (экспедиционные записи 2014 г., папка 1/080102-004).

^I Богучарский край от А до Я: Краткая краеведческая энциклопедия. – Воронеж: Кварта. – 2006. С. 27.

^{II} Там же. С. 141.

^{III} Г.Г. Ткачев. Этнографические очерки Богучарского уезда //Памятная книжка 1865-1866. Воронеж, 1866 ; Ярмарка в Богучарском уезде //Воронежские Губернские Ведомости. – 1865, № 1-2; Исторические указания на местность и народонаселение Богучарского уезда // Воронежские Губернские Ведомости. – 1865, №№ 16,19,20,25; Число жителей в Богучарском уезде // Воронежские Губернские Ведомости. – 1865, № 26.

^{IV} Такая картина наблюдается на базаре в г. Богучаре Воронежской области.

^V Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. – М., 1988.

^{VI} Записано в с. Дьяченково Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 13.07.2013 г. от Сергиенко А.С., 1935 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 0317.

^{VII} Здесь и далее все даты даются по новому стилю.

^{VIII} Записано в с. Дьяченково Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 13.07.2013 г. от Копенкиной А.П., 1970 г.р., которая получила знания от своей бабушки. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 0317.

^{IX} Там же.

^X Записано экспедицией ВГАИ в с. Полтавка Богучарского района Воронежской области 12.07.2013 г. Архив КНМ ВГАИ, № файла ЗА 004. Исполнители: Сушкина А.В., 1927 г.р., Беркутова Л.Д., 1938 г.р. Петренко В.Н., 1939 г.р., Кравцова М.М., 1939 г.р., Малеванная Л.Г., 1954 г.р.

^{XI} Записано экспедицией ВГАИ в с. Журавка Богучарского района Воронежской области 15.07.2013 г. Архив КНМ ВГАИ. № файла МТ 428. Сообщила Бондарева М. П., 1931 г.р.

^{XII} Записано в с. Полтавка Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 12.07.2013 от Сушкиной Л.В. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 02816.

^{XIII} Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области. СП /Т. Ф. Пухова, Г.Я. Сысоева. Нотная публикация Г.Я. Сысоевой. – Воронеж, 1999.

^{XIV} Записано в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. от Максименко М.В., 1930 г.р. Архив КНМ ВГАИ, инв. № № 1215.

^{XV} Записано в с. Монастырщина Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ от Анниковой М.В., 1905 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № 442/43.

^{XVI} Записано в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. от Максименко М.В., 1930 г.р. Архив КНМ ВГАИ, инв. № 1215/23.

^{XVII} Записано в с. Монастырщина Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от Калининой М.М., 1914 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № 443/56.

^{XVIII} Записано в с. Криница Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ 14.07.2013 г. от Толокольниковой Р.М., 1943 г.р. и Лукьянковой М.П., 1941 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № МТ 326.

^{XIX} Записано в с. Монастырщина Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от Анниковой М.В., 1905 г.р. Архив КНМ ВГАИ, № 443/11.

^{XX} Записано в с. Сухой Донец Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от Плаховой Н.С., 1916 г.р., Архив КНМ ВГАИ, № 442/43.

^{XXI} Записано в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. от Максименко М.В., 1930 г.р. Архив КНМ ВГАИ, инв. № № 1215/1-4.

^{XXII} Сообщила моя мама Ткачева Т.К., 1911 г.р., уроженка с. Галиевка Богучарского района Воронежской области.

^{XXIII} Записано в с. Каразеево Богучарского района Воронежской области экспедицией ВГАИ в 1998 г. от местного фольклорного ансамбля. Архив КНМ ВГАИ, инв. 446.

^{XXIV} Записано Г.Я. Сысоевой 31.07.2012 г. в с. Залиман Богучарского района от жительниц села Грушовое Богучарского района Воронежской области Золотаревой Л.М., 1931 г.р., и Чалой Н.В., 1937 г.р. Файл № 143.

^{XXV} Записано в 2001 г. в с. Твердохлебовка Богучарского района Воронежской области Сысоевой Г.Я. Исполнители: Максименко М.В., 1930 г.р., Тимошенко Е.Н., 1930 г.р., Сухопарова Р.Ф., 1926 г.р., Захарченко А.Н., 1924 г.р., Таранова М.Г., 1931 г.р. Архив КНМ ВГАИ. № 1216/7.

Татьяна Пухова,

*кандидат филологических наук,
Воронежский государственный
университет*

ОТКУДА НАШИ ПЕСНИ

Богатое содержание русских и украинских свадебных песен дает интересный материал к попытке решения вопроса об их происхождении.

Как известно, свадебный обряд на Руси окончательно утверждается в 15-16 вв., когда возникает централизованное русское государство во главе с великим князем Московским Иваном Третьим. Христианство, поддерживаемое государством, повсеместно входит в жизнь русского крестьянина, хотя происходит это в борьбе с языческими традициями. Ведь даже в «Стоглаве» (1551 г.) слышны сетования на то, что свадьбы проходят не только с соблюдением христианского обряда, но и с использованием языческих действий: «Въ мирскихъ свадьбахъ играют глумотворцы и арганники, и гусельники, и смехотворцы и бесовские песни поють, и какъ къ церкви пойдуть, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всеми теми играми бесовскими рищуть, а священницы им о томъ не возбраняють и не запрещають» (1, с.135-136). Но с этого времени (16 в.) подобные действия после строгих мер, принятых властью, сходят на нет. Хотя отдельные следы язычества все-таки просматриваются и в гораздо позднее время (почитание печи в доме невесты, приготовление курицы и ряжение курицы как символов плодородия, стояние молодых на вывернутой мехом овчине, троекратное вождение молодых вокруг свадебного стола, языческая символика в свадебном костюме молодых и другое). Об этих и подобных явлениях много написано в трудах фольклористов и этнографов.

Свадебные песни также несут в себе следы древних верований, особенно это заметно в растительных и животных символах, используемых при создании приёма психологического параллелизма.

Но не только языческая сторона интересует нас в разговоре о происхождении свадебных песен. Свадебная песня обращает нас и к временам христианизации Киевской Руси, в них отчетливо просматриваются фрагменты свадебного обряда и всей бытовой обстановки, сопутствующей этому обряду, в княжеском и даже великокняжеском дворе. Такие детали княжеского быта, звучащие в свадебных песнях русских крестьян, как известно, говорят о том, что свадебная песня пришла в крестьянский мир из свадебного обряда высшего сословия – из княжеского обряда.

Рассмотрим данное явление «идеализации» (2, с.53) на примере русских и украинских свадебных песен, представленных в сборнике «Фольклорно-этнографических материалов из собрания Русского географического общества (РГО)

по Воронежской губернии (2012). Обратимся к русским свадебным песням села Нижнепокровского Бирюченского уезда (разряд IX, опись № 4).

В песне №9 «Вы саду вы садочку», на сговоре дом крестьянский называется теремом:

Ты, голубушка, не сдавайся,
Не сдавайся, леле, не сдавайся,
Ужо бь рада я не сдалася
Да не въ те руки я попалася,
У терема у теремочку. (З, с.52)

Или в песне №15 «О, семте, девушки, хлеб-соль обыграем» терем уже получает необычайно яркий эпитет – «златоверховатый»:

Среди двора,
Среди широкаго,
Тамъ стояль теремъ
Златоверховатый,
А во томъ тереме
Тесова коровать. (З, с.55)

Свадебный поезд с женихом, приезжающим за невестой, называют «боярами», а жених получает от самого царя «царскую грамоту» на свадьбу.

Поднялось поле все дымомъ,
Едутъ бояре все рядомъ,
Едетъ Александрушка передомъ,
У рукахъ везеть грамоту,
Царскую грамоту,
Що въ грамоте писано,
Писана въ грамоте разлука,
Хочеть разлучить Василису,
Съ роднымъ батюшкою, матушкою,
Со всемъ родомъ племени
И съ вами, милья подружки. (З, с. 57, №22)

Или

Гнется, гнется, ломится,
На море доска,
Женитца Александрушка,
Прислалъ ему Царь Государь
Съ девяти городовъ
Двенадцать коней неезженыя. (З, с. 57, №25)

Момент приезда свадебного поезда – «бояр» – самый трагический в свадьбе, ведь вот-вот произойдет расставание невесты с родным домом.

Сударь мой батюшка,
Что въ поле за пыль пылится
И что затуманилось?
Бояре коней кормятъ,
Они кормятъ и поятъ
Ключевою водой,
Шелковою травой,
Ключевая вода –
Василисина слеза,
Шелковая трава –
Василисина коса. (З, с. 57, №23)

О приеме «идеализации» говорит и описание жениха и невесты. Их наряды в песнях также необычайно богаты: невеста одета в «кунью» шубу, а у жениха – «шапочка осиста», жалованная самим царем:

Не знать Александра промежду бояръ,
Только знать по шапочке,
На немъ шапка осиста, пушиста,
На передь навесиста,
Ему шурья девуются,
Не дивуйтесь шурья,
На мне шапка хороша:
Я самъ службу ходилъ,
Я самъ царю служилъ,
Царь Государь меня жаловалъ,
За великую выслугу. (З, с. 57, №24)

В тексте, присланном священником Иоанном Снесаревым в РГО (разряд IX, опись № 5), содержатся описания календарных и семейно-бытовых обрядов малороссиян Бирюченского уезда Воронежской губернии, особенно обстоятельно изложен украинский свадебный обряд, приводится много свадебных песен. Эти материалы показывают, насколько многообразны проявления различных культур в фольклоре украинцев. Своеобразная многослойность присуща и свадебным песням сел, находящихся на границе России и Украины.

В первую очередь это та же древнерусская основа свадебных песен, в которых главными героями были «князь» и «княгиня» (жених и невеста), «бояре» (поезжане).

Ой на хати зилья,
А вь хати висилья,
На двори бояры,
Якъ макъ процвиталы. (З, с. 87, №62)

«Между темъ вь доме отца женихова происходит тоже, молодого садовять на посадъ, у молодого свои старосты, и, посидевши, отклонившись отцу и матери, женихъ отправляется съ боярами до молодой вь домъ и становится съ ними вь сенцахъ:

Стылите дороженьку;
Шобъ мьяко ступаты,
На двирь танцюваты,
Бояръ оглядаты.
Чи ны криви, чи ны горбати,
Чи вмють танцюваты». (З, с. 82, №48)

Называли «боярами» поезжан, которые могли вести все действие свадьбы, знали обычаи, умели петь и танцевать, красиво выглядели.

«Когда же весь поездъ въедетъ на дворъ къ женихову отцу, тогда женщины выходятъ изъ комнаты, становятся возле порога и начинаютъ петь:

Выйды маты съ хаты,
Шось тоби бояры привезлы,
Прывезлы скрыню и перыну
И молоду княгыню». (З, с. 91, №74)

Сами действия, разумеется, описывают крестьянские обычаи: привозить из дома невесты приданое («скрыню и перыну»), но привозят скрыню (сундук) все же «бояре».

Мотив «идеализации» виден и в украинских песнях, жениха и невесту должны богато одарить.

Гадайте, старосты, гадайте,
По чирвоному складайте;
А вы, бояре, сумуйте,
По золотому пидсуйте;
Теперь година не тая,
И дороженька слызькая;
Треба Галецци чобитокъ
И золотенькихъ пидкивокъ. (З, с. 86, №59)

Другой культурный слой, характерный именно для украинских песен – польский. Земли Древней Руси, на которых сформировалась потом украинская народность, попали под власть польских феодалов в XIII веке, когда они были обескровлены во время татарского нашествия. Большая часть населения Поднепровья или бежала на северо-восток, где были сохранившие свою государственность русские княжества, или погибла. Уцелевшие жители разрушенных сел и городов попали под власть литовских и польских феодалов. В 1365 году образовалась Речь Посполитая. Литовцы, объединившись с поляками, приняли католичество. Началось преследование населения православного вероисповедания, произошло окатоличивание его части. Жители Поднепровья испытывали влияние польской культуры: языка, быта, государственной власти (хотя они и сопротивлялись – религию, основы языка и многие традиции сохранили свои). В XVII веке левобережная Украина присоединилась к России, а правобережная до второй половины XVIII в. оставалась под властью Польши. Запорожское казачество формировалось из беглых крестьян всех украинских земель, которые приносили различные заимствования из польского языка. В XVII в. запорожскому войску были предоставлены для поселения земли в южной части Воронежского края. Поэтому в украинском фольклоре нашей области часто можно встретить польские слова и выражения.

Постоянно встречаются обращения «пане-старосты», «панове», «панянка»:

А врижъ матинко китайки,
Застилай столы и лавки,
Ось идуть дружечки-панянки (З, с. 80, №44).

Дружко опять начинает: «Пане староста и пидстароста, благословите молоди княгини Богу помолытця, батькови и матери низенько отклонитця»;
...После венчания пели молодым:

А въ нашего коровая мидне дно,
Золоти обручи да малевани шишечки,
Сбирала Галечка дружечки,
изъ села брала селянокъ
изъ миста мешчанок,
а изъ города Панянокъ. (З, с. 84, №52)

Когда уже увидят, что молодой с боярами подъезжает к воротам, дружки запоют:

Та не наступайте, панове-сватове,
Та не наступить снігової грудочки,
Снігова грудочка отъ соньца тае,
Галечка въ батенька, якъ злато, сяе,
Галечка въ батенька кохане дьтя,
Якъ утя на води, якъ рожа въ городи. (З, с. 87-88, №63)

И конечно, в украинских песнях будет присутствовать и такой персонаж, как татарин – извечный враг украинских казаков. Татары оставили о себе страшную память о нашествии XIII века и о постоянных набегах крымских татар вплоть до XVIII века, с которыми вели непрерывную войну запорожские казаки. Татары уводили в плен многих жителей украинских земель, поэтому сравнение брата невесты с татаринцом, отдавшего сестру во время выкупа, вполне естественно:

Татаринъ, братичокъ, татарынъ,
Продавъ сестрыцю задаромъ,
Узявъ за сестру стрилочку,
За йии русую кисочку. (З, с. 89, №67)

Не случайно в любовной украинской песне «Закувала зозуленька» из материалов М.А. Веневитинова для архива РГО (раздел 9, опись №11) описывается нападение татар на чумаков и захват их в плен:

Черненьки галенята
Круту гору вкрылы –
Молодой дивченокы
Жалю наробыли,
Не так жалю, –
Якъ поговору.
Молоды чумаченьки,
Вернитесь до дому
Ой, рады вернутесь –
Туманъ налягае;
Кругомъ нашего обозенька
Орда обступае.
Хочуть возы порубаты,
А насъ въ ополонъ забраты.
Возы порубалы,
А насъ въ ополонъ забралы. (З, с. 181, №117)

Подводя итоги, можно сказать, что русский свадебный фольклор Воронежского края, сформировавшийся в пределах одного государства, однороден и несет на себе отпечаток борьбы за создание и утверждение этого единого государства.

В украинском свадебном фольклоре отразились реальности жизни той части народа Древней Руси, которая попала под влияние культур соседних народов, с которыми воевали или оказывались под их властью. В связи с этим в украинском песенном свадебном фольклоре прослеживаются как бы три слоя:

- основой является древнерусская традиция, общая с русским фольклором;
- влияние польской культуры;
- отражение многовековой борьбы с татарской агрессией на славянские земли.

Все эти проявления особенностей свадебного фольклора Воронежского края отразились в свадебных песнях, записанных воронежскими краеведами и фольклористами в XIX – XX вв.

Столб. Издание Д.Е. Кожанчикова. – СПб. В типографии Императорской Академии наук, 1863.

Кравцов Н.И., Лаутин С.Г. Русское устное народное творчество: Учебник для фил. спец. ун-тов. – М., 1983.

Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX века по Воронежской губернии / Подготовка текстов и составление Т.Ф. Пуховой, А.А. Чернобаевой. – Часть I. – (Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. XI). – Воронеж. ВГУ. – 2012. – 382 с.

Галина Христова,

доцент кафедры этномузыкологии Воронежского государственного института искусств

ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В ВОРОНЕЖСКИХ СЕЛАХ

Своеобразие традиционной народной культуры воронежских украинцев определено фактами исторического характера: переселение на воронежские земли этнических украинцев происходило в разные периоды и с разных частей Украины.

Проживая в течение нескольких столетий на территории, оторванной от «материнской» традиции, украинцы воронежских сел вплоть до середины XX века сохраняли этническую самобытность, проявлявшуюся в разных сферах материальной и духовной культуры: устройстве жилища и одежды, языке, верованиях, семейных отношениях, обрядах, музыкальных традициях. Обобщая результаты фольклорно-этнографических экспедиций последних лет в украинские села, нужно отметить следующее: фольклор, в частности песенный, до настоящего времени является одним из средств этнической самоидентификации.

Современные жители украинских воронежских сел, несмотря на исторические факты, отмечают свою этническую обособленность от украинской нации: «Хохлы нас называли, украинцев у нас нэ було (Тарабанова Д.К. 1925 г.р., хут. Владимировка, Острогжский р-н); «Мы хохлы. От украинцев они отличаются разговором. В паспорте пишуться – русские» (Лиходедова А.К. 1936 г.р., с. Урыв, Острогжский р-н). Вместе с тем, украинские переселенцы отмечают формальность отмечавшейся ранее в паспорте национальности: «Мы до якого-то времени писались украинска национальность. А з якого-то тут году, шо стали все руськи, а мы писались украинцы. Щас мы все руськи...» (Грищенко П.И., 1922 г.р., с. Петровское, Лискинский р-н); «Сичас напысалы – русски, а булы всю жизнь украинци, в паспорти было – украинци» (Василенко М.Я., 1935 г.р., с. Нижний Карабут, Россошанский р-н).

Материалы, записанные в украинских селах в последнее десятилетие, свидетельствуют о серьезных изменениях в культурных традициях, связанных прежде всего с общей динамикой в системе общества, приведшей к утрате многих традиционных форм. Изменения или обновления традиции раньше всего затронули материальную составляющую традиций. Уже давно украинские хаты-мазанки с глинобитным полом, соломенной или камышовой крышей заменены современными постройками домов и встречаются в селах только в заброшенном,

нежилом виде. Практически не используется в быту традиционная хозяйственная утварь. Вышитые рушники (полотенца) в лучшем случае украшают иконы в красном углу, изредка хранятся как образцы мастерства вышивания кого-то из старших родственников. Традиционная одежда украинцев давно ушла не только из быта, но и крайне редко встречается как семейная реликвия, сохранившаяся от старшего поколения. Образцы традиционной украинской одежды в подлинном виде можно обнаружить только в музейных коллекциях.

В то же время область духовной культуры, которая также подверглась глубоким разрушительным переменам, до настоящего времени сохраняет определенную этническую идентичность. Это проявляется в сфере языка, фольклора, в обрядовой сфере.

Язык бытового общения до настоящего времени заметнее всего выражает этническую принадлежность жителей украинских сел. Повседневный разговорный язык старшего и среднего поколения представлен особыми говорами, относящимися к разным группам говоров юго-восточного украинского наречия. В семьях, где совместно проживает несколько поколений, чаще всего общение происходит на украинском языке, молодежь и дети также владеют местным диалектом и используют его в быту. В молодых семьях, живущих отдельно от родителей, используется как украинский говор, так и русский, чаще всего дети не используют украинский диалект, но при этом понимают его.

Современные жители украинских сел ярко демонстрируют двуязычие общения: в бытовых ситуациях в семьях используется украинский язык, а в официальной обстановке – русский. Безусловно, что местные украинские диалекты постоянно трансформируются вследствие смешения с другими диалектами и под влиянием литературного языка, но при этом сохраняют свою этническую специфичность, и, как видно из современных полевых исследований, сохраняют свою актуальность на уровне бытового общения.

Фольклор, в частности песенный фольклор, относится к той части традиционной культуры, которая в значительной степени связана с конкретной исторической средой. Отсутствие естественных условий для практического воспроизведения музыкального фольклора вызвало две тенденции: 1) исчезновение из быта традиционных музыкальных форм; 2) существенное обновление песенных традиций за счет позднего фольклорного репертуара и заимствований из других украинских традиций, или же, что гораздо реже, – заимствований позднетрадиционного русского репертуара. Эти тенденции усилились из-за утраты понимания новыми поколениями особых фольклорных художественных средств: семантики и символики обрядовых текстов, смысла музыкальных интонаций. Кроме указанных естественных процессов, на динамику песенных традиций большое воздействие оказали социально-культурные факторы XX столетия: борьба с «пережитками» прошлого, в том числе в форме запретов совершения обрядовых действий, общинных праздников; приобщение населения к образцам советской массовой культуры через систему культурно-просветительской деятельности, выработка общенациональных стереотипных образцов народной музыкальной культуры. Вследствие всего множества причин песенная традиция из живой бытовой сферы перешла в клубную самодеятельно-организованную, или хранится в памяти старейшего поколения, крайне редко актуализируясь.

Анализ современного состояния песенных традиций воронежских украинцев был проведен на материалах, записанных автором в экспедициях 2003–2014 гг. в Острогжском, Петропавловском, Лискинском, Каменском, Россошанском, Ольховатском районах Воронежской области.

Жанровая система музыкального фольклора украинских переселенцев включает песни календарного обрядового цикла (колядки, щедровки, маланки и др.), песни свадебного обряда, материнский фольклор, неприуроченные лирические

песни (складывавшиеся в разное время и отличающиеся большим сюжетно-тематическим разнообразием), духовные песнопения.

Календарный фольклор святочного периода во многих украинских селах бытует в живом виде благодаря сохранившемуся обычаю обхода дворов под Рождество и Новый год. Фольклорные тексты чаще всего при этом звучат не в музыкальной форме, а в декламационно-речитативной.

Колядуют на Рождество:

Колядычка, коляда,
Под полычку погляда,
А с полычки на бочок,
Пожалуйтэ пятачок!
(Грищенко П.И. 1922 г.р.,
с. Петровское, Лискинский р-н).

Коляд-коляд, колядыця,
Добра з мѣдом поляныця,
А як з маком – ни така,
Подай, дядька, пятака.
Не дасы питака –
Возьму быка за рага,
А кобылу за чупрыну,
И повѣду на могылу,
А з могилы на тачок,
Дай, дядька, питачок,
Хоть троечок.
(Ребрикова М.Д. 1928 г.р.,
с. Дальняя Полубянка, Острогожский район).

Под Новый год (по старому стилю) сохранилась традиция обхода дворов с исполнением «щедровок», которые выкрикиваются участниками обходов, не заходя в дом, под окнами:

Щедровочка щедровала
Под окошечком стояла,
Шо ты, тѣтка, наварыла,
Шо ты, тѣтка, напѣкла,
Нѣси нам до окна,
Нѣ кусай, нѣ ломай,
А по целому давай,
А ты, дидо, колбасу,
А то хату разнѣсу,
А ты, бабка, гроши,
Шоб диты булы хороши!
(Оплачко М.Ф. 1930 г.р.,
с. Кривая Поляна, Острогожский р-н).

Щедрик-ведрик,
Дай варѣник!
Нѣ дасы –
Сам изъѣсы!
(Копылова Е.П. 1918 г.р.,
с. Гнилое, Острогожский р-н).

Также в некоторых украинских селах сохранился обычай утреннего обхода дворов с обрядом посева. Традиционно посевание совершали мальчики или мужчины, а в настоящее время сообщается чаще о мужских утренних обходах –

с целью получения вознаграждения в виде выпивки, при этом декламируются традиционные обрядовые тексты:

На счастье, на здоровье, на Новый год!
Роди, Боже, жито, пшаницу,
На всяку пашницу.
Будьте здоровы, с Новым годом, с новым счастьем!
(Маковецкая Н.П. 1934 г.р.,
с. Шапошниковка, Ольховатский р-н).

Очевидно, что сакрально-магическое значение обрядов и сопровождающих их обрядовых текстов утрачено, их выполнение приобрело утилитарный смысл: поздравительные обходы дворов воспринимаются как способ получения различного вознаграждения (современные дети предпочитают денежное вознаграждение, а взрослые – угощение выпивкой и закуской). Безусловно, что привлекательность совершения святочных праздничных обычаев заключается и в возможности коллективного общения для различных групп социума – участники обходов до настоящего времени объединяются по возрастным и гендерным признакам.

В памяти старейших жителей сохранились достаточно подробные описания святочных обрядовых действий, различные календарные тексты с напевами, отражающие более полную картину зимней календарной обрядности. Например, записаны образцы напевов колядок, которые в настоящее время исполняются в речитативном складе, записаны напевы колядок кантового склада с рефреном «радуйся, земле!», маланок, щедрок с рефреном «святыи вѣчер!», христославий, – в современной живой практике все эти тексты уже не воспроизводятся.

Что касается образцов обрядового песенного фольклора других календарных сезонов, то в живом бытовании они отсутствуют в украинских селах и крайне редко встречаются в упоминаниях старейших жителей.

Важное место в народной традиции занимал свадебный обряд. Его значимость подтверждает тот факт, что большинство обрядовых действий и музыкальный фольклор свадьбы активно воспроизводились в украинских селах вплоть до 70-х годов XX века. До сих пор можно встретить участников свадеб, совершавшихся по традиционному обычаю.

В свадебной обрядности преобладали ритуальные действия, сопровождавшие моменты контактов двух родов – это различные встречи в подготовительный период, многократные выкупы, переходы и переезды из одного локуса в другой. Типологически свадебный обряд украинских сел Воронежской области относится к выделенному в этномузыкологии типу «восточнославянского запада» [Ефименкова, с.25].

Раньше в традиционной украинской свадьбе каждое совершаемое действие сопровождалось многочисленными песенными припевками, в которых либо комментировались происходящие события, либо передавалось соответствующее обряду эмоциональное состояние. Тексты таких песен «не имеют развернутого содержания, а смысл происходящего действия раскрывался во множестве последовательно звучащих напевов, образующих обрядовые блоки» [Христова, с. 355].

Приведем несколько образцов текстов таких свадебных песен, записанных в ходе фольклорных экспедиций в разных селах Воронежской области от исполнителей 1918 – 1960-х годов рождения:

– Куды, доню, собыраисся,
Куды, доню, собыраисся
Що так било умываисся?
– Иду, ненько, пид чужие лоды,
Иду, ненько, пид чужие лоды,

– Ой, там тобі тай горэчко будэ.
Ой, горэчко крыдяныстое,
Ой, горэчко крыдяныстое,
Там свэкруха норовыстая.
Она тобі норovy покаже,
Она тобі норovy покаже,
Вона тобі рогачи откаже.
Дэ нэ станэш – тай похылыся,
Слизоньками дай умылся.
Слово скажеш – тай помылыся.
(Величко Л.П. 1952 г.р., Шевченко О.П. 1944 г.р.,
Волошина Е.Г. 1942 г.р., Тютерева М.И. 1932 г.р.,
Гришенко Т.В. 1960 г.р., с. Первомайское, Россошанский р-н).

Отдаеш мэнэ маты же, сама бачишь,
Шо нэ раз, нэ два заплачешь.
По весне садочки цвистимут,
По улицэ дивчяточка итымут,
А менэ жэ, молодой, дай нэ будэ,
Жаль тобі, моя маты, мэнэ будэ.
(Грищенко П.И. 1922 г.р.,
с. Петровское, Лискинский р-н).

Ой, свату, наш свату,
Пускай нас у хату,
Шоб мы тута нэ стоялы,
Грязи нэ топталы,
Пудковочек да нэ ломалы,
Каравай раздаты,
Манэчку узаты.
(Акименко Н.Я. 1939 г.р.,
с. Урыв, Острогожский р-н).

Завиванечко плаче,
Завиванечко плаче,
Завиваця нэ хоче,
Нэ так завиваця,
Як поцеловаця.
(Горпинченко А.П. 1919 г.р., Горпинченко А.И. 1948 г.р.,
Повеквечных А.И. 1929 г.р., с. Новоуспенка, Острогожский р-н).

Спасиба за друшку,
За малу, паслушну.
Хоть она малэнька,
Зато послушнэнька.
(Волошенко М.И. 1946 г.р.,
с. Щучье, Лискинский р-н).

Увведите наше,
Пускай нам попляша,
А мы будэм знати,
Кого дарувати.
(Шепелева Е.Ф. 1937 г.р.,
с. Кривая поляна, Острогожский р-н).

Очевидным является тот факт, что традиционная украинская свадебная обрядность в настоящее время практически полностью ушла из живого бытования. Полное содержание свадебного обряда можно восстановить только благо-

даря свидетельствам представителей старшего поколения. Тем не менее, элементы традиционной обрядности достаточно активно используются и в современной свадьбе, в более или менее трансформированном виде, с привнесением современных деталей. Естественно, что сакральный смысл обычаев к настоящему времени утрачен. Определенная сохранность свадебных традиций объясняется, во-первых, особо важным значением даже для современного поколения отдельных обрядовых действий, участниками которых являются жених с невестой и их родители. К таким традиционным свадебным обрядам, совершаемым в настоящее время, относятся, например: сватовство (выполняет функцию знакомства двух родов), изготовление свадебного каравая (иногда с традиционной атрибутикой «гильцем», «садом» – свадебным деревцем и свадебной выпечки – «шишек»), встреча и благословление молодых родителями жениха, обычаи одаривания молодых. Во-вторых, отчасти сохранились обряды, которые представляются в виде яркого зрелищного действия с включением в него гостей, приглашенных на свадьбу, это: выкуп невесты, разжигание огня на пути молодых в дом жениха, ржание на второй день свадьбы, катание родителей невесты по селу.

Фиксируя устойчивое бытование некоторых обрядовых действий свадьбы в украинских селах, отметим, что музыкальный фольклор ушел из свадебной традиции. Даже приглашенный гармонист является скорее исключением, чем обычным явлением, как это было еще в 1970 – 1980-е годы. Свадебные песни, приведенные выше, а также и другие записанные образцы в настоящее время могут быть исполнены только по просьбе собирателя или в концертной программе этнографического коллектива.

Самый значительный пласт песенного фольклора, записанного в воронежских украинских селах, представляют необрядовые песни различных тематических циклов. Среди них:

– песни исторического содержания («Зибралыся всѣ бурлаки до ридной хаты», «Ой на гори, там жинци жнуть»);

– песни балладного содержания («Провожала маты сына у солдаты», «Ой, чие ж то жито», «Сохне, вяне в поли травка», «Меж горама горы крутии», «Жинка мужика низнавидѣла, повѣла у сад, дай заризала», «Ой, у поле криниченька, там холодна водиченька», «Йихалы казаки из Дону до дому» и др.);

– песни с любовной и семейно-бытовой тематикой («Як пиду в садочок, тай зорву лысточок», «Тѣче ричка-нѣвѣличка з вышнѣвого саду», «Ой, на тий гори, та ще й на кругий», «Нѣдалѣко мылый орѣ», «Нѣма гирше, нѣма иньше, як той сыротыни», «Горила сосна, пылала», «Столы ж мои, да й дубовые, скатерти парчовы», «Копав, копав крыныченьку» и др.);

– песни шуточного содержания («Куры мои куры, куры щѣбѣтуры», «Ой, там на товчку, на базари жинки мужикив продавалы», «Як поихав мий мылѣнький на базарь до рыды» и др.)

Наиболее актуальный репертуар современных украинских исполнителей, бытующий практически во всех воронежских селах, представлен широко распространенными образцами украинской поздней лирики, известной не только в воронежском крае: «Ой, у поли озэрѣчко», «Цвитѣ тѣрѣн, цвитѣ тѣрѣн», «По-за лугом злѣнѣньким», «Шумлять вѣрбы», «Туман ярлом, туман дольною», «Посияла огирочки» и др.

Музыкальный склад рассматриваемых необрядовых украинских песен сочетает в себе интонации традиционной крестьянской песенности и признаки западноевропейской музыкальной культуры. В русской музыкально-фольклорной традиции такие песни появились приблизительно во второй половине XVIII века. Украинская песенная традиция сформировалась в других исторических условиях, и процессы западноевропейского воздействия, выразившиеся в распространении гомофонно-гармонического мышления произошли там гораздо раньше,

чем в русской традиции. Песенный репертуар с позднестилистическими (или западноевропейскими) чертами уже был сформирован у украинских переселенцев тогда, когда в русском песенном фольклоре эти процессы еще не начинались, то есть до переселения на южнорусские земли.

Именно песни этого стилевого пласта демонстрируют лучшую сохранность, по сравнению с другими музыкальными жанрами. Однако следует сразу отметить, что все записи, сделанные во время фольклорных экспедиций, не являются фиксацией аутентичной традиции в естественной среде, а являются приближенной к живому бытованию «имитацией живого исполнения, спровоцированной собирателем» [Дианова, с. 8]. Для понимания современного состояния песенной традиции данное указание является существенным.

Традиционный песенный репертуар украинских сел в настоящее время поддерживается в двух формах бытования: 1) в среде организованных коллективов самодеятельного творчества, где степень аутентичности воспроизводимой традиции зависит от направленности деятельности коллектива и степени профессионализма и понимания традиции руководителем, а передача текстов осуществляется путем специального разучивания и запоминания; 2) в среде естественно сложившихся коллективов родственников, соседей, близких друзей, где фольклорная традиция функционирует и передается естественным образом, в живом общении.

Современные условия жизни внесли определенные дополнения в способы сохранения и передачи устной традиции. В среде народных исполнителей получили распространение так называемые «письменные формы фиксации фольклора». Неоднократно в экспедициях приходилось сталкиваться с существованием тетрадок с записями текстов, где наряду с традиционными песнями, записанными исполнителями по памяти, встречаются разные тексты, в том числе, записанные автором тетради с радио, с телевидения, от чужих приезжих в село.

Наиболее часто в таких зафиксированных письменных формах бытуют духовные песнопения, или, по народной терминологии, употребляемой в украинских селах – псалмы. Этот жанр получил новое развитие в 1990-е годы и до сих пор остается живым явлением народной музыкальной культуры. Сюжеты и напевы духовных песнопений воронежских украинцев обнаруживают сходство с соответствующим репертуаром русских сел. Большинство образцов относятся к группе поминальных текстов: «Спи, моя милая мама», «На всех солнце светит», «Ой, вы братья мои, сёстры», «Ой, Боже мий, Боже, з високого нѣба послухай молитву мою», «К чему скорбеть, о чём крушитца». Кроме того, бытуют псалмы, посвященные христианским святым: «Прошу тебя, угодник Божий, святой великий Николай», «Это было давно, где-то там далеко жил премудрый и опытный старец» и др.

Исполнение духовных песнопений связано, как правило, с совершением похоронно-поминальной обрядности. Очевидно, что в сфере исполнения духовных песнопений у украинцев воронежских сел не сформировался собственный репертуар, и благодаря письменной фиксации русские духовные стихи перешли в украинскую традицию, при этом где-то так и закрепились на русском языке, а где-то появились в версии на украинском диалекте.

В живом бытовании в украинских селах можно зафиксировать и достаточно архаичные формы, относящиеся к жанру материнского фольклора – колыбельные. Некоторые тексты колыбельных имеют содержание, отражающее древние аграрные представления крестьян, смысл которых уже не понятен современным исполнителям, тем не менее, и такие тексты представлены в живой традиции:

Пийшов кыця по водыцю
Тай упав вин во крыныцю,
Пийшов котык рятувать,

Нашу кыцю доставать:
Лэжи кыця, нэ журыся,
Тай на сонычку сушыся,
Буць кыця вэсэл,
Пойдем мы до сэл,
Там зарыем нытку,
Посием матэрынку.
Матэрынка нэ вродылась,
А вродывся лопушок,
Сшием кыце кожушок.

(Кожухова Н.А. 1973 г.р.,
с. Новая Калитва, Россошанский р-н).

В целом, говоря о современном состоянии традиции, следует обращать внимание не только на процессы угасания и утраты, которые являются всеобщими для традиционной культуры, но и на новые тенденции, происходящие в среде носителей традиции, в том числе создаваемые при участии фольклористов, работников культуры, средств массовой информации. Решающее значение имеет правильная ориентация на подлинное и неподлинное в фольклоре.

Рассмотрев вопросы общей характеристики состояния песенных традиций украинцев воронежских сел, следует отметить несколько важных выводов:

– развитие песенных традиций в настоящее время приобрело, скорее, негативный характер вследствие воздействия различных социо-культурных факторов;

– положительным знаком является сохранность множества фольклорно-этнографических текстов в памяти старшего поколения, которую можно активизировать с помощью современных научных методик полевой фольклористики;

– живое бытование отдельных обрядовых элементов календарного и семейного циклов также вызывает оптимизм и надежду на дальнейшее развитие на основе подлинных местных традиций;

– достаточно большой объем записанного в последние годы материала может послужить базой для создания условий по сохранению специфики и разнообразия традиционной музыкальной культуры воронежских украинцев;

– к проблеме рассмотрения современного состояния традиций необходимо подключаться специалистам различных областей: фольклористам, этнографам, культурологам, социологам, работникам культуры и образования, работникам административной сферы.

1. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. II. – М., 1998.

2. Ефименкова Б.Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику. – М., 2008.

3. Христова Г.П. Музыкальный язык свадьбы украинцев воронежского Подонья / От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сб. докладов. Том 1. – М., 2010. С. 353-359.

4. Дианова Т.Б. Формы фольклорной трансмиссии / Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. – М., 2003. С. 7-11.

В этом разделе представлены стихи поэтов XX века, рождением или жизненными дорогами и творчеством связанных с воронежской землей. В творчестве известных и малоизвестных литераторов запечатлеваются чувства Родины, отчего края, родной природы, страждущей человеческой души. Во многих строфах звучит гордость за подвиги наших предков, грудью стоявших за Отечество в тяжелейших испытаниях его тысячелетней истории.

**Стихотворения
воронежских поэтов**

«ЭТУ НЕЯРКУЮ ЗЕМЛЮ КАЖДОЙ КРОВИНКОЙ ЛЮБЛЮ...»

Анатолий Абрамов

ОТВЕЧАЙ ВСЕЙ СВОЕЮ СУДЬБОЙ

Важен «русский вопрос»: для чего?
И – солдат ли, художник – его

Не забудешь ты в жизни своей
Ни в тиши, ни в громах скоростей.

Отвернись от него, позабудь,
Где ты жил, где учился, где рос, –

Этот неотвратимый вопрос
Переступит твой шаг и твой путь.

И опять ты во власти его.
И опять отвечай: для чего?

В поле вышел, садись за стол,
В школу сына учиться привел.

Впереди – иль санбат, или бой, –
Отвечай всей своею судьбой.

За себя, за меня, за него
Говори: для чего?

Иван Абросимский

ОТЕЦ

Мой отец
С той войны не пришел,
Упокоившись
В братской могиле.
Жаль, не скоро
Его я нашел,
И слезу удержать
Был не в силе.

С обнаженной
Седой головой
Опустился пред ним
На колени.
В мою память
Входил он живой
Под разрывы
Гранат и шрапнели.

...А над нами
Струилась высь,
И сияло
Лазурное небо,
Да носилась
Стайка детей
У полей, уже пахнущих
Хлебом.

Александр Аникеев

* * *

– Аз воздам! – Деревья прошумели.
– Аз воздам, – волновалась река,
обнажая нарывные мели,
Искажая в себе облака.
– Аз воздам! –
Бросил взгляд новый нищий.
Новый русский изрек:
– Аз воздам!
И об этом же ветер мне свищет,
Проходя по могильным рядам.

Лелея дух, роняя плоть,
Шепчу: храни Вас всех Господь!

Я вдруг узнала счастье – прочитать
последние неписанные строки:
и твой гранит, по-северному строгий,
и горельефа белую печать,
и костяники пламенную кровь,
и детскую корзиночку с грибами,
и эту ель – последнюю любовь,
и профиль со спокойными губами.

И среди лиц, запечатлевших быт
во всех его предательских деталях, –
я поняла: не будет он забыт,
твой ясный лик, – и в самых дальних далях.
Я поняла, что эта тишина,
и люди, и деревья – все посильно,
покуда дышит в мире хоть одна,
одна душа –
созвучная России.

Николай Бемянский

ИВАНУ БУНИНУ

В безрадостных и серых буднях,
Когда и жизнь вся – нипочем,
Живительное имя – Бунин,
Сверкнет пронзительным лучом.
Сам обойденный счастьем личным
Желал любому на веку:
Быть на земле всегда не лишним,
Как муравью и как цветку.
Очеловечивать природу
И возвеличивать любовь.
Не отдал он талант в угоду
Властям ли, партии любой.
Разлом страны, как наказание...
Поэта цепко стерегла,
Взамен всемирному признанью,
Всевластных черная хула.
Не затерялся в этом мире,
Покинув Русь, но не народ.
Как самый сокровенный лирик,
Как гражданин и патриот.
Воронеж. Май. Душой старея,
Брожу, где дом его, приют,
И рядом «Темные аллеи»,
Наверно, в вечность всех ведут.

Валентина Беляева

* * *

Под унылым дождем, слыша осень вполуха,
По лоскутной грязи подмерзавшей листвы,
На границе земли, далеко от Москвы,
Шли навстречу зиме две слепые старухи.

Где-то тут был журавль с их наследной криницей,
Что давно уж в кострах чьих-то тихо сгорел
И сердца их, убогих, по-прежнему грел
На исписанных мелко тетрадных страницах...

А старухи идут, гомонят – не глухие.
Что с того, что за лесом укрылась заря?
Вспоминают империю, бога, царя,
Что дороги в России все так же плохие.

Лунный блик заскользит на их сморщенных лицах,
Чуть задержится дрожью сомкнувшихся век.
И расстелется холст, где сквозь пламя и снег
Скачут конницы к небу в обеих столицах.

Там же – две гимназистки в пальтишках зеленых
Прижимались к воротам кремлевской стены
Под десницей великой бессмертной войны
В блеске крови ее на кипящих знаменах...

И займется огнем этот холст, где в разрухе,
Оставляя следы в пепле древних мостов, –
Средь болотной грязи и замшелых крестов,
Шли навстречу зиме две слепые старухи...

Юрий Бобоня

ПЕСНЯ

А всего-то навсего и было:
Поле... Повилика по стерне.
Но с какой таинственной силой
Это все откликнулось во мне!

Пахло летом. Рощица белела.
Солнце утверждало в небе власть.
Песня, что рвалась душой из тела,
В марево куда-то унеслась.

Где ж ты, песня, раньше-то таилась?
Сколько долгих лет и сколько дней?..
А всего-то навсего и было:
Поле... Повилика по стерне...

* * *

Я русский плотью, русский духом.
Таким живу. И счастлив тем,
Что русский воздух, как краюху,
Морозцем схваченную, ем.

Что вижу жизнь не еле-еле,
Не исподволь. И тем богат,
Что слышу в песенной метели
Российский стих, российский лад!..

Виктор Будаков

УСЛЫШАТЬ ЛАСКОВУЮ РЕЧЬ

Давно ли проезжал я Беларусь,
Печальную, смиренную, ночную, –
Волнуемый, – зачем ее миную?
И мнилось мне, что с поезда сойду я
И с нею, Беларусью, породнюсь.

Сойти с подножек... Взять ее печаль,
Узнать ее неузнанные вести,
Услышать ее ласковые песни,
Чарующе-зеленого Полесья
Увидеть нескончаемую шаль.

Но поезд Беларусью просквозил.
Куда девался? Жизнь помчалась дальше,
И мир все злее предавался фальши, –
Так, что смущались даже среди павших,
Готовые воспрянуть из могил.

О поезд юности, моя бывлая грусть,
Промчи опять нечаянной, ночью,
Печальною, смиренною, лесною,
Туманной, белотканной стороною,
Чье имя необманно: Беларусь.

И я тогда бы с поезда – скорей!
Пусть стал бы даже сирым осокодем,
Где аист поселился бы, который
Вознес бы клики радости и горя
Во славу белой родины своей!

Павел Винтман

* * *

Русь нашу топчут конями кургузыми.
Нивы заброшены, села в огне...

– Что же вы терпите, храбрые русичи?
– Русичи копят гнев.

Зимы сплетаются косами русыми.
Вьюга тревогу по папертям мчит...
– Что ж вы затеяли, храбрые русичи?
– Русичи точат мечи.

Немощно сгорбились осени грустные.
Плещется слабость в потоках дождя;
– Что же вы медлите, храбрые русичи?
– Русичи ждут вождя.

Анатолий Вострокнутов

* * *

От меня ушел мой голос,
Потихоньку, шаг за шагом...
Он ушел, почувяв вольность,
Затерявшись за оврагом.

Я молчу – молчит проказник.
Я кричу – никто не слышит.
Он себе устроил праздник,
Притаился и не дышит.

Без меня ушел он в поле,
Слушал пенье дивной птишки.
Он летел, не зная горя,
Мял траву, ласкал ромашки.

Был он вольным, был он милым,
Подружился с лопухами...
Надышавшись Божьим миром,
Разговаривал стихами...

Ирина Глушкова

ПОКА ЖУРЧАТ СВЯТЫЕ РОДНИКИ

С землей навек смогла соединиться,
Освобождая душу от оков.
Мне только бы воды теперь напиться,
Святой воды российских родников.

Я опущусь спокойно на колени,
Щекой к траве нескошенной прижмусь,
И, слыша зов ушедших поколений,
Я чувствую, как в сердце бьется Русь!

Она жива и не умрет, я знаю!
Не опущу с пером своей руки!
И будет жить Россия дорогая,
Пока журчат святые родники!

Владимир Гордейчев

СОРОК ПЕРВЫЙ

Россия, отходим!
Еще не темно,
еще и снаряды не рвутся.
Нам горькое право сегодня дано
на пройденный путь оглянуться.
Как будто бы матери грустный укор,
на пустошах, горечи полных,
к земле припадает полынный вихор,
качается желтый подсолнух.
Скрывается кровель железо и толь,
столбы убегают рядами, –
и в сердце войдет щемящая боль,
и к горлу подступит рыданье.
Отчизна, ты вся – на года и века –
и в счастье, и в горе близка мне
до каждой прожилки степного ростка,
до самого малого камня!
И я ли, идущий, как сок по стеблю,
Отчизна, путями твоими,
тебя, отступая, врагу уступлю
с твоими березами в дыме?
Ты только обиды на нас не таи,
зажми свои тяжкие раны.
Отчизна, ты слышишь?
Вернутся твои
с водою живою Иваны!..

РОДНАЯ РЕЧЬ

Из вечной бронзы выкован
извечный русский выговор,
чеканное, глубокое
то аканье, то оканье.
Слова в иной пословице
поются, а не молвятся.
Слова звенят звоночками,
то – ечками, то – очками.
Вот палочка. И палица:
ударит – слон повалится.
Вот скрипка. Или скрипица:
играет – слезы сыплются.
А речек звоны светлые!
Люблю за ними следовать:

то сетовать над Сетунью,
то с Беседью беседовать.
Певучими – над елками –
соловьими прищелками,
родная речь, вызванивай
из каждого названия!
Тобой, как речкой Речицей,
любая боль излечится,
твои слова, пророчица,
журчат – и слушать хочется.

Александр Голубев

* * *

Сказать бы слово о России...
такое, чтоб на сотни лет
неистребимой, вещей силой
горел его высокий свет.

Чтоб это слово не кричало,
но в горький час поры иной
над болью мира не молчало,
стыдливо прячась за спиной.

Скажу еще свое, – земное,
чтоб воссияло, как судьба,
степное поле в непокое,
когда волнуются хлеба.

Я нынче сердцем понимаю
все то родное, чем я креп.
И, как молитву, принимаю
созвучье трепетное – «хлеб».

Его нам в детстве не хватало.
Мы в голод ели лебеду.
Прощаясь, грустно мать шептала:
«Я скоро, сынушка, приду».

И шла в холодную станицу,
темнея долго вдалеке,
чтоб через сутки возвратиться
с двумя буханками в мешке.

Послевоенная Россия, –
моя несломленная Русь,
на крест твой тяжкий, непосильный,
в слезах спасительных молюсь.

Федор Григорьев

ПОДЪЕМЫ И СПУСКИ

Витой дороги подъемы и спуски,
С детства знакомый пейзаж среднерусский.
Но отчего-то последнее время
Спуски – короче, подъемы – длиннее.

В душных пустынях кочуют барханы,
Стиснуты холодом Севера страны.
Надо признаться, последнее время
Летом – прохладней, зимою – теплее.

В гуле колесном не слышно мотора,
Едем не быстро, приедем не скоро...
Стал замечать я последнее время:
Мысли – небесней, а чувства – земнее.

Дарья Гузеева

РУССКИЙ ЯЗЫК

Хочу о Руси узнать я.
Какою была Русь-земля?..
Какие были леса?
Какие были поля?

Что говорили шутя,
Сидя в просторной избе?
Что пела славянка одна,
Мой предок, что пела тебе?

Ту песню услышать хочу,
Узнать, что читали они...
Я в прошлое птицей лечу –
Мой русский язык, помоги!

Владимир Гусев

ИЗ МЕТРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

Июнь, третий час утра-ночи

Отсутствие ночи,
Ты, серая ночь,
Мне волю упрочь и
Мозги не морочь.
Есть в зареве ночи
Тревога вдвойне,
Чем тени короче,

Тем горе длинней,
Чем свет самозванней,
Тем хуже для нас
И темень желанней
Для бешеных глаз.

Четыре; птицы начинают.
Кукушка даже ночи знает.
Уж на Востоке ПОЛОСА,
Светлея, режет небеса:
То полоса прямого света
Средь серых снов душе ответа.

Тут Солнце вот оно, а сзади у окна –
Довольно полная Луна.

Константин Гусев

* * *

Пред нами степь,
шумящая пшеницей.
Полей безбрежных
золотой простор.
Жужжат жуки.
Поют о счастье птицы.
Кузнечики
ведут
вечерний разговор.
И надо всем земным разноголосьем
до синей Волги,
до Уральских гор
зерном налитых,
вызревших колосьев
торжественный
многоголосый хор.
Пред нами степь...
Пред нами –
земли Дона.
Изрытые окопами поля.
Заря над ними подняла знамена.
Пред нами степь...
Свой дом.
Своя земля.

Раиса Дерикот

* * *

Где Россия на снежных дорогах,
От бесчинства уставшая, спит,
На далеких задонских отрогах
Затерялся поруганный скит.

Кто-то там, за семьюми веками,
Опасаясь татарской орды,
Белый-белый выпиливал камень,
Непонятные строил ходы.

Там немые свидетели – дивы –
Разносили в ночи благовест,
Там о старце благочестивом
Знали многие люди окрест.

Он, встречая молитвою утро,
Свято чтит христианский закон,
Сберегал драгоценную утварь,
Животворные лики икон.

Осенья крестом у порога,
Знал: Господь прегрешенья простит,
И указывал к вере дорогу
Спаса Нерукотворного скит.

Пусть метелят поземки косые,
Но сквозь бури и сквозняки
Пробиваются в недрах России
Сбереженные веры ростки.

Разровняют заглохшую ниву,
В рост пойдут по весне деревца.
Мать Наталья стоит терпеливо
Лишь на первой ступени крыльца.

Аз воздам. И обрящете двери,
Оживут светлых храмов дворцы,
И придут к Покаянной пещере
Познающие веру юнцы.

Русь. Россия. Ничто не забыто.
Чутко дремлет под снегом беда.
Костомарово. Ярко над скитом –
Неутраченной веры звезда.

Клара Дроздова

БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

И в золоте, и в иине,
И в капельках дождя,
Под стужами, под ливнями
Березоньки стоят,
В мое окошко смотрятся,
И я смотрю на них,
Они роднее с возрастом,
Милей для глаз моих!
Смотрю – не налюбуюсь я:

Как пышен их наряд!
Их косоньки красуются –
Душе даруют лад!
И вольности их радуюсь,
И стойкости дивлюсь,
И счастье все загадую,
Чтобы пришло на Русь.
Пришло б и поселилося
На все века вперед,
В глазах, во всем светилосся
И Русь звало в полет.
И светлую зарю ее
Я песней напою,
Березовую Русь мою,
Как песню, я люблю!

Елена Еремина

* * *

Когда одиноко и больно
И нету спасенья в беседах,
Выходишь из дома безвольно
И думаешь только о бедах.

И медленно бродишь по скверам
В рассеянной влаге фонтанов,
И светятся в сумраке сером
Высокие свечки каштанов.

К воде, заходящейся в пене,
Спускаешься, веткой играя,
Считая кривые ступени
И домики старых окраин.

И вот улыбаешься шутке,
И жизнь принимаешь на веру,
Когда на зеленой маршрутке
Взлетаешь к Петровскому скверу.

Анна Жидких

* * *

Откликнись ветру – и в траву,
По насыпи, по осыпи,
То к большинству, то к меньшинству,
Без спроса и без просыпу.

И лишь оглядке горячо
От дьявольского зодчества...
Усни, смородинный зрачок, -
Ни имени, ни отчества.

Пересечение возрастов
Цифирью не пропишется.
Гуляет сок внутри цветов,
Неслышимое слышится.

А завтра – яблочный сезон,
Да прелесть подсыхания.
И газированный озон
На глубине дыхания.

Ему хранить, ему стеречь
Вплоть до последней просини
Невразумительную речь
С насадой безголосия.

Надежно перепрятан плач
И мертво к тайне вяжется –
Перекрути, переиначь,
Несказанное скажется.

Предвестьем по всея Руси,
Где только Богу – богово..
Помилуй, если не спаси,
За то, что помню многое.

Анатолий Жигулин

ЯКОРЬ

Бывало, в детстве, понаслышав много
О первом флоте, о царе Петре,
Мы шли к реке
Ватагой босоногой,
Забыв запреты строгих матерей.

И было нам заманчиво и любо,
Подставив спины солнечным лучам,
Копать песок у здания яхт-клуба,
Всю руку зарывая до плеча.

Мечтали мы найти старинный якорь
Или от влаги потемневший меч.
А у косы
Буксир натужно крикал,
Стараясь баржу за собой увлечь.

И облака над лугом гордо плыли. –
А нам казалось –
Плыли корабли...
Песку тогда мы горы перерыли,
Но ничего, конечно, не нашли...

Не потому ли с той поры люблю я
Петровский сквер,
Старинных пушек вид...
Там древний якорь
Лапу вмял литую
В зернистый желто-розовый гранит.
С весенними цветами по соседству,
Дрожащими на легком ветерке,
Он так похож
На светлый якорь детства,
Что дремлет где-то в золотом песке.

* * *

Воронеж!.. Родина. Любовь.
Все это здесь соединилось.
В мой краткий век,
Что так суров,
Я принимаю, словно милость,
Твоей листвы звенящий кров.

Согрей меня скупую лаской,
Загладь печальные следы.
И приведи на мост Чернавский,
К раскатам солнечной воды.

И как навязчивая морочь,
Как синих чаек дальний плач,
Растает вдруг пустая горечь
Московских бед и неудач.

И что ты там, судьба, городишь?!
Тебе вовек не сдамся я,
Пока на свете
Есть Воронеж –
Любовь и родина моя.

* * *

Тихое поле над логом.
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рошица тонких берез.
Родина! Свет предосенний
Неомраченного дня.
Желтым потерянном сеном
Чуть золотится стерня.
Бледные ломкие стебли
Жмутся к косому плетню.
Эту неяркую землю
Каждой кровинкой люблю.
Если назначена доля
Мне умереть за нее –

Пусть упаду я на поле,
В это сухое жнивье.
Чтобы уже не подняться,
Чтобы в последней беде
Нежно щекою прижаться
К пыльной сухой борозде.

Василий Жилаев

СРЕДИ ВЕЧНЫХ СЕЛЕНИЙ

*Когда заря смеркается и брезжит,
Как будто тонет в омутной ночи,
И в гробовом затишье побережий,
Скользят ее последние лучи...*

Николай Рубцов

Жить да жить в нашем яростном мире.
Почитая молитву за труд.
Только в роще, как в голой квартире,
Вдруг качнешься на стылом ветру...
Вдруг накатит горячей волною
И земля, как волчок, – из-под ног.
И почувствует НЕЧТО спиною,
Что глазами увидеть не смог...
Берег палым листом припорошен.
В глубине – будто проблески рыб.
Машет гривой каурая лошадь
С меловой крутолобой горы.
Чья-то странная лошадь над Доном
Мне встречается в яви не раз.
И размеренным, грустным поклоном
Приближает назначенный час...
На корме опрокинутой лодки
Я присяду, коль станет невмочь,
Белый сумрак в душе моей соткан...
Не понять – то ли день, то ли ночь.
В зеркалах проплывающих льдинок
Млеют отсветы млеющих круч.
В поднебесье, в венце триедином,
Догорает негреющий луч.
Предвечерние гибкие тени,
Словно змеи, ложатся у ног.
Знаю, брат, среди вечных селений
Не прочтешь этих искренних строк...

Лариса Зимина

* * *

Слышу звон колоколов
И монашек пение –
Провожает школяров
Церковка Успения.

Рядом школа для детей,
Банк для новых русских,
Без особенных затей
Переулки узкие.

Здесь когда-то луг пестрел
Травами пахучими,
Соловей на зорьке пел
У речной излучины.

А теперь, тесня друг друга,
Спят во тьме многоэтажки,
И трамвай бежит по кругу,
Как ручей бежал в овражки.

Каждый день в окно трамвая
Вижу храма купола –
Позолотой отливая,
Уплывают в облака.

И короткою молитвой
Уношусь я им вослед,
И прошу средь вечной битвы
Свет пролить на белый свет.

Анатолий Иванов

ТОГДА

На глади льда воронежского моря,
От ветра приподняв воротники,
В тулупах теплых без нужды, без горя
Плечом к плечу уселись рыбаки.
Дырявят с хрустом лед коловороты,
Для клева редкий выдался денек.
– А ты, старик, опять зеваешь что-то! -
Толкнул соседа шустрый паренек. -
Все на Чижовку смотришь... Что за диво?
Опять клюет... Да подсекай, чудаки!
– Успеется... – ему неторопливо
Ответил тихо пожилой рыбак. -
Я вот гляжу сейчас на горы эти,
А в памяти – далекие года.

Здесь моря не было,
И луг «долиной смерти»
Совсем не зря назвали мы тогда.
И вон оттуда, где дымок ВОГРЭСа
Над левым берегом поднялся в рост,
Могучие гвардейские эрэсы
Мы посылали за Чернавский мост.
Он нами взорван был при отступленьи,
Но знали, верили: часы пробьют -
Мосты возмездья и освобожденья
В непокоренный город поведут...

Анатолий Ионкин

ДОМ-МУЗЕЙ НИКИТИНА

Обычный дом. Крыльцо. Не виден
Там, в глубине, неброский сад.
Здесь жил поэт Иван Никитин
Сто с лишним лет тому назад.

Времен запамятных приметы -
Так ненавязчиво просты,
Здесь дышат книги, и предметы,
И рукописные листы.

И я иду и преклоняю
Седую голову пред тем,
Что есть судьба и боль земная,
Не покоренные никем.

И от земли я жду ответа -
Непостижимого уму:
«Родишь ли нового поэта,
Талантом равного ему?»

И где тот дом, безвестный ныне,
Куда в неведанном году,
Через столетья, как к святыне,
Потомки юные придут?

Егор Исаев

О ПУСТЫХ СКВОРЕЧНИКАХ

Который год скворечники пусты,
Домой зовут, не закрывают рты.
Их скорбный вид мне сердце рвет на части.
Гляжу на них в предчувствии несчастья,
Мучительно о чем-то вспоминаю,
Как будто я
со дна реки

всплываю,
Поверхность рву! –
И вот,
На берегу –
Дома, как в саване, в нетронutom снегу,
А в тех домах пустынной, чем в пустыне...
Деревня мертвая... И где?
У нас, в России!..
Ты понимаешь? Представляешь ты?!
Который год скворечники пусты.

* * *

«В начале было слово...»
Было, да.
Оно сильней и мимики и жеста.
Насущное, как хлеб и как вода,
И яркое,
Как тот петух с насеста.
Люблю слова, в которых смысл и вес,
В которых чисто, но отнюдь не голо.
Я сам словесник,
Но боюсь словес.
Да здравствует пришествие глагола!

Раиса Каменева-Козаева

* * *

Памяти В.А. Белокрылова

Когда на сердце пусто-пусто
И словно жить уже невмочь,
Я вспомню Васю-журналиста
И попрошу его помочь.

Совсем как в юности когда-то
Гитару тронет он рукой,
Споет мне песню про цыгана
И про кочевье над рекой,

Про то, как старая цыганка
Роняет слезы-жемчуга,
И как за лесом на полянке
Блеснет под месяцем дуга.

Нет журналиста, нет поэта –
Ушел, его растаял след.
И лишь порою улыбнется
С газеты ласково портрет.

Вы – страж бессмертия поэта,
Храните Пушкинский музей.
Примите же слова приветов
И от воронежских друзей.

Юрий Калугин

* * *

Кичится кое-кто кровями:
Князья, дворяне – сплошь верхи.
А я свой род веду корнями
От хлебопашцев, от сохи.
Трудолюбивым был и ловким
Мой пращур, тот, что в старину
В деревне Русская Гвоздевка
Обосновался на Дону.
Он хлеб растил и вел хозяйство,
Детей воспитывал, как мог.
В суть обращался с ходатайством
К Творцу, чтоб дождиком помог.
Днем был делами озабочен,
А по ночам, среди светил,
Он про прекрасные про очи
Душевно песню выводил.
Там мог бы в отчине при Доне
Я тоже песни распевать,
Но переехали в Воронеж
Родители – отец и мать.
Где из детсадовской беседки
На мир глаза я открывал,
К стыду сказать, в деревне предков
Ни разу так и не бывал.

Михаил Каменецкий

Помню я, когда была мама молодою,
По тропе домой несла два ведра с водою.
Шла родимая моя с песенкой простою:
«Зоре моя вечерняя, зійды над водою...»
А потом война пришла в отчее гнездовье,
Мать по свету понесла мыкать горе вдовье.
После по свету жила с горем да бедою.
«Зоре моя вечерняя, зійды над водою...»
Лежа в спальне ледяной дальнего детдома,
Бредил я ночной порой песней той знакомой.
Снился мне мой отчий дом со стрехой крутою...
«Зоре моя вечерняя, зійды над водою...»
Пролетели, пронеслись годы чередою...
И когда изводит жизнь, вспомню мать порою.
Молодую помню я, сам с башкой седою.
«Звезда моя вечерняя, взойди над водою...»

Анатолий Кобзев

СПАСИТЕЛЬНЫЙ РОССИИ ОСТРОВОК

Благодарю за ласку и приют
В разгар непреходящей русской смуты
На островке, где горьких слез не льют
В отчаянные страшные минуты.
Спасительный России островок –
Завод, рукою твердою ведомый,
В душе рождает ощущение дома
И новую надежду на рывок.
И, значит, жить еще на свете нам
В застигнувшее всех на сломе время,
Когда в ночи вселенской не видна
Возможность даже нового творенья.

Зоя Колесникова

* * *

Мы почти что привыкли к российским высоким лесам –
там набухшие почки у тоненьких теплых осин...
Прошлогодний ковыль тянет венчики грез к небесам,
заполняя собой эту вечную млечную синь.

На исходе апрель. Подрастает подлесок. Нездешний
проникает сквозь явь неизбежный избыток весны.
В придорожном кафе остановимся, будем неспешны,
И отныне пойдем, как великие дали ясны!

Виктор Костенко

РОССИЯ

...О, Россия, Россия!
Ты дышала грозой,
Мы твой путь оросили
Не горючей слезой,
Мы твой след окропили
Кровью жаркой своей,
Мы твой дух укрепили,
В жертву дав сыновей.
И пускай над тобою
Сеет грай воронье, –
Повторяю с любовью
Свято имя твое...

Лев Коськов

УРОК ГЕОГРАФИИ

Разложена физическая карта,
Как много обольстительных имен:
Аддис-Абеба, Генуя, Джакарта,
Коломбо, Ла-Корунья, Лиссабон!

Пока, вертя указкой деревянной,
Учитель вел обыденный урок,
У нас под пальцем плавала Лозанна,
Гвадалахара, Ковентри, Бангкок.

Томили нас изысканные дали:
Оттава, Сан-Антонио, Далянь...
А рядом с нами жили и звучали
Елань-Колено... Анна... Лебедянь...

Василий Кривошея

УКРАИНА МОЯ, УКРАИНА

Жил, работал и верил в удачу,
В незнакомые ездил края...
Вот стою у обрыва и плачу:
За чертой Украина моя.

Может, блудного сына простила?
Все равно я уже не вернусь,
Коль навеки меня приютила
Хлебосольная добрая Русь.

Не скучайте, бывайте здоровы,
От разлуки ваш дед занемог.
Мы с Россией родные по крови,
Как единые Вера и Бог.

Людмила Кузнецова

* * *

Громыхает гроза дальним фронтом.
Обернусь и бегом с горки вниз.
Захлестнет во всю ширь горизонтом,
Полоснет яркой вспышкой зарниц.

Сторона ты моя неприветная!
Песней-плачем крещеный край.
Крикну: «Родина-а!..» – даль безответная
Только птичий поднимет грай.

Места вдоволь, да времени сколько?
На траву-одолень обопрусь.
Ничего нет в кармане, только
Талисман под названием «Русь».

Пусть пока в облаках непогода,
Что-то теплится – быть добру!
Я, как большая часть народа,
Лишь надеждами и живу.

Василий Куликов-Ярмонов

А ВСЕГО И НАДО, ЧТОБЫ...

1

А всего и надо, чтобы,
Не лукавя, не таясь,
Жить улыбкою – не злобой.
Жизнь не втаптывая в грязь.

Не желая лиха ближним.
Веря жертвенно в звезду.
Не вострить налево лыжи,
Быть у Бога на виду.

А всего и надо, чтобы,
Не накапливая грусть,
День и ночь глядела в оба
Наша Мать – Святая Русь.

2

А всего и надо, чтобы,
Не утрачивая силы,
Вечно юною зазной
Солнце красное всходило,

Осеяло светлой страстью
Да в груди бы полыхало...
Для покоя ли, для счастья
Разве мало? Разве мало?!..

А всего и надо, чтобы
В отчий край – в родные доли
Душ продажных сквозь чащобы
Не нагрянули моголы.

3

А всего и надо, чтобы
Следом за порошею
Уняла тоску-хворобу
Девочка хорошая,

Чтоб глаза ее до боли
Сердце грели молодо, –
Ничего не надо боле –
Никакого золота.

А всего и надо, чтобы
Помнить-знать, что пройдено –
Что любовь – одна!.. до гроба!.. -
Русь-Россия-Родина.

Александр Лисняк

ПОЛЕ ИЗ ДЕТСТВА

Вот вода в повозке конной.
Час комбайнам поостыть.
Как цыплята в поле, копны
Собрались и просят пить.
Головешками на солнце
Стали две мои руки.
Зачерпнуть стараюсь с донца,
Словно в донце родники.
Выпьешь – пей.
А нет – остатки
В пыль плесни.
И пар пойдет.
Ни печали, ни устатка,
Только солнце в душу льет.
А душа – пошире сини.
Вот так славная вода!..
Я таким большим и сильным
Больше не был никогда.

Игорь Лукьянов

* * *

Храм не пророчил перемен.
У стен его играли дети.
А чуть поодаль – на холме
Под небом четырех столетий,
Познав покой и беспредел,
Годов глухую вереницу,
Дуб монастырский шелестел,
Как рукописью летописец...

Ольга Лукьянова

* * *

Может, снились наши разговоры
На печи усталым сельским днем?

На дворе дожди, скреблись, как воры,
Грелись птицы в воздухе парном.

От избы куда вела тропинка,
Мы не знали, прячась в детских снах.
А лучи сражались в поединках,
На дворе – хозяйкою весна!

На плетнях кувшины, как матрешки,
И казалось, у порога – Дон!
Мы теснились шумно у окошка,
А окошко – с дедову ладонь!

По округе звонкой, синей-синей
На печи мы плыли – простаки!
Знали, что зовется мир Россией
Даже за бескрайностью реки...

Геннадий Лутков

ВОРОНЕЖСКОЕ СЛОВО

Егору и Евгению Исаевым

В игре с нуждой здесь карты не кропили,
Как люди, нарождались здесь слова.
Здесь никогда не говорят: крапива,
А так кусуче, хлестко: крапива!
Коль заплошал, душа и тело чешутся, –
То в баньку, как в чистилище, ведут.
Что плохо выглядишь – не распотешатся,
А вежливенько: «Краше в гроб кладут».
А уж напакостил, накликал беды
И близкие твои ревут ревмя,
С горчинкою, как выдохнут: «Откеда
Такой взошел ты? Нету окромя!»
«Раньше девок угощали
Орехами, конфетами,
А теперь вот угощают
Только сигаретами».
Частушку ковырнут из чернозема –
Хоть помирай, хоть заново родись!
«На днях» – как это скучно и казенно!
И как округло-звонко – «анадысь».
«Ружо» свое да и себя не хай,
Раз на охоте с парей был несметливыйш.
Как в воздухе плывет олень – и вслед ему
Такое добродушное – «нехай»!
Названья сел... Как прошлое испить:
Гвоздевка, Животинное, Отрадное...
И нитку – «вздеть», детишки плачут – «цыты!»,
Привалит счастье в дом, так «агромадное»!
Что, до словечек местных докатился?

Что – в языке великом недород?
Довесок к языку – диалектизмы,
Но их ведь тоже выдумал народ!..

Жизнь у него безночная, бессрочная,
Оно как степь, как отчее крыльцо –
Неправильное, правильное, точное
Воронежское прочное словцо.

Сергей Луценко

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

День, в багровой заре расплавленный.
Шлемы, копья, мечи, ножи...
Святослав, русский князь прославленный,
Где могила твоя, скажи?

Разве подвиг великий, дерзостный,
Ратный подвиг твой для того,
Чтоб какой-нибудь Куря мерзостный
Пил из черепа твоего?!

Мне все внятней твой голос слышится:
«Иль пресекался могучий род?
Иль от ветра мой внук колышется,
Робко крестится у ворот?»

Меркнут русские души гордые,
Вакханалия на Руси...
А не имут ли сраму мертвые –
У себя теперь ты спроси.

Но неужто (мне все не верится
В неизбежный постыдный крах!)
Нечестивцами Русь похерится –
И останется только прах?!

Нет, мой князь! Мы Земле обязаны,
Нас вспоившей живой водой,
Мы единой струной повязаны,
Общей радостью – и бедой...

Волки-вороги, как ни рвут они,
Разомкнется постылый круг.
В час урочный на берег утренний
Я взойду – и замечу вдруг:

Блещут шлемы родные, русские,
Свищут стрелы, орду гоня,
И на холмы, от пепла русые,
Всходит солнце иного дня...

Римма Лютая

* * *

Из городов
обжитых и старинных...
Где кровель кружевом резная жечь,
степенные часы на колокольне,
с пяти утра воскресные торги,
асфальт по центру улиц, в клубе – танцы,
перекорезанный пивной ларек,
табличка «Летом баня на ремонте»,
на берегу
дурман, бурьян, крапива,
засилье лебеды,
а ниже – хвощ и лезвия осок...
Крик сонных петухов,
парная сладость
парного молока,
шумливый катерок
и, у мостков, упряжка плоскодонок... –
Мы уезжаем в города,
где фонари и провода,
где новый стиль,
иной комфорт,
не мотоцикл – магнитофон,
авто, и толпы блеклых лиц...
Но тянет воздухом столиц –
«и дым отечества нам сладок и приятен»,
n'est ce pas, приятель?

Так мы живем.
И любим слово «ностальгия»,
заиндевелый кустик у подъезда,
возможность временами приезжать
в любимый двор – и быть не ко двору...
Не находить ночами сна и места,
хворать мигренью,
тяжелей дышать
и думать, с приближением к могиле:
«Хочу домой... на родине умру...» –
хранить печаль...

И, зная изначально,
что из городов обжитых и старинных –
мы навсегда, словно малая пыль,
словно капля на Млечном Пути!..
Глядь: рядом епитрахиль,
в головах – родничок стеарина...
холмик... погост... лебеда...

И своих же следов не найти.

Светлана Ляшова

НА 200-ЛЕТИЕ В.И. ДАЛЯ

О, древние речи соборов,
И рек, и лесов вертикаль!
Из прошлого смотрит с укором
Владимир Иванович Даль.
И видит: крестьянскую плавность
Теснит торопливая муть...
Наш русский, великий и славный
Язык возвышающий, будь!
Сверяясь и с Далем и с далью,
Давайте любить и беречь
Цветисто плывущую шалью
Просторную русскую речь!

Павел Мелехин

* * *

Эта милая мова
Наших общих корней –
То же русское слово,
Но чуть-чуть понежней.
Вспоминаю о бате.
Он, когда выпивал,
В нашей низенькой хате
«Огуречки» певал, –
Со слезами за кружкой
Самогонки – в тиши
Разливался он курским
Соловьем от души.
Что с рожденья любимо –
Все со мною навек.
Ах, людина, людина –
Дорогой человек!
Твою горькую участь,
Боль утрат фронтовых
Украины певучесть
Украшала на миг.
Эту милую мову
За метелицей лет
Сердце слушать готово,
Как отцовский завет.
И при каждой утрате
Слов коханий настрой
Буду я поливати
Тоже дрибною слезой.

* * *

Голова моя была забита
Мексикой, Бразилией,
Шумом прерий и тропических лесов.
Помнится, мне даже нравилось бравировать
Тем, что я на дикаря похож лицом.

А потом я, прежний, умер вроде бы.
Вновь родился...
Тлел осенний день,
Дуб стоял «среди долины ровныя»,
Лихо тучу сдвинув набекрень.

Ястребок, как самолет, парил в выси высокой;
Хуторок стоял у речки,
присмирившей до весны.
Как же мог забыть я о таких красотах –
Боже мой и черт меня возьми!
Ты прости меня, Россия, если можно,
За те детские порывы и мечты.
На обоих полушариях
Головного мозга
Расположена сегодня только ты!

Виктор Минаков

* * *

И все тянет меня, как на привязи,
Вода, именуемая рекой,
Душа, именуемая судьбой...
А попробуй-ка груз этот вынести.

Только сколок случайный от прошлого –
Слова те: «Прииде кротость на ны»,
С небес ли, с далекой ли стороны,
Как зарок от бездушья, от пошлого.

Елена Неведрова

ТОСТ

За хлебы в печи и за звезды в ночи,
За реки, озера, ручьи и ключи,
За время, что вечную пряжу прядет,
За тех, кто ушел, и за тех, кто придет,
За наши победы в смертельных боях,
За песню и пляску под звонкий баян,
За добрых друзей, за родительский кров,
За рвущую жилы горячую кровь,
За верность себе до последнего дня
Нальем – до краев и осушим – до дна!

Владимир Невярович

ГОГОЛЬ О ЛЮБВИ И РОССИИ

... Когда у Гоголя спросили:
«Как можно ближних возлюбить?»
Ответил он: «Люби Россию,
И Бог в любви дарует жить».

Лишь только возлюбив Россию,
Полюбишь всех, живущих в ней:
И тех, кто в красоте и силе,
И падших, гибнущих людей.

Лишь только возлюбив Россию,
И отказавшись от себя,
Полюбишь ближних, как просили,
Всем сердцем пламенно горя».

Валентин Нервин

ПОД ЗАНАВЕС

Под занавес надо вернуться
туда, где гулял молодой,
туда, где беспечно смеются
огни над зеленой водой,
вернуться туда, где Заречью
минувшие годы не в счет,
пока моя память за речью
по старому руслу течет.

Александр Нестругин

* * *

Русь листок последний сронит—
И тогда заметим мы:
Нет, не нашим ветром клонит
Наши русские дымы!

Наши травы, наши ветви,
наши сумрачные дни.
Ну а где же наши ветры,
Что гуляли искони?

Что шумели, что летали,
Будто духи во плоти,
И смыкали, и сплетали
Годы, судьбы и пути.

Обнимали... Обжигали!
И спадали от невзгод
Синим небушком в прогале
Разгулявшихся погод.

Где же ветры? Не пора ли
Гикнуть, душу веселя?
Чтоб чужие не орали,
Нашу родину деля.

Владимир Нефедов

БЫЛОЕ

Я пережил войну сороковых,
От лихолетья – не одна отметина.
Я проводил в последний путь родных,
Работал, жил, переливаясь в стих.
Мгновенно все, как вздох,
Как межометие.

Архивной пылью тронута былье?
Да нет же – предо мной, как на витрине.
А вот для юных прошлое мое –
Далекое, как век Екатерины.

Николай Николюкин

* * *

У мамы тыквы зацвели,
И вроде праздник в огороде.
Слетелись пчелы и шмели,
Пируют шумно на природе.

А вот у мамы грустный вид,
Глаза ее полны печали.
Увидеть сына норовит,
Но проглотили сына дали.

Все ждет, что скоро, может стать,
Приедет сын ее ученый,
Как в детстве, скажет: «Ну-ка, мать,
Подай мне тыквы испеченной».

Она сажает каждый год
Сорта, что вкусом слаще меда,
И постоянно сына ждет,
Тайком всплакнув у огорода.

У мамы тыквы зацвели,
И нету мне теперь покоя.
Ведь у меня душа болит,
Зовет меня село родное.

Станислав Никулин

НА ЗЕМЛЕ ВОЙНА БЫЛА

Посередине всей России,
на самом краешке села
три пацана в избушке жили, –
а на земле война была.
О чем – не вспомнится – мечтали,
но помним, как вздыхала мать...
На печку русскую влезали,
там оставались ночевать.
А мать, задумавшись, сидела,
смотрела горестно в окно.
И лампа на стене горела,
но было все-таки темно.
И, словно по какому знаку,
когда укладывались спать:
Николай-угодничек, спаси нашего папу! –
не забывали повторять...
Дымились и стонали дали,
там смерть встречали каждый час
Кто спас отца – мы не узнали,
с другими – он Россию спас.

ПАМЯТИ МАРШАЛА ЖУКОВА

Россия, умер твой солдат,
мы попрощались с ним в июне...
А тридцать с лишним лет назад
такого горя мы хлебнули!
Четыре года на войне,
да и каких четыре года!
Святое мужество народа
вело Россию к той весне.
О, площадь Красная, тебе
увидеть многое досталось.
Ты плакала тогда, смеялась
и в каждой значилась судьбе.
Сегодня двадцать первый день,
число двадцать второе, было.
Утраты тягостная тень
два дня навек соединила.
Среди музейной тишины,
не побывав на похоронах,
огнем боев опалены,
о нем печалились знамена.

Когда солдаты спать легли,
когда под звездами уснули,
всю ночь бессменно в карауле
стояли павшие полки.

Евгений Новичихин

ЧЕРНЯХОВСКИЙ

В накрывшем нас трагическом обвале,
В кошмарном и нелепом дележе
Мы так друг друга слышать перестали, –
Не только люди беженцами стали –
И памятники беженцы уже.

Да, слава тоже может быть опальной.
И он, с Россией тяготы деля,
В Воронеже, на площади вокзальной, –
Как будто вновь перед дорогой дальней,
Готовый жизнь свою начать с нуля.

Ах, эти беспокойные вокзалы!
Их столько было в жизни фронтовой!
Побед, утрат – ему всего хватало.
Но много ль на счету у генерала
Коротких улиц Мира за спиной?

Не быть в забвенье имени героя,
Того, кто и за смертною чертой
Готов, как прежде, жертвовать собою,
Живя с народом общею судьбою,
С Отечеством – единою бедой.

И дай-то Бог, Россия, чтоб достало
Нам мира, хлеба и душевных слов,
А если надо – то и пьедесталов
Для всех твоих солдат и генералов,
Для всех тебя прославивших сынов!

Рита Одинокова

ПРОРОЧЕСТВО

Еще прибудет доброты и силы.
Еще поднимет голову пророк.
Когда откроет для себя Россия
Людей, до срока узнающих срок.
Когда поймет, что войны не напрасно
Пригнали русских ото всех границ
В ее деревни, нищие ужасно,
Убогие (у божьих ли ресниц?)
Когда пройдет тоска у странных русских

И нервный шок, и первый страх, и голь,
И тяга к тем местам, где скорбь и грустно,
И оживанья праведная боль.
Когда поднимет на ноги встающих,
И дети обретут друзей и дом,
И руки всемогущих и дающих
Соединятся с Богом и крестом,
Когда глаза над вечностью застынут,
В ее земле скрывая первых нас,
И божий свет, как истины картину,
Откроет без утаек и прикрас
ее СУДЬБУ.
Мы понесем, как счастье
СВОЕ. В сердцах, ликуя и творя.
И после ночи горя и ненастья
Вздохнет Россия – славная земля!

Валентина Отрешко

СТАРАЯ КАЛИТВА

Моя родная Калитва!
Донских лесов шумит листва...
Прими, родная, свою дочь,
Я часто убегала прочь.
Но помню милый говор твой
И щебет ласточек весной,
И запах хлеба из печи,
Что бабушка пекла в ночи.
Здесь детство, юность и любовь –
Их вспоминаю вновь и вновь.
А сколько света у мечты –
Все это ты, все это ты,
Моя родная Калитва!..

Иван Пахомов

ЕДУ Я С ПОЛЯ ДОМОЙ...

Там, на краю горизонта,
Солнце ушло на покой.
Кончился день, с ним – работа,
Еду я с поля домой.
Небо в вечернем сиянье,
В радужных красках поля.
Сказочным этим сияньем
Не налюбуюся я...
Еду, а ветер, ей-богу,
Прячется в золоте ржи.
Еду той самой дорогой,
Что увела меня в жизнь.
Ах, полевая дорога,

С детства в моей ты душе...
Только теперь босоногим
Не побегу я уже.

Виктор Панкратов

* * *

От суеты рыбацкого причала,
От сотен рек, стекающих в моря,
От каждого села берут начало
Моя судьба и Родина моя.

И я хочу воспеть свою Россию,
В которой я родился, дрался, рос,
Где в первый раз,
Застенчивость осилив,
Погладил волны пепельных волос.

Татьяна Подшибякина

ОТЧИЙ ДОМ

Не родина, но все же почему-то
К тебе навечно сердцем приросла,
Клочок земли, неласковый к кому-то,
Местечко на окраине села.

Тут небо голубее голубого,
Желанней удивительный простор,
А тишина, как ласковое слово,
Мне лечит душу всем наперекор.

Душистым ароматом манят ивы,
Изящны кобылицы вдалеке,
Весною так зазывны и красивы,
Цветут сады, купаясь в молоке.

Тут все живет, пропитано любовью
Отцовских, материнских нежных рук.
Крылечко под резною ветхой кровлей
Встреч помнит счастье и печаль разлук...

Тут сладок сон и в радость пробужденье.
Лишь иногда взгрустнется о былом.
Здесь как нигде приходит вдохновенье.
Все это называют «отчий дом».

Наталья Пожарова

* * *

Семилетняя девчушка
Подошла – Наташей звать,
Чтоб учительнице первой
Полевой букет отдать.

Шли уроки. Жизнь шумела,
Переменной во дворе,
Было то в придонской Старой...
В сорок пятом, в сентябре.

Не один урок из жизни
Взяли дети с той поры.
А учительнице первой
Неизменно шлют дары:

То цветы, то телеграммы,
То макеты кораблей.
А от тех, что папы, мамы, –
Фотографии детей.

Ну а тот, кто сам учитель,
Тот от сердца и души,
Посылает в праздник этот
Свои новые стихи.

Галина Петриева

СВЕТЛООКАЯ МАТУШКА-РУСЬ

И.Н. Окуневой

Подмосковные дали лесные
И степная придонская ширь.
Южных пляжей пески золотые,
Ледниковая Севера стынь.
И моря, и скромнушки-речушки,
Океанов загадка и мощь.
И сибирские ели-старушки,
И прохлада березовых рощ.
И холмы, и высокие горы,
Тайна русских целебных озер.
И лугов заповедных узоры,
И былинная поступь лесов.
Свет струится божественно-синий,
За него я всем сердцем держусь:
Это Родина наша, Россия,
Светлоокая матушка-Русь!

Виктор Поляков

РЕКВИЕМ

Лежат они в степи привольной,
Лежат затерянно и просто –
И отступавшие до Волги,
И устоявшие у Бреста,
Еще не взявшие Берлина...
О, Среднерусская равнина!
Храни их в самой сердцевине,
Храни тревожно и ревниво!

Но каждую весну в оврагах
Из-под земли выходят кости,
Как прошлого немые вести, –
Напомнить миру о врагах.
О, говорливый и зеленый!
Осталось двадцать миллионов
В твоих оврагах и лугах,
Лесах, полях, могилах братских, –
Так помни о судьбе солдатской
и помни о своих врагах!

В раздумьях о войне и мире
Мы понимаем в полной мере
Предназначение человека...
Текут задумчивые реки.
Склонились русские ракиты.
Взметнулись русские ракеты.

Дмитрий Попов

* * *

Когда я слышу песни грозных лет,
То вздрагиваю, словно по тревоге.
Мне видится расстрелянный рассвет
И долгие солдатские дороги.
Холодная землянка под Москвой,
Старушка-мать, молящая за сына,
И брянский лес, суровый и родной,
И казаки на улицах Берлина.
Нам песни не давали унывать,
Они вели нас сквозь огонь и беды,
Учили нас надеяться и ждать
И помогли дожить нам до Победы.

Алена Пояркова

ДИВНОГОРЬЕ

Я сама, может, эхо молитвы,
Что взлетела под каменный свод.
Тишина. Ожидание. Битвы.
Многоструйное время течет,
В древних дивных пещерах тоскуя.
Божий временем вырублен дом.
Я люблю эту тишь вековую
И дыханье за правым плечом.

Алексей Прасолов

ПРОЛОГ

Итак, с рождения вошло –
Мир в ощущении расколот:
От тела матери – тепло,
От рук отца – бездомный холод.

Кричу, не помнящий себя,
Меж двух начал, сурово слитых.
Что ж, разворачивай, судьба,
Новорожденной жизни свиток.

И прежде всех земных забот
Ты выставь письмена косые
Своей рукой корявой – год
И имя родины – Россия.

* * *

Здесь – в русском дождике осеннем
Проселки, рощи, города.
А там – пронзительным прозреньем
Явилась в линзах сверхзвезда.
И в вышине, где тьма пустая
Уже раздвинута рукой,
Она внезапно вырастает
Над всею жизнью мировой.
И я взлечу, но и на стыке
Людских страстей и тишины
Охватит спор разноязыкий
Кругами радиоволны.
Что в споре? Истины приметы?
Столетия временный недуг?
Иль вечное, как ход планеты,

Движенье, замкнутое в круг?
В разладе тягостном и давнем
Скрестились руки на руле ...
Душа, прозрей же в мирозданье,
Чтоб не ослепнуть на земле.

* * *

О, первая библиотека,
Весомость тома на руке!
России два различных века
Лежат в домашнем сундуке.

И прошлый век в сознание раннем
Звенел мне бронзою литой:
Там Пушкин встал у основанья,
У изголовья – Лев Толстой.

А этот век... За взрывом – взрыв!
В крови страница за страницей.
И от огня не отстранишься,
Одних бессмертно озарив.

Других под бурю отвеял
Не без мучительных потерь.
Но стало тише... И теперь
Звук словно сам в себя поверил

И, донося значенье слов,
Восходит чище и свободней,
Как выражение природной
Естественности голосов.

Сергей Попов

СПУСК К РЕКЕ

А эта улица – к реке.
Шаги сердцебиенью в такт.
И ветка тополя в руке.
Ни для чего. А просто так.

Ни от чего не отстаю.
И ничего не тороплю.
А просто праздничность свою
Несу речному кораблю,

Травой заросшим островам,
Голодным птицам у моста...
У всех у нас свои права
На заповедные места.

Тревоги, света легкий сплав
Едва ли где-то повторим.
Не оттого ль несхожа явь
Здесь с отражением своим?

Так проясняет смутный день
В себе глубокая вода.
Не потому ли с площадей
Приводят улицы сюда?

Аркадий Пресман

КОРАБЕЛЫ

Иногда по утрам,
в час особенной свежести ранней,
в час, когда тишину
не сменил еще гомон дневной,
вижу я корабли
в корпусах недостроенных зданий,
многоэтапальной верфью
мне чудится город родной.
Он не в сказке рожден.
Этот город стоит
у Придонья столетья.
Не однажды его
штормовые хлестали ветра.
А он светел и юн,
словно солнечный луч на рассвете,
и незыблемо тверд,
будто кованный якорь Петра.
Полукружья мостов,
точно паром окутаны белым.
Зацветают сады
на откосах чижовских бугров.
И мне видится снова:
на смену идут корабелы,
те, что знатный свой род
от петровских ведут мастеров.

Светлана Редько

БУКОВЫЙ ЛЕС

Прощай, мой буковый весенний лес.
Тебя запомню я, и ты запомни,
Как отражалась синева небес
В глазах моих, дрожащей влагой полных.

Слова и слезы, слезы и слова.
Мольба...о чем? Чтобы опять вернуться?

Увидеть, как проклюнулась листва
И стынет в роднике вода, как чай
на блюде.

Какая нежность в ветках кружевных,
Салатово-невинных, хрупких, тонких,
Обнявших ввысь летящие стволы,
Укрывших птиц апрельских щебет звонкий.

Года, века бредут с холма на холм
Слоновьи ноги буков или грабов,
Замшелые, увитые плющом.
Я рядом с ними маленькой и слабой

Себе кажусь... Дотронусь до коры,
Прижмусь щекой и обхвачу руками.
Безмолвные зеленые миры
Во мне звучат родными голосами.

Александр Ромахов

* * *

Уж не помню я, где и блуждал –
На распутье мне камень предстал.

А на нем древней вязью сквозят
Письмена: «Три дороги лежат.
Кто б ты ни был, ступай по любой,
Может быть, не вернешься назад –
Но чужбины не тронешь стопой!»

Я услышал, как время поет:
Только отчина вечно зовет,
Только родина светит в тумане;
Что иное навеется – канет! –
Да и самую память сметет.

...видно, Русь и своими камнями
От нерусской тоски бережет.

Светлана Руденченко

* * *

Благослови меня, Господь,
И ниспосли мне слово, Отче,
Пылающее днем и ночью,
Врачующее дух и плоть.

Не обессудь, земная твердь,
Меня вскормившая однажды:
Мне не унять сердечной жажды,
Ликуя, в небеса смотреть.

Алексей Ряскин

* * *

Я возвратился в сад осенний
К деревья, травам и зверью,
И было то, как возвращенье
Домой, на родину, в семью.

Я шел знакомою тропинкой
Сквозь старый яблоневый сад.
Я знал здесь каждую травинку,
Я помнил каждого скворца.

Но всякий раз душа робела,
Когда куст яблони ронял
На плечи мне цветок свой белый,
Опять приветствуя меня.

И сердце вновь и вновь щемило,
И было радостно до слез
От каждой ветки тополиной,
От одуванчиковых звезд.

Я знал, догадывался, верил,
Следя за бегом муравья,
Что где-то здесь среди деревьев
Пустила корни жизнь моя.

Вячеслав Ситников

ТРЕВОГА

Тревога! Ночь. И мимо окон штаба
Бегут солдаты, взяв пилотки в горсть,
Туда, где шелестит радара штанга,
Как и Земли промасленная ось.
Бегут к ракетам, бросив за спиною
Обрывки неудавшегося сна.
И гулкая тропа летит стрелю,
Звения под сапогами, как струна.

Виктор Самойлов

ВОРОНЕЖСКАЯ СИРЕНЬ

Ночь. Сирень неразличима.
Только
Запах от куста.
Месяц тонкий, как лучина,
У Чернавского моста.
Скупое светит. Лишь бы, лишь бы
Не клонило сторожей,
И проглядывались избы
По двенадцать этажей.

Древний город. Ты и новый!
Смотришь в завтра и вчера.
Этот взгляд от основного
Основателя
Петра.
Отрешусь от ускорений,
Сдвину шапку набекрень!
Ох, как здорово деревней
Пахнет в городе
сирень!

Константин Симонов

* * *

Звезды падали с неба,
Растворяясь в росе.
Будто правда и небыль
Заплетались в косе.

Засияют росинки
Серебром, только тронь.
Эти неба крупинки
Я стряхну на ладонь.

Вы, посланницы неба,
Утолите меня.
Эх, вернулся ко мне бы
Пыл былого огня!

И, как в юности прежде,
Я б сгорал от любви,
Не обманут в надежде
И был понят людьми.

Чтобы русские дали
Сердцем видеть я мог,
Чтоб они мне отдали
Песни дальних дорог.

Ты, звезда роковая,
Снова дразнишь меня,
От родимого края
Вдаль уведишь меня.

Виктория Стручкова

У ВВЕДЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

В лучах вечернего заката
Легка, ажурна и светла,
Взметнулась к небу колокольня,
Как вознесенная стрела.

А рядом – каменная церковь
С прорехой в ржавых куполах,
И жар дневной еще таится
В ее старинных кирпичах.

Воркуют голуби в руинах,
Бурьян разросся до плеча,
Скользит по ранам запустенья
Благая солнечность луча.

И кажется, застынет время,
Раздастся колокольный звон,
И бесконечной жизни счастье
Обнимет летний небосклон.

Арсен Синюк

* * *

Я не бывал в таежном крае,
Где кедры рвутся в облака,
Где перекатами играет
Прохладно-чистая река.

Я не бродил по кромке моря,
Где галька сглажена волной,
Где тело дышит каждой порой
И бриз щекочет озорной.

Быть может, все же соберусь я
И там успею побывать:
Я все люблю, где пахнет Русью,
И сердцем все готов обнять!

Хотя пророс любовью густо,
Но здесь, где к слогу пробужден,
Где разлохмаченные чувства
Мне глядят степь да тихий Дон,

Где мой нехитрый опыт нажит,
Где терпеливый мой очаг,
Где кто-нибудь когда-то скажет:
«Здесь похоронен наш земляк».

Борис Таранцов

* * *

По нерадивости сыновней
Лежит в бурьяне наш отец.
Березка-вьюн у изголовья,
Осот колючий и чабрец.

Вдова трудяги и солдата,
Ты слез соленых не жалей.
Две одинаковые даты
Замкнули скорбный юбилей.

Ты не вини бурьян несчастный,
Ведь вырос он из той земли,
Какую пухом в день ненастный
В знак завещанья нарекли.

Ведь и бурьян, как ты когда-то,
Зеленой юностью шумел,
Теперь – обросший и патлатый,
Он порыжел и постарел.

Полей его слезой горючей,
Седой поникнув головой,
Весною тот бурьян старючий
Воскреснет шелковой травой.

Она, росой умываясь,
Могильный взбрызгнет бугорок.
И пробежит по ней, ласкаясь,
Весенний, майский ветерок.

Зинаида Терских

* * *

О Господи! По чьей какой вине
Страдают люди, старые, больные?
Опять мы изменяем старине,
Заветы забываем мы былые:
Встань, помолись, цветы в горшках полей,
Иди к больным в их бедное жилище,
И не себя, а слабых пожалей –
И станет на душе светлей и чище!

Михаил Тимошечкин

СТИХИ – КАК ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Стихи – как память о войне...
Они еще стучатся в сердце
И продолжают жить во мне,
Суровые единовверцы.

Они людей тревожить душу
Хотят с другими наравне
И ждут, чтоб кто-то их послушал,
Стихи солдата о войне.

Кому-то, может быть, дано
Найти в них родственные чувства,
Приметив в закромах искусства
Мной принесенное зерно.

Вращенные подобно злакам,
Средь избяных крестьянских стен,
Они еще идут в атаку,
Чтоб никогда не сдаться в плен.

* * *

А я боялся на войне,
Чтоб в плен меня не захватили
И чтоб случайно не убили
От взвода где-то в стороне.
Чтоб бомбою в глухом овраге
Не уложило наповал,
Чтоб не пришли домой бумаги
О том, что без вести пропал...
И в охраненьи боевом
Чтоб след мой вдруг не затерялся,
И мертвым я не распластался
Пред торжествующим врагом...
О доля, высшая из всех,
Что уготованы солдату, –
Пасть на бегу на белый снег
В цепи под клич ее крылатый!..
И я хотел, чтоб на поверке
Среди просторного села
Хотя б на тоненькой фанерке
Моя фамилия была.

Владимир Тулупов

Т. А. Ревтовой

В КАНУН 1946-ГО...

Последняя неделя в декабре –
когда все люди ожидают сказки,
оранжевых подарков в кожуре,
веселья в серпантине, мишуре,
в чудесных платьях, в новогодних масках.
Страна уже победою жила –
салютами и новым возрождением.
Она еще разрушена была,
но так желала счастья и тепла,
что пробуждалась с каждым возвращением.
Все возвращалось: радость и покой,
и мирные застолья, и беседы –
слова простые «дом», «дома», «домой»,
«любимая», «любимый», «милый мой»
вернула долгожданная Победа.
Тогда так сладко было людям ждать
дителя, зачатое на грани тьмы и света...
Светилась тихим-тихим счастьем мать,
отец вконец растерян: как назвать
его, ее – Иваном, Марьей, Светой?..
Как будто слышим этот детский плач,
как будто видим – вверх взметнулись руки,
все позабыто: голод, страх и муки,
не будет расставаний и разлуки,
а будет Жизнь! Труби вовсю, трубач!

Вера Часовских

* * *

Вдали, за рощей белоствольной,
Мои любимые места,
Резвится в травах ветер вольный,
Живая плещется вода.

Криница... Как здесь не молиться?
Как не дивиться здесь порой,
Увидев, что седая птица
Садится на сучок сухой?

Куда девается усталость,
Печаль от собственной вины!..
Вершков я много нахваталась,
Но – почерпну из глубины.

И капли не оставлю в крынке,
Чтобы легко изображать
На первой строчке – три снежинки,
А на последней – благодать.

Станислав Чернышев

* * *

Гуще – запах полыни,
и робко проклюнулась мята...
На Задонском шоссе
даже травы цветут виновато.
Даже птицы спешат
облететь неуютное место,
где гнетет тишина
и где в горле дыханию тесно.

Нет покоя душе
и не жди тут
душевной отрады...
На Задонском шоссе
умирали когда-то солдаты.
Припадали к земле
побуревшей небритой щекою -
только мертвым бойцам
разрешалось уйти с поля боя.

А куда им идти?
Кто – в металле,
кто – в камне,
кто – в песне
тут они, на Задонском,
прописаны с памятью вместе.
И опять достаем
довоенного года альбомы:
до чего ж молодых
присылали сюда военкомы!
И того старшину
я совсем не признаю, наверно,
что приходит сюда,
проводя поименно поверку.
Только Вечный огонь
вдруг качнется кому-то навстречу,
и листва отзовется
почти человеческой речью
на Задонском шоссе.

Инна Чернышева

* * *

В Воронеже сегодня снова снег;
Дурачится опять небесный мельник,
Сменяет среду, как всегда, четверг,
А мне хотелось, чтобы понедельник.
Фонтан зимой укутан, как малыш,
Цветные брызги – лишь воспоминанье.
Пусть видится тебе, пока ты спишь,
В Кольцовском сквере первое свиданье.
В Воронеже сегодня снова снег.
Дурачится опять небесный мельник.
Я знаю, что не вечен и четверг,
Что все равно наступит понедельник.

Алексей Шаповалов

* * *

Опять снега склонились над Россией,
Легли пуховой шалью на поля.
Ты посмотри под утро, как красива
В рассветных красках белая земля.

Искрится снег, еще ничем не тронут,
Нет ни следа, ни черточки на нем,
И замерли во сне деревьев кроны,
Охвачены искрящимся огнем.

Фату с утра набросила березка -
Какие в том уборе кружева!
Сверкают и дрожат на ветках блески,
Березка от волненья чуть жива...

От солнца тени длинные, косые
Роняют на дорогу тополя.
Опять снега склонились над Россией,
Легли пуховой шалью на поля.

Михаил Шевченко

ТРЕВОГА

Я в детстве был
Обманут ясным небом...
Не позабуду солнечного дня,
Когда неожиданно,
с завыванием свирепым,
Оно обрушило фугаски на меня.
Тревога днем, тревога ночью,

Нет отбоя.
Тревогу ясность неба стерегла.
Я спать ложился, я вставал с мольбою,
Чтобы погода пасмурной была.
Война давно прошла.
Но часто в день погожий,
Как много-много лет тому назад,
Внезапно сыпанет мороз по коже –
Почудится, что «юнкеры» гудят...
Стою в недоуменье... Ясно небо.
Но в сердце грохот проклятого дня,
Когда неожиданно,
с завыванием свирепым,
Оно обрушило фугаски на меня.

Олег Шевченко

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

И вот я вновь на родине моей.
Знакомый запах скошенных полей,
лесных полос, желтеющих у края,
и шум ночных размеренных дождей,
и по утрам голубизна такая,
что невозможно отвести очей!

Знакомый запах родины моей
меня опять по-женски обнимает.
И что есть в мире для меня родней,
коль сердце стынет, голос обмирает
и надо мной голубизна такая,
что невозможно отвести очей!

Как мог я жить за тридевять морей –
бездомной птицей, деревом без корней
без той земли, где речь течет родная,
где крепко срублен дом семьи моей
и где над ним голубизна такая,
что невозможно отвести очей!

Людмила Шилина

Я не поэт. Я просто женщина.
И. Чернышева

Мне с истиной расстаться нет причин:
Я – женщина. Но как непросто это.
Жить в смутном мире и – с душой поэта,
Ее не обнажая для мужчин.

Я не поэт. И нет моей вины,
Что горстка строф – судьбы отображенье,

Что не могу я проиграть сраженью
Не мной когда-то начатой войны.

Я – женщина. И мне не уберечь
Свои в бою растроченные силы.
Поэтов на Руси немало было,
Но женщин, знаю, не берет картечь.

Владимир Шуваев

ДО СВИДАНИЯ, ГОРОД...

Самолета холодная сталь.
И тревожное утро прощанья.
Я еще не в последнюю даль...
До свиданья, родной!
До свиданья.

До свиданья,
родные мои –
Малой родины горькие травы,
Где разбитая церковь стоит
В эпицентре великой державы.

До свиданья,
мой город степной –
Сторона, отесненная к тыну,
Где прохожий прошел стороной
Со своею бедой к магазину.

До свиданья!
Ты будешь со мной.
Я твой быт узнаю без усилий,
Где усталая, из проходной –
Как из боя –
выходит Россия.

Посреди разложившейся тьмы
Эпилогом рублевской иконы –
Безутешные эти умы,
Безупречные эти ладони.

Анатолий Хильченко

К РОДИНЕ

Глаза голубые криничек,
Косички шелковые трав,
Манящие синие дали
И зелень тенистых дубрав,
Колосьев застенчивый шепот,
Полынных просторов настой,

Звещающие радостью трели
И томность «ку-ку» за горой,
Рассветная песнь жаворонка,
Хрустальная пыль бытия,
Моя дорогая сторона,
Отчизна родная моя!
Да разве смогу разлюбить я
Неброскую прелесть твою,
Я рад, я доволен, я счастлив,
Я только тебе лишь пою.
А кинь меня в землю чужую,
Хотя бы на маленький срок:
Зачахну я там, затоскую,
Как сорванный сникну цветок.

Галина Умывакина

У ПАМЯТНИКА

За снегом еле виден
и временем сокрыт,
поэт Иван Никитин,
задумавшись, сидит.

Как грозные вериги,
знак быта и души,
у ног своих две книги
бок о бок положил.

Потомок благодарный,
гляди из тьмы веков:
здесь толстый том амбарный
над книгою стихов.

Затем, что голи русской
постылого двора
неласковая муза
товаркою была,

затем, чтоб сквозь преграды
событий, судеб, лет
мы знали – это рядом:
работник и поэт.

Иван Щёлоков

* * *

Что случилось со мной, славянином?
Будто чую беду и вину.
Неужели тропой соловьиной
Я назавтра уйду на войну?

Брат на брата на стыке столетий...
Кто толкает нас в тлен забвения?
Мерзлой дробью лесных бересклетин
Изрешечена память моя.
Захлебнем ли свинца и от боли
Упадем на снега, чтобы ниц
Преградить обезумевшей воле
Возведение братских гробниц?
Если так – через души пройдите,
Чтоб понять, как, векам вопреки,
Рвутся с треском славянские нити
С чьей-то легкой бесовской руки.
Не тужи, не печалься, родная:
Есть у нас и Россия, и Бог...
Покуражится вьюга шальная
Да и сгинет у древних дорог.

Леонид Южанинов

* * *

На погосте – безмолвные ели,
А под ними – кресты и кресты!
И под грустную песню метели
Спят родные – тихи и чисты.

Мать, две бабки, сестра и подружка
Спят рядком, будто в праздник сошлись.
Говорила мне мать: «Жизнь – полушка!
А года одним днем пронеслись...»

Где отец, где деды? Где могилы?
Рода нашего где мужики?!
Гнутя, гнутя под крышей стропила,
И ржавеют в углу сошники.

Под Берлином, в Керчи, в Порт-Артуре
Кости их исхлестало дождем.
Во вселенской неистовой буре
Окрестило их смертным огнем!

ПЕРЕВОДЫ

Борис Олейник

ОДА БРАТСТВУ

Как с братом брат делились мы с тобою
И хлебом, и глотком воды одним,
Окопами делились и судьбою, –
И только корень наш неразделим!

Тот корень был всегда могуч, собран,
На нем поднялся наш славянский род.
И прорастала наша речь из зерен
Былинных слов про Игоря поход.

На Калке до стрелы последней рядом
Стояли мы за честь своей земли.
Топтали кони ханов нас нещадно,
Но через души наши – не прошли!

Нас убаюкать в золотой неволе
Лакеев юрких не смогла орда.
Из пепелищ на Куликовом Поле
Мы к жизни возродились – навсегда.

И не было желаннее награды,
Когда несли до самых дальних мест
Колокола Переяславской Рады
Великого Братанья благовест.

Вот с тех-то пор делились мы с тобою
И хлебом, и глотком воды одним,
Окопами делились и судьбою, –
Но только корень наш неразделим.

И даже в час, когда мой дом в руины
И в пепел превращал заклятый враг,
Мы верили:
не сгинуть Украине,
Пока Россия держит меч в руках!

Пал у Днепра москвич на поле боя,
А киевлянин под Орлом затих...
Мы даже смертью собственной –
и тою
Всегда в ладу
учили жить других...

Крылами нежно облаков касаясь,
Неся весну дубравам и полям,
Летит, летит мой чернобровый аист
Твоим навстречу русым журавлям.

Все пополам – до капли, до основы –
И в светлый день, и в скорбный час утрат!
...Как сказано, в начале было слово.
Я знаю: это было слово «Брат»!

Перевод с украинского Е. Новичихина

ЕВРОПЕ

Мы жили здесь еще до дней потопа.
Наш корень ось земную утвердил.
И прежде, чем учить других, Европа,
Ты на себя чуть сбоку погляди.
Нас хутором зовешь ты хамовато.
Оставь иным ехидный свой ощер:
Ведь мы тогда уж побелили Хату,
А ты еще не вышла из пещер.
Живи себе ухожено, одето.
Не спросим тебя с посмехом кривым,
Какой бы ты была на этом свете,
Когда б мы плуг и жито без секретов
Не даровали пращурам твоим.
Мы ж не твердим о том, какой недолей
Тебе грозило знаками беды,
Когда б козацкий полк во Диком Поле
Не преградил кровавый путь орды.
Живи себе. Мы со своим уставом
Не сунемся в соседский монастырь.
Но, в свой черед, оставь за нами право
По-своему улаживать свой мир.
Да, мы в гешефтах, может быть, негожи.
Вы ж на торгах сильны руководить.
Но даже вам шагреневою той кожи
В миг роковой, увы, не докупить.
Дела земные все оплатит небо.
И в Судный День воздастся днесь и впредь:
И тем, кто продал побратимство Эльбы,
И тем, кто сербов обрекал на смерть...
Проходит жизнь. И все мы, все пребудем:
Кто – при бандуре, кто – лишь при мошне.
А что мы по себе оставим людям,
Судить, конечно, ни тебе, ни мне.
Открыты предков светлые чертоги
Всем, кто не предал, не погряз во зле.
Придите с миром! Только ради Бога
Жить не учите на родной земле!
У каждого – свои гербы, традиции,
Свой лад и чин, в державе и в селе,
Куюм мы долю. Хлеб наш на столе...
Вам по душе держать в руке синицу,
А нам бы – в небе стая журавлей.
Такие мы. А вы – как есть, иные...

Перевод с украинского В. Беликова

Понятие русского мира намного шире его географии и истории. При словосочетании «русский мир» возникают не только пространственно-временные аспекты, но и глубочайшие метафизические, нравственные, богоустремленные смыслы. И хотя иные философы и футурологи не без горечи видят, что вождельным желанием злобных антирусских сил является исключение из мировой истории даже самого слова «русский», останемся в вере – явление русского мира, само русское слово всегда будет сопутствовать наиболее честной, мужественной, сострадательной части человечества.

**Размышления
отечественных
и зарубежных авторов**

«ТЫ ОДИН МНЕ ПОДДЕРЖКА И ОПОРА...»

Россия – одна из великих мировых держав, где населяющие ее народы обычно не знали розни, жили в добрососедстве, в горькие годы неизменно помогая друг другу жить и выживать. В русском характере соединились сила и милосердие, подвиг и жертвенность, чувства справедливости, веры в благодать Божию. Знал русский человек и свет, и мрак, вершины побед и трясины поражений. И каждое поколение приходило к главному – «Не в силе Бог, а в правде». И это народное мироощущение многосторонне выразилось в творчестве, жизненном взгляде и пути у наших великих соотечественников от Ломоносова и Пушкина до Шолохова и Твардовского.

О, светло светлая и красно украшенная Земля Русская! Многими красотами дивишься ты: озерами многими, дивишься ты реками и источниками месточтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими, – всего ты исполнена, Земля Русская!

*«Слово о погибели русской земли»,
XIII век*

Тот, кто, стоял в Кремле и, холодными глазами смотрев на исполинские башни, на древние монастыри, на величественное Замоскворечье, не гордился своим отечеством и не благословлял России, для того, и это я скажу смело, чуждо все великое, ибо он был жалостно ограблен природою при самом его рождении.

Константин Батюшков, «Прогулки по Москве»

Больше чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло... Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы.

Петр Чаадаев, «Апология сумасшедшего»

«Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже отдельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов. Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история? А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж?..

Александр Пушкин, из письма Петру Чаадаеву, 1836

Простительно выходцу (из чужих земель – *Ред.*) не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Александр Пушкин, «Опровержение на критики»

Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе... Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?..

Николай Гоголь, «Мертвые души»

Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случалось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, ка-

ких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь...

Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?.. Он алтарь России, на нем должны совершаться и уже совершались многие жертвы, достойные отечества...

Михаил Лермонтов, «Панорама Москвы»

Счастье Родины, ее светлая, неуроненная честь, ее всестороннее процветание, нравственное и умственное возрастание ее граждан, совестливое сбережение их человеческого достоинства, ясное определение их обязанности, чистое охранение их прав, ненарушимая тишина их домашней жизни, святость их семейных отношений, разумная свобода их общественной деятельности, воспитывающая и скрепляющая в них жизненное развитие внутренних внушений и внешних обязанностей веры и Отечества, – одним словом, общее довольство, живое благоденствие, общее возрастание всех возвышенных сил народа, совокупно на всех ступенях его общественной лестницы вырабатывающих в Отечестве его благополучие и славу, – вот к чему бьется сердце русского сына Отечества...

Но любить Россию нельзя без искренней преданности ее Православной Церкви: ею она проникнута во всех основах своего бытия, она составляет ее существенную особенность, ее душу и коренное условие ее правильного и благополучного возрастания.

Иван Киреевский,

«Записка об отношении русского народа к царской власти»

<...> Испускают вопли, исполненные тревоги и ожесточения, изобретают этнографические оскорбления, осыпают Россию ударами фальшивой филологии. Ее изгоняют из Европы, ее изгоняют из семьи иранцев. Ну, серьезно ли это?..

Мы выше зоологической щепетильности и весьма безразличны к расовой чистоте; это несколько не мешает нам быть вполне славянами. Мы довольны тем, что в наших жилах течет финская и монгольская кровь; это ставит нас в братские, родственные отношения с теми расами-париями, о которых человеколюбивая демократия Европы не может упомянуть без презрения и оскорблений. Нам не приходится жаловаться также на туранский элемент. Мы добились несколько большего, чем чистокровные славяне Болгарии, Сербии и т.п.

Нас изгоняют из Европы – подобно тому, как Господь Бог изгнал из рая Адама. Но есть ли полная уверенность в том, что мы принимаем Европу за Эдем и звание европейца – за почетное звание? В этом иногда сильно ошибаются. Мы не краснеем от того, что приходим из Азии, и не имеем ни малейшей необходимости присоединяться к кому бы то ни было справа или слева. Мы ни в ком не нуждаемся, мы – часть света между Америкой и Европой...

Александр Герцен, «Prolegomena»

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Иван Тургенев, «Русский язык»

Для того, чтобы уяснить себе сущность того рокового переворота, в который вступила ныне Европа, вот что следовало бы сказать себе. Давно уже в Европе существуют только две действительные силы – революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят

в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества.

Факт этого соперничества обнаруживается ныне всюду, и, невзирая на то, таково понимание нашего века, притуплённого мудрствованием, что настоящее поколение, ввиду подобного значения, и не оценило его действительных причин.

До сих пор искали его разъяснения в сфере чисто политической; старались истолковать его различием в понятиях о порядке исключительно человеческого. Поистине, распря, существующая между революцией и Россией, зависит от причин более глубоких. Они могут быть определены в двух словах.

Россия прежде всего христианская империя; русский народ – христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он – христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция – прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа революции; это ее особенный, отличительный характер. Те видоизменения, которым она последовательно подвергалась, те лозунги, которые она попеременно усваивала, все даже ее насилия и преступления были второстепенны и случайны, но одно, что в ней не такового, это именно антихристианское настроение, ее вдохновляющее, и оно-то (нельзя в том сомневаться) доставило ей это грозное господство над вселенной. Тот, кто этого не понимает, не более как слепец, присутствующий при зрелище, которое мир ему представляет.

Федор Тютчев, «Россия и Революция»

<...> Россия, – не устают кричать на все лады, – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это – одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собою <...> какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе. Много ли во всем этом справедливого? Посмотрим сначала на завоевательность России. Конечно, Россия не мала; но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания...

На всем этом пространстве не было никакого сформированного политического тела, когда русский народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй. Вся страна была или пустыней, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками; следовательно, ничто не препятствовало свободному расселению русского народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелетие его истории, при полном отсутствии исторических наций, которые надлежало бы разрушать и попираť ногами, чтобы занять их место <...>

Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. Скажут, что таков характер исповедуемого ею Православия. Конечно. Но ведь то же Православие было первоначально и религией Запада, однако же, как мы видели, оно исказилось именно под влиянием насильственности романо-германского характера. Если оно не претерпело подобного же искажения у Русского и вообще у Славянских народов, значит, в самых их природных свойствах не было задатков для такого искажения, или по крайней мере, они были так слабы, что не только не могли осилить того кроткого духа, который веет от христианства, но, напротив того, усвоив его себе, совершенно ему подчинились. <...>

Николай Данилевский, «Россия и Европа...»

<...> Слова: крестьянин, слова: Русь православная – суть коренные основы нашей жизни. У нас русский, отрицающий народность (а таких много), есть непременно атеист или равнодушный. Обратное: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймет ни русского народа, ни русской народности. Самый важный теперь вопрос: как заставить с этим согласиться нашу интеллигенцию? Попробуй заговорить: или съедят или сочтут за изменника. Но кому изменника? Им – то есть чему-то носящемуся в воздухе и которому даже имя придумать трудно, потому что они сами не в состоянии придумать, как назвать себя. Или народу изменника? Нет, уж лучше я буду с народом...

Но возрождается и идет новая интеллигенция, та хочет быть с народом. А первый признак неразрывного общения с народом есть уважение и любовь к тому, что народ всею целостью своей любит и уважает более и выше всего, что есть в мире, – то есть своего Бога и веру...

Федор Достоевский, из письма А.Ф. Блаженнову, 19 декабря 1880

«Не добро быть человеку одному». То же можно сказать и о всякой нации. Девятьсот лет назад мы были крещены Святым Владимиром во имя животворящей Троицы, а не во имя бесплодного единства. Русская идея не может заключаться в отречении от нашего крещения. Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где *каждое* из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними... Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы – вот в чем русская идея...

Владимир Соловьев, «Русская идея»

В минуту утраты веры в наше особое от Запада историческое призвание, конечно, и я прежде всего огорчаюсь... И как уберечься от таких минут, когда видишь, что, за очень немногими исключениями, люди образованные и умные у нас, в России, ни жить, ни мыслить – иначе как по-европейски – до сих пор не могут...

Я не говорю, что я отчаиваюсь вовсе в особом призвании России. Я признаюсь, что я нередко начинаю в нем сомневаться... Во всяком случае, недаром же простерся колосс между древними цивилизациями азиатского Востока и романо-германской Европы... Последняя вся, несомненно, шаг за шагом все более и более близится к идеалу безбожной и однообразно-рабочей федеративной республики. Никакие Бисмарки, никакие Гогенцоллерны Европу от этой будущности ее не спасут... Они усиливают сходство строя и быта; они ускоряют всеобщую ассимиляцию нравов... Какую же роль должна играть Россия в этой трагедии явного всеразрушения?

...И быть может, и вся Европа со временем будет нам признательна за то, что наконец-то мы дерзнули стать и пребыть сами собою, ни на чьи вредные примеры не взирая...

*Константин Леонтьев,
«Плоды национальных движений на православном Востоке»*

В ризнице Троицко-Сергиевской лавры есть шитое шелками изображение св. Сергия, которого нельзя видеть без глубокого волнения. Это – покров на

раку преподобного, подаренный лавре великим князем Василием, сыном Дмитрия Донского, приблизительно в 1423 или в 1424 году. Первое, что поражает в этом изображении – захватывающая глубина и сила скорби: это – не личная или индивидуальная скорбь, а печаль обо всей земле русской. <...>

Теперь всмотритесь внимательнее в иконы XV и XVI века, и вас сразу поразит полный переворот. В этих иконах решительно все обрусело – и лики, и архитектура церквей, и даже мелкие чисто бытовые подробности. Оно и не удивительно. Русский иконописец пережил тот великий национальный подъем, который в те дни переживало все вообще русское общество. Его окрыляет та же вера в Россию, которая звучит в составленном Пахомием жизнеописании св. Сергия. По его словам, русская земля, веками жившая без просвещения, напоследок сподобилась той высоты святого просвещения, какое не было явлено в других странах, раньше принявших веру христианскую. Этой несравненной высоты Русь достигла благодаря подвигу св. Сергия. Страна, где были явлены такие светильники, уже не нуждается в иноземных учителях веры; по мысли Пахомия, она сама может просвещать вселенную. <...>

Это не дерзость, а выражение нового духовного настроения народа, которому подвиг святого Сергия и Дмитрия Донского вернул веру в Родину.

Евгений Трубецкой, «Россия в ее иконе»

Я остаюсь и навеки останусь верен России. Я еще не встречал человека, более меня влюбленного в матушку-Русь вообще и в ее великорусские черты в особенности. Стихотворение Лермонтова («Родина») превосходно рисует только одну сторону нашей родины, то есть неизъяснимую прелесть, заключающуюся в ее скромной, убогой, бедной, но привольной и широкой природе. Я иду еще дальше. Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи. Лермонтов прямо говорит, что темной старины заветные преданья не шевелят души его. А я даже и это люблю. Я думаю, что мои симпатии к православию, теоретическая сторона которого давно во мне подвергнута убийственной для него критике, находясь в прямой зависимости от врожденной у меня влюбленности в русский элемент вообще. Напрасно я пытался бы объяснить эту влюбленность теми или другими качествами русского народа. Качества эти, конечно, есть, но влюбленный человек любит не потому, что предмет его любви прельстил его своими добродетелями, – он любит потому, что такова его натура, потому, что он не может не любить. Вот почему меня глубоко возмущают те господа, которые готовы умирать с голоду в каком-нибудь уголке Парижа, которые с каким-то сладострастием ругают все русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше...

Петр Чайковский из письма, 1878

Читаю историю Соловьева. Все по истории этой было безобразно в допетровской России: жестокость, грабеж, правож, грубость, глупость, неумение ничего сделать, Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась истории России. Не как же так ряд безобразий произвел великое и единое государство?! Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черно-бурых лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и растил этих людей единого корня? Кто

блюл святыню религиозную, поэзию народную? Кто делал, что Богдан Хмельницкий передался русским, а не татарам и полякам?..

Лев Толстой, из записной книжки, 1870

...Тут, господа, предлагают разрушение существующей государственности, предлагают нам среди других сильных и крепких народов превратить Россию в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество. Я думаю, что на втором тысячелетии своей жизни Россия не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшит свой уклад, пойдет вперед, но путем разложения не пойдет, потому что где разложение – там смерть...

Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!

Петр Столыпин, выступление в Государственной Думе, 10 мая 1907

Страна-то ведь наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальной Азии, долженствующая так или иначе их помирить.

Дмитрий Менделеев, «К познанию России»

Нужно любить Россию, нужно «проездиться по России», писал перед смертью Гоголь. Как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы – русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь – есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, – возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже «начало любви»... «Монастырь наш – Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она теперь зовет сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни. – Друг мой! или у вас бесчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия!»

Понятны ли эти слова интеллигенту? Увы, они и теперь покажутся ему предсмертным бредом, вызовут все тот же истерический бранный крик, которым кричал на Гоголя Белинский, «отец русской интеллигенции».

В самом деле, нам непонятны слова о сострадании как начале любви, о том, что к любви ведет Бог, о том, что Россия – монастырь, для которого нужно «умертвить всего себя для себя». Непонятны, потому что мы уже не знаем той любви, которая рождается из сострадания, потому что вопрос о Боге – кажется, «самый нелюбопытный вопрос в наши дни», как писал Мережковский...

Интеллигентных людей, спасающихся положительными началами науки, общественной деятельности, искусства, – все меньше; мы видим это и слышим об этом каждый день. Это естественно, с этим ничего не поделаешь. Требуется какое-то иное, высшее начало. Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богоборчества» декадентов и кончая неприемлемым и откровенным самоуничтожением – развратом, пьянством, самоубийством всех видов.

В народе нет ничего подобного. Человек, обрекающий себя на одно из перечисленных дел, тем самым выходит из стихии народной, становится интеллигентом по духу. Самой душе народной подобное дело до безразличности противно. Если интеллигенция все более пропитывается «волею к смерти», то народ искони носит в себе «волю к жизни». Понятно в таком случае, почему и неверующий бросается к народу, ищет в нем жизненных сил: просто – по инстинкту самосохранения; бросается и наталкивается на усмешку и молчание, на презрение и снисходительную жалость, на «недоступную черту»; а может быть, на нечто еще более страшное и неожиданное.

Гоголь и многие русские писатели любили представлять себе Россию как воплощение тишины и сна; но этот сон кончается...

Александр Блок, «Народ и интеллигенция»

Он (воронежец, народный поэт Иван Никитин – *Ред.*) в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, её свежесть, её великая в простоте художественность, её сильный и простой язык, её реализм в лучшем смысле этого слова. Все гениальные её представители – люди, крепко связанные с своей почвой, с своею землею, получающие от нее свою мощь и крепость. Так был связан с нею и Никитин, и от нее был силен в жизни и творчестве.

Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии, «Памяти сильного человека»

Россия – самая нешовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы – шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства... Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им, как нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. И как ни поверхностны, как ни банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа.

Николай Бердяев, «Душа России»

* * *

...О Русь, о степь и ветры,
И ты, мой отчий дом!
На золотой повесть
Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол.

И ни единый камень
Через пращу и лук
Не подобьет над нами
Подобье божьих рук.

Сергей Есенин, «Октоих»

Что такое Америка? Вслед за открытием этой страны туда потянулся весь неудачливый мир Европы, искатели золота и приключений, авантюристы самых низших марок, которые, пользуясь человеческой игрой в Государства, шли на службу к разным правительствам и теснили коренной красный народ Америки всеми средствами <...>

Свет иногда бывает страшен. Море огня с Бродвея освещает в Нью-Йорке толпы продажных и беспринципных журналистов...

Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение...

Сергей Есенин, «Железный Миргород»

* * *

Бессмертное счастье наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
 нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
 чужбина, где сила твоя?..
Наш дом на чужбине случайной,
 где мирен изгнанника сон,
Как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

Владимир Набоков, «Родина»

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире... Следовало добавить еще одно слово – неперебиваемое, многозначительное русское слово «Подвиг»... Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, – это «подвиг»! Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс – это и дало России ее великодушных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества. Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно.

Николай Рерих

Народы не выбирают себе своих жребиев; каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили и мы, русские, наше бремя и наше задание. И это бремя превратило нашу историю в живую трагедию жертвы, и вся жизнь нашего народа стала самоотверженным служением, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас как о «некультурном народе» или «низшей расе».

Нам дано было огромное обилие пространства и племен, несвязных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы. Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три-четыре века единое великое государство и единую великую духовную культуру. Наш путь вел – из непрестанной нужды, через непрерывные опасности к духовному и государственному величию, и не было отсрочек, и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Вспомним: Соловьев насчитывает с 1240 года по 1462 (за 222 года) – двести войн и нашествий. С XIV века по XX (за 525

лет) Сухотин насчитывает 329 лет войны. Россия провоевала две трети своей жизни...

Иван Ильин, «О России»

Сознание того, что белорус есть русский, мне хорошо знакомо потому, что я сам белорус, родившийся в Двинском уезде Витебской губернии в местечке Креславка на берегу Западной Двины. Учась в Витебской гимназии, я в возрасте двенадцати лет читал только что появившуюся книгу «Витебская старина». Из нее я узнал о нескольких веках борьбы белорусов за свою русскость и православие. С тех пор мне стало ясно, что называние себя белорусом имеет географическое значение, а этнографически для белоруса естественно сознавать себя русским, гражданином России.

Николай Лосский, «Украинский и белорусский сепаратизм»

* * *

Она не погибнет, –
знайте!
Она не погибнет,
Россия.
Они всколосятся, –
верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем, –
верьте!
Но что нам
наше спасенье?
Россия спасется, –
знайте!
И близко ее
воскресенье.

Зинаида Гиппиус, «Знайте!»

Пока наша жизнь мятется и страждет, пока наша жизнь не устроена, полна злобы и насилия, пока мы умираем под пятой неведомой судьбы, – одно из двух: или жизнь согласная с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она самоотречение; или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она бессмысленна.

Необязательно, чтобы человек во что бы то ни стало умирал и жертвовал своей жизнью. Для этого должно быть особое веление Родины. Но и всякое страдание и труд на пользу Родины, и всякое лишение и тягость, переносимые во славу Родины, уже есть та или иная жертва, то или иное самоотречение, и осмысливается все это только в меру жертвенности.

Алексей Лосев, «Родина»

...Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его...

...Помнишь о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага? Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено («Красной звездой») сделать из него достойное памяти этих моряков произведение.

...Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев...

Мне кажется... что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвигом...

Андрей Платонов, фронтовые письма жене, 1942, 1944

* * *

А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт:
Всегда событие! Вечно мета!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полюбить...
Какие ж трусы и врали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию – это значит
Отнять надежду у Земли.
В удущье денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века.

Илья Сельвинский, «Россия»

Зима. Ночь...

Побудь немного в тишине и одиночестве, мой дорогой соотечественник и друг, закрой глаза, вспомни недавнее прошлое...

Вспоминая прошлое, ты невольно подумаешь, ты не сможешь не подумать и о том, как много осиротевших людей стало на твоей Родине после войны. В эту долгую и просторную для горестных воспоминаний зимнюю ночь не одна вдова, потерявшая в войну мужа, оставшись наедине с собой, прижмет к постаревшему лицу ладони, и в ночной темноте обожгут ей пальцы горячие и горькие, как полынь, слезы; не одно детское сердце, на всю жизнь раненное смертью того, кто, верный воинскому долгу и присяге, погиб в бою за социалистическую Родину, сожмется тоской...

Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная сыновья любовь – тебе, все наши помыслы – с тобой.

Михаил Шолохов, лауреат Нобелевской премии, «Слово о Родине»

Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, – из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие. Поэтическая традиция, утверждающая, будто чуть ли не основным источником сего вдохновительного вещества является популярная у нас березка, упускает из виду, что поименованное дерево не менее успешно произрастает и в смежных, чужеземных владениях. На мой взгляд, гораздо больше содержится его в других, скоропреходящих, казалось бы, явлениях, – например, в милых и унывных напевах предпокосного, бывало, девичьего хоровода, или в запахе ржаной краюшки под парное молоко, или в косом мимолетном дождичке над Окой, даже в пресловутом дыме отечества. Но, пожалуй, богаче всего этим живительным эликсиром, почти вровень с молоком материнским, те молчаливые, на любое кощунство такие безответные, грубой побелки мемориальные камни, что раскиданы кое-где по лицу нашей державы щедрыми и простодушными предками. Подразумеваются старинные здания нередко архаического замысла, творения изрядных русских плотников, самородных тож гениев каменного дела...

Леонид Леонов, «Раздумья у старого камня»

У России, как у большого дерева, большая корневая система и большая листовая крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев... Сколько мы, русские, получили культурных ценностей от других народов именно потому, что сами давали им много!..

А теперь взгляните на карту мира: русская равнина – самая большая на свете. Равнина ли определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине потому, что она пришлась им по душе?

Дмитрий Лихачев, «Заметки о русском»

Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу. Одно дело жить и бороться, когда есть куда вернуться, другое дело, когда отступить некуда. Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание этого вот – есть еще куда отступить, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу...

Родина... И почему же живет в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда?.. Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будешь ты счастлива, и я буду счастлив.

Василий Шукшин, «Слово о «малой родине»

«Я желаю добра всем народам, и чем не ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас – тем более горячо. Но преимущественно озабочен я судьбой именно русского и украинского народов, по пословице – где уродился, там и пригодился, а глубже тоже – из-за несравненных страданий, перенесенных нами».

*Александр Солженицын, лауреат Нобелевской премии,
«Письмо вождям Советского Союза»*

«Юра [Гагарин] – олицетворение вечной молодости русского народа...

В нем счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие...

Сергей Королев

* * *

У наиболее глубоких умов Запада, у выдающихся представителей западной культуры – благородно-возвышенное, нередко метафизическое и мистическое отношение к России, исполненное высочайшего уважения к русскому народу – творцу великой культуры и великого языка. Австриец Рильке полагал, что если все страны граничат друг с другом, то Россия граничит с Богом; француз Валери, считал, что в мире есть три недостижимых вершины – античная скульптура, живопись Возрождения и русская литература девятнадцатого века; немец Томас Манн, да и многие знаменитые писатели разных стран и народов, называли русскую литературу не просто великой, но «святой», «учительной», высоко ценя ее мужество, философскую пытливость, несравненную художественность, и, разумеется, чувства глубочайших сострадательности, милосердия, правды и справедливости в трагическом мире человечества.

* * *

Безграничная притягательная сила России. Лучше, чем тройка Гоголя, ее выражает картина необозримой реки ...

Франц Кафка, Дневники, 1915

Я всего повидал, но никогда не видывал ничего хоть несколько похожего на Московский Кремль! Я видел прекрасные города. Прага и Будапешт красивы, но Москва сказочно хороша...

В Москве 450 церквей, и когда звонят колокола на всех колокольнях, воздух сотрясается над городом с миллионным населением. С высоты Кремля взор погружается вниз на целое море великолепия...

Кнут Гамсун, лауреат Нобелевской премии

В России литература вышла из страдания. Сумеем ли мы создать нашу словесность, оставаясь самодовольными?

Томас Вулф, из записных книжек, 1920-1923

...В вечные проблемы человеческого духа он внес вдохновение пророка, пламень апостола, искренность мученика, грусть философа, прозорливость поэта.

В новые времена вечные проблемы человеческого духа ни у кого не нашли такого широкого, глубокого и всестороннего толкования, как у Достоевского. Через него говорили все муки человеческого существа, все его боли, все его надежды (...)

В Европе не было ни такого мыслителя, ни такого философа, ни такого поэта, которые так сильно и всесторонне, как Достоевский, ощутили бы величественную драму и страшную трагедию европейского человека и всех его завоеваний. Ему до тонкостей знакомы не только Евангелие, но и апокалипсис европейского человека. Апокалипсис со всеми его безднами, страхами и ужасами.

Если на нашей планете есть что страшнее самого страшного, то это, без сомнения, апокалипсис европейца. Достоевский его поэтически предчувствовал и пророчески предсказал, а мы в него уже вошли.

Очевидно, что этот апокалипсис наступил, т.к. приобретения людей Европы обволакиваются апокалиптическими видениями и невиданными ужасами.

Потрясает агония европейской культуры, построенной на «непогрешимости» и самодостаточности. Над апокалиптическими безднами его самоуничтожения всё яснее и яснее видны очертания титанического лика пророка Европы – Достоевского. Его пророчества о Европе сбываются на наших глазах, и сердце обливается кровью.

*Преподобный Иустин (Попович),
«Достоевский о Европе и славянстве»*

На другой день рано утром мы покидали Сталинград. Я еще раз посмотрел вокруг, желая все запомнить, но уже сейчас я чувствую, что более всего из восстановленного и разрушенного у меня в памяти останутся жители Сталинграда, те, кого я видел на улицах, и особенно те, с кем довелось разговаривать. И я думаю, воистину этому многолюдному и огромному Советскому Союзу ничто не далось даром – ни победа в войне, ни обновление в труде.

Чего только не удалось увидеть и пережить вот этим сталинградцам, какие усилия и какую ответственность не приняли они на свои плечи и не продолжают нести и сегодня. Я не слышал от них ни одного бранного слова, не видел ни одного недоброго взгляда или резкого жеста, но всюду наблюдал лишь спокойное чувство собственного достоинства, каким я желал бы обладать каждому человеку...

*Иво Андрич, лауреат Нобелевской премии,
«Впечатления о Сталинграде»*

...Русская любовь, как мы с вами знаем, в довольно сильной степени метафизическое понятие... Толстой обладал гениальным даром воплощения любви, человеческой любви; он – почти единственный великий романист, создавший незабываемые женские образы.

Иное дело Достоевский. Гений его проявился совершенно в другом, и образы его женщин трудно защитить. Они подобны образам Шекспира.

*Андре Мальро,
«Наше единство – только в вопрошающих раздумьях»*

У Достоевского есть вещи, которым веришь и которым не веришь, но есть и такие правдивые, что, читая их, чувствуешь, как меняешься сам, – слабость и безумие, порок и святость, одержимость азарта становились реальностью, как становились реальностью пейзажи и дороги Тургенева и передвижение войск, театр военных действий, офицеры, солдаты, сражения у Толстого (...)

Открывать весь этот новый мир книг, имея время для чтения в таком городе, как Париж, где можно прекрасно жить и работать, как бы беден ты ни был, все равно, что найти бесценное сокровище. Это сокровище можно брать с собой в путешествия; и в горах Швейцарии и Италии, куда мы ездили, пока не открыли Штрунс в Австрии, в одной из высокогорных долин Форарльберга, тоже всегда были книги, так что ты жил в найденном тобой новом мире: днем снег, леса и ледники с их зимними загадками и твое пристанище в деревенской гостинице «Таубе» высоко в горах, а ночью – другой, чудесный мир, который дарили тебе русские писатели. Сначала русские, а потом все остальные. Но долгое время только русские...

*Эрнст Хемингуэй, лауреат Нобелевской премии,
«Праздник, который всегда с тобой»*

Не знаю, существует ли хорошая история Советской России, переведенная на

французский язык. Но даже самая солидная, наиболее полно документированная история ни на шаг не продвинет нас во внутреннем познании, которое единственно верно и которое благодаря Гоголю, Тургеневу, Толстому, Чехову, Горькому открыло нам сердце Святой Руси.

От старой России – мы в этом убедились – ничему не поддалась и осталась неизменной одна ее часть. Когда в эти мрачные зимы мы слушали по радио великолепный ансамбль русских солдат, мы прекрасно понимали, что их пение пришло к нам из глубины веков. Красная Армия, красная от крови, пролитой ею за Европу, спасающая даже тех, кто ее боялся, была выкована режимом, защитницей и гордостью которого она навеки стала. Но доблесть ее существовала раньше любого режима.

Мы верим в вечную Россию, не зависящую от исторических явлений и не определяемую ими. Именно к ней обращаем мы взоры в этот славный момент ее истории, когда она ценою невыразимых страданий и героических подвигов приобрела право говорить с Европой во весь голос.

Пусть же, невзирая на любые политические обстоятельства, она найдет досуг и даст миру великие романы, к которым так склонен ее гений и в которых вымысел является наиболее правдивым выражением действительности.

*Франсуа Мориак, лауреат Нобелевской премии,
«Неведомая Россия»*

**Департамент культуры и архивного дела
Воронежской области.**

«Подъём»-регион» — приложение к литературно-художественному журналу «Подъём».

Директор-главный редактор ГБУК ВО «Журнал «Подъём» Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

На цветной вкладке — фоторепродукции из альбомов «Народный костюм Воронежской губернии» (С. Толкачёва), «Воронеж» (сост. В. Будаков, Л. Попова), «Воронеж. Век XVI — век XXI» (С.В. Смирнов, С.С. Смирнов), фото из архива редакции журнала «Подъём».

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.
Факс: 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Подписано в печать 05.12.2014. Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,3

Тираж 1000 экз. Заказ 6094.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.